

А.Ю. Борисов

СССР
и
США
СОЮЗНИКИ
В ГОДЫ ВОЙНЫ
1941-1945

А.Ю. Борисов СССР и США. Союзники в годы войны (1941-1945)

**«МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ»**

А.Ю. Борисов

СССР и США

СОЮЗНИКИ
В ГОДЫ ВОЙНЫ
1941-1945

Москва
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
1983

Рецензент — д-р истор. наук Ю. В. МЕЛЬНИКОВ

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга — о советско-американских отношениях в годы Великой Отечественной войны, о том, как две великие державы — Советский Союз и Соединенные Штаты, несмотря на классовые противоречия, стали союзниками в борьбе с фашизмом и вместе с Великобританией объединились в рядах одной коалиции.

Для советского человека память о Великой Отечественной войне священна. Это была смертельная схватка Советского государства с ударными силами империализма, в ходе которой речь шла о существовании нашей Родины, судьбе социализма, будущем всего человечества. Война закончилась великой победой советского народа над фашизмом и полным разгромом агрессоров. Всему миру была продемонстрирована несокрушимая мощь Советского многонационального государства, огромные возможности нового общественного строя — социализма. Победа в Великой Отечественной войне вошла в историю как освободительный подвиг советского народа во имя спасения мировой цивилизации от фашистского порабощения. За победу отдали жизнь 20 млн. советских людей. Их подвиг бессмертен.

Наша страна вынесла на своих плечах основную тяжесть второй мировой войны. Но советские люди никогда не забудут, что в борьбе с фашизмом они были не одиноки. Плечом к плечу с ними сражались другие народы, в том числе и американский. В противовес блоку агрессоров была создана и успешно действовала всю войну широкая антифашистская коалиция, объединившая в своих рядах государства с различным социальным строем. Это был боевой союз народов, исторический пример их способности объединять усилия перед лицом грозной опасности, несмотря на различие общественных систем, который не потерял своей значимости и сегодня.

Особое место в истории второй мировой войны занимают отношения Советского Союза и Соединенных Штатов — двух наиболее мощных и влиятельных участников антигитлеровской коалиции. Спустя десятилетия после окончания войны эти

отношения предстают как сложное переплетение различных тенденций, столкновение специфических интересов сторон, которые удавалось сводить воедино в целях борьбы с общим врагом. Опыт советско-американского сотрудничества в 1941—1945 годах имеет не только большое историческое значение, но и полезен при анализе современных международных отношений, перспектив их развития.

История советско-американских отношений в годы второй мировой войны нуждается в объективном всестороннем освещении также и потому, что ее пытаются извратить буржуазные фальсификаторы в угоду политическим запросам империалистических кругов. Дело не только в том, что искажению или тенденциозному толкованию подвергаются отдельные стороны советско-американского сотрудничества в период войны, будь то проблема ленд-лиза, второго фронта или вопросы послевоенного урегулирования. Целенаправленно извращается само содержание отношений между СССР и США и настойчиво проводится мысль о том, что в этих отношениях имел место не столько плодотворный процесс преодоления трудностей, сколько бесконечные споры и разногласия.

Цель всего этого — доказать, что длительное и устойчивое мирное сосуществование и сотрудничество государств с различным социальным строем, и прежде всего СССР и США, будто бы невозможны и что, следовательно, между ними неизбежна «холодная война». Так историю пытаются заставить служить сегодняшним политическим интересам империалистических кругов, выступивших в «крестовый поход» против разрядки напряженности под флагом новой конфронтации с Советским Союзом.

Но история умеет говорить своим собственным языком — языком фактов, которые требуют к себе уважения. Спору нет, разногласия в избытке имели место в советско-американских отношениях в те годы. Иначе и быть не могло между классово противоположными государствами даже в момент постигших их суровых испытаний и общей опасности. Как известно, острые противоречия имели место и между классово родственными США и Великобританией во время войны. Но главное заключалось в том, что эти разногласия успешно преодолевались в ходе терпеливой дипломатической работы, ибо существовало общее стремление к достижению согласия, совместному решению возникающих проблем.

Большая заслуга в деле налаживания сотрудничества с США в годы войны принадлежала советским дипломатам. Архивные документы МИД СССР и другие источники, использованные автором, раскрывают ту огромную работу, которая была проведена советскими дипломатами под руководством нашей

партии, свидетельствуют о проявленных ими при этом высоких профессиональных качествах, политической дальновидности, умении преодолевать трудности и находить согласованные решения. История Великой Отечественной войны — это не только яркий пример героической борьбы советского народа на фронте и в тылу, но и памятная страница деятельности советской дипломатии на поприще борьбы против гитлеровской агрессии, за приближение победы над врагом и создание прочного фундамента послевоенного мира.

Успехи политики советско-американского сотрудничества объяснялись также и тем, что на позициях реализма в годы войны стояла влиятельная часть правящего класса США во главе с президентом Франклином Делано Рузвельтом. Рузвельтовский реализм, умение считаться с фактами, политическая гибкость и сегодня заслуживают самого пристального внимания в условиях активизации реакционных кругов США, выступающих с позиций «холодной войны» против мирного сосуществования с Советским Союзом.

Опыт военных лет всесторонне раскрывает ту тесную взаимосвязь, которая существует между состоянием советско-американских отношений и развитием всей международной обстановки. Так, отказ правящих кругов США пойти на сотрудничество с СССР в довоенные годы имел тяжелые последствия для человечества, открыв дорогу фашистским агрессорам. Напротив, советско-американское сближение в годы войны имело важное значение для сокращения сроков войны. Поворот во внешней политике США после победы над фашизмом к «холодной войне» вызвал серьезное обострение советско-американских отношений и длительную дестабилизацию международной обстановки в целом.

История учит беречь достигнутое в борьбе за мир, бдительно относиться к поискам империализма. О важности этого говорят современные события, когда империалистические круги, прежде всего Соединенных Штатов, предприняли попытки подорвать процесс разрядки напряженности, обострить международную обстановку, подхлестнуть гонку вооружений. В 1920 году, отвечая на вопрос американского корреспондента о препятствиях на пути к миру с Америкой, В. И. Ленин лаконично заметил: «Никаких с нашей стороны. Империализм со стороны американских (как и любых иных) капиталистов»¹. Деятельность 80-х годов вновь подтвердила, что агрессивная природа империализма остается неизменной и что дальнейшее движение по пути разрядки напряженности связано с преодолением сопротивления реакционных сил.

Верное ленинским внешнеполитическим принципам, Советское государство последовательно выступает за развитие равно-

правных и взаимовыгодных отношений с США, невзирая на различия в идеологиях и социальных системах. За этим стоит ясное понимание роли и значения советско-американских отношений для укрепления всеобщего мира и предотвращения мировой термоядерной войны. На XXVI съезде КПСС было подчеркнуто: «СССР хочет нормальных отношений с США. С точки зрения интересов как народов обеих наших стран, так и человечества в целом, другого разумного пути просто не дано»².

Проблема советско-американских отношений в 1941—1945 годах привлекала внимание советских исследователей. В частности, она затрагивалась в ряде фундаментальных коллективных изданий — двенадцатитомной «Истории второй мировой войны», «Истории внешней политики СССР» под ред. А. А. Громыко и Б. Н. Пономарева, «Истории международных отношений и внешней политики СССР» под ред. В. Г. Трухановского и в др.

Однако до последнего времени эта важная в политическом и научном отношении тема не стала предметом специального исследования. В меру своих сил автор стремился восполнить существующий пробел. В основу предлагаемой читателю монографии легли документальные публикации МИД СССР, некоторые архивные материалы советской внешней политики, введенные в научный оборот впервые, а также документы госдепартамента США, обширная мемуарная литература и другие источники.

Плодотворное изучение взаимоотношений СССР с США в годы войны возможно только на основе достижений советской исторической науки, вооруженной марксистско-ленинской методологией. Опираясь на эти достижения, автор стремился продолжить традиции советских исследователей истории второй мировой войны и хотел бы надеяться, что его работа внесет определенный вклад в дальнейшее изучение этих важных вопросов.

ГЛАВА I

БУМЕРАНГ ВОЙНЫ

На закате жизни президента Франклина Рузвельта тревожил вопрос о том, какой приговор история вынесет второй мировой войне. Вопрос казался ему настолько важным, что он даже публично просил вносить предложения относительно того названия, которое заслуживает эта война. Уинстон Черчилль тотчас же предложил свое — «ненужная война». Он имел в виду катастрофические последствия второй мировой войны для капиталистической системы. В январе 1945 года, когда до победы еще оставалось несколько месяцев, он писал Рузвельту: «В настоящее время я думаю, что конец этой войны вполне может оказаться куда более разочаровывающим, чем была предшествующая война»¹.

Предчувствия не обманывали многоопытного буржуазного политика и дипломата: война привела к невиданному революционному подъему в мире и бумерангом ударила по империализму, который ее подготовил и развязал. Наступил новый исторический этап, развитие которого определяют социалистическое содружество, освободившиеся государства, все прогрессивные и миролюбивые силы. Отсюда и запоздалые раскаяния Черчилля, который с горечью говорил, что война разрушила то немногое, что уцелело после предыдущей битвы, и что ее легче было предотвратить, чем любую другую. Известно, что помешало это сделать — классовые, антисоветские расчеты западных держав, затеявших опасную игру с огнем и оставивших без внимания настойчивые призывы Советского Союза остановить агрессоров коллективными действиями.

«Война есть продолжение политики...» На это не раз указывал В. И. Ленин. Советско-американское сотрудничество в период Великой Отечественной войны раскрывается полнее и многообразнее, если его оценивать с учетом опыта взаимоотношений двух государств в довоенные годы, когда Советскому Союзу не удалось убедить Соединенные Штаты в важности объединения усилий в борьбе с фашизмом.

Как были упущены возможности¹

В один из хмурых, туманных дней, какие нередки в зимнюю пору в американской столице, советский полпред в США Александр Антонович Трояновский чувствовал простудное недомогание и, лежа в постели, диктовал секретарю письмо в Москву народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову. На бумаге стояла дата: 9 января 1937 г. «Уважаемый Максим Максимович!» — записал секретарь и вопросительно посмотрел на задумавшегося полпреда...

Шел четвертый год пребывания А. А. Трояновского в Вашингтоне, четвертый год после установления дипломатических отношений между двумя великими державами. За это время обстановка в мире заметно обострилась. Фашисты наглели с каждым днем и от слов переходили к делу при попустительстве «западных демократий». Гитлеровская Германия и Италия Муссолини — в Европе, Япония — на Дальнем Востоке открыто попирали права других народов, сколачивали агрессивный блок, готовились к «большой войне». Казалось, что в этих условиях первостепенное значение для сохранения и упрочения мира должно было иметь сотрудничество СССР с США, а также с Англией и Францией, но на деле все происходило иначе.

...Секретарь терпеливо ждал, пока полпред собирается с мыслями. Нелегко было разобраться в хитросплетениях внешней политики Вашингтона, докопаться до ее подлинной сути. Не давал покоя один и тот же вопрос: почему правящие круги США, несмотря на реальную угрозу их интересам со стороны держав-агрессоров, отказывались вступить на путь сотрудничества с Советским Союзом, формально прикрывая свои действия политикой «изоляционизма». Полпред начал диктовать: «Пока нет никаких признаков перемены в изоляционистской политике Соединенных Штатов. В основе изоляционистской политики лежит предположение, что международное равновесие может быть осуществлено без Соединенных Штатов, и во всяком случае Соединенные Штаты имеют время решить вопрос о своем вмешательстве в международные дела, когда международное равновесие будет нарушено не в пользу Соединенных Штатов».

Анализ был по-научному точен. Но что следовало из всего этого? Полпред считал, что, несмотря на трудности, необходимо продолжать поиск путей к взаимопониманию с США, проявляя при этом необходимую осмотрительность и осторожность. «Мне кажется, — продолжал он, — что наша задача заключается в том, чтобы облегчить Соединенным Штатам возможность выйти из рамок изоляционистской политики возможно раньше и возможно в более благоприятной для нас

обстановке»². Эта задача на практике оказалась неимоверно трудной.

Советские дипломаты предпринимали настойчивые усилия для развития «взаимной кооперации» с США на международной арене после установления дипломатических отношений между двумя странами 16 ноября 1933 г. От того, на какую чашу весов мировой политики лягут мощь и авторитет Соединенных Штатов — крупнейшей и влиятельнейшей капиталистической державы, зависело многое. Занимая 7,1% территории и насчитывая 6,5% населения капиталистического мира, США в 1937 году произвели 41,4% всей его промышленной продукции. С мнением Вашингтона считались в Париже и Лондоне — главных партнерах СССР на переговорах по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Сближения СССР с США боялись в Берлине, Риме и Токио. В своих планах агрессоры очень расчитывали на американский «изоляционизм».

Трезво и реалистически взвешивая масштабы и глубину классовых противоречий с буржуазной Америкой, Советское правительство тем не менее считало, что они не должны препятствовать развитию взаимовыгодного сотрудничества с США в обстановке неуклонно растущей угрозы со стороны агрессивных государств.

Обнадеживающими были и первые контакты между советскими и американскими представителями при установлении дипломатических отношений. Президент Рузвельт проявил широкий политический подход на переговорах в Вашингтоне с М. М. Литвиновым. Он выразил тревогу по поводу обострения международной обстановки как в Европе, так и на Дальнем Востоке и отметил, что США и СССР должны координировать свои действия в мировых делах в интересах укрепления мира. «Как бы рассуждая вслух, Рузвельт спрашивал, отчего нам не подписать пакт о ненападении, на что я изъявил немедленное согласие, а также одобрил идею тихоокеанского пакта»³, — сообщал в Москву М. М. Литвинов. С советской стороны речь шла прежде всего о налаживании широкого политического сотрудничества между двумя державами по ключевым вопросам международной безопасности. Наиболее острой в тот момент была обстановка на Дальнем Востоке в связи с расширением агрессии Японии против Китая. Учитывая особую заинтересованность США в дальневосточных делах и высказанное президентом Рузвельтом в общей форме стремление к сотрудничеству с СССР в этом районе, советская дипломатия попробовала реализовать имеющиеся возможности к обоюдной выгоде сторон.

В беседе с Рузвельтом 23 февраля 1934 г. А. А. Трояновский отметил: «Сдержать Японию и сократить ее аппетиты будет

нелегко. Япония не будет слушать отдельно ни Америку, ни СССР, но обоих вместе она будет слушать даже в последний момент, поэтому нам нужно иметь контакт». Президент согласился, выразил готовность обсудить различные варианты совместных действий, например проект тихоокеанского пакта, но дальше этого не шел. Прибывший в Москву американский посол У. Буллит сообщил в беседе с наркомом иностранных дел СССР 14 марта, что никаких конкретных мер президентом намечено не было. Нарком вынужден был заключить, что «Америка не намерена выступать ни с какими новыми предложениями по собственной инициативе»⁴. Причина этого заключалась в том, что Соединенные Штаты исходили из необходимости советско-японской войны и поэтому считали невыгодным для себя сотрудничать с Советским Союзом на Дальнем Востоке.

В свете главной задачи сохранения мира, поставленной партией перед советской внешней политикой и получившей закрепление в идее коллективной безопасности, важно было добиться благоприятного отношения США к проекту восточного пакта — многостороннему соглашению о взаимопомощи, выдвинутому Советским Союзом в декабре 1933 года с целью создания надежного заслона на пути агрессоров. Это, несомненно, могло придать ему больший вес и обеспечить поддержку со стороны Англии и Франции. 16 июля 1934 г. нарком телеграфировал А. А. Троцкому: «...Я считал бы желательным какое-либо выступление американского правительства в пользу пакта в качестве необходимого фактора укрепления мира в Европе и, возможно, также в Азии». Вполне вероятно, что благоприятная американская позиция в тот момент склонила большинство весов в пользу сторонников европейской безопасности. Но Вашингтон предпочел хранить официальное молчание, что было расценено в Париже и Лондоне как скрытое неодобрение идеи проекта.

США не только отказывались принять участие в коллективных действиях по укреплению мира, но и не упускали случая обострить отношения СССР с европейскими государствами. На эту мысль наводили начавшиеся вскоре после установления дипломатических отношений советско-американские переговоры о финансовых претензиях. Еще в ходе визита М. М. Литвина в Вашингтон была достигнута договоренность о том, что СССР готов признать часть так называемого «долга Керенского» в ответ на предоставление ему крупного займа Соединенным Штатам. Это была традиционная, начиная с Генуэзской конференции, линия Советского государства, связывающая вопрос об уплате долгов с учетом контрпретаций СССР и получением займов. Но американский посол Буллит и стоящий за его спиной госдепартамент отошли от «дженетльменского согла-

сения», достигнутого в Вашингтоне, и стали трактовать вопрос иначим образом, будто бы речь шла не о долгосрочном финансом займе, а о краткосрочных торговых кредитах. Как оказалось, эту точку зрения поддержал и сам президент.

При таком подходе весь вопрос принимал серьезную политическую окраску. Согласись Советское правительство отойти от своей принципиальной позиции, как тут же уплаты царских долгов от него потребовали бы и европейские государства, прежде всего Англия и Франция. Это могло нанести непоправимый удар по отношениям СССР с этими странами и осложнить переговоры с ними о восточном пакте. Поэтому 10 октября 1934 г. И. М. Литвинов откровенно разъяснил Буллиту: «Как бы мы ни ценели достижение соглашения с Америкой по долгам, мы не можем заплатить за это ценой создания конфликтов с европейскими государствами, в частности с Францией и Англией. После больших многолетних усилий нам удалось вопрос о старых долгах в этих странах усыпить, и мы не хотели бы, чтобы этот вопрос вновь встал между нами и правительствами этих стран»⁵. Как видно из этих слов, советская сторона исходила из недопонимания ее интересов партнером, далеким от сложностей европейской политики, и терпеливо разъясняла свою позицию.

Между тем американская позиция оставалась жесткой и бескомпромиссной. Это говорило о скрытых целях, преследуемых США, отнюдь не торгового свойства. Обращали на себя внимание и методы угроз и запугивания, к которым пытался прибегнуть на переговорах посол Буллит для оказания давления на советских представителей. Исходя из того, что «японская угроза» должна сделать СССР болееговорчивым, он сообщал президенту Рузвельту: «Советское правительство столь высоко ценит моральную поддержку, которую оно может получить от Соединенных Штатов в деле предотвращения войны с Японией, что нет ничего такого, о чем мы не могли бы попросить и не получить в настоящее время»⁶.

Это было опасное заблуждение. Советское правительство не скрывало, что было заинтересовано в сотрудничестве с США, будь то в Европе или на Дальнем Востоке, но не собиралось ради этого сотрудничества жертвовать своими принципами и интересами. Жизнь не замедлила преподнести наглядный урок Вашингтону. Проявив выдержанку и хладнокровие, советская дипломатия сразу заявила о неприемлемости метода давления на переговорщиков. «Я знаю, — говорил нарком Буллиту, — что есть люди в Америке, которые полагают, что достаточно заговорить с нами впердым тоном и пустить в ход угрозы, чтобы добиться от нас уступок. Такие люди ничего не понимают в нашем положении и нашей психологии. К системе запугиваний не раз прибегали другие страны, не добившись, однако, никаких результатов»⁷.

Переговоры становились бесплодными. 3 февраля 1935 Советское правительство официально объявило о постигшем переговоры неудаче и о причинах этого, одновременно подчернув свою заинтересованность в развитии торговых взаимоотношений с США и в достижении «более серьезных общих целей». Твердая позиция, занятая советской дипломатией в те годы имела большое значение для отношений с США в период второй мировой войны, продемонстрировав, что с Советским Союзом следует вести дела только на равных.

Но в то время реакция Вашингтона была весьма острой болезненной. Госдепартамент заявил об отзыве из Москвы всего аппарата генконсульства, помощников военного атташе, также о сокращении аппарата посольства. Усилилась торговая дискриминация СССР. Оценивая происходящее, А. А. Троицкий писал в НКИД 7 февраля 1935 г. о «разочаровании» постигшем американские правящие круги, «где многие рассчитывали, что мы будем воевать с Японией, причем Америка продолжает нам условия своей помощи и, таким образом, зарабатывает на нас и вместе с тем потреплет нашими руками Японию. Пока этого не случилось, и это приводит не только к разочарованию, но даже к раздражению»⁹.

Ну а раздражение, как известно, — негодный советчик как обыденной жизни, так и политики. Руководствуясь его импульсами, можно наделать немало ошибок. Так и случилось, когда в августе 1935 года госдепартамент, избрав в качестве повода для провокации проходивший в Москве VII конгресс Коминтерна обвинил СССР во вмешательстве во внутренние дела США. Американская акция должна была дать толчок антисоветской кампании в международном масштабе и подорвать усилия Советского Союза по созданию системы коллективной безопасности. Не случайно наибольший резонанс она получила в гитлеровской Германии — злейшем враге европейского мира. В ответной ноте Советского правительства американские обвинения назывались совершенно необоснованными и выражалось стремление к развитию сотрудничества с США, «имеющее столь важное значение для всеобщего мира».

Таким образом, первый опыт отношений с США оказался явно неудачным. Было ясно, что США оставались в стороне от усилий СССР по укреплению коллективной безопасности, отдельываясь ничего не значащими декларациями в пользу мира. Как насмешливо заметил в то время У. Черчиль, «Соединенные Штаты, поскольку дело касалось Европы, полностью умыли руки и лишь всем желали добра». Какого «добра» желали из-за океана европейским народам, стало понятно тогда, когда Италия и Германия перешли к актам открытой агрессии против соседних государств.

Как реагировала на это американская дипломатия? Надо сказать, что весьма спокойно, а то и благожелательно. В Вашингтоне принято было говорить: «Наше дело сторона». Может быть, там недопонимали, в каком направлении идет развитие событий, или испытывали иллюзии в отношении намерений фашистских главарей? Нет, американские руководители были хорошо осведомлены о положении дел в мире, их реализму могли позавидовать многие европейские буржуазные деятели. «Сейчас, несомненно, самое взрывоопасное время в мире за весь период вашей жизни или моей»⁹, — писал в 1935 году Рузвельт американскому послу в Риме Б. Лонгу, сравнивая международную обстановку с «июнем или июлем 1914 года».

Так спрашивается, в чем же дело? Оказывается, констатировать — это одно, а действовать — совсем другое. Американский «изоляционизм» начал приобретать форму скрытого пособничества агрессорам. Чтобы придать видимость законности этой политике, конгресс по инициативе администрации США принял 31 августа 1935 г. закон о нейтралитете, который вводил эмбарго на «экспорт оружия, боеприпасов и военных материалов» в воюющие страны. Такая внешне беспристрастная позиция, не делающая формального различия между агрессором и его жертвой, на практике была выгодна агрессорам. Кроме того, закон не препятствовал торговле с воюющими государствами другими товарами, в том числе стратегическими материалами, в первую очередь нефтью, чем сразу же не преминула воспользоваться Италия после нападения на Эфиопию в октябре 1935 года.

Эти события застали президента Рузвельта на борту крейсера «Хьюстон» у побережья Калифорнии. Закончив военные учения, корабль взял курс на Кокосовые острова — одну из тех морских прогулок, которые так любил совершать президент в кругу самых близких друзей. Среди них был советник президента Гарри Гопкинс — человек, которому суждено было сыграть видную роль в советско-американских отношениях в годы войны. Вот как описывает происходящее в тот момент на борту «Хьюстона» биограф Гопкинса: «Путешествие чуть было преждевременно не закончилось из-за итальянского вторжения в Эфиопию, и несколько человек из окружения президента считали, что ему следует вернуться в Вашингтон. Но он и слышать не хотел об этом. Гопкинс подготовил заявление для печати, в котором говорилось, что Рузвельт следит за развитием событий, и прогулка продолжалась»¹⁰.

Пока на палубе «Хьюстона» царило беззаботное веселье и все чествовали героя дня — агента секретной службы Гаса Генриха, вытащившего из воды огромную рыбину весом в 150 фунтов, в Европе, в Женеве, Лига наций приступила к

обсуждению вопроса об итальянской агрессии. Советский Союз решительно потребовал применения санкций к агрессору. За ним последовали и другие государства. Судьба Италии могла бы оказаться плачевной, если бы... не действия США, которые, не считая себя связанными решениями Лиги наций, заявили о своем нейтралитете в начавшемся конфликте и в несколько раз увеличили продажу нефти Италии, воспользовавшись прекращением торговли с ней другими странами. Это подорвало принятые санкции и дало повод отказаться от них Англии и Франции.

О том, что США не собирались всерьез противодействовать агрессии, а скорее были склонны поощрять ее, говорили и события на Дальнем Востоке, где в 1937 году Япония начала новый раунд вторжения в Китай. Это вызвало волну беспокойства в США, интересы которых были непосредственно затронуты японскими действиями. Учитывая произошедший поворот событий, советская дипломатия попробовала оживить идею тихоокеанского пакта. А. А. Трояновскому было поручено прозондировать позицию США в этом вопросе. «Пакт, конечно, немыслим без США, — говорилось в письме наркома. — Вот почему столь важно выяснить позицию Рузвельта... Я помню, что эту идею я развивал ему еще в 1933 г. в личных беседах и тоже встречал у него теоретическое сочувствие»¹¹.

29 июня 1937 г. А. А. Трояновский задал президенту вопрос о его отношении к проекту тихоокеанского пакта коллективной безопасности. На этот раз Рузвельт был далек даже от «теоретического сочувствия». Президенту куда ближе была идея демилитаризации ряда островов Тихого океана — как американских, так и японских — с возможным привлечением европейских колониальных держав. «Демилитаризация — реальная вещь, — твердо подчеркнул Рузвельт, — а пакты не дают никакой гарантии, им нет веры. Америка вступать в союзы или что-либо подобное не может. Во всяком случае пакт без Японии не имеет смысла»¹².

Ответ был предельно ясен. На поддержку США в борьбе против японского агрессора Советскому Союзу рассчитывать не приходилось. США вместе с другими западными державами придерживались политики «умиротворения» Японии. Если и оставались сомнения на этот счет, то их быстро развеяла брюссельская конференция, собравшаяся в ноябре 1937 года в связи с жалобой Китая в Лигу наций на расширение Японией агрессии.

Американская тактика на конференции свелась к тому, чтобы не допустить принятия коллективных санкций против Японии и подтолкнуть к односторонним военным действиям против нее Советский Союз. В беседе с М. М. Литвиновым

глава американской делегации Н. Дэвис отметил, что на данной стадии конференции присутствие СССР вообще было не обязательно, но что он мог понадобиться в дальнейшем, когда потребуется применение силы против Японии. Когда явно под американскую диктовку один из делегатов фамильярно заявил советскому представителю, что «лучшим средством сделать Японию сговорчивее было бы послать несколько сот советских самолетов попугать Токио», то на это ему было отвечено, что «охотники загребать жар чужими руками, очевидно, имеются и в Брюсселе, но роль мавра СССР предоставляет другим»¹³. Не удивительно, что конференция закончилась принятием бессодержательных решений, которые могли лишь воодушевить агрессора на дальнейшие захваты. В Москве сделали единственно правильный вывод: с Вашингтоном следовало быть начеку.

Все это время советские дипломаты, будь то в Вашингтоне или в Москве, настойчиво указывали американским представителям на пагубность и ошибочность политики «изоляционизма» не только с точки зрения интересов всеобщего мира, но и национальной безопасности США. В беседе с Хэллом 26 октября 1937 г. А. А. Трояновский говорил о возросшей угрозе для многих стран по сравнению с первой мировой войной, о том, что Соединенные Штаты могут подвергнуться опасности в случае победы Германии в Европе, а Японии в Азии, так как развивающийся в Южной Америке фашизм поднимет голову и окружит США плотным кольцом. Но государственный секретарь считал преждевременным говорить о военных действиях или экономических санкциях и предлагал думать о «мобилизации мнений миролюбивых стран».

Американские руководители продолжали вести свою страну избранным курсом, не желая прислушаться к голосу рассудка. Оценивая обстановку, в Москве постепенно приходили к выводу, что в тех условиях сотрудничество с США оказалось недостижимой целью. По вине американских правящих кругов реальные возможности были упущены. Приходилось констатировать, что речь идет на практике не о сотрудничестве, а о попытках вовлечения СССР в конфликт с Германией и Японией. Отсюда вполне понятны сдержанность и осторожность, которые считало необходимым проявлять Советское правительство в своих отношениях с США. В декабре 1937 года А. А. Трояновский сообщал в НКИД: «Совершенно несомненно, что осадить агрессоров можно было бы сейчас совместными действиями Великобритании, Соединенных Штатов и Советского Союза. Но это дело не вытанцовывается, и трудно сказать, когда эти совместные действия станут возможными. Как хорошо, что в этот критический период истории мы сильны, чтобы постоять за себя»¹⁴.

Советская дипломатия, вооруженная знанием законов общественного развития, по-ленински точно и глубоко анализировала основные противоречия мировой политики, понимала, что за отказом «западных демократий» сотрудничать с СССР стоит страх перед коммунизмом. В одном из документов НКИД конца 1937 года отмечалось: «Классовые интересы в международной политике явно преобладают над национальными. И этот простой факт является фактом, определяющим всю внешнюю политику нашего времени». Далее подчеркивалось, что курс западных держав «имеет свои глубокие корни и в общем страхе перед «красной опасностью», в общей ненависти к социальной революции. Здесь заложена и главнейшая опасность, что этот курс, особенно в тех формах, в которых он сейчас проводится, может привести к соглашению между двумя «осиями», к соглашению за наш счет, к соглашению, направленному против наших интересов»¹⁵.

Заметим, что эти важные выводы были сделаны советской дипломатией почти за год до мюнхенской конференции, окончательно прояснившей расстановку сил на международной арене и намерения основных участников мировой политики. Но за деревьями важно было не терять из виду леса, видеть перспективы развития событий. Война неудержимо надвигалась, несмотря на все усилия предотвратить ее, и перед Советским государством остро вставал вопрос о будущих союзниках в борьбе с фашизмом. А. А. Трояновский писал в НКИД 1 июня 1937 г.: «Несомненно, войну можно откладывать, но в конце концов она все же придет, и в этой решительной схватке нужно обеспечить себе лучшие позиции во всех странах, в том числе и в Соединенных Штатах. Соединенные Штаты играют и будут играть огромную роль, если не в качестве воюющей страны, то во всяком случае в качестве помогающей и влияющей на политику разных государств»¹⁶.

О том, что в перспективе советско-американское сотрудничество на почве общей борьбы с фашизмом являлось вполне возможным, говорил анализ межимпериалистических противоречий, сгладить или примирить которые буржуазные политики были бессильны на антисоветской, классовой основе. Советская дипломатия исходила из того, что правящие круги США вступят в войну, «когда будут затронуты коренные интересы американского капитализма». К этому их вынуждала расширяющаяся экспансия держав «оси», обостряющиеся отношения с новыми претендентами на мировое господство.

Советская дипломатия своевременно пришла к выводу что американские правящие круги постараются вступить в войну в наиболее выигрышной для них ситуации и что «изоляционистская» позиция США будет продолжаться до последнего момен-

та. Советские руководители не строили иллюзий в отношении природы американского империализма и хорошо понимали, что, даже когда интересы двух держав будут совпадать, сотрудничество между ними не будет ни простым, ни легким.

Многое, разумеется, зависело и от настроений широких народных масс, от исхода разворачивающейся в США борьбы между силами прогресса и реакции, сторонниками коллективной безопасности и «изоляционистами» всех мастей, включая откровенных пособников фашизма. Советское полпредство в Вашингтоне внимательно следило за настроениями американской общественности и при всей сложности и противоречивости внутриполитической ситуации в США отмечало неуклонный рост симпатий к Советскому Союзу среди американских трудящихся и постепенную мобилизацию прогрессивной общественности на борьбу с фашизмом. Это заставляло американские правящие круги тщательно скрывать свои истинные замыслы и в конечном счете сказалось на внешнеполитической ориентации США.

Американский историк Дж. Гэддис, бросая ретроспективный взгляд на события 30-х годов, считает, что тогда у СССР и США имелись реальные возможности остановить агрессоров совместными действиями, которые, однако, остались неиспользованными. Причина этого, по его мнению, кроется в наличии «содержащих факторов» во внешней политике обеих стран, в частности сильных настроений в пользу невмешательства и уклонения от каких-либо обязательств в США и осуществляющей СССР политики «в духе Коминтерна», которая якобы оттолкнула Запад. «Результатом, — пишет он, — явилось отсутствие сотрудничества между Вашингтоном и Москвой до тех пор, пока общие враги не заставили русских и американцев заключить вынужденный союз в интересах совместного спасения»¹⁷.

Но все попытки разделить ответственность «поровну» между СССР и США за упущеные возможности в 30-е годы или, как это делают американские авторы А. Браун и Ч. Макдональд, прямо обвинить «политику Коминтерна» и «советскую революционную дипломатию» в приближении второй мировой войны¹⁸ несостоятельны и легко опровергаются фактами.

Отказ американской дипломатии пойти навстречу советским предложениям о сотрудничестве был далеко не случаен. За ним стояли корыстные замыслы монополистических кругов США, имеющие много общего с показным миролюбием Вашингтона. Пресловутый «изоляционизм», на который так любили ссылаться американские руководители, был всего-навсего удобной формой внешней политики США. Ее подлинное содержание было совершенно иным.

Что скрывалось за политикой «изоляционизма»

Октябрь 1943 года. Самый разгар войны. В Москве проходит конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Обсуждаются вопросы исключительной важности для миллионов людей. В перерыве между заседаниями участников приглашают на традиционный «русский чай». Строгая официальность переговоров сменяется непринужденной атмосферой. Народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов беседует с сухощавым седым американцем. Это государственный секретарь США Кордэлл Хэлл — глава американской делегации.

Разговор постепенно переходит на события довоенной поры. Они всем памятны, хотя кажется, что с того времени пролегла целая вечность. Острые углы не так-то легко забываются. «Г-н секретарь, — говорит нарком, — а изоляционизм ведь чуть было не привел вашу страну к гибели, не правда ли?» Хэлл соглашается, хотя чувствуется, что эта тема ему неприятна: «Виной всему беззубые пацифисты». Да и как тут было не согласиться. Позади было нападение японцев на Перл-Харбор — «день позора», как его окрестили в Америке. Политика «умиротворения» агрессоров, апофеозом которой явилась мюнхенская конференция, стала оскорбительным ярлыком. Усилиями профессиональных фальсификаторов курс Вашингтона в международных делах в предвоенные годы предстал в розовом свете.

Согласно одной новейшей концепции, все главные участники довоенной политики делились на сторонников сохранения статус-кво в мире и его противников, или так называемых «ревизионистов». В фундаментальном исследовании американского конгресса по истории советской дипломатии на этот счет, например, говорится: «Силы европейского ревизионизма, набирая мощь, стремились опрокинуть Версальскую систему и перестроить Европу в соответствии со своими предпочтениями... Политически война явилась окончательным вызовом ревизионистских держав (т. е. Германии и Италии. — А. Б.) в Версальской системе и представляла собой их решимость в союзе с Японией установить новый порядок»¹⁹.

Тем самым вся ответственность за подготовку и развязывание второй мировой войны снимается с империализма как системы и возлагается на отдельные капиталистические государства, давно осужденные историей как агрессоры и поджигатели войн. В рамках этой схемы, естественно, не находится места как для осуждения политики попустительства агрессии, которая проводили «западные демократии», так и для объективного

показа миролюбивых усилий Советского Союза по созданию системы коллективной безопасности. Зато Соединенным Штатам отводится центральная роль в лагере «антиревизионистских» сил, сторонников укрепления статус-кво в мире. Так подлинные противоречия в международных отношениях подменяются мнимыми, а вместо действительной истории преподносится ее суррогат.

Между тем все обстояло совершенно иначе. По своему положению в капиталистической системе в период между двумя мировыми войнами США были заинтересованы не в сохранении статус-кво в мире, а в его кардинальной ревизии в свою пользу. Многое становится понятным в американской внешней политике в тот период, если рассматривать ее в широком историческом контексте — в свете недовольства империализма США итогами первой мировой войны и Версальской системой и широкой испансии, развернутой монополистическими кругами после 1945 года.

В. И. Ленин, анализируя итоги первой мировой войны, писал: «Америка помириться с другими странами не может, потому что между ними глубочайшая экономическая рознь, потому что Америка богаче других»²⁰. О глубине ленинского предвидения свидетельствовало обострение империалистических противоречий в межвоенный период — американо-английских, американо-германских, американо-японских и др., на почве которых вырастала вторая мировая война.

Все это время США настойчиво искали пути укрепления своих международных позиций за счет интересов других государств, с тем чтобы привести в соответствие экономическую мощь страны с ее политическим влиянием в мире. Вопрос исключался в том, как проводить в жизнь эту империалистическую программу в сложной международной обстановке 30-х годов, какой придерживаться внешнеполитической ориентации. Ответ, как известно, был найден в политике «изоляционизма», позволившей США выжидать до благоприятного момента, используя свое выгодное географическое положение и отдаленность от центров основных конфликтов. Один из участников «бытий тех лет отмечал: «Настроение в Вашингтоне было таково, что если Гитлеру и Муссолини действительно суждено было стать поджигателями войны в Европе, то на этот раз Америка останется в стороне... Подлинное предназначение Америки подразумевало хорошо вооруженные Соединенные Штаты и сохранение строгого нейтралитета с тем, чтобы мы могли стать организаторами мира на земном шаре»²¹.

Вместе с тем было бы ошибкой принимать «изоляционизм» — американский вариант «умиротворения» агрессии — за политику пассивного выживания и бездействия на

международной арене. По-своему эта политика была достаточно активным и целеустремленным выражением интересов американской буржуазии в международной области. Характерно свидетельство на этот счет американского историка П. Вандича. «Изоляционизм, — пишет он, — не означал, что Соединенные Штаты отвернулись от окружающего мира и устранились от участия в мировых делах... Изоляционизм был только прикрытием и настроением. Глобальная экономическая экспансия не рассматривалась несовместимой с политической сдержанностью, а скорее дополняла ее»²².

На практике речь шла о беспринципном дипломатическом маневрировании Вашингтона, игре на противоречиях в духе известной теории «баланса сил», а то и прямом вероломстве, исходя из собственных эгоистических интересов пусть даже ценой обострения обстановки в мире, поддержки агрессоров, разжигания мировой войны. В правящих кругах США, руководствуясь сиюминутной выгодой, не предвидели, к каким потрясениям может привести капитализм мировая война в эпоху классового противоборства противоположных общественно-экономических систем. Реализм и дальновидность явно изменили Рузвельту, когда речь заходила о своекорыстных интересах американского империализма. Не удивительно, что все советские предложения об упрочении мира коллективными действиями не встречали поддержки со стороны США.

В 30-е годы межимпериалистические противоречия в мировой политике тесно переплетались и взаимодействовали классовыми. Страх перед усилением первого в мире социалистического государства неотступно преследовал буржуазные правительства. Антикоммунистические настроения на Западе умело подогревала гитлеровская Германия, стараясь представить усилившуюся напряженность в международных отношениях как конфликт между коммунизмом и фашизмом. Это была точная расставленная ловушка, в которую не преминули угодить «западные демократии».

В Вашингтоне хорошо знали как о захватнических планах Гитлера, так и об антисоветских устремлениях Японии, всячески их подогревали. Весьма заманчиво было попробовать сразу разрешить все противоречия — как межимпериалистические, так и классовые — и сравнительно малой ценой обеспечить США руководящие позиции в мире. Хотя это был чистейший водоворот политический авантюризм, многим в Вашингтоне казался верхом государственной мудрости.

Отсюда проистекала и поразительная покладистость американской дипломатии в отношении вызывающих действий гитлеровской Германии и ее союзников, вступивших на путь откровенного разбоя в международных отношениях. В одно-

из падднад исследований подчеркивалось: «Согласно официальной точке зрения, Гитлер был опасным и трудным ребенком, подверженным припадкам, которого не следовало без нужды раздражать критикой»²³. Через несколько лет «трудный мальчик» показал своим горе-опекунам, на что он был способен.

Прежде чем закончиться полным провалом в духе «эффекта бумеранга», политика «умиротворения» агрессоров неизбежно должна была пройти весь путь вплоть до своего логического финала. Ее кульминацией стал 1938 год, когда Гитлер при поддержке «западных демократий» захватил Австрию и часть Чехословакии. Существенную роль в этом сыграла американская дипломатия.

США оставили без внимания обращение Советского правительства от 17 марта 1938 г., осудившего захват Австрии и выразившего готовность немедленно приступить к обсуждению с другими державами практических мер, диктуемых обстоятельствами. В госдепартаменте пришли к выводу, что поскольку американский ответ мог быть только отрицательным, то лучше не посыпать его вообще. В НКИД справедливо заключили: «Рузвельти и Элл продолжают дарить мир своими проповедями, но в то же время палец о палец не ударяют в пользу мира»²⁴.

Вопрос о том, как при участии западных держав Гитлеру была отдана Чехословакия, досконально изучен в советской литературе. В свете новых архивных документов лишь еще более непрятливо выглядит роль американской дипломатии и лично президента Рузвельта в этих событиях. Дело в том, что правительство Бенеша, разуверившись в поддержке Англии и Франции, рассчитывало в последний момент на «объективность» Вашингтона. Это были пустые надежды обанкротившихся политических деятелей, так до самого конца и не сумевших понять, кто был их подлинным другом и союзником. Оказание помощи Чехословакии меньше всего входило в планы белого дома.

Американские дипломаты в европейских столицах развили бурную закулисную деятельность весной и летом 1938 года с целью «мирной передачи» Чехословакии Гитлеру. Они нагнетали капитулянтские настроения, предупреждая руководителей Чехословакии об ответственности за «разрушение Европы» (!). Американский посланник в Париже убеждал своего чехословацкого коллегу Ш. Осусского, что мир стоит «на грани войны, которая уничтожит всю Европу» и в которой Чехословакия окажется якобы в изоляции²⁵.

Судя по всему, президент Рузвельт отдавал себе отчет в том, никакая ответственность перед историей ляжет на государственного деятеля, рискувшего пойти на «умиротворение» Гитлера

за счет Чехословакии. Поэтому он все время старался держаться в тени, уступая сомнительную честь организации грязной сделки правительству Чемберлена и Даладье. Но действия европейских «умиротворителей» явно не достигали цели. События грозили выйти из-под контроля Вашингтона. Там хорошо знали, что Советский Союз в любой момент был готов прийти на помощь Чехословакии, и крайне этого боялись.

У. Буллит, назначенный послом США во Франции, призывал президента предотвратить войну, которая приведет, по его словам, к «распространению большевизма от одного конца континента до другого». Посол допускал, что Рузвельт будет обвинять «в продаже маленького государства ради обеспечения еще одного триумфа Гитлера», но он считал, что стоит «принять кирпичи на голову» ради сохранения мира²⁶.

В этот ответственный исторический момент, когда решался вопрос не только о судьбе Чехословакии, но и о том, быть или не быть мировой войне, президент Рузвельт решил вмешаться. 26 сентября он обратился к Праге, Берлину, Лондону и Парижу с настойчивым призывом продолжить переговоры, что в тех условиях означало поддержку США передачи Гитлеру части Чехословакии. «Как передают близкие к Рузвельту люди, — информировало НКИД полпредство в Вашингтоне, — он принял решение о послании после долгих колебаний и только после того, как получил 25-го ночью сведения, что Гитлер, чувствуя, что время работает против него, решил сделать свою речь 26-го сигналом к военному вторжению»²⁷.

На следующий день, видя, что «маятник застыл посередине», президент направил «миротворческое» послание Муссолини и обратился с новым призывом лично к Гитлеру. Очевидцы свидетельствовали, как, не выпуская из рта сигареты, возбужденно советуясь с руководителями госдепартамента, собравшимися в его кабинете, Рузвельт собственноручно набросал текст телеграммы, призывающей Гитлера продолжить «поиск мира» и с этой целью созвать конференцию. Так при активном участии президента США родилась на свет идея мюнхенской конференции, ставшей символом предательства и явившейся результатом «умиротворения» агрессоров.

Несмотря на принятые меры, американскую дипломатию продолжали беспокоить возможные советские действия. Военный атташе посольства США в Москве полковник Феймонвилье доносил в Вашингтон 15 сентября 1938 г.: «Советское правительство и, в частности, командование Красной Армии твердо придерживаются взятых ими на себя обязательств по советско-чехословацкому пакту о взаимопомощи и открыто заявляют о своей готовности выполнить их, если Чехословакия подвергнется нападению Германии»²⁸. Поэтому США попробовали

подключить к готовящейся мюнхенской сделке Советский Союз, предложив ему поддержать американские обращения к Праге и Берлину о «полюбовной» договоренности. В ответном заявлении Советское правительство высказалось в пользу немедленного проведения международной конференции с целью разработки практических мер противодействия агрессии и спасения мира коллективными усилиями и выражало готовность принять в ней активное участие. Было очевидно, что стороны говорили на разных языках. Освященная авторитетом президента США, мюнхенская конференция вынесла смертный приговор Чехословакии.

В то время как Запад охватила безудержная эйфория лженацифизма и имена «умиротворителей» прославляла буржуазная пресса, Советское правительство расценивало случившееся «катастрофой для всего мира» и предвидело, к каким тяжким последствиям это могло привести. Советские дипломаты предупреждали американских представителей об опасности заигрывания с Гитлером в надежде на то, что после захвата Чехословакии он двинется против СССР.

Как и предвидели советские руководители, «послемюнхенское похмелье» наступило быстро. Уступчивость «западных демократий» только разжигала аппетиты агрессора. Могло показаться, на первый взгляд, странным, но угрозу раньше всего почувствовали в Вашингтоне, а не в европейских столицах. За океаном стали расти сомнения в отношении ближайших планов Гитлера, в частности предпочтения им восточного направления агрессии западному. Серьезную тревогу в США вызывала политика английских консерваторов, готовых любой ценой договориться с Гитлером, причем не только за счет интересов Советского Союза, но и за спиной капиталистических держав.

Речь шла ни много ни мало об англо-германском говоре в мировом масштабе: разделе сфер влияния, перераспределении колоний, создании своего рода кондоминиума. Напуганное усилением Германии, правительство Чемберлена готово было идти на серьезные уступки Гитлеру, затрагивающие интересы США. После подписания известных дюссельдорфских соглашений между промышленными магнатами Англии и Германии в феврале 1939 года немецкий посол в Лондоне Дирксен докладывал в Берлин: «Английские участники неоднократно подчеркивали, что сотрудничество с их германскими коллегами протекает без трений, при полном доверии и несравненно более успешно, чем с американцами»²⁹.

Англо-германское сближение принимало ярко выраженную антиамериканскую окраску и грозило оставить США на обочине мировой политики в полнейшей изоляции перед лицом объединенного под германским главенством Старого Света. Ненависть

Гитлера к Соединенным Штатам не была секретом для Вашингтона. 8 марта 1939 г., как стало известно американскому посольству в Берлине, Гитлер заявил на сверхсекретном совещании высшего руководства «третьего рейха»: «Таким образом, впервые, объединив континент Европы в соответствии с новой концепцией, Германия предпримет величайшую за всю историю операцию: используя британские и французские владения в Америке в качестве базы, мы сведем счеты с «еврейскими королями доллара» в Соединенных Штатах. Мы уничтожим эту еврейскую демократию, и еврейская кровь смешается с долларами. Еще сегодня американцы могут оскорблять наш народ, но настанет день, когда они, хотя и слишком поздно, горько раскаются в каждом слове, произнесенном против нас»³⁰.

В политике «умиротворения» агрессоров обозначалось не только антисоветское, но и антиамериканское острие. Это вполне могло стать в тот критический момент объективной основой для сближения СССР и США на почве защиты своих государственных интересов. Могло, но не стало. Американская дипломатия предпочла пойти по другому пути. В Вашингтоне взяли подчеркнуто решительный тон в отношениях с Германией, предприняли демонстративные шаги к сближению с Англией и Францией, с тем чтобы сорвать их сепаратныйговор Гитлером. Было объявлено о мерах по укреплению оборонных способностей США, а также положено начало пересмотра законодательства о нейтралитете. Все это было направлено на то, чтобы предотвратить продвижение Гитлера на Запад и вернуть его на Восток.

Поэтому новые акты гитлеровской агрессии на Востоке вызвали осуждения со стороны Вашингтона. Когда 15 марта 1939 г. на карте Европы перестала существовать суверенная Чехословакия и Советское правительство квалифицировало действия Германии как «произвольные, насилистственные, агрессивные», из США не последовало протesta. Президент, по словам помощника госсекретаря А. Берла, ожидал, что немцы «двинутся на Восток» и «не станут заключать какое-либо соглашение со Сталиным»³¹. Американская дипломатия явилась жертвой своих умозрительных конструкций. Тот, кто свято верил, что может манипулировать участниками европейской и мировой политики по своему усмотрению, просчиталась.

Приближение европейской войны и усиление японской угрозы на Дальнем Востоке подвели СССР к принятию важных решений. XVIII съезд ВКП(б), состоявшийся в марте 1939 года, раскрыл цели империалистической политики и предупредил, что «большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьез-

ным провалом»³². Съезд призвал советскую дипломатию соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками.

Это было серьезное предупреждение «западным демократиям», одновременно СССР призывал их еще раз взвесить свои национальные интересы и вступить на путь сотрудничества с СССР. Однако, как показали последующие события, Англия и Франция не захотели воспользоваться предоставленной возможностью. Вступив весной 1939 года в переговоры с Советским Союзом по вопросу о заключении пакта о взаимопомощи, правительства этих стран не имели в виду достижения действенных договоренностей и одновременно за спиной СССР вели дело к говору с гитлеровской Германией за счет интересов СССР.

Как отнеслась к этим переговорам американская дипломатия? Ведь от позиции Вашингтона, приобретавшей все большее значение в глазах англичан и французов, зависело очень многое. На словах госдепартамент заверял советских представителей в своей заинтересованности в успехе идущих переговоров. А на деле США сделали все, чтобы не допустить их благоприятного исхода. Когда 18 апреля 1939 г. американский посол в Брюсселе Дж. Дэвис, занимавший прежде этот пост в Советском Союзе, предложил госдепартаменту свои услуги для поездки в Москву и встречи с советскими руководителями в целях содействия «более скорому заключению соглашения с Англией против агрессии», то на это в тот же день из Вашингтона последовал отрицательный ответ. Глава госдепартамента уклончиво сообщал, что «с точки зрения внутренних соображений такой визит, как бы тщательно он ни был подготовлен, может быть истолкован превратно». Он считал, что в эти дни, «более чем когда-либо, важно не рисковать»³³.

Причина столь обескураживающего ответа была проста: Вашингтон внимательно следил за ходом трехсторонних переговоров и целиком и полностью поддерживал тактику англичан и французов, направленную на их всемерное затягивание вплоть до приближающегося нападения Гитлера на Польшу, которое рассматривалось Соединенными Штатами как прелюдия агрессии против СССР. Задача заключалась в том, чтобы не попустить возможного советско-германского соглашения. Поэтому, пока все шло по плану, США не имело смысла вмешиваться в ход событий и можно было играть роль стороннего наблюдателя. Но, как только в Вашингтон начали поступать сведения о германских предложениях Советскому Союзу, пришла пора действовать.

Учитывая исключительную остроту момента, в дело вмешался сам президент. 30 июня он принял К. А. Уманского,

назначенного к этому времени советским полпредом в США. Беседа была вёром дипломатической эквилибристики и явно преследовала цель ввести в заблуждение советское руководство. Рузвельт пытался создать впечатление серьезности намерений партнеров СССР по переговорам, утверждал, что «пути к дальнейшему «умиротворению» для Англии отрезаны» и что «у англо-французов не может быть никаких сомнений в занятости его, Рузвельта, в благоприятном завершении московских переговоров». Великий мастер по части различных мистификаций, он напоследок доверительным тоном сообщил, что якобы получил «от одного весьма авторитетного японского лица» предложение японо-американского сотрудничества «по эксплуатации богатств Восточной Сибири чуть ли не до Байкала», которое он расценил всего лишь как «фантастическое»³⁴. Подтекст был достаточно ясен: советским руководителям предлагалось «крепко задуматься», прежде чем принять предложение Берлина.

В этот критический момент между западными единомышленниками было предпринято своеобразное «разделение обязанностей»: англичане и французы затягивали переговоры, американцы подталкивали Советский Союз к дипломатической изоляции. В создавшихся условиях дальнейшее продолжение переговоров было чревато опасными последствиями для Советского государства. До нападения Германии на Польшу оставались считанные дни. Война неудержимо приближалась к границам СССР. Как окончательно убедились советские руководители, Англия и Франция не были готовы к заключению действенного соглашения о взаимопомощи. По их вине на переговорах возник непреодолимый тупик. Руководствуясь реальной оценкой международной обстановки, Советское правительство дало согласие на приезд в Москву министра иностранных дел Германии Риббентропа. 23 августа 1939 г. был подписан советско-германский пакт о ненападении.

В тех условиях это было единственное и мудрое решение, отвечающее интересам безопасности Советского государства и сорвавшее империалистические планы его изоляции. В результате мировой конфликт начался не на классовой, а на межимпериалистической основе, что имело в дальнейшем большее значение для объединения всех миролюбивых сил в создания широкой антифашистской коалиции. На Ялтинской конференции 1945 года И. В. Сталин лаконично скажет Рузвельту, что если бы не было Мюнхена, не было бы и пакта о ненападении с гитлеровской Германией. Президент промолчал. Время все расставило по своим местам. Но тогда, в августе 1939 года, до этого было еще далеко...

Сообщение о заключении пакта между Москвой и Берлином

застигло Рузвельта на борту президентской яхты у побережья Нью-Джерси за любимым отдыхом — рыбной ловлей. Помрачнев, он немедленно распорядился о возвращении в Вашингтон. Теоретически допуская такое развитие событий и делая все, чтобы его предотвратить, президент все же не мог до конца поверить в реальность советско-германского пакта. Он считал, что только твердостью вплоть до объявления войны гитлеровской Германии Англией и Францией можно было спасти Запад от агрессии. «Воевать так воевать», — браво рассуждали в Вашингтоне, тем более что воевать собирались чужими руками.

Рузвельт решительно отверг готовящиеся англо-французские планы «нового Мюнхена», на этот раз за счет Польши, и потребовал от правительства Чемберлена и Даладье «в случае нацистской атаки на Польшу» объявить войну Германии, обещая им при этом «полную поддержку» со стороны США. Надежда на столкновение СССР и Германии, несмотря на подписанный между ними договор, не оставляла президента. Подготовив декларацию о нейтралитете и приведя в действие планы промышленной мобилизации, в Вашингтоне спокойно ждали развития событий в Европе. Ожидание кончилось 1 сентября 1939 г., когда нападение гитлеровской Германии на Польшу объявило о начале второй мировой войны.

С возникновением вооруженного конфликта в Европе в советско-американских отношениях усилилась напряженность. Формально ничто не мешало двум великим державам, заявившим о своем нейтралитете, поддерживать между собой нормальные отношения. Именно из этого исходило Советское правительство. Но на деле получалось иначе: Вашингтону не давал покоя советско-германский пакт о ненападении, поскольку результатом его заключения явилось укрепление международных позиций Советского государства наряду с ослаблением положения «западных демократий».

Авторы книги «Гитлер против Рузвельта» Т. Бейли и П. Райан, называя пакт «дипломатической бомбой столетия», пишут, что «Сталин, хорошо зная о повсеместных разговорах на Западе о натравливании Гитлера на него, мудро ушел из-под удара»³⁵. Это вызвало раздражение в правящих кругах США. Американская буржуазная пресса, захлебываясь бессильной яростью, называла советско-германский пакт «доказательством» духовного родства «двух тоталитарных режимов», их коварства и т. д.

Развернутая в США пропагандистская кампания свидетельствовала о тайных надеждах Вашингтона на неизбежность советско-германского конфликта. Именно поэтому американская дипломатия весьма сдержанно отнеслась к освободитель-

ной миссии Красной Армии в Западной Украине и Западной Белоруссии после поражения Польши и вступлению этих территорий в Советский Союз. Не выступил госдепартамент и против другой важной акции Советского государства по укреплению безопасности своих западных границ — подписания пактов о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой в сентябре — октябре 1939 года.

Как вспоминал участник освободительного похода Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию Маршал Советского Союза В. И. Чуйков, в Париже, Лондоне и Вашингтоне в это время «выжидали, а не сойдутся ли в вооруженном конфликте немецкие войска и Красная Армия»³⁶. Как-никак отныне советские и германские вооруженные силы находились в непосредственном противостоянии, а цена обязательствам Гитлера была к тому времени уже хорошо известна. Так продолжалось до конца осени 1939 года, когда в дипломатической тактике Вашингтона произошел крутой поворот.

К этому времени стало ясно, что советско-германская война — дело отнюдь не ближайшего будущего. Наоборот, с каждым днем поступало все больше тревожных сведений о том, что следующий удар Гитлер нанесет на Западе. Следовало во что бы то ни стало предотвратить надвигающуюся катастрофу. Заместитель государственного секретаря Б. Лонг записал в своем дневнике 11 октября 1939 г.: «Было бы прискорбно продолжать войну, которая приведет к победе коммунизма в Европе и столкнет нас с нашим потенциальным врагом — Россией»³⁷. Поэтому тактика «выжидания» сменилась тактикой активных действий. Была поставлена цель еще раз попробовать «примирить» между собой две враждующие империалистические группировки на антисоветской основе и сорвать таким образом советско-германский пакт о ненападении. По справедливому замечанию американского исследователя Э. Гейтса, начавшаяся на Западе война «не положила конец иллюзиям», политика «умиротворения» продолжалась³⁸. Пользуясь своим выигрышным положением «над схваткой», Вашингтон взял инициативу в свои руки.

Соответствующую атмосферу для этой закулисной посреднической деятельности должен был создать советско-финляндский пограничный конфликт, начавшийся 30 ноября 1939 г. С его помощью США надеялись отвлечь внимание империалистических держав от междуусобицы и переключить его на общего классового противника. Действуя в тесном контакте с Англией и Францией, Соединенные Штаты в начале сделали все, чтобы втравить Финляндию в этот конфликт, обещая ей свою поддержку, а затем способствовали его затягиванию, проводя при этом шумную антисоветскую кампанию.

В этих же целях Вашингтон предпринял шаги к резкому обострению советско-американских отношений. По указанию президента 2 декабря было объявлено о введении так называемого «морального эмбарго» на продажу Советскому Союзу самолетов, авиационного оборудования, а позднее алюминия и молибдена, а также технологии производства высокооктанового бензина. В кругах конгресса обсуждался даже вопрос о разрыве дипломатических отношений с СССР.

А все это время на Западе через окопы «странный войны» не прекращались поиски согласия. Между главными европейскими столицами непрерывно сновали тайные эмиссары-бизнесмены, дипломаты, профессиональные разведчики, члены королевских фамилий. Многие из них посещали и Вашингтон. Для успеха дела нужна была крупная политическая фигура. Рузвельта со всех сторон уговаривали принять на себя роль «миротворца». Вскоре после нового 1940 года в Вашингтоне решили, что условия для активного посредничества, наконец, созрели. Главные надежды возлагались на так называемую «миссию Уэллеса».

В начале февраля Рузвельт поручил заместителю госсекретаря С. Уэллесу отправиться в Рим, Берлин, Париж и Лондон с целью выяснения «взглядов четырех правительств в отношении имеющихся возможностей установления какого-либо справедливого и прочного мира». Москва сознательно не была включена президентом в маршрут поездки. Правда, из Берлина в Рим был срочно вызван «специалист по советским делам» — американский дипломат Дж. Кеннан, до этого проработавший ряд лет в Советском Союзе. Но Уэллес не считал нужным воспользоваться его услугами. Кеннана даже забыли предупредить об отъезде высокой делегации в Берлин, а когда он прибыл на вокзал, то для него не нашлось места в вагоне. «Я не мог принести какой-либо пользы Уэллесу в той обстановке»³⁹, — вспоминал он. Понятно, так как в готовящейся комбинации Советский Союз в качестве активного фактора в расчет не принимался.

«Миссия Уэллеса», как и следовало ожидать, закончилась полным провалом. Основы для компромисса не было. В Риме и Берлине были настроены воинственно и, что называется, жаждали крови. Встреча Уэллеса с Муссолини, по словам итальянского министра иностранных дел Чиано, проходила в «ледяной атмосфере». После отъезда американского гостя дуче с сарказмом заметил: «Между нами и американцами какое-либо взаимопонимание невозможно, потому что они судят поверхность, а мы смотрим глубь»⁴⁰. В Берлине было и того хуже. Гитлер подготовил секретную директиву с подробным указанием того, что можно, а что нельзя было говорить посланцу

президента. Главное, в чем следовало его убедить, заключалось в следующем: «Германия ни в коей мере не заинтересована в настоящее время в обсуждении возможностей мира... и полна решимости победоносно завершить войну»⁴¹.

Что касается Парижа и Лондона, то там, как отметил Уэллес, бодрились, но воевать не хотели. Перед возвращением в Соединенные Штаты Уэллес запросил по телефону у президента инструкции по дальнейшим «миротворческим» усилиям, но ответом ему было твердое «нет». Причина была простая: 12 марта 1940 г. СССР и Финляндия подписали мирный договор, который выбил почву из-под ног организаторов антисоветского сговора. Уэллес вернулся в США убежденный, что в тот момент не существовало «ни малейшего шанса» на успех каких-либо переговоров с Германией и Италией «о заключении мира».

Советские дипломаты внимательно следили за маневрами Вашингтона в Европе. От них не ускользнула их антисоветская направленность. К. А. Уманский сообщал в Москву 3 марта в связи с поездкой Уэллеса: «Преждевременное окончание войны явно не входит в расчеты Рузельта и приобрело бы актуальное значение, только если бы Уэллес нашупал возможность вбить клин между нами и немцами». Полпредство далее информировало, что задача Уэллеса заключалась в том, чтобы «проверить, насколько немцы поддаются для использования против Советского Союза, и в то же время дать возможность Рузельту заработать перед выборами лавры миротворца»⁴². Это была абсолютно точная картина происходящих событий.

Американская дипломатия окончательно зашла в тупик. Политика «умиротворения» была мертва. Ее вдохновители, ослепленные антикоммунизмом, недооценили остроту межимпериалистических противоречий, недоучли истинные масштабы захватнической программы нацистов, замахнувшихся на мировое господство и не желавших довольствоваться малым. Приближалась пора расплаты за близорукую политику. Впереди Запад ждали трудные времена. Гитлер не собирался ни с кем согласовывать свои агрессивные планы.

На краю пропасти

Вечером в пятницу 5 апреля 1940 г. германский посланник в Осло устроил прием для членов норвежского правительства и представителей дипломатического корпуса. «Гвоздем программы» был показ документального фильма о покорении Германией Польши, заканчивавшийся леденящими кровь кадрами бомбардировок Варшавы самолетами «люфтваффе» и гибели тысяч мирных жителей. На экране промелькнула надпись: «За-

это они могут благодарить своих английских и французских друзей». Приглашенные расходились молча, пытаясь угадать, что скрывалось за этим «устрашением».

Ответ был дан через несколько дней, когда Гитлер осуществил молниеносный захват Дании и Норвегии. «Странная война» на Западе кончилась. Список жертв нацистской агрессии пополнился двумя новыми суверенными государствами. Но это было еще только начало. 10 мая Гитлер отдал приказ о вторжении во Францию. Сопротивление французских войск было быстро сломлено, и механизированные корпуса вермахта ринулись к Ла-Маншу, отсекая мощным «движением серпа» и прижимая к морю крупную группировку французских и английских войск.

Такой поворот событий ошеломил американских руководителей. Как-никак Франция была первоклассной в военном отношении державой, прикрывшей ко всему прочему свою восточную границу неприступной, по мнению многих, «линией Мажино». В Вашингтоне надеялись, что война в Европе примет затяжной, позиционный характер, что она приведет к взаимному истощению воюющих сторон, как это было во время первой мировой войны. «Блицкриг» Гитлера на Западе опрокинул эти расчеты и наглядно показал, что с фашизмом шутки плохи.

Поражение Франции заставило содрогнуться как простых американцев, так и правящие круги страны. Большой уверенности в том, что Великобритания «выстоит», не было. В конце июня только $\frac{1}{3}$ американцев считала, что «владычица морей» сможет выиграть войну. Сам президент исходил из того, что шансы Англии «выжить» были «один к трем». А что будет, если английский и французский флоты попадут в руки нацистов? Явится ли Атлантический океан преградой для агрессора, заполучившего в свои руки колонии французов и англичан в Западной Африке и их островные владения у берегов Америки? Не захватит ли Германия плацдарм в Южной Америке, где симпатии к фашизму были сильны среди правящих классов?

Угроза национальной безопасности США, еще совсем недавно казавшаяся нереальной, вдруг стала близкой и вполне осозаемой. Д. Нельсон, один из руководителей крупной чикагской компании «Сирс энд Робэк», возглавивший во время войны Управление военного производства, вспоминал свою беседу с министром финансов Г. Моргенто летом 1940 года: «Министр сообщил мне свою оценку происходящего и не скрывал, сколь велика была опасность. Он был не просто встревожен, он был испуган и передал этот страх мне. Он знал, на что были способны нацисты, и одним из первых среди высших руководителей правительства понимал, что мы оказались на краю пропасти»⁴³.

Хорошо понимал это и сам президент. В ноябре 1940 года, одержав в третий раз победу на выборах, он беседовал с американским послом в Лондоне Дж. Кеннеди. Посол, известный «изоляционист», горячо убеждал Рузвельта продолжать заниматься «умиротворением» Германии. «Вы или войдете в историю как величайший президент, или останетесь в дураках», — фамильярно, на правах старого приятеля говорил он. Рузвельт мрачно молчал. «Существует и третья возможность, — наконец, медленно произнес он. — Я могу к концу моего срока оказаться президентом незначительной страны»⁴⁴.

Пройдет время, и буржуазные историки начнут высмеивать «панические страхи» перед вторжением нацистов в Америку, ссылаясь на германские архивы и утверждая, что Гитлер не имел реальных возможностей для осуществления таких планов. Но кто знает, насколько возрос бы военный потенциал Германии, не остановив ее вовремя Красная Армия. В сентябре 1940 года Гитлер был уверен, что «война вполне может превратиться в войну континентов — Америка против Европы». Речь шла о Европе, покоренной фашизмом и выступившей против Америки в союзе с Японией. Что бы ни утверждали задним числом иные «мудрецы», такую перспективу в Вашингтоне после капитуляции Франции считали вполне реальной.

Конечно, это ни в коей мере не означало, что США были готовы вступить в мировую войну на стороне своих терпящих бедствие партнеров. Такой курс не сулил выгод американским монополистическим кругам, которые уже давно хотели привести к рукам богатейшие колониальные владения своих европейских конкурентов. В это критическое для мира время Вашингтон оставался верен своей главной цели: любой ценой избежать преждевременного участия в войне, одновременно оказывая помочь «врагам своих врагов», наращивая собственную военную мощь и подталкивая к вступлению в войну невоюющие страны, прежде всего Советский Союз. Один из проницательных наблюдателей тех лет отмечал, что Рузвельт «одно время верил, что он сможет выиграть войну, не участвуя в ней, и оказаться в конце ее в уникальном положении арбитра судеб мира»⁴⁵.

Поэтому все мольбы о военной помощи, доносившиеся из Старого Света, были оставлены Рузвельтом без ответа. 22 июня 1940 г. Франция подписала капитуляцию. Наступал черед Великобритании. Перемежая тонкую лесть в адрес Рузвельта с картинами страшного конца западной цивилизации в случае поражения Англии, Черчилль в своей переписке с президентом взывал о помощи. Но Рузвельта не надо было убеждать. Он и сам хорошо понимал, что будущее двух государств тесно связано между собой и что Англия должна остаться

поэтому «на плаву». Он верил, что американская поддержка Великобритании сможет, наконец, повернуть Гитлера на Восток. Кроме того, на военной помощи англичанам хотели заработать американские монополии, а заодно потеснить своего старого конкурента в мировой торговле, финансах и т. д.

На основе принципа «плати и вези», действовавшего после пересмотра конгрессом закона о нейтралитете 3 ноября 1939 г., Англия стала получать за наличный расчет устаревшее американское вооружение времен первой мировой войны: винтовки, пулеметы, орудия. В начале сентября 1940 года США передали ей 50 устаревших эсминцев в обмен на восемь английских островных владений в Новом Свете. Эту сделку Рузвельт считал самой важной в истории США со времен приобретения Луизианы у Наполеона. Еще бы — за бесценок, по цене металломолома были получены стратегически важные территории, прикрывающие доступ к побережью Америки.

Однако скоро англичане оказались «на мели». 23 ноября английский посол в США лорд Лоттиан заявил американским газетчикам: «Ну вот что, ребята. Англия — банкрот, нам нужны ваши денежки». Заявление посла было помещено на первых полосах газет. Через две недели Черчилль в многословном послании к Рузвельту официально сообщил, что английские ресурсы на исходе. Он умолял найти какой-то способ удовлетворить английские нужды, подчеркивая, что «поражение фашистской тирании в высшей степени важно для народа Соединенных Штатов и всего Западного полушария»⁴⁶.

Президент получил это послание, совершая плавание на борту крейсера «Тускалуза» по Карибскому морю. Вновь и вновь перечитывая обращение «бывшего военного моряка», как именовал себя в переписке с ним премьер-министр, он рассеянно взглядался в морскую даль, словно хотел проникнуть мысленным взором туда, где по другую сторону Атлантики вела борьбу не на жизнь, а на смерть Великобритания. Решение в общих чертах созрело уже давно. Англичанам действительно нечего было больше платить за свои заказы в США. Безвозмездная помощь исключалась, займы или кредиты напоминали о неоплаченных долгах союзников времен первой мировой войны. Надо было придумать что-то принципиально новое.

Выход был найден в идеи так называемого ленд-лиза, или кайма-аренды. Эту идею Рузвельт популярно изложил американцам по аналогии с огородным шлангом, который хозяин охлаждает своему соседу на время пожара, чтобы не загорелся его собственный дом. Аналогия была удачной и подкупала своей простотой и здравомыслием. 10 января 1941 г. законопроект о ленд-лизе, который официально именовался как Акт в

целях дальнейшего обеспечения безопасности Соединенных Штатов и для других целей, был внесен на рассмотрение в конгресс. Законопроект наделял президента правом «продавать, обменивать, давать взаймы, в аренду или каким-либо другим способом передавать... любой предмет вооружения любой стране, оборону которой президент сочтет жизненно важной для Соединенных Штатов»⁴⁷. Как было официально объявлено, США возлагали на себя роль «великого арсенала демократии».

Пока на Западе одна империалистическая группировка пыталась сломить силой оружия другую, Советский Союз, реализуя преимущества, заложенные в заключенном с Германией пакте о ненападении, был поглощен укреплением безопасности своих западных границ, усилением обороноспособности на случай войны и осуществлением ряда мер, направленных на защиту соседних государств и предотвращение расширения зоны агрессии. Делая все, чтобы максимально отсрочить приближение войны, советское руководство вместе с тем хорошо понимало невозможность ее предотвращения. «Агрессивные замыслы гитлеровской клики и ее намерение напасть на Советский Союз были очевидны для Советского правительства и руководства Советских Вооруженных Сил»⁴⁸, — указывается в «Истории внешней политики СССР».

В надвигающейся войне огромное значение приобретал вопрос о потенциальных союзниках Советского государства, с тем чтобы избежать опасной изоляции СССР в смертельной схватке с фашизмом. Такими союзниками могли стать те капиталистические государства, которые уже подверглись или могли подвернуться агрессии со стороны держав «оси» и которые в силу объективных причин были заинтересованы в налаживании сотрудничества с Советским Союзом. Поэтому, строго придерживаясь положений советско-германского пакта о ненападении, Советское правительство проявляло выдержку и терпение в своих отношениях с США и Великобританией, исходя из объективного совпадения коренных интересов всех противников агрессии и фашизма.

Поражение Франции и беспомощное положение Великобритании произвели отрезвляющее действие на Вашингтон. Вырастала реальная угроза внешнеполитической изоляции США. Германия окончательно смяла довоенную структуру международных отношений и утверждала свои господствующие позиции в капиталистическом мире. С этим не могла смириться американская буржуазия. Для Соединенных Штатов остро вставал вопрос о союзниках. Антисоветские соображения отступали на задний план перед национальными интересами. Постепенно складывалась основа для советско-амери-

канского сближения. Но до реального сотрудничества было еще далеко.

Американский исследователь Т. Мэддакс пишет: «Завоевание Гитлером Франции летом 1940 г. заставило Вашингтон изменить свое отношение к Москве»⁴⁹. Так ли это? Тон американской дипломатии в отношении СССР, что и говорить, действительно изменился: в нем появились доверительные нотки, подчеркивалась важность сотрудничества между двумя странами, указывалось на необходимость преодоления возникающих разногласий. 27 июня 1940 г. С. Уэллес заявил К. А. Уманскому: «Пора обеим нашим странам подумать не только о нынешних отношениях, но и о будущих месяцах и годах, которые, быть может, для обеих держав будут чреваты новыми опасностями. Не пора ли устранить источники трений, которых и без того достаточно во всем мире, и ликвидировать остроту, создавшуюся между нашими странами?»⁵⁰.

Надо сказать, что советская сторона, наученная опытом отношений с США, достаточно сдержанно отнеслась к «новому тону» госдепартамента. Ее интересовали не декларации, хотя и они не оставались незамеченными, а прежде всего конкретные дела, которые одни могли свидетельствовать о серьезности намерений Вашингтона.

Демарш Уэллеса вызвал вполне понятное недоверие в свете антисоветской активности американской дипломатии и был расценен как признак ухудшения международного положения США в результате расширения агрессии держав «оси».

Как показали дальнейшие события, это недоверие оказалось вполне обоснованным. В расчеты Вашингтона не входил действительный пересмотр политики в отношении Советского Союза, а имелось в виду лишь создание видимости такого пересмотра при сохранении основных элементов прежнего курса. Американская дипломатия продолжала напряженно лавировать в бурных водах мировой политики, рассчитывая занять наиболее выигрышные и менее всего уязвимые позиции. Чем труднее становилось положение США и Великобритании, тем большие надежды возлагали они на вступление в войну Советского Союза. К началу 1941 года в Вашингтоне и Лондоне, по существу, не верили в возможность отразить агрессию собственными силами, не говоря уж о том, чтобы выиграть войну.

Показательно, что призывы к сотрудничеству с Советским Союзом не помешали США занять враждебную позицию в отношении дальнейшего укрепления советской западной границы — вступления в состав СССР Прибалтийских республик и присоединения к нему Бессарабии и Северной Буковины. В своих действиях американские власти не останавливались перед

прямыми репрессиями. Была секвестрована собственность Латвии, Литвы и Эстонии в США, прежде всего золотовалютные резервы и суда, находившиеся в американских портах. Игнорируя законную волю народов Прибалтийских республик, госдепартамент заявил о намерении и впредь признавать представительства свергнутых буржуазных правительств. Эти действия США встретили твердый отпор со стороны Советского Союза. 1 августа 1940 г. на седьмой сессии Верховного Совета СССР, которая удовлетворила просьбу Прибалтийских республик о принятии их в состав СССР, было подчеркнуто, что об отношениях с США «нельзя сказать ничего хорошего»⁵¹.

В такой острой обстановке начались регулярные встречи в Вашингтоне между К. А. Уманским и С. Уэллесом. На переговорах советская сторона ставила конкретные вопросы, в то время как американская предпочитала отделяться общими рассуждениями о пользе развития отношений. Так, советские представители добивались отмены «морального эмбарго» и дискриминационных ограничений в торговле, возвращения имущества Прибалтийских республик, прекращения антисоветских выступлений со стороны официальных лиц США и т. д.

Американская дипломатия оговаривала удовлетворение советских требований явно неприемлемыми условиями, затрагивающими интересы безопасности СССР. 4 января 1941 г. советский полпред сообщал в Москву: «Тактика, применяемая американским правительством в этих переговорах, имела целью предотвратить улучшение советско-японских отношений, а также прощупать возможность ухудшения отношений между СССР и Германией и использовать торговые вопросы для воздействия на советскую внешнюю политику»⁵².

Эта тактика успеха не имела. Советская сторона не собиралась уступать американскому нажиму. На уступки пришлось пойти Вашингтону, чтобы избежать тупика в переговорах. Этого требовали и ухудшающиеся американо-японские отношения. В госдепартаменте пришли к выводу, что настала пора отменить изжившее себя «моральное эмбарго».

Советское правительство не собиралось закрывать глаза и на другие нерешенные вопросы, которые оставляла без внимания американская сторона. В переданной в тот же день в госдепартамент советской ноте говорилось: «Подлинное урегулирование советско-американских отношений не может быть достигнуто без разрешения вопроса о прекращении деятельности бывших прибалтийских миссий и консульств в США и возвращения в СССР кораблей, фондов и другого имущества прибалтийских советских социалистических республик, находящегося в США»⁵³. 23 января госдепартамент официально заявил об отмене «морального эмбарго».

На переговорах К. А. Уманского с Уэллесом были достигнуты договоренности о предоставлении Советскому Союзу американского тоннажа, в частности нефтеналивного, о согласии американских властей разрешить своим специалистам работать в СССР, об установлении почтовой связи между двумя странами через Тихий океан, улучшении условий работы советских представителей в США и др. В то же время весь комплекс вопросов, связанный с Прибалтийскими республиками, остался нерешенным.

Дальше этих скромных мер, призванных несколько «разрядить атмосферу» в советско-американских отношениях, дело, однако, не пошло, и на это имелись свои причины. С начала 1941 года в Вашингтон стала поступать информация о том, что Гитлер готовится к вторжению в Россию. Об этом сообщал из Берлина торговый атташе американского посольства Сэм Вудс. Тихий и застенчивый коммерсант, инженер по образованию, казавшийся своим коллегам в Берлине недалеким и поверхностным человеком, в действительности был разведчиком высокого класса, сумевшим проникнуть в высшие сферы «третьего рейха». В Вашингтоне хотели и боялись верить. Не было ли здесь тонкого подвоха со стороны нацистов — больших мастеров по части дезинформации? Но в первые недели января 1941 года появилось новое подтверждение. Это была полученная от Вудса копия плана «Барбаросса» — «директивы 21», утвержденной Гитлером 18 декабря 1940 г. Шеф ФБР Э. Гувер признал документ подлинным⁵⁴.

Какие выводы были сделаны правящими кругами США из этой стратегической информации? На первый взгляд, прямо противоположные. Однако в них заключалась своя логика. С одной стороны, став жертвой агрессии, Советский Союз оказывался в числе стран, чье сопротивление было выгодно США, а поэтому ничто не должно было в дальнейшем препятствовать оказанию ему американской помощи. С другой стороны, в Вашингтоне до поры до времени не только не собирались отказываться от политики враждебности в отношении СССР, но, наоборот, считали необходимым ее усилить, чтобы паче чаяния не помешать осуществлению плана «Барбаросса» малейшим намеком на сближение с социалистическим государством.

С этих позиций рассматривал Белый дом и законопроект о ленд-лизе. Президент не хотел лишать себя «свободы рук» на будущее. «Конфиденциальная информация из Берлина указывала, — отмечал Т. Мэддакс, — что Гитлер скоро нападет на Советский Союз, возможно, весной, и Рузвельту требовалась максимальная гибкость, чтобы во всеоружии встретить развитие событий»⁵⁵. Примечательно, что в первоначальном вариан-

те законопроекта, подготовленном в недрах правительственно-ных учреждений, перечень стран — возможных получателей американской помощи не включал Советский Союз. Так было легче, считали его авторы, обезоружить противников законопроекта в конгрессе из числа «изоляционистов». Но президент предпочел обойти острые углы, вычеркнув из документа упоминание о конкретных получателях помощи вообще. В таком обтекаемом виде законопроект и был передан в конгресс.

Здесь его ожидали новые трудности. Реакционеров не ввел в заблуждение маневр президента. Возможность оказания помощи Советскому Союзу служила им главным доказательством «неприемлемости» законопроекта в целом. Указывая на отмену администрацией «морального эмбарго» как на пример ее «просоветской» ориентации, конгрессмен К. Мундт (штат Южная Дакота) и сенатор Х. Джонсон (штат Калифорния) требовали исключить СССР из числа возможных получателей помощи и не допустить «секретных сделок со Сталиным». В палате представителей и в сенате были внесены специальные поправки на этот счет.

Реакция администрации была сдержанной и осторожной. Ее представители, избегая опасной полемики, отказались обсуждать в ходе слушаний в конгрессе вопрос о Советском Союзе, привлекая вместо этого внимание законодателей к беспроигрышной теме — важности поддержки Великобритании. За администрацию выступали видные конгрессмены. Один из них, член палаты представителей от штата Техас Л. Джонсон, перед решающим голосованием заявил: «Будет ли это благоразумным, будет ли это по-государственному — оттолкнуть Россию, когда в данный момент она не принадлежит к державам «оси», которые угрожают нам?»⁵⁸. Эта логика возымела действие на законодателей. 11 марта 1941 г. закон о ленд-лизе был окончательно принят конгрессом и в тот же день подписан президентом. Белый дом получил в свои руки действенное внешнеполитическое оружие.

Разумеется, все перипетии борьбы в конгрессе вокруг ленд-лиза не остались незамеченными для советских дипломатов в Вашингтоне. Они достаточно ясно и убедительно говорили о том, что США оставляли дверь открытой для сотрудничества с Советским Союзом в будущем. А пока госдепартамент явно демонстративно, с расчетом на то, что его действия не ускользнут от Берлина, вел дело к обострению отношений с Москвой. Это касалось всех без исключения сфер взаимоотношений — политической, экономической, культурной и др.

Американская дипломатия тщетно пыталась помешать нормализации отношений СССР с Японией. 20 марта после очередной встречи в госдепартаменте Уэллес предложил

советскому полпреду задержаться для непротокольной беседы. Понимая, сколь щекотливое дело ему предстоит, американский дипломат явно не хотел придавать своим действиям характер официального демарша. Он всего-навсего «советовал» своему собеседнику, что будет лучше, если Москва и Вашингтон оставят «Японию в состоянии полнейшей неопределенности» в отношении своих намерений. При этом Уэллес лицемерно ссылался на то, что «Советский Союз и Соединенные Штаты были в равной степени заинтересованы в поддержании мира на Тихом океане», хотя ему лучше, чем кому-либо другому, было известно, что госдепартамент строил свою политику на Дальнем Востоке, исходя из «неизбежности» советско-японского конфликта⁵⁹.

На что рассчитывала американская дипломатия, предпринимая этот шаг, сказать трудно. Во всяком случае 13 апреля 1941 г., руководствуясь собственной оценкой международной обстановки и исходя из своих государственных интересов, Советское правительство заключило пакт о нейтралитете с Японией, который укрепил позиции СССР на Дальнем Востоке. Это имело большое значение в свете ухудшающихся отношений с Германией и давало Советскому Союзу определенные гарантии по избежанию войны на два фронта. Для Рузельта подписание пакта явилось столь же неприятным известием, как и ранее весть о заключении советско-германского пакта. СССР вновь удалось отвести от себя удар, нацеленный на этот раз с Востока. Как отмечал В. И. Чуйков, занимавший в то время пост советского военного атташе в Китае, «переговоры в Москве означали, что Япония меняет курс, что ей нужна уверенность, спокойствие на границах с Советским Союзом»⁶⁰.

В последние недели перед началом Великой Отечественной войны советско-американские отношения переживали серьезный кризис. Американские власти, проводя шумную анти-советскую кампанию, не останавливались перед прямыми провокациями в адрес Советского Союза, его представителей и учреждений в США. Берлин должен был уверовать, что в роковой час СССР неоткуда ожидать поддержки.

В результате действий правительства США делошло к полному свертыванию советско-американской торговли. 7 мая в Сан-Франциско по указанию госдепартамента были задержаны советские грузы, следующие транзитом из Аргентины и Уругвая. Это был акт откровенного произвола, так как на них задним числом был распространен декрет президента о введении системы лицензий на транзитные грузы, опубликованный в прессе только на следующий день. Советский полпред в этой связи заявил главе госдепартамента: «Действия американских властей, продолжающие длинный перечень подобных действий,

наносящие ущерб правам и интересам Советского Союза, могут рассматриваться моим правительством как проявление враждебного отношения к СССР и как свидетельство того, что правительство Соединенных Штатов идет в направлении полного прекращения торговых отношений с СССР»⁵⁹.

7 июня были введены ограничения на свободу передвижения советских представителей в США якобы в ответ на постановление Советского правительства об ограничении передвижения представителей США по территории СССР. Между тем советские действия не носили дискриминационного характера, так как распространялись на всех без исключения представителей иностранных государств, аккредитованных в Советском Союзе, и объяснялись угрозой приближающейся войны, интересами безопасности Советского государства.

10 июня госдепартамент объявил персонами нон-грата двух помощников военно-воздушного атташе советского посольства в Вашингтоне, не имея на то, как подчеркивалось в ноте советского посла, никаких оснований. Далее в ноте указывалось, что эти действия «имеют место в то время, когда американское правительство предпринимает последовательные шаги, которые наносят вред интересам СССР и осложняют отношения между двумя странами в экономической, политической, культурной, а теперь также и в военной сферах»⁶⁰.

14 июня (всего за неделю до начала войны) американское правительство приняло решение о замораживании авуаров европейских государств. В тот момент речь могла идти в первую очередь о державах «оси» и Советском Союзе. Уж не собирались ли этим в Вашингтоне показать, что США будут придерживаться тактики «равноудаленности» в надвигающемся советско-германском конфликте? Весьма вероятно. Как отмечал американский историк Р. Даллек, Рузвельт «был не склонен что-либо предпринимать, что могло поставить вопрос о войне перед общественностью или изменить планы Гитлера напасть на Советский Союз»⁶¹.

Таково было объективное состояние советско-американских отношений в канун Великой Отечественной войны. И все же это была только одна, хотя и весьма важная, сторона вопроса. Другая касалась уже не столь отдаленного будущего. Как представляли себе это будущее в Вашингтоне в те дни, когда полчища вермахта готовились перейти советскую границу на всем ее протяжении от Балтийского моря до Черного? Картина была весьма сложная, запутанная и во многом противоречивая, как и настроение самих правящих кругов Америки, раздираемых борьбой мнений и взвешивающих свои жизненные интересы. Классовые предубеждения, которые годами определяли курс США, переплетались с реалистическими оценками фашист-

ской угрозы, заботой о национальной безопасности, порождая причудливую гамму мнений, прогнозов, политических рекомендаций и предложений.

Госдепартамент, отражая взгляды наиболее реакционной части правящих кругов США, выступал за позицию «стороннего наблюдателя» в предстоящем советско-германском конфликте. В основе его предложений лежали антисоветские предрасудки и неверие в способность советского народа отразить гитлеровскую агрессию. Вот лишь некоторые рекомендации, подготовленные госдепартаментом накануне 22 июня: «не предпринимать попыток сближения с Советским правительством»; «сдержанно подходить к любой попытке сближения Советского правительства с нами»; «строго взыскивать возмещение за все, что мы можем дать Советскому Союзу»⁶². Верхом чиновничего скрупульства являлась мысль о возможности создания «Советского правительства в эмиграции» в случае поражения СССР в войне, с которым США не следовало поддерживать отношения. Итак, враждебность, отчуждение, подозрительность — таким путем предлагал следовать госдепартамент в отношении Советского Союза.

Кто знает, какие мысли переполняли президента, когда он знакомился с этими опусами, если вообще находил для них время. Его отношение к «ребятам в полосатых штанах», как он насмешливо называл чиновников госдепартамента, было широко известно в Вашингтоне. Президент не доверял профессиональной дипломатии, погрязшей в предубеждениях и предрассудках, и не раз в прошлом поступал вопреки ее мнению. Приближалась ответственная пора, когда следовало надежно прибрать к рукам внешнюю политику, особенно область отношений с Советским Союзом. По словам американского автора У. Таубмана, «Рузвельт в значительной степени отстранил специалистов по Советскому Союзу в госдепартаменте от ведения внешней политики во время войны. Он и его советники считали, что антисоветские предубеждения окрашивали суждения дипломатов»⁶³.

Новая стратегическая обстановка требовала нового подхода. Нет сомнений в том, что еще задолго до 22 июня 1941 г. президент в общих чертах наметил линию своей политики в отношении Советского Союза, как того требовали национальные интересы США. Если госдепартамент накануне великого испытания для советского народа видел в Советском Союзе полууврага-полусоперника, то президент расценивал его как союзника, хотя, естественно, не мог в тот момент предвидеть масштабы и глубину будущего сотрудничества.

Об этом говорит обмен посланиями Рузвельта с Черчиллем. 15 июня «бывший военный моряк» сообщал, что «в ближай-

шее время немцы, по-видимому, совершают сильнейшее нападение на Россию» и что «Англия окажет русским всемерную поддержку и помочь, исходя из того принципа, что враг, которого следует разбить, — Гитлер». Черчилль, этот, по словам В. И. Ленина, «величайший ненавистник» Советской власти, предлагал отложить в сторону классовые соображения. «Я не ожидаю какой-либо классовой политической реакции здесь, — писал он, — и надеюсь, что германо-советский конфликт не создаст для вас никаких затруднений».

Эта логика была близка и понятна Рузельту, как и то, что «Гитлер — главный враг». Поэтому в ответном послании президент сообщал, что он немедленно и публично поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника»⁶⁴. Отметим: как союзника.

И еще одно исключительно важное обстоятельство учтывал Рузельт. Речь идет о настроениях американского народа, постепенно избавлявшегося от «изоляционистских» иллюзий. Американские трудящиеся в своем подавляющем большинстве были настроены антифашистски. Их не удалось ввести в заблуждение антисоветской пропагандой, развернутой в США с началом второй мировой войны. Легко можно было предвидеть, на чьей стороне будут симпатии миллионов американцев в случае гитлеровской агрессии против Советского Союза. Период неопределенности в международных отношениях подходил к концу. Разгорался величайший конфликт в мировой истории между фашизмом и всем свободолюбивым человечеством во главе с Советским Союзом, в котором американский народ не хотел быть «сторонним наблюдателем».

Ночью 21 июня пост радиоперехвата в Вашингтоне принял сообщение о вторжении Гитлера в Советский Союз. На другом полушарии, в далекой России, занимался день — первый из тех суровых дней Великой Отечественной войны, через которые предстояло пройти советскому народу, прежде чем будет завоевана победа. Борьба с фашизмом вступила в решающий этап, вторая мировая война окончательно приобрела освободительный характер. Появились благоприятные условия для создания широкой антифашистской коалиции. Под влиянием объективных факторов кругой поворот произошел в советско-американских отношениях.

ГЛАВА II ПРОТИВ ОБЩЕГО ВРАГА

Война прервала мирный, созидательный труд советского народа, заставила его взяться за оружие. Огромная страна превращалась в военный лагерь. По зову партии жизнь советских людей перестраивалась на военный лад, подчинялась задаче скорейшего разгрома врага. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал определять все стороны деятельности Советского государства. Новые задачи были поставлены партией перед советской внешней политикой.

Война есть война, и ее исход решался прежде всего на полях сражений. Но многое зависело и от той международной обстановки, в которой разворачивалась борьба с фашизмом. Цель советской внешней политики заключалась в создании максимально благоприятных международных условий для успешных действий Красной Армии. Это была исключительно трудная и ответственная задача. От ее решения зависела продолжительность войны, сохранение жизни миллионов советских, людей, освобождение порабощенных народов Европы. Успехи или неудачи на дипломатическом фронте нередко были равнозначны исходу целых сражений, числу брошенных в бой дивизий.

С первых дней Великой Отечественной войны главные усилия советских дипломатов были сосредоточены на создании и укреплении широкой антифашистской коалиции. Объективные условия для этого складывались благоприятно. Рухнули планы «изоляции» Советского государства и организаций против него «крестового похода», империалистический лагерь оказался глубоко расколот, ненависть народов к фашизму не знала границ. Борьба советского народа против гитлеровской агрессии стала мощным фактором сплочения всех миролюбивых сил. Выступая 3 июля 1941 г., И. В. Сталин отмечал: «В этой освободительной войне мы не будем одинокими... Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы»¹.

Несмотря на исключительно трудное положение на фронте

в первые дни войны, в Москве не торопили события, внимательно наблюдая за реакцией в Лондоне и Вашингтоне на гитлеровскую агрессию против СССР.

«Русские уверены в себе»

Вероломное нападение Германии на Советский Союз всколыхнуло Америку. Ошеломленные молниеносными победами вермахта в Западной Европе, создавшими миф о «непобедимости» германской армии, американцы с тревогой и надеждой следили за ходом кровопролитных сражений на Восточном фронте. Самые различные слои населения постепенно сближали понимание того, что на бескрайних просторах России решалась судьба не только советского народа, но и народов других стран, в том числе и американского, будущее мировой цивилизации.

Уже 23 июня 1941 г. Коммунистическая партия США опубликовала заявление, в котором призывала американский народ, всех, кто ненавидит фашизм и угнетение, считать борьбу Советского Союза против гитлеровских захватчиков делом всего передового и прогрессивного человечества. «За полную поддержку и сотрудничество с Советским Союзом в его борьбе против гитлеризма!»² — говорилось в воззвании.

В поддержку СССР выступили крупнейшие профсоюзные объединения США, многие политические, общественные, массовые демократические организации. Проведенные после начала войны опросы общественного мнения показали, что 3/4 американцев были на стороне СССР, и только 4% желали победы гитлеровской Германии. Свидетельством этой поддержки явилось множество писем и телеграмм, полученных посольством Советского Союза в Вашингтоне в первый же день войны, с выражением солидарности с борьбой советского народа, включая просьбы о предоставлении советского гражданства и предложения о вступлении добровольцами в Красную Армию.

Прогрессивная Америка, ведущая свою родословную от войны за независимость, верная славным интернационалистским традициям американского рабочего класса, всем сердцем и умом была на стороне Советского Союза в трудную для него пору. Видный деятель американского рабочего движения Том Муни в то время писал: «В современном мировом конфликте Россия является естественным и логичным союзником Соединенных Штатов... У них общие враги»³. Так думали миллионы американских трудящихся.

Другими соображениями руководствовались правящие круги США. Весть о вторжении Гитлера в Россию вызвала у них чувство глубокого облегчения. Непосредственная угроза США и

Великобритании была устранена. Но надолго ли? А главное, как следовало действовать дальше? Какой курс выбрать в отношении Советского Союза? Вопрос, казавшийся еще недавно теоретическим, приобрел после 22 июня практическую остроту.

Реакционные круги, группировавшиеся под флагом «изоляционизма» и экономически не связанные с Европой, предлагали держаться от начавшегося советско-германского конфликта подальше. Эти настроения, сочетавшие в себе классовую ненависть к социалистическому государству с империалистическими расчетами американской буржуазии, лучше всего выразил скорый на язык сенатор от штата Миссури Гарри Трумэн, когда 24 июня публично пожелал, чтобы русские и немцы уничтожали друг друга «как можно больше», а США помогали то одной, то другой стороне в зависимости от того, кто проигрывает.

Биограф Трумэна Р. Доновэн отмечал: «Возможно, такая позиция и была циничной, но она являлась широко распространенной в то время»⁴ в американской правящей элите. Воздействие подобных взглядов на официальную политику США было значительно глубже и серьезнее, чем порой принято считать, и в той или иной степени давало о себе знать всю войну. Реакционерам пришлось прикусить язык, но они никогда не складывали оружия.

История умалчивает о том, как реагировал сам президент Рузвельт на весть о вторжении Гитлера в Советский Союз. Во всяком случае в тот день ни он, ни кто-либо другой из американских должностных лиц не откликнулся на это чрезвычайное событие, несмотря на то что в Лондоне Черчилль уже темпераментно заявил о полной поддержке Советского Союза.

Оценивая реакцию в США на действия гитлеровской Германии, К. А. Уманский в своем донесении в НКИД от 22 июня 1941 г. отмечал, что Рузвельт занял «молчаливую, выжидательную» позицию в результате давления антисоветских группировок на американское правительство. «Сегодняшнее молчание американского правительства, — сообщал посол, — отражает стоящий перед Рузвельтом нелегкий выбор: слишком явного разрыва между линией своей и Черчилля он никак допустить не может, а стать целиком на черчиллевскую позицию боится по внутриполитическим соображениям»⁵.

Выжидание не могло продолжаться долго. Слишком многое было поставлено на карту. Смертельная угроза для США и Великобритании не перестала существовать, хотя Гитлер и повернул на Восток. Его тактика «бить врагов поодиночке» была хорошо известна. Отправляясь в «восточный поход», Гитлер вынашивал идею беспощадной межконтинентальной

тальной войны с Соединенными Штатами Америки, в которой на стороне Германии выступила бы вся покоренная Европа — «от Атлантики до Урала», а на Тихом океане — Япония.

Утром 23 июня, действуя по указанию президента, С. Уэллес огласил официальное заявление, в котором нападение Германии на Советский Союз квалифицировалось как вероломное и подчеркивалось, что «любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, из какого бы источника эти силы ни исходили, ускорят неизбежное падение нынешних германских лидеров и тем самым будут способствовать нашей собственной обороне и безопасности»⁶. В заявлении ни слова не было сказано об оказании поддержки Советскому Союзу. Инерция старой политики давала себя знать.

На следующий день сам Рузвельт заявил на пресс-конференции: «Разумеется, мы намерены оказать России всю помощь, какую только сможем»⁷. Однако он ушел от ответа на вопросы, в какую форму выльется эта помощь и будет ли распространен на Советский Союз закон о ленд-лизе. В тот же день в Вашингтоне было объявлено об отмене блокирования советских финансовых операций, а еще через день — о решении не применять к СССР ограничений, предписанных законом о нейтралитете, что давало ему возможность закупать в США военные материалы и перевозить их на американских торговых судах.

В Москве хотели большей ясности, поэтому по указанию НКИД вечером 26 июня состоялась встреча К. А. Уманского с Уэллесом, который заявил, что «американское правительство считает СССР жертвой неспровоцированной, ничем не оправданной агрессии» и что отпор этой агрессии, предпринимаемый советским народом, «соответствует историческим интересам Соединенных Штатов». Уэллес подчеркнул, что американское правительство «готово оказать этой борьбе всю посильную поддержку в пределах, определяемых производственными возможностями США и их наиболее неотложными нуждами».

Итак, намечалась значительная область взаимного соглашения. К. А. Уманскому было поручено обсудить с американскими руководителями конкретные размеры и характер помощи СССР. 30 июня он вновь встретился с Уэллесом и передал ему заявку на необходимые военные поставки из США, состоявшую из 8 пунктов и включавшую истребители, бомбардировщики, зенитные орудия, а также некоторое оборудование для авиационных и других военных заводов на общую сумму 1,8 млрд. долл. с предоставлением кредита сроком на 5 лет. В ходе беседы Уэллес заверил посла, что передаст советскую

заявку Рузвельту и что американское правительство «безотлагательно» приступит к ее деловому обсуждению⁸.

Казалось, общий язык был найден. Но на практике дальнейшие разговоры с американской стороны дело не пошло. В Вашингтоне сомневались, устоит ли Советский Союз перед гитлеровским «блицкригом», и, прежде чем перейти к оказанию ему материального содействия, предлагали выдержать испытательный срок. Десятилетиями культивируемое в США неверие в силы и возможности социалистического государства сыграло злую шутку с американскими руководителями. По существу, они оказались в хвосте нацистских пропагандистов, твердивших, что «Россия исчезнет с карты мира через восемь недель». Как признают Т. Бейли и П. Райан, «военные эксперты в Англии и Америке придерживались почти единодушного мнения, что механизированная мощь Гитлера заставит Россию выйти из войны через несколько недель. Это мнение явилось одной из причин того, почему Рузвельт столь осторожно подходил к проблеме оказания существенной помощи (СССР. — А. Б.)»⁹.

Главным поставщиком панической информации было американское посольство в Москве в лице самого посла Штейнгардта. «Я предвижу, что Советское правительство вскоре бросят Москву», — телеграфировал он 26 июня в Вашингтон. Спустя несколько дней посол мрачно предсказывал, что немецкая армия вступит в советскую столицу «через пару месяцев, а может быть, немного раньше»¹⁰.

В Вашингтоне многие были уверены, что СССР постигнет судьба Франции, и поэтому уговаривали президента воздержаться от поставок оружия в Советский Союз, чтобы оно не попало в руки немцев. В громком хоре скептиков и маловеров тонули мнения трезвых политиков, таких как, например, бывшего посла США в СССР Дж. Дэвиса, который в интервью агентству ЮПИ заявил, что Красная Армия еще «поразит и удивит мир».

Судя по всему, большие сомнения и колебания в отношении ближайшего будущего Советского Союза испытывал и сам глава Белого дома. Хотя президент был далек от того, чтобы разделять самые мрачные прогнозы, он все же не мог не считаться с реальными, как ему казалось, фактами. Характерным для понимания настроений президента являлось его письмо к адмиралу Леги от 26 июня 1941 г. «И вот наступило это русское отвлечение, — говорилось в нем. — Если оно окажется чем-то большим, то это будет означать освобождение Европы от нацистского господства». Как обычно бывало в тех случаях, когда будущее представлялось ему неопределенным, президент решил подождать прояснения обстановки.

10 июля Рузвельт принял впервые за два года советского посла. В беседе К. А. Уманский заявил, что для победы над гитлеровской Германией нужно крепкое, согласованное сотрудничество между всеми антигитлеровскими силами. Посол подчеркнул решающее значение борьбы советского народа с общим врагом и указал на важность понимания этого обстоятельства при распределении военных поставок. «Немцы, — говорил он, — обрушили на нас буквально всю мощь своей военной машины, перебросив силы из Франции, авиацию, действовавшую против Англии, и, наверное, из ряда других районов, где антигитлеровские силы, благодаря нашему мощному отпору, получили известную передышку. Поэтому следует ожидать, что эти антигитлеровские силы, с полным пониманием всей важности нашего фронта для нашего дела и для их национальной безопасности, согласятся с необходимостью немедленных и широких поставок нам, по нашей заявке, невзирая на возможное нарушение существовавших планов и расписаний».

Президент ответил уклончиво. Правда, он согласился в принципе с тем, что «необходимы теснейшее сотрудничество антигитлеровских сил и уступки ряда видов американского снабжения той стране, борьба которой в данный момент имеет наибольшее значение для всех с точки зрения успеха общего дела», но в отношении советской заявки уходил от определенного ответа, давая понять, что вопрос находится все еще в стадии обсуждения. Вместе с тем Рузвельт подчеркнул: «Если бы русские смогли устоять перед немцами до 1 октября, это имело бы неоценимое значение для разгрома Гитлера, так как после этой даты эффективные боевые действия против России были бы невозможны и последующее сковывание большого числа немецких войск и техники имело бы большую практическую ценность в обеспечении окончательного поражения Гитлера¹¹. Итак, «испытательный срок» Советскому Союзу был установлен, показывая истинную цену дружелюбия Вашингтона.

Хорошо понимая, какие сомнения одолевали американских руководителей, Советское правительство активизировало усилия по укреплению отношений с США и разъяснению положения на советско-германском фронте. Американские военные поставки рассматривались в Москве не только с точки зрения их самостоятельной ценности, но в большей степени как первый шаг к налаживанию прочного военного и политического сотрудничества с Вашингтоном. Эта была, по существу, единственная дорога к советско-американскому сближению в то время, когда США еще не участвовали в войне. Конкретно речь шла о двух крупных дипломатических акциях — визите в Вашингтон советской военной делегации во главе с генералом

Ф. И. Голиковым и поездке в Москву ближайшего советника президента Рузвельта Г. Гопкинса. 17 июля перед отъездом в США генерала Голикова инструктировал И. В. Сталин. Важной задачей миссии являлось разъяснение американским руководителям, что Красная Армия полна решимости драться с врагом до конца и что немецко-фашистским захватчикам не удастся сломить советский народ. В беседе рассматривались также вопросы о приобретении в США вооружения и стратегических материалов, о доставке их в СССР и о получении займов. Обсуждалась также возможная позиция американских руководителей в свете политической обстановки в США, борьбы различных сил и тенденций.

25 июля, по пути задержавшись в Англии, советская делегация прибыла в Вашингтон. Ее работа протекала в сложных условиях: сказывалось стремление американских руководителей затянуть решение вопроса о поставках. В заявлении госдепартамента, опубликованном накануне переговоров, настораживала фраза о том, что советская миссия прибыла «для исследования и координации возможностей (!) военных закупок в США». Американские дипломаты расточали улыбки, выражали сочувствие борьбе советского народа, но серьезных разговоров избегали. В частности, С. Уэллес не захотел рассматривать новые советские предложения пока не будет принято решение по предыдущей заявке, и отказался обсуждать политические вопросы, выходящие за рамки военных поставок.

Американские военные на переговорах с членами советской делегации держали себя подчеркнуто суcho и сдержанно, если не сказать враждебно. Начальник штаба армии США генерал Маршалл, ссылаясь на недостаточный уровень американского военного производства, раздраженно заявил, что американское правительство «даст то, что уже есть, но не может дать того, чего еще нет». В кабинете военного министра Стимсона, как бы иллюстрируя его отношение к Советскому Союзу, во всю ширь стены висела карта Европы с явно ошибочной линией советско-германского фронта. Если верить ей, то многие советские города, среди них Мурманск и Петрозаводск, были уже в руках оккупантов. Советские военные в этой беседе решительно отвергли утверждения тех, кто ждал поражения Красной Армии и скорой победы Гитлера¹².

Принимавший участие в переговорах посол К. А. Уманский сообщал в Москву, что беседа «выявила то враждебное отношение к нам военного министра и его аппарата, которое мы чувствуем буквально с первого дня войны». Хотя министр обещал, что США в меру своих сил помогут Советскому Союзу, он тут же заявил, что его правительство не пойдет на это, «работая вслепую». «Мы должны знать точно и видеть своими

глазами, как используется наше вооружение», — сказал он. Посол обращал внимание советского руководства на тенденцию в американских правящих кругах использовать еще не предоставленную помощь Советскому Союзу «для проникновения в наши дела»¹³.

Еще не приступив к поставкам, американские военные уже настойчиво говорили о необходимости направить в Советский Союз различных наблюдателей и контролеров, в том числе и прямо на фронт. Имелись сведения, что эти требования выдвигались в расчете на отказ Советского Союза, который мог быть использован в качестве доказательства его «нежелания» сотрудничать с США в военных делах. С советской стороны был с самого начала взят верный тон с американцами в этих «шекотливых» вопросах, что имело большое значение для последующих отношений. Конкретные проблемы решались в связи с военной необходимостью и строго подразделялись между собой по значению.

Все эти трудности, естественно, сказывались на ходе переговоров в Вашингтоне. Подчеркивая их затяжной характер, советский посол писал в НКИД в конце июля: «Вопросы решаются невероятно медленно, без учета темпов и размаха войны... Поныне, ровно через месяц после вручения нашей вооруженной заявки, мы не имеем ответа на нее, если не считать прямого отказа в зенитках намеченных нами калибров... Каждый практический вопрос решается с невыносимыми проволочками, при сопротивлении аппарата, особенно военного министерства и госдепартамента, после бесконечных непроизводительных совещаний»¹⁴.

Для посла и членов советской делегации было ясно, что только энергичное вмешательство самого президента могло вывести переговоры из тупика. Встреча с Рузвельтом состоялась 31 июля, когда Гопкинс уже находился в Москве. Время аудиенции было определено в 15 минут. Вот как описывает беседу с президентом в своих воспоминаниях генерал Голиков: «С первых же минут встречи мы почувствовали благожелательное отношение Рузвельта к представителям Советского государства. Он держался просто, непринужденно, был внимателен к каждому из нас. Когда прошло 15 минут, президент не выказал никакой торопливости. Разговор затянулся. В целом атмосфера встречи выгодно отличалась от обстановки тех бесед, которые до этого нам пришлось вести с американскими представителями, — слишком много в них было нервозности и натянутости»¹⁵.

С советской стороны разговор был деловым и конкретным. Подчеркивалось, что вопросы в США решаются крайне медленно или не решаются вовсе, а дело подменяется бесконеч-

ными словопрениями. Президент оживился и сказал, что ему и самому надоели бесплодные совещания, и обещал ускорить решение всех проблем. В то же время в конкретных делах он держался по-прежнему уклончиво и не проявлял желания связывать себя твердыми обязательствами, время для которых, как он, видимо, считал, еще не пришло.

Для принятия окончательного решения Рузвельт с нетерпением ждал результатов переговоров в Москве Гопкинса, которым придавал исключительно большое значение. Трагательная история о том, как тяжелобольной друг и соратник президента отправился в Советский Союз в конце июля с английской базы Инвергордон на борту летающей лодки «ПБИ-Каталина», хорошо известна. Однако не все в ней было так просто, как изобразил автор книги «Рузвельт и Гопкинс» Р. Шервуд и как потом за ним повторили многие американские историки. Согласно версии Шервуда, Гопкинса во время пребывания в Лондоне «внезапно» осенила мысль о поездке в Россию, и со свойственной ему энергией он тут же принялся за ее осуществление. Увы, в дипломатии все бывает куда будничнее и не столь увлекательно, как описывается порой в литературе.

Прежде всего следует со всей определенностью сказать, что инициатива поездки Гопкинса в Москву принадлежала советской стороне, а не пришла в голову президентскому фавориту «внезапно». Задержка генерала Голикова в Лондоне по пути следования в США была вызвана полученными им инструкциями встретиться для переговоров с американским представителем, о влиянии которого в Москве хорошо знали. Видимо, в ходе этой встречи советский генерал и должен был передать Гопкинсу официальное приглашение посетить Советский Союз, потому что, когда запланированная встреча не состоялась ввиду скоропалительного отъезда делегации в США по настоянию английских властей, это сделал посол СССР в Англии И. М. Майский.

В своих воспоминаниях И. М. Майский повествует о том, как 19 июля, в субботу, в официальной резиденции английского правительства в Чеккерсе Черчиль представил его «высокому, очень худощавому болезненному вида человеку с продолговатым лицом и живыми глазами». Это был Гарри Гопкинс. Но в суматохе большого приема разговора не получилось. Связавшись через два дня по телефону с американским послом в Лондоне Дж. Вайнантом, Майский договорился о встрече с Гопкинсом 22 июля на завтраке в американском посольстве.

Советский посол начал с того, что подробно обрисовал ситуацию, сложившуюся на Восточном фронте в результате временных неудач Красной Армии, и разяснил их причины. Он подчеркнул важность открытия второго фронта на Западе.

Этот вопрос был поставлен в послании Сталина к Черчиллю от 18 июля и вызвал более чем холодную реакцию английского премьер-министра. Не входя в ближайшее окружение президента Дж. Вайнант горячо высказался за второй фронт. Но Гопкинс лишь внимательно слушал. «Никаких разговоров о войне», — гласили строжайшие инструкции, полученные им в Белом доме перед отъездом в Лондон. «Мы, США, сейчас невоюющая страна и в отношении второго фронта не можем вам помочь. Но вот в вопросах снабжения — иное дело...»¹⁶, — сказал Гопкинс и тут же спросил, в чем заключаются советские нужды. Тогда ему и было предложено посетить Москву и выяснить все вопросы на месте.

Остальное — известно. Рузвельт немедленно ухватился за представившуюся возможность выяснить, «что в действительности творилось в России», и поддержал идею поездки Гопкинса в Москву. Ему было крайне важно получить точную информацию о положении дел на Восточном фронте в преддверии предстоящей в середине августа встречи с Черчиллем. От этого во многом зависела вся дальнейшая американская стратегия во второй мировой войне. Более того, согласно американской версии, Рузвельт снабдил своего посланца рекомендательным письмом к главе Советского правительства, в котором говорилось: «Я прошу вас относиться к г-ну Гопкинсу с таким же доверием, какое вы испытывали бы, если бы говорили лично со мной»¹⁷. Это был призыв к взаимопониманию, который встретил полную поддержку с советской стороны. Совершив опасный 20-часовой перелет над полярными водами, самолет с высоким американским гостем на борту благополучно приземлился в Архангельске, откуда он был доставлен в Москву. 30 и 31 июля продолжались переговоры Гопкинса в Кремле.

В Москве помощнику президента откровенно и без прикрас обрисовали обстановку на фронте, не скрывали трудностей первых месяцев войны, повлекших за собой временное отступление Красной Армии. Из бесед с И. В. Сталиным и другими советскими руководителями проницательный американец вынес убеждение, что о поражении Советского Союза не могло быть и речи, что война принимает упорный и затяжной характер и что советский народ мобилизует все силы и средства на отпор врагу. Германия уже поняла, говорил Гопкинсу глава Советского правительства, что «продвижение механизированных войск по России весьма отличается от продвижения их по бульварам Бельгии и Франции». Он подчеркнул, что моральное состояние советских войск исключительно высокое и что в ближайшее время фронт стабилизируется. Беседы с главой Советского правительства произвели на Гопкинса

глубокое впечатление. В своем отчете Рузвельту из Москвы он писал: «... Я очень уверен в отношении этого фронта. Здесь существует безусловная решимость победить»¹⁸.

Переговоры с представителем президента США в Москве пролили дополнительный свет на движущие мотивы американской внешней политики, обнажили ее скрытые пружины. В частности, не могло пройти незамеченным, что, говоря о необходимости скорейшего разгрома Гитлера и решимости президента оказать всю возможную помощь СССР «в максимально короткий срок», Гопкинс не спешил принимать конкретные обязательства. Подчеркивая, что поставки тяжелого вооружения — танков, самолетов, зенитных орудий — могли начаться только после проведения совещания представителей СССР, США и Великобритании, он в то же время старался всячески оттянуть его открытие до середины октября.

Советские руководители уже тогда имели возможность убедиться, что можно было ожидать от США в качестве союзной державы. Выполняя инструкции Белого дома, американский представитель отказался обсуждать вопрос о вступлении США в войну, поставленный советской стороной. Отклонил он и советское предложение «предостеречь» Японию в связи с ее заметно возросшей агрессивностью после нападения Гитлера на СССР, что ясно говорило о намерении США и впредь следовать курсом «умиротворения» Японии за счет ее северного соседа. Что ж, американская позиция еще раз свидетельствовала о том, что США понимали под сотрудничеством только то, что отвечало их выгоде.

Советская и мировая печать широко освещала визит американского представителя в Москву. Советские люди видели, что они не одиночка в борьбе с фашизмом. В мире росла уверенность, что начал складываться боевой союз всех антифашистских сил. В Берлине испытывали нескрываемое раздражение и тревогу: ставка на разобщенность противников не подтверждалась, взаимные интересы СССР и США оказывались сильнее их противоречий, на которые так рассчитывал Гитлер.

На обратном пути в Англию Гопкинс очень спешил. Он должен был успеть к отплытию английского линкора «Принц Уэльский», на борту которого премьер-министр Черчилль отправлялся в далекий путь через Атлантику на встречу с президентом Рузвельтом. Встречу, получившую название Атлантической конференции, было решено провести вблизи полуострова Ньюфаундленд на американской базе Аргентия. Как отмечал А. Гарриман, назначенный президентом представителем США по ленд-лизу в Лондоне, «Гопкинс отправился в обратный путь в Шотландию в восторге от своих переговоров со Сталиным, удовлетворенный его откровенностью и восхи-

щенный его умением видеть войну во всей ее сложности». Он был уверен в том, что оказание помощи Советскому Союзу отвечает долговременным американским интересам и является «выгодным помещением капитала»¹⁹.

Впечатления переполняли его. С борта линкора он телеграфировал президенту: «Я здоров и имею полную информацию о силе русской армии». Рузвельт с нетерпением ждал своего посланца, хотя в общих чертах уже имел представление о переговорах в Москве из полученных телеграмм. Первыми словами Гопкинса при встрече с президентом 9 августа были: «Русские уверены в себе»²⁰. Вторая мировая война предстала вдруг в совершенно новом ракурсе в глазах тех, кто совсем еще недавно сомневался в силе советского оружия.

Правда о поставках

Трудными были первые месяцы войны для советского народа. Исключительно сложными были они и для советской дипломатии. Неудачи на фронте не лучший союзник во внешней политике во время войны, тем более в отношениях с классово противоположными государствами. К осени 1941 года гитлеровская Германия оккупировала территорию СССР, в два раза превышающую размеры Франции.

В этот критический момент советские дипломаты настойчиво искали пути к расширению союзнических связей с США и Великобританией, усматривая в этом важный резерв в борьбе с фашизмом. Речь шла прежде всего о повышении их вклада в общие военные усилия. Наряду с предпринимаемыми попытками организовать второй фронт на Западе, все большее место в деятельности советских дипломатов занимала проблема американских военных поставок в СССР. Хотя Советское правительство рассчитывало в первую очередь на собственные ресурсы, американские поставки могли в какой-то мере облегчить борьбу советского народа с врагом. Особое значение они имели в начальный период Великой Отечественной войны, когда происходил перевод советской промышленности на военные рельсы и сотни предприятий перебазировались в глубокий тыл на восток страны.

Вопрос о военных поставках в американской буржуазной литературе окружает густая завеса мифов. Правящим кругам США политически выгодно поднимать на щит свой вклад в борьбу с фашизмом и одновременно принижать решающую роль советского народа во второй мировой войне. Правда, сегодня уже мало кто на Западе рискнет утверждать, что американские поставки «спасли» советский народ от пораже-

ния, как это было принято говорить в годы «холодной войны». Зато в угоду политической конъюнктуре старательно выдвигается тезис о «благородстве» и «великодушии» США, проводится мысль о том, что они могли-де воспользоваться «бездейственным» положением СССР и потребовать от него каких-то «уступок», но не захотели этого сделать.

Так, в исследовании американского конгресса об этом говорится на примере визита Гопкинса в Москву: «Как опыт переговоров миссия Гопкинса была уникальной: Соединенные Штаты имели все дипломатические преимущества, но они не торговались, не просили ничего, кроме товарной заявки. Единственной целью США было удержать Россию в войне, и они были готовы заплатить эту цену, не запрашивая большей»²¹.

Сказано с явным намеком на «мягкотельсть» американских руководителей военных лет, которые вполне могли, но почему-то не рискнули воспользоваться предоставленными возможностями для оказания давления на Советский Союз. Но не об этом думали в Белом доме в тот момент, когда судьба Соединенных Штатов, да и всей мировой цивилизации, зависела от исхода сражений на Восточном фронте. 8 августа 1941 г. государственный секретарь Хэлл в беседе с генералом Голиковым и послом Уманским, видимо, не без дрожи в голосе заявил: «Мы просим и молимся о победе Советского Союза над Гитлером». И добавил, что он «всегда был против гитлеризма»²².

«Просим и молимся! — в этих словах следует искать ключ к пониманию военной стратегии Рузвельта, в том числе и в вопросе о поставках Советскому Союзу. Едва получив первую информацию от Гопкинса из Москвы, президент решил действовать. На следующий день он устроил форменный разнос на заседании кабинета виновным в волоките с поставками в СССР. Действительно, ответ госдепартамента на первую советскую заявку охватывал менее 1% всех советских заказов. В частности, исключенными из заявки оказались оборудование по производству алюминия, высокооктанового бензина, электропечи и т. д., а самая срочная ее часть — самолеты и авиационное оборудование вообще были оставлены без внимания.

В течение 45 минут, отмечал министр финансов Г. Моргентай, президент с «олимпийской яростью» распекал кабинет по поводу отсутствия всякого прогресса в деле помощи СССР. Когда военный министр Стимсон попробовал сослаться на «объективные трудности», президент резко его оборвал: «Достать, даже если потребуется забрать у собственной армии»²³.

2 августа при продлении на год советско-американского

торгового соглашения 1937 года госдепартамент в ноте, переданной советскому послу, сообщил о решении правительства США «оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии». В ответной советской ноте выражалась благодарность правительству США за принятые решения и вместе с тем высказывалась уверенность, что американская помощь будет соответствовать размаху военных действий, проводимых Советским Союзом. В советском ответе легко угадывалась неудовлетворенность американской поддержкой, несоизмеримой с экономическими возможностями США и их промышленным потенциалом. Пока еще о «помощи России» в Вашингтоне больше говорили, нежели делали.

Поскольку решение многих практических вопросов упиралось в проблему финансирования советских заказов, то выход из создавшегося положения правительство СССР видело в получении у США займа в сочетании с поставками советского сырья. Вопреки существующему на Западе мнению, вопрос о предоставлении помощи в порядке ленд-лиза с советской стороны не поднимался. Речь шла о закупках необходимых материалов в США на обычных коммерческих условиях. Об этом говорилось, например, в послании И. В. Сталина к Черчиллю от 3 сентября, где прямо было сказано: «продать» нужные военные материалы. Это целиком и полностью разоблачает версию буржуазной историографии об «отчаянном положении» СССР, который чуть ли не «молил» США о предоставлении ему помощи по ленд-лизу.

8 августа генерал Голиков и посол Уманский, выполняя указание Советского правительства, встретились с министром торговли США Д. Джонсом. Основной темой беседы был вопрос о получении займа, вспоминал Ф. И. Голиков. Министр торговли выдвинул непременными условиями его решения немедленную реализацию отпускаемых средств и обеспечение со стороны Советского Союза поставок стратегического сырья в Соединенные Штаты.

Стараясь найти выход из создавшегося положения, Советское правительство предложило увязать вопрос о получении в США займа в 500 млн. долл. с поставками сырья в течение пяти лет после войны, в частности: марганца (1—1,2 млн. т), хромовой руды (400—500 тыс. т) и др. СССР обязался продать США даже до конца 1941 года значительное количество марганца, хрома, асбеста, некоторые семена при условии, что американское правительство предоставит необходимый тоннаж для их транспортировки. Но в тот момент США не проявили интереса к советским предложениям²⁴.

В Вашингтоне со свойственным янки-купцу корыстолюбием

хотели, чтобы Советский Союз оплачивал свои потребности на первых порах золотом. Трезво оценивая обстановку, Советское правительство выразило готовность пойти на это. 15 августа было заключено соглашение, по которому СССР получал кредит в 10 млн. долл. под обязательство передать США 903 тыс. тройских унций золота. 16 октября советское судно «Днепрострой», а 5 ноября «Азербайджан» доставили в США первые партии золота по 5 млн. долл. каждая.

Проблема американских поставок в Советский Союз вырастала до размеров «большой политики». Ею наряду с другими важнейшими военно-стратегическими вопросами занимались Рузельт и Черчилль на Атлантической конференции, проходившей с 9 по 12 августа 1941 г. Тон обсуждению задал отчет Гопкинса о его поездке в Москву. «Перед двумя лидерами, — отмечается в исследовании конгресса, — предстал сам Гопкинс с убедительным докладом в руках. Он был уверен в том, что русские смогут продержаться до зимы, что они смогут затем перестроить свои армии, укрепить свою оборону, завершить перебазирование промышленности, увеличить производство оружия и усовершенствовать военную технику. Воодушевленные и преисполненные надежд, Рузельт и Черчилль решили по предложению Гопкинса направить в Москву объединенную делегацию»²⁵.

В совместном послании главе Советского правительства они предлагали провести в Москве совещание по вопросу распределения «общих ресурсов» с участием высокопоставленных представителей США и Великобритании. На это предложение Советское правительство ответило согласием.

И все-таки забота о национальной безопасности США, судьба которой была тесно связана с событиями на советско-германском фронте, являлась, несомненно, важной, но далеко не единственной стороной в политике Рузельта. Решение о предоставлении помощи Советскому Союзу идеально укладывалось в рамки его стратегической концепции «воевать, не участвуя в войне». За американцев воевать должны были другие народы, а роль США сводилась к поставкам оружия и другим косвенным действиям. «Короче говоря, — отмечает английский автор Д. Рейнольдс, — решение об оказании помощи России явилось идеальным компромиссом для Рузельта, который предпочитал сдерживать Гитлера косвенным путем, нежели чем объявить официально о вступлении своей страны в войну»²⁶.

Итак, ни о каком «благородстве» или «великодушии» не могло быть и речи, как бы ни стремились доказать обратное буржуазные историки. Все определял «здравый смысл» американских правящих кругов, их себялюбивая логика. И далеко не

случайно, что дилетант в дипломатии Гарриман был тем не менее назначен президентом главой американской делегации в Москве. Видимо, по мнению Рузельта, «уравновешенный» Гарриман, опытный бизнесмен и финансист, совладелец банкирского дома «Браун Бразерс, Гарриман энд К°», имевшего немалые интересы в покоренных Гитлером европейских странах, как нельзя лучше подходил для предстоящей миссии. Ведь речь шла о поставках, измеряемых сотнями миллионов долларов.

О том, какими инструкциями должна была руководствоваться американская делегация на совещании в Москве, дает представление письмо Рузельта военному министру Стимсону от 30 августа 1941 г.: «Я считаю делом исключительной важности для спокойствия и безопасности Америки, чтобы все разумные поставки направлялись в Россию не только сейчас, но и до тех пор, пока она продолжает эффективно бороться с державами «оси». Я убежден, что существенные и всеобъемлющие обязательства такого характера должны быть предоставлены России на предстоящей конференции»²⁷.

Тем временем американская делегация, закончив увязку множества вопросов, прибыла 15 сентября в Лондон, где при согласовании позиций с английской делегацией во главе с лордом Бивербруком произошел любопытный инцидент, проливающий свет на отношения между партнерами СССР по переговорам.

Не успели американцы, утомленные ночным перелетом через океан, прибыть на Хэнддонский аэродром, как лорд Бивербрук созвал экстренное совещание. Эксцентричный газетный магнат, назначенный Черчиллем министром снабжения и авиационной промышленности, без лишних слов потребовал от Гарримана сообщить ему, что конкретно собирались американцы предоставить Советскому Союзу.

Повелительный тон Биверброка пришелся явно не по вкусу знающему себе цену американцу, который отказался раскрыть свои карты и предложил создать рабочие комитеты для предварительного рассмотрения сторонами отдельных вопросов. Недовольный этим Бивербрук резко сказал, что для таких «тонкостей» нет времени, и продолжал настаивать на своем. Тогда Гарриман холодно заметил: «Что ж, в таком случае процедура, предложенная Биверброком, избавит американцев от необходимости поездки в Москву». Этот ответ поставил на место самоуверенного англичанина. «О, нет, нет, нет, — растерялся он. — Мы должны ехать вместе».

Весть о случившейся размолвке быстро достигла Черчилля, который тут же пригласил Гарримана на обед и попытался сгладить неприятное впечатление, произведенное «неловким» Биверброком. И, хотя стороны предпочли сделать вид, что

ничего не случилось, вопрос «кто есть кто» был выяснен между ними. Американцы, усвренные в собственной силе и возможностях, не собирались играть вторую роль на переговорах с Советским Союзом, как, впрочем, и в других вопросах. «Наша ссора в Лондоне установила тон. После нее Бивербрук остерегался начинать новую»²⁸, — вспоминал Гарриман.

Конференция представителей СССР, США и Великобритании — первая трехсторонняя встреча союзников в годы Великой Отечественной войны проходила с 29 сентября по 1 октября 1941 г. в Москве. Тогда за ходом ее работы напряженно следил весь мир: одни — с надеждой, другие — с ненавистью. Переговоры проходили в целом успешно, хотя и не без трудностей и разногласий. Советские представители, проявляя тактическую гибкость и стремясь к достижению взаимоприемлемых договоренностей по всем основным вопросам, нередко шли на уступки союзникам.

Переговоры, по существу, начались сразу же по прибытии американской и английской делегаций в Москву — 28 сентября. В тот же вечер их руководителей принял в Кремле глава Советского правительства. «Первая встреча была отмечена большим откровением со стороны Сталина, — отмечал Гарриман. — Он обрисовал в деталях военное положение, не скрывая, что оно было критическим. Stalin подчеркнул жизненную важность любой ценой удержать Москву». Он подробно остановился на соотношении сил на фронте, говорил о временном превосходстве гитлеровцев в самолетах, танках, численности войск, а затем перешел к потребностям Красной Армии в технике, а промышленности — в сырье.

Было уже за полночь, когда гости покинули Кремль. Они были «более чем довольны» состоявшейся встречей. Все вопросы, казалось, можно было решить быстро и без задержек. Темпераментный Бивербрук даже уверял своего американского коллегу, что потребуется всего лишь еще одна встреча, чтобы завершить переговоры и отправиться возвращаться. Но Гарриман придерживался другого мнения. Он не хотел спешить с заявкой и считал, что следует узнать как можно больше из бесед с советскими руководителями. Эта тактика сразу же сказалась на ходе переговоров.

Не удивительно, что следующая встреча с главой Советского правительства, состоявшаяся вечером 29 сентября, проходила совсем в иной атмосфере. «Второй вечер, — вспоминал Гарриман, — был очень бурным. Stalin не скрывал того, что он крайне неудовлетворен нашими предложениями. Казалось, онставил под сомнение нашу добрую волю»²⁹.

Этот откровенный разговор оказал отрезвляющее воздействие на представителей США и Великобритании, которые

отказались от тактики затягивания переговоров и предприняли шаги навстречу Советскому Союзу. В результате 30 сентября были согласованы основные статьи протокола поставок Советскому Союзу, а 1 октября протокол был подписан участниками конференции.

В окончательном виде он включал в себя более 70 основных видов поставок и свыше 80 наименований предметов медицинского снабжения и был рассчитан на срок до 30 июня 1942 г. Ежемесячно Советский Союз должен был получать 400 самолетов, 500 танков, 152 зенитных орудия, 1,3 тыс. противотанковых орудий, 2 тыс. т алюминия и других военных грузов — всего за девять месяцев 1,5 млн. т. Для Советского Союза было сделано важное исключение: в обмен на поставки от него не требовалась информация закрытого порядка, кроме той, которую было готово само предоставить Советское правительство.

Итоги Московской конференции получили высокую оценку с советской стороны. Глава советской делегации В. М. Молотов при закрытии конференции выразил надежду, что «наш великий антигитлеровский фронт будет быстро крепнуть». Оценивая состоявшуюся встречу, нарком сообщал 13 октября временному поверенному в делах СССР в США А. А. Громыко: «Конференция трех держав прошла и закончилась в общем успешно. Главная работа была проведена во время ежедневных приемов глав делегаций у тов. Сталина, где и были уточнены размеры и сроки основных военных поставок для СССР... Бивербрук и Гарриман явно стремились показать, что они приехали оказать СССР широкую помощь, и если по ряду вопросов (например, по станкам и некоторому другому оборудованию и сырью) пока не были установлены точные размеры и сроки, то мы и не считали нужным уточнять все эти детали, чтобы не затягивать конференцию, считая важным подчеркнуть политический эффект соглашения быстрой работы конференции»³⁰.

На очередь дня остро вставал вопрос о финансировании поставок Советскому Союзу. Этот вопрос не был решен на Московской конференции, хотя советские руководители располагали сведениями о том, что президент занимался им вплотную. Обстановка в США была напряженной. Круги, стоящие на антисоветских позициях, от крайне «изоляционистских» до католических, выступали противниками финансирования советских заказов из государственной казны. В сентябре — октябре через конгресс проходил второй законопроект об ассигнованиях на ленд-лиз. 24 сентября ярый реакционер Г. Фиш внес в палате представителей поправку, которая исключала Советский Союз из числа получателей помощи. Представитель администрации, подчеркнув значение «русского фронта»,

настаивал на сохранении «свободы рук» для президента. Характерно, что комиссия палаты по ассигнованиям не только отвергла реакционную поправку, но и прямо высказалась в пользу распространения ленд-лиза на Советский Союз. На заседании палаты представителей поправка была отвергнута 162 голосами против 21³¹.

Итоги обсуждения в конгрессе были далеко не случайными. Они отразили растущие симпатии американцев к героической борьбе Советского Союза против фашизма, стремление внести свой вклад в эту борьбу. Американская общественность не поддержала бы правительство, которое оказывало бы помочь Советскому Союзу — ведущей силе в борьбе с фашизмом на менее благоприятных условиях, чем Великобритания. Ярким свидетельством этого явилась начавшаяся 27 октября 1941 г. массовым митингом в парке Мэдисон-сквер в Нью-Йорке общегосударственная кампания по сбору средств для Советского Союза. В ней приняли участие миллионы американских граждан. По всей стране были созданы многочисленные организации Комитета помощи России в войне, развернувшие активную деятельность.

Рузвельт умел чувствовать биение общественного пульса. Он понимал, что дальше откладывать решение вопроса о финансировании советских заказов нельзя. 2 ноября 1941 г. Советское правительство получило памятную записку посольства США, в которой сообщалось, что во избежание финансовых затруднений президент отдал распоряжение о немедленном проведении мероприятий, при которых поставки могут производиться, согласно закону о ленд-лизе, на сумму до 1 млрд. долл. В документе также указывалось, что президент одобрил московский протокол и «дал распоряжение начать поставки немедленно и продолжать производить их в наибольшем объеме». Он выразил надежду, что «Советское правительство приложит особые усилия», чтобы продать Соединенным Штатам необходимые им товары и сырье, причем выручка от поставок Соединенным Штатам будет «зачисляться на счет правительства СССР».

В ответном послании И. В. Сталина от 4 ноября говорилось, что Советское правительство принимает решение президента «с искренней благодарностью как исключительно серьезную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе с нашим общим врагом, с кровавым гитлеризмом». В послании далее подчеркивалось: «Правительство СССР готово сделать все необходимое, чтобы поставлять Соединенным Штатам Америки те товары и сырье, которые имеются в его распоряжении и в которых могут нуждаться Соединенные Штаты»³². Тем самым вопрос был решен не в плоскости односторонних поставок, как нередко пытаются представить

дело буржуазные авторы, а с учётом взаимных обязательств об оказании поддержки друг другу.

Что касается практической стороны вопроса, то механизм поставок раскручивался очень медленно и с большим скрипом. На это имелись как субъективные, так и объективные причины. Аппарат буржуазного государства и его отдельных звеньев, погрязший в бюрократической волоките и антисоветских традициях, нередко сознательно тормозил поставки. От советских представителей в США требовалось исключительная настойчивость, выдержка и изобретательность, чтобы в этих условиях быстро согласовывать и решать возникающие вопросы. В конце августа из США в СССР были отправлены первые военные грузы. График поставок постоянно срывался: то необходимых материалов «не было в наличии», то не хватало транспортных средств и т. д.

Дело существенным образом не улучшилось и после Московской конференции. Американский автор Л. Мартель, основательно исследовавший эту проблему по архивам госдепартамента, отмечал: «Подписание первого протокола в Москве в октябре 1941 г. и заявление о распространении ленд-лиза на Россию месяцем позже не открыли шлюзы для широкого потока материалов сражающейся Красной Армии. Помощь России в конце концов действительно увеличилась с тоненького ручейка до существенного потока грузов, но в первые критические месяцы войны на ее пути постоянно возникали препятствия»³³.

Об этом говорили конкретные факты. 22 ноября советское посольство в Вашингтоне обращало внимание госдепартамента на «серьезное положение с доставкой материалов и других грузов из США в СССР». К 21 ноября октябрьские (!) поставки были выполнены: по грузовикам — на 37%, по самолетам — на 30, по танкам — на 43, по «виллисам» — на 27%. В советском меморандуме указывалось, что ситуация с поставками «в высшей степени критическая» и ее необходимо как можно скорее исправить³⁴.

К сожалению, до конца года эту ситуацию изменить к лучшему так и не удалось. Как признают А. Браун и Ч. Макдональд, «хотя Англия и США заявили о своем намерении помочь России, поставки осуществлялись столь медленно, что это наводило на мысль, не приняли ли обе страны на вооружение политику скрытого нейтралитета»³⁵. Как известно, всего до конца 1941 года в СССР были направлены материалы из США стоимостью 545 тыс. долл. при общей запланированной сумме американских поставок в этом году в 741 млн. долл. Это означало, что Советский Союз получил менее 0,1% всей американской помощи. Американские поставки,

естественно, не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на ход сражений на советско-германском фронте, хотя, безусловно, имели определенное пропагандистское значение.

Впрочем, Красная Армия не рассчитывала бить врага чужим оружием. Важно было другое: за сравнительно короткое время зародилось и окрепло боевое сотрудничество СССР с США и Великобританией, явившееся весьма «неприятным открытием» для главарей фашистского блока. Это сотрудничество постепенно приобретало черты боевого союза, военной коалиции, связанный общими интересами и целями в борьбе с фашизмом. Происходили заметные перемены в содержании двусторонних советско-американских отношений. В них росли элементы доверия и взаимопонимания, отступала былая подозрительность.

Еще 23 июля госдепартамент отменил запреты на поездки советских граждан по территории США, введенные накануне войны. Советские специалисты получили возможность свободно бывать на американских военных предприятиях, знакомиться с новыми типами военной техники, оборудования, технологий производства. В ноябре, например, группа советских инженеров и военных специалистов посетила авиационные предприятия «Дуглас» и «Норт Америкэн авизэйшн» в Калифорнии.

В октябре военное ведомство США пригласило представителей советского посольства на маневры в Южной Каролине. Советские летчики, используя богатый опыт перелетов в Америку в 30-х годах, осваивали воздушный маршрут в США через Аляску, сыгравший большую роль в установлении связи между двумя странами в годы войны. Они получили возможность ознакомиться с новыми типами американских самолетов. В октябре советские летчики совершали пробные полеты с аэродрома Паттерсон (штат Огайо).

Советское правительство со своей стороны оказывало всевозможное содействие работе американских представителей в СССР. Советские органы безопасности помогли выявить и обезвредить матерого германского разведчика В. Шиффера, орудовавшего под крышей американского посольства в Москве с 1934 года. Соответствующая информация на этот счет была передана заместителем наркома иностранных дел А. Я. Вышинским послу Штейнгардту в конце сентября.

Несмотря на условия весеннего времени, американским военным представителям было разрешено находиться в портах Владивостока, Архангельска и Мурманска. НКИД ответил быстрым согласием на поставленный посольством США вопрос об обмене метеорологической информацией между советскими и

американскими радиостанциями. В октябре по этому вопросу была достигнута полная договоренность.

А впереди уже назревали новые большие события. Для одних они были неожиданными, для других — вполне закономерными. Война таила в себе еще немало загадок, потому что «всерьез» она еще только начиналась.

В одной коалиции

Воскресенье 7 декабря 1941 г. выдалось в Вашингтоне не по-зимнему мягким и солнечным. Ничто не предвещало, что в этот день Соединенные Штаты настигнет вторая мировая война. Сообщение о вероломном нападении японцев на американскую базу Пёрл-Харбор было встречено в Белом доме как гром среди ясного дня. У президента, едва выслушавшего военно-морского министра Нокса, непроизвольно вырвалось: «Не может быть!». Хорошо чувствовавший настроение своего шефа Голкинс немедленно высказал предположение, что скорее всего произошла ошибка и что Япония не могла нанести удар в этом районе.

Но полученная информация была абсолютно точной. Поступали все новые и новые сведения о размерах трагедии, постигшей Соединенные Штаты на Тихом океане. Американский флот был застигнут врасплох японскими самолетами, поднявшимися в воздух с палуб авианосцев. В результате мощных ударов с воздуха семь линейных кораблей — краса и гордость Тихоокеанского флота США были пущены на дно или надолго выведены из строя, уничтожена почти вся береговая авиация, погибли 2,4 тыс. американских военнослужащих, и 1,2 тыс. были ранены. По признанию исследователя К. Торна, американцы «были потрясены ударами, нанесенными Японией по Пёрл-Харбору»³⁶. Так трагически замкнулась цепь довоенной политики Вашингтона, нацеленной на «умиротворение» агрессора. Виной всему явились не отдельные ошибки военных, «проглядевших» приближение коварного противника, а порочная политическая линия, долгое время определявшая действия США на Дальнем Востоке.

Вопрос о вступлении США во вторую мировую войну в конечном счете был решен не в Вашингтоне, а в Токио. Из Лондона по трансатлантическому кабелю звонил возбужденный Черчилль: «Г-н президент, как понимать это насчет Японии?» Премьер-министр был полон нетерпения узнать, действительно ли затянувшемуся американскому неймешательству в войну пришел конец. В трубке послышался голос Рузельта: «Это совершенно верно. Они напали на нас в Пёрл-Харборе. Теперь мы все в одной лодке».

Рузельт расценивал катастрофу на Тихом океане как свое личное поражение. Собранные в тот же вечер на экстренное заседание члены кабинета никогда не видели президента столь подавленным. Министр труда Ф. Перкинс записала в своем дневнике: «Ему было физически трудно выговаривать слова, которые являлись признанием с его стороны того, что флот захвачен врасплох... Меня охватила уверенность, что Рузельту было мучительно трудно смыкнуться с этой мыслью»³⁷.

Выступая на следующий день в конгрессе, президент заявил: «Вчера, 7 декабря 1941 г., в день, который войдет в историю как символ позора, Соединенные Штаты Америки подверглись неожиданному и преднамеренному нападению со стороны военно-морских и военно-воздушных сил японской империи»³⁸. Коротко остановившись на дипломатической предыстории конфликта, президент обратился к конгрессу с просьбой объявить войну Японии.

Смятие, охватившее Белый дом, было вполне объяснимо. После 22 июня 1941 г. американские руководители испытывали большой прилив оптимизма. Политика неучастия в войне, проводимая Рузельтом, приносила плоды. Круг держав, втянутых в мировой конфликт, постепенно расширялся. В стороне оставались только США и Япония. Все усилия американской дипломатии были направлены на то, чтобы любой ценой избежать столкновения с Японией и подтолкнуть ее к агрессии в другом направлении, прежде всего против северного соседа. Желанная цель подчинить вторую мировую войну своим интересам, формально не участвуя в ней, казалось, была совсем рядом. Как отмечают Т. Бейли и П. Райан, «его (Рузельта. — А. Б.) ключевой стратегией, несмотря на исключительно хитроумную тактику, являлась защита Америки путем оказания помощи англичанам и русским, с тем чтобы они смогли выдержать мощные удары Гитлера, без участия Соединенных Штатов в полномасштабной войне. Японское нападение на Пёрл-Харбор резко оборвало эту опасную игру»³⁹.

Американские руководители рассчитывали средствами дипломатии «разрядить» межимпериалистические противоречия на Дальнем Востоке. Они упирали на то, что агрессор воспользуется трудным положением Советского Союза и нанесет ему удар в спину с Востока. Эта логика, казавшаяся многим в Вашингтоне безупречной, на практике обернулась опасным заблуждением. В памяти японской военщины были еще свежи события на Хасане и Халхин-Голе, и в Токио сочли более благоразумным дождаться ослабления Советского Союза в войне с Германией, реализуя до той поры свои захватнические устремления в зоне американских и британских интересов. «В августе, — отмечается в одном западном исследова-

нии, — японцы заключили, что русско-германская война будет продолжительной, и поэтому они планировали расширить свой контроль в Юго-Восточной Азии»⁴⁰. Так твердый отпор СССР актам агрессии со стороны Японии в довоенные годы и героическое сопротивление Красной Армии гитлеровским захватчикам косвенно повлияли на выбор японской стратегии.

Американская политика «умиротворения» агрессора, напротив, лишь разжигала его аппетиты, создавая впечатление слабости Соединенных Штатов. Тем не менее Рузвельт и Хэлл старались «не раздражать» японцев в отношениях с ними и полагались больше на примирительный тон, чем на твердые действия.

Одновременно с американской стороны решительно отвергались все предложения англичан взять «более жесткий тон» в отношении японцев, которые расценивались в Вашингтоне как попытки «хитрого Уинстона» втянуть США в войну. В августе на Атлантической конференции С. Уэллес заявил заместителю министра иностранных дел Великобритании А. Кадогаву, что «главная цель президента на Тихом океане заключается в том, чтобы избежать войны с Японией». Через два дня сам президент разъяснил свою позицию Черчиллю. По его словам, нужно было использовать все возможности, какими бы ограниченными они ни казались, для продолжения переговоров с японцами и выигрыша времени с целью укрепления американской обороны на Тихом океане⁴¹.

До последнего момента в Вашингтоне верили в успех переговоров, верили даже тогда, когда японские авианосцы скрытно подбирались к американским базам. И не только верили, но и пытались переключить внимание Японии на советский Дальний Восток. Во время очередной беседы с японским послом адмиралом Номура 23 августа Хэлл провокационно говорил: «Неужели вы думаете, что пакт о нейтралитете, подписанный в апреле между Японией и Россией, безусловно даст Японии полнейшую гарантию мирного отношения России к Японии в той мере, в которой вы этого желаете?» Номура хитро щурился, хорошо понимая, куда клонит его собеседник, однако желания обсуждать эту тему не проявлял.

Чем острее и непримиримее становились американо-японские разногласия, тем большие усилия прикладывали в Вашингтоне, чтобы не допустить срыва переговоров. Но время шло. Переговоры топтались на месте. Хэлл явно начинал терять самообладание, открыто подстрекая японцев к выступлению на Север. 15 ноября в очередной бесплодной дискуссии с Номура он отметил, что, несмотря на существование пакта о нейтралитете между Японией и СССР, крупные японские силы в Маньчжурии противостоят русским армиям в Сибири. «То,

что интересует нас, — говорил Хэлл, — это соглашение, которое обеспечит взаимное доверие и даст нам возможность избежать наращивания военных приготовлений. Мы хотим ясного и недвусмысленного соглашения, которое устранит подозрение, что Япония пытается идти двумя путями сразу»⁴². Но Номура оставался непроницаем. Он имел строгие инструкции не брать каких-либо обязательств перед американцами и использовать переговоры для дипломатического прикрытия готовящегося нападения на Соединенные Штаты.

Итак, политическая игра, которую долгие годы вела американская дипломатия, закончилась полным провалом. Это был плачевный финал политики «умиротворения» на Дальнем Востоке, куда более болезненный для США, чем ее итоги в Европе. Со значительной степенью вероятности можно предположить, что США еще долго оставались бы вне мировой войны, если бы не события в Пёрл-Харборе. Во всяком случае на Тегеранской конференции через два года Рузвельт скажет И. В. Сталину, что «если бы Япония в 1941 году не напала на США, то он, Рузвельт, никогда не смог бы заставить конгресс послать американские войска в Европу»⁴³. Не случайно, предлагая конгрессу объявить войну Японии, президент в то же время категорически отказался сделать это в отношении ее союзников — Германии и Италии.

Если в Белом доме и оставались еще какие-либо надежды ограничить для США войну пределами Тихого океана, то они быстро рассеялись. 11 декабря, выступая в рейхстаге, Гитлер объявил войну Соединенным Штатам. Для американского посольства в Берлине кончилась пугающая неизвестность последних дней. Из министерства иностранных дел в посольство был направлен автомобиль с чиновником протокольного отдела, чтобы доставить временного поверенного в делах США Л. Морриса к рейхсминистру на Вильгельмштрассе. Легко было догадаться, что речь шла о выполнении простой формальности. Угрожающе жестикулируя, то и дело срываясь на крик, Риббентроп заставил американского дипломата стоя выслушать декларацию об объявлении Германией войны Соединенным Штатам. В конце своего монолога он явно в расчете на театральный эффект патетически воскликнул: «Ваш президент хотел войны — теперь он ее получил».

Речь Гитлера в рейхстаге внимательно слушали не только в Белом доме, но и в Кремле. Вступление Соединенных Штатов в войну имело большое значение для активизации борьбы с фашизмом, сплочения антигитлеровской коалиции. Советские руководители с нетерпением ждали, что предпримут в Берлине в связи с японо-американским конфликтом. Едва нацистский главарь, взвинченный собственным красноречием, бросил в

микрофон слова о состоянии войны с Соединенными Штатами, потонувшие в одобрительных всплях собравшихся, как нарком иностранных дел СССР немедленно набрал номер телефона И. В. Сталина. «Они объявили войну Соединенным Штатам... Как поступит Япония?.. Об этом ничего не говорил, но, конечно, вопрос важный... Я тоже думаю, что вряд ли. Немцы сейчас получили такой урок в Подмосковье, что в Токио трижды должны подумать, прежде чем решиться на действия против нас»⁴⁴.

В тот же день войну США объявила Италия. Война в полном смысле слова стала мировой, втянув в свою орбиту все главные державы. Ее жестокая логика оказалась сильнее замыслов американских руководителей. Спустя почти четверть века полностью подтвердилось ленинское предвидение о неотвратимости вооруженного конфликта между США и Японией. «Экономическое развитие этих стран в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем»⁴⁵, — говорил в 1918 году В. И. Ленин.

В результате вступления США во вторую мировую войну стратегическая обстановка изменилась в пользу всех антифашистских сил. Странам «оси» противостоял теперь еще один мощный противник. Благоприятный импульс получили советско-американские отношения. Между СССР и США возросла общность целей и интересов. Значительно укрепились позиции Советского Союза на международной арене. США, еще недавно пользовавшиеся преимуществами невоюющей стороны, теперь оказались в состоянии войны со всеми участниками тройственного союза, а СССР по-прежнему не воевал с Японией и строго придерживался положений заключенного с ней пакта о нейтралитете. Это оказало значительное воздействие как на дальнейшее развитие советско-американских отношений, так и на дипломатическую историю второй мировой войны в целом.

Следуя указаниям партии, советские дипломаты делали все возможное, чтобы избежать вовлечения СССР в конфликт на Дальнем Востоке, который мог усугубить и без того тяжелое положение советского народа и затруднить его борьбу с фашизмом. Американская же дипломатия продолжала руководствоваться чисто эгоистическими интересами в отношениях между двумя странами.

В первой же беседе с только что прибывшим в США послом СССР М. М. Литвиновым, на следующий день после нападения японцев на Пёрл-Харбор, Хэлл поднял вопрос о предоставлении США военно-воздушных баз на советском Дальнем

Востоке для бомбардировок Японии. Через три дня Литвинов сообщил, что Советское правительство не может пойти на это, так как СССР «в больших масштабах ведет борьбу с Германией и не может не считаться с риском нападения Японии».

Казалось, все было предельно ясно, однако Хэлл продолжал настаивать на своем, запугивая посла перспективой выхода японского флота к Персидскому заливу и даже к Суэцкому каналу и встречей германских и японских войск на Африканском побережье. Раздавались и скрытые угрозы приостановить помочь СССР по ленд-лизу, если он не пойдет навстречу американским требованиям. «Если Россия, — говорил Хэлл, — воздержится от сотрудничества с нами на Дальнем Востоке, пока мы оказываем ей помощь в Европе, то будет расти поток критики в отношении того, что мы помогали ей против мирового движения, затрагивающего всех нас, в то время как Россия не сотрудничает с нами на Востоке»⁴⁶. Госсекретарь подчеркнул, что этот вопрос, если его не разрешить, будет становиться все более острым в отношениях между двумя правительствами.

Предпринимая настойчивые попытки переложить тяготы войны на Дальнем Востоке на плечи советского народа, Вашингтон стремился ослабить тяжелые последствия своей обанкротившейся политики. Сопровождая Черчилля, следовавшего на борту линкора «Герцог Йоркский» на англо-американскую конференцию «Аркадия», которая проходила в Вашингтоне с 22 декабря 1941 г. по 14 января 1942 г., Гарриман набросал некоторые рекомендации для президента и Гопкинса. Среди них значилось: «заставить Россию вступить в войну с Японией с тем, чтобы оттянуть японские силы, но в основном, — чтобы подвергнуть ее (Японию. — А. Б.) бомбардировкам; направить бомбардировщики в Сибирь для нанесения бомбовых ударов по Японии»⁴⁷.

Судя по всему, подобными соображениями руководствовался и президент Рузвельт, когда направил в середине декабря послание главе Советского правительства, вызвавшее недоумение в Москве. В послании, отразившем нервозную обстановку в Белом доме, шла речь об экстренном созыве в Чунцине 17 декабря (т. е. на следующий день после получения послания) конференции под председательством Чан Кайши с участием китайского, советского, британского, голландского и американского представителей. Из предполагаемых участников конференции только Советский Союз не находился в состоянии войны с Японией. Его участие во встрече в Чунцине едва ли вызвало бы благоприятную реакцию в Токио и могло стать поводом для обострения советско-японских отношений.

В советском ответе, направленном в Вашингтон 17 декабря,

американское предложение не отвергалось в принципе. Однако в нем указывалось, что, поскольку в послании не была обозначена повестка дня конференции, а до ее открытия оставался всего лишь один день, желательно отложить встречу на некоторое время до получения соответствующих разъяснений о ее целях⁴⁸. В Вашингтоне, видимо, поняли неприемлемость этого предложения для Советского Союза, потому что больше к вопросу о конференции не возвращались. Указанная встреча прошла без участия советского представителя. Советские руководители и впредь проявляли величайшую бдительность в отношении всех попыток со стороны США втянуть СССР в преждевременный конфликт на Дальнем Востоке.

Со вступлением США во вторую мировую войну созрели объективные условия для окончательного оформления антигитлеровской коалиции и провозглашения совместных целей ее участников в борьбе с фашизмом. Первый шаг был сделан принятием 14 августа Атлантической хартии на конференции в Ардженции и присоединением к ней Советского Союза 24 сентября 1941 г. на конференции союзников в Лондоне. В советском заявлении указывалось, что практическое применение провозглашенных в хартии принципов должно сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или иной страны и что последовательное осуществление этих принципов обеспечит им самую энергичную поддержку со стороны правительства и народов Советского Союза.

Эта оговорка была вполне уместной, учитывая, что Советский Союз не был приглашен на Атлантическую конференцию и не мог согласиться со всеми положениями принятого ею документа. Вместе с тем в советском заявлении подчеркивалось: «Задача всех народов и всех государств, вынужденных вести навязанную им войну против гитлеровской Германии и ее союзников, состоит в том, чтобы добиться скорейшего и решительного разгрома агрессоров, мобилизовать и отдать для наиболее полного решения этой задачи все свои силы, все свои средства, определить наиболее эффективные способы и методы осуществления этой цели»⁴⁹.

Создание антигитлеровской коалиции завершилось подписанием 26 государствами 1 января 1942 г. Декларации Объединенных Наций. Активное участие в ее разработке приняли СССР и США, хотя основной проект был подготовлен американской стороной. Первоначально в госдепартаменте, учитывая, что СССР не воевал с Японией, подготовили проекты двух документов, один из которых Советское правительство должно было подписать, а другой — нет. Однако затем было решено ограничиться общей декларацией, в кото-

рой Советский Союз фигурировал бы вместе с другими союзными державами.

Когда Рузвельт получил проект декларации, у него сразу же возникли сомнения в отношении пункта о борьбе с державами «оси», который, как он хорошо понимал, был неприемлем для Советского Союза, не воевавшего с Японией. Поэтому он предложил изменить текст, оговорив, что обязательство вести войну с державами «оси» распространяется на те страны, с которыми данное союзное государство находилось в состоянии войны, но настаивать на этом не стал. Кроме того, президент предложил, чтобы Китай и СССР были перечислены не в алфавитном порядке, а фигурировали вместе с США и Великобританией вначале. «Я думаю, что СССР не был бы рад, увидев себя после стран, роль которых, по существу, крайне невелика»,⁵⁰ — заметил он.

27 декабря 1941 г. Рузвельт передал проект декларации советскому послу. Через два дня, получив инструкции из Москвы, Литвинов на встрече с Хэллом предложил три поправки, две из которых были редакционными, а одна касалась фразы принципиального значения о «вкладе союзников в борьбу против участников тройственного пакта». Посол предложил заменить ее на «вклад в борьбу за победу над гитлеризмом». Хэлл, хорошо зная мнение президента, тем не менее настаивал на прежней формулировке.

Тогда, не желая обострять отношения с США, Советское правительство предложило опубликовать отдельное заявление о поддержке СССР общих принципов декларации по примеру своего присоединения к Атлантической хартии, в котором собиралось указать, что считало главным врагом свободолюбивых народов и главной державой «оси» гитлеровскую Германию. Американская дипломатия, не желая демонстрировать разногласия с Советским Союзом по вопросу о Японии, вынуждена была уступить. В окончательном тексте декларации, как известно, говорилось: «Каждое правительство обязуется употребить все свои ресурсы, военные или экономические, против тех членов тройственного пакта и присоединившихся к нему, с которыми это правительство находится в войне»⁵¹.

В свою очередь Советское правительство пошло навстречу пожеланию Рузвельта включить в декларацию пункт о «религиозной свободе», что было нужно президенту по внутриполитическим соображениям. Неупоминание об этом в Атлантической хартии вызвало бурю негодования со стороны церковных кругов США, с которыми в Белом доме предпочитали не ссориться. В беседе с советским послом, добродушно посмеиваясь, Рузвельт говорил, что свобода религии со времен Т. Джейфферсона имеет столь широкое демократическое

звучание, что предполагает как право быть верующим, так и не исповедовать никакой религии вообще. С такой гибкой интерпретацией принципа «религиозной свободы», близкой по своему духу положению Советской Конституции 1936 года о свободе совести, трудно было не согласиться.

Подписанием Декларации Объединенных Наций завершился важный период становления антигитлеровской коалиции, наиболее влиятельными участниками которой являлись СССР и США, принимая во внимание их военную и экономическую мощь. К концу 1941 года советско-американские отношения далеко продвинулись вперед, приобрели союзнический характер. И все-таки имелись серьезные трудности в их развитии. Многое объяснялось тяжелой ситуацией на фронте в начальный период Великой Отечественной войны, неверием правящих кругов США в способность Советского Союза одержать победу.

У американских руководителей нередко прорывались снисходительные нотки в отношении «русского союзника», к нему порой относились, как к «младшему партнеру», которому предназначалось выполнять черновую работу на полях войны, а не принимать участие в решении больших политических вопросов. В Вашингтоне словно задавались вопросом: стоит ли заходить слишком далеко в отношениях с государством, судьба которого, как считали там, в лучшем случае была неопределенной? Поэтому американские руководители нередко не проявляли должного понимания интересов СССР в жизненно важных для него вопросах, а в отдельных случаях вели себя откровенно враждебно.

Это касалось прежде всего вопроса о признании советской западной границы, на чем не переставало настаивать Советское правительство. Каким бы тяжелым ни было положение в первые месяцы войны, советский народ верил в конечную победу над врагом и даже в час суровых испытаний не собирался поступаться своими законными интересами. Если в Лондоне отдавали себе в этом отчет и ради укрепления межсоюзнических отношений были готовы пойти навстречу Советскому Союзу, то в Вашингтоне заняли сугубо негативную позицию и не преминули даже одернуть «слишком уступчивых» англичан.

Когда в начале декабря 1941 года в госдепартаменте стало известно о предстоящем визите министра иностранных дел Великобритании А. Идена в Москву и повестке дня переговоров, Хэлл немедленно поручил Вайнанту зачитать свое послание Идену, но предосторожности ради не вручать его текст. В послании выражалось неприятие США каких-либо договоренностей на послевоенный период между СССР и Великобрита-

нией. Госсекретарь призывал англичан «не идти на уступки русским» в территориальном вопросе и не скрывал своих намерений приберечь этот «козырь» для оказания дипломатического давления на СССР в дальнейшем.

Не удивительно, что переговоры Идена в Москве быстро зашли в тупик. Англичане не осмелились поступить вопреки воле своего могущественного союзника и отказались подписать предложенный советской стороной протокол, предусматривавший признание Англией границ СССР 1941 года. Принимавший участие в этих переговорах И. М. Майский вспоминал: «Как только Иден ознакомился с текстом протокола, он сразу же ответил, что британское правительство сейчас не может его подписать, и подробно мотивировал это, особенно подчеркивая позицию США в вопросе о границах»⁵². Все попытки И. В. Сталина переубедить главу Форин оффис закончились безрезультатно. В Москве решили оставить этот вопрос открытым, с тем чтобы вновь вернуться к нему позднее.

Нежеланием признать интересы территориальной безопасности Советского Союза была продиктована и позиция американской дипломатии в отношении стран — сателлитов гитлеровской Германии, и прежде всего Финляндии. СССР, естественно, был заинтересован в том, чтобы США использовали свой авторитет для оказания воздействия на Финляндию в сторону ее нейтрализации и отхода от Германии. Этому важному вопросу было посвящено специальное послание главы Советского правительства Белому дому от 4 августа 1941 г. В нем говорилось: «Если бы Правительство США сочло необходимым пригрозить Финляндии разрывом отношений, то Правительство Финляндии стало бы более решительным в вопросе об отходе от Германии». В этом случае с советской стороны выражалась готовность пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии с тем, чтобы заключить с нею новый мирный договор.

Что же ответил Вашингтон на это обращение своего союзника? 19 августа С. Уэллес заверил К. А. Уманского, что госдепартамент предпринял некоторые шаги в указанном направлении. На вопрос советского посла, указал ли он финскому посланнику в Вашингтоне Прокопе на вероятность разрыва Америкой дипломатических отношений с Финляндией, Уэллес ответил, что угроза разрыва будет следующим, в принципе уже решенным шагом американского правительства⁵³.

Но обещания так и остались обещаниями. Американская дипломатия в этом жизненно важном для Советского Союза вопросе повела двойную игру. 8 сентября 1941 г. Хэлл в беседе с Прокопе даже выразил ему свои «поздравления» по поводу «возвращения» территорий, перешедших к Советскому Союзу

в результате мирного договора с Финляндией от 12 марта 1940 г. Весьма нерешительно Хэлл пытался взвывать к «благородству» финляндских руководителей и предостерегал их от односторонней ориентации на Гитлера. О разрыве отношений с Финляндией в качестве «меры воздействия» на нее речь и не заходила⁵⁴.

Госдепартамент был удовлетворен и ответом Румынии в отношении участия ее в войне на стороне Германии, когда из Бухареста сообщили, что Румыния прекратит активные боевые действия, как только будут занята Одесса и «возвращены» Бессарабия и Северная Буковина. США объявили войну Румынии, Венгрии и Болгарии только 5 июня 1942 г. — через полгода после объявления этими странами войны Соединенным Штатам. Рузвельт был против того, чтобы сделать это раньше, и долгое время считал, что «не следовало обращать внимание» на их действия. В июле 1942 года США отзывали свое консульство из Финляндии, сохранив, однако, дипломатические отношения с ней.

Здесь стоит рассказать об одном ранее неизвестном эпизоде, проливающем дополнительный свет на отношение Соединенных Штатов к Советскому Союзу в начальный период войны. Как известно, со стороны американских руководителей не было недостатка в публичных выражениях «восхищения и симпатий» героической борьбе советского народа как, впрочем, и гневного осуждения фашизма. Но, когда речь заходила о практических шагах, американская дипломатия оказывалась не на высоте положения. Она, например, не нашла нужных слов для решительного осуждения гитлеровских захватчиков за чинимые ими зверства над советскими военнопленными, прикрывая свое молчание чисто формальными доводами. В американской ноте от 13 ноября 1941 г., по существу, оправдывалось жестокое обращение гитлеровцев с советскими военнопленными ссылками на то, что Советский Союз не являлся участником Женевской конвенции о военнопленных 1929 года (СССР отказался подписать эту конвенцию из-за ст. 9, устанавливающей размещение в лагерях военнопленных по расовой принадлежности, что противоречило ст. 123 Конституции 1936 г.), и на Германию поэтому, мол, не лежало обязательство применять ее положения к захваченным в плен бойцам и офицерам Красной Армии.

Такая формальная постановка вопроса со стороны госдепартамента была явно недружественной в отношении советского народа, не говоря уже о соображениях гуманности, которыми так любила козырять американская дипломатия, тем более что еще 8 августа в ноте, адресованной всем аккредитованным в Москве посольствам, Советское прави-

тельство заявило о своей готовности соблюдать на началах взаимности все положения о законах и обычаях сухопутной войны, закрепленные в IV Гаагской конвенции 1907 года и совпадающие в основном с принципами Женевской конвенции 1929 года. В советском ответе правительству США подчеркивалось: «Режим кровавого произвола, бесправия и издевательств в отношении советских военнопленных не может быть оправдан никакими ссылками на неучастие СССР в Женевской конвенции»⁵⁵. Советское правительство в ряде заявлений привлекло внимание мировой общественности к зверствам гитлеровцев на советской земле и решительно предупредило их о неотвратимости суворой кары.

Сложными путями шло советско-американское сближение в первый год Великой Отечественной войны. Общие интересы двух государств в борьбе с фашизмом не вели автоматически к устраниению разногласий между ними, порожденных различиями их классовых интересов и идеологий. Проявляя необходимую гибкость и настойчивость, советские дипломаты вели большую работу по укреплению боевого сотрудничества с США. Многое зависело от того, как складывались дела на советско-германском фронте.

Провал «блицикрига»

Накануне того трагического дня, когда японцы нанесли внезапный удар по американскому Тихоокеанскому флоту, под Москвой началось мощное контрнаступление советских войск, продолжавшееся до конца марта 1942 года, во время которого Красная Армия разгромила до 50 отборных вражеских дивизий и отбросила противника далеко на Запад. На подступах к советской столице вермахт потерпел первое крупное поражение во второй мировой войне, здесь был развеян миф о «непобедимости» гитлеровской Германии. «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой и на других участках советско-германского фронта, — отмечается в «Истории второй мировой войны», — явился началом коренного поворота в войне»⁵⁶.

Провал авантюристических планов «молниеносной войны» против Советского Союза имел широкий международный резонанс. Всему миру была продемонстрирована несокрушимая боевая мощь Красной Армии, ее воля к победе, прочность социалистического государства. Стойкость советского народа, сумевшего повернуть вспять опытного и сильного врага, вдохновляла народы других стран на отпор фашизму. В мире росло понимание того, что исход всей второй мировой войны решался на советско-германском фронте. 16 декабря 1941 г.,

получив исчерпывающую информацию о контрударе Красной Армии под Москвой от советского посла, Рузвельт немедленно телеграфировал главе Советского правительства о переполнявших его чувствах: «Я хочу еще раз сообщить Вам о всеобщем и подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успехов Ваших армий в защите Вашей великой нации»⁵⁷.

Победа Красной Армии в сражении под Москвой, одержанная в наиболее драматический период второй мировой войны, когда, казалось, не будет конца наступлению держав «оси», вселяла надежду в сердца американцев, настраивала их на боевой лад, подчеркивала важность укрепления сотрудничества с героическим «русским союзником». События на Восточном фронте убедительно свидетельствовали о том, что врага можно было победить при напряжении всех сил и ресурсов. Среди американской общественности усиливались симпатии к Советскому Союзу, несшему на своих плечах основную тяжесть войны с фашизмом.

Об этом рассказывает служебный дневник вице-консульства СССР в Лос-Анджелесе, выдержки из которого приводятся ниже.

1 января 1942 г.

Миссис Вилдер — американка, пожилая женщина. Бывшая учительница младших классов. Сейчас на пенсии. Вяжет шерстяные вещи и приносит их ежедневно в наше консульство, просит их пересыпать советским детям. Сегодня принесла 12 шерстяных рубашек для детей трудного возраста. Принесла цветы, поздравила нашу страну и всех нас с Новым годом и пожелала нашей стране скорейшей победы над врагом.

2 января

М-р Н. Р. Миллер — американец, 70 лет. Живет на пенсию. Получает 60 долл. в месяц, из которых 20 приносит ежемесячно в консульство и просит их пересыпать в фонд помощи СССР. Сегодня принес 20 долл. и посыпал пламенный привет Красной Армии и советскому народу.

8 января

Д. Шиплей — американка, 21 год, актриса Голливуда. Хорошо настроена к нашей стране. Организовала группу помощи Советскому Союзу. Собирается провести вечер, на котором хочет собрать деньги в пользу СССР. Пришла в консульство, чтобы пригласить на вечер моряков и капитана советского парохода, стоявшего в это время на ремонте в порту Лос-Анджелеса.

17 января

Шульман — еврейка. Приехала в Америку еще до Октябрьской революции. Говорит, что готова делать все для великой страны социализма, так как это единственная страна, где евреи

и все другие нации живут человеческой жизнью. 12 января в своем доме устроила вечер в пользу СССР, на котором собрала 170 долл., принесла их в консульство и просила пересыпать нашему народу.

28 января

В консульство заходил ответственный секретарь Еврейского рабочего комитета в Лос-Анджелесе по вопросу отправки имеющихся у них ящиков с одеждой в Советский Союз. Позднее на сумму в 3 тыс. долл. им было закуплено около 40 тыс. банок сгущенного молока и отправлено с советским пароходом в СССР.

21 февраля

В консульство пришли представители американского Комитета помощи России в войне с целью выяснить, что более всего необходимо в настоящее время купить на собранные ими 800 долл.

И так было изо дня в день. Движимые чувством солидарности с борьбой советского народа, нескончаемым потоком шли простые американцы в советские представительства в США. Они приходили, чтобы выразить свое восхищение Красной Армией и уверенность в ее победе, осуждали бездеятельность правительства в отношении открытия второго фронта. Возросло число заявлений американцев с просьбой о получении советского гражданства или виз для поездки в СССР. Многие просто обращались с предложением найти применение их силам в деле оказания помощи советскому народу.

24 марта в крупнейшем театре Лос-Анджелеса состоялся массовый митинг, организованный по инициативе Комитета помощи России в войне. На митинг была приглашена команда советского танкера «Батуми». С докладом выступил заместитель советского военного атташе в США полковник Бараев. Он рассказал о героической борьбе Красной Армии, разгромившей врага под Москвой, и выразил благодарность американскому народу за оказываемую помощь. Собравшиеся горячо встретили советского представителя. На митинге выступили известные артисты Голливуда — Чарли Чаплин, Эдвард Робинсон, Джон Герфильд и др. Было собрано 37 тыс. долл. в фонд помощи Советскому Союзу.

В кампанию по поддержке СССР активно включались патриотически настроенные круги русской эмиграции в США. Только в Лос-Анджелесе проживало в то время 16 тыс. русских. Один из них — Константин Корнев в 1919 году приехал в Америку как член комиссии по приему артиллерийского вооружения для российского военного ведомства. Будучи студентом Петербургского университета, он принимал активное участие в работе революционных кружков. В дневнике вице-

консульства отмечалось: «Здесь Корнев проводит большую работу по оказанию помощи нашей стране. С 1 сентября 1941 г. действует организованный им Комитет помощи России в войне, который устраивает часто концерты, базары, вечера в пользу Советского Союза. Он организовал вокруг себя искренних людей, которые с большим желанием работают для СССР»⁵⁸.

Активная деятельность была развернута эмигрантскими организациями и на Восточном побережье США. Издававшаяся в Филадельфии Обществом русских братств газета «Правда» писала в начале февраля 1942 года: «Почти с момента варварского нападения на нашу Родину-матерь — Россию 22 июня 1941 г. огромное большинство русских людей здесь, какого бы происхождения, взглядов и верований они ни были, объединились в своем стремлении оказать посильную помощь отсюда в сборе средств для приобретения и отсылки туда необходимых медикаментов, госпитальных и других принадлежностей»⁵⁹.

Успешно складывалось сотрудничество между СССР и США по линии общественных организаций, в первую очередь Красного Креста. После обмена письмами между представителями Красного Креста обеих стран в начале ноября 1941 года, заложившего основу для сотрудничества, США обязались предоставить по линии американского Красного Креста 1/3 всех предназначенных для Советского Союза медицинских материалов, согласованных на Московской конференции, на общую сумму в 5 млн. долл. в качестве дара американского народа. В СССР постоянно находилась миссия американского Красного Креста во главе с Робертом Сковэллом.

22 июля 1942 г. в одном из документов советской закупочной комиссии в США констатировалось, что американский Красный Крест поставил свою часть медикаментов на сумму 2 млн. 700 тыс. долл. Кроме этого, им были отправлены одежда, мыло, обувь, три госпиталя для Арктики. Всего было отправлено грузов на сумму 5 млн. долл. Полученные к этому времени СССР от союзников медицинские материалы поступили главным образом по линии Красного Креста.

Во время войны многие американцы, восхищенные героизмом советских людей, мощью Красной Армии, в одинокую громившую врага, как бы вновь открывали для себя Советский Союз. Под влиянием разворачивающихся гигантских событий в далекой России, словно карточный домик, рушились привычные представления, десятилетиями насаждаемые в умах американцев буржуазной прессой.

16 апреля вице-консульство посетил крупный промышленник Лос-Анджелеса Роберт Гандин, который решил передать советскому народу часть своего состояния в качестве дара.

В беседе Гандин признался, что раньше он был «ярым врагом Советского Союза, потому что так его воспитала херстовская пресса», но теперь на примере настоящей войны он убедился, «что Советский Союз — это действительно освободительная страна и что судьба всех других стран зависит от нее»⁶⁰. Американцы проявляли жадный интерес ко всему, что связано с Советским Союзом, — его истории, культуре, традициям, достижениям, словно стараясь наверстать упущенное в предшествующие годы. Представители американской общественности писали в советское посольство: «Несомненно, существует потребность в большем знании и понимании России в США. Тысячи американцев хотят знать больше о русской истории и традициях»⁶¹.

С большим успехом в США проходили выставки, посвященные борьбе советского народа в тылу и на фронте, американская пресса регулярно публиковала статьи и очерки о героеизме советских людей, присланные из СССР, в крупнейших американских кинотеатрах показывались советские кинофильмы, ставились пьесы советских драматургов, по радиоканалам звучала советская музыка — на многих американских радиостанциях был введен даже специальный «русский радиочас».

Глубокое эмоциональное воздействие на миллионы американцев оказала 7-я симфония Д. Шостаковича, повествующая ярким языком музыки о героической борьбе советского народа за свободу и независимость своей Родины. 24 октября 1941 г. посольство сообщало в Москву: «Дирижеры США с нетерпением ждут окончания 7-й симфонии Шостаковича. Дирижер Филадельфийского оркестра Орманди прислал нам письмо и просит право первого исполнения 7-й симфонии представить Филадельфийскому оркестру, но дирижер Бостонского оркестра С. Куссевицкий его опередил, и Американо-русская музыкальная корпорация обещала право исполнения премьеры Куссевицкому»⁶².

Долг и труден был путь симфонии в Соединенные Штаты. Перед тем как отправить ее за океан, 2 тыс. страниц партитуры были микрофильмированы. 8 апреля 1942 г. отбывавший в США из Куйбышева секретарь американского посольства Рейнхардт получил два объемистых пакета с материалами симфонии для передачи в советское посольство в Вашингтоне. После почти двухмесячного странствования по дорогам войны бесценный груз, надежно укрытый в дипломатическом багаже, благополучно прибыл на место. 19 июля симфония впервые прозвучала по каналам Эн-би-си «от побережья до побережья» в исполнении оркестра под управлением знаменитого А. Тосканини. В специальном сообщении Эн-би-си говорилось: «Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича, сфотографированная

в России на микрофильм и доставленная в США через опасности войны, будет представлена американскому народу не только как произведение искусства. Она будет исполнена, согласно замыслу композитора, как страшный приговор нацистской агрессии, как ключ к пониманию американцами русского человека»⁶³.

Началось триумфальное шествие музыки Шостаковича по Соединенным Штатам, происходившее в тот момент, когда на Волге разгоралась гигантская битва. На имя великого советского композитора потоком шли телеграммы. Вот лишь некоторые из них. От дирижера С. Куссевицкого: «Ваша великая Седьмая симфония принесла к нам в Новый Свет надежду и вдохновение. Я поздравляю Вас от имени американской общественности, моего оркестра и от себя лично и выражая Вам наше безграничное восхищение и благодарность».

От Чарли Чаплина: «Большое удовольствие и честь иметь возможность поздравить величайшего музыкального гения, ныне существующего в России, и послать горячий привет ему и храбрым товарищам, ведущим тягчайшую борьбу за себя и за великое дело союзников. Я убежден, что окончательная победа за нами».

От Поля Робсона: «От артистов и всего американского народа привет и глубокая благодарность за Ваш вклад в мировую культуру и за то, что Вы выразили мужество и героизм великой русской нации. Лично от меня горячий привет Вам и через Вас русскому народу — истинному авангарду нового свободного мира».

Проникнутая глубоким оптимизмом, верой в победу, в силу советского человека, музыка Шостаковича вселяла надежду в сердца американцев, открывала им глаза на советский народ. Растущие день ото дня симпатии американцев к Советской стране оказывали воздействие на формирование официальной политики Вашингтона, сковывали действия реакционеров, создавали благоприятный морально-политический климат в США для успешного развития советско-американских отношений.

В конце 1941 года Белому дому пришлось отзвать с поста американского посла в Советском Союзе Л. Штейнгардта, деятельность которого шла вразрез с задачами укрепления отношений между двумя странами. В Москве посол был известен как паникер и недоброжелатель Советского государства. В сентябре он несколько раз обращался в НКИД с требованием об эвакуации американского посольства в более безопасное место. Вернувшись с Московской конференции Гарриман доложил президенту, что Штейнгардт «себя исчерпал» и стал «персоной нон-грата» у советского руководства. Начавшееся контрнаступление Красной Армии показало истин-

ную цену панических донесений этого «дипломата». Штейнгардту грозила преждевременная отставка, и только заступничество Гопкинса помогло ему получить назначение на пост посла в Турцию.

Вместо оскардалившегося Штейнгардта Рузельт назначил своего старого приятеля — отставного адмирала Уильяма Стэндли, которого президент ценил «за простоту, откровенность и прямоту». В Вашингтоне, правда, многие считали, что на этот ответственный пост можно было подобрать более подходящую кандидатуру, учитывая деликатность момента в отношениях с русскими, но президент был уверен, что сделал правильный выбор. Послу был оказан гостеприимный прием в Советском Союзе и созданы все условия для работы. Однако дальнейшие события показали, что выбор президента оказался неудачным.

Вступление Соединенных Штатов во вторую мировую войну не привело к радикальному пересмотру избранного ими стратегического курса. Воевать всерьез в Белом доме не спешили и в любом случае по-прежнему намеревались делать это малой, а желательнее всего чужой кровью. В близком кругу президент не раз признавался, что он «предпочитает тратить деньги налогоплательщиков, нежели их жизни». Среди многочисленных свидетельств на этот счет, имеющихся ныне в распоряжении историков, пожалуй, наиболее точными и красноречивыми остаются откровения Рузельта со своим сыном Эллиотом вскоре после начала боевых действий на Тихом океане.

Президент популярным языком излагал сыну азы американской стратегии во второй мировой войне:

— Ты представь себе, что это футбольный матч. А мы, скажем, резервные игроки, сидящие на скамье. В данный момент основные игроки — это русские, китайцы и, в меньшей степени, англичане. Нам предназначена роль... игроков, которые вступят в игру в решающий момент.

— Понимаю.

— Еще до того, как наши форварды выдохнутся, мы вступим в игру, чтобы забить решающий гол. Мы придем со свежими силами. Если мы правильно выберем момент, наши форварды еще не слишком устанут и..., — он остановился⁶⁴.

Впрочем, дальше можно было не продолжать. Военная стратегия Белого дома была целиком и полностью подчинена далеко идущим экспансионистским планам американских правящих кругов, которые могли подвергаться отдельным корректировкам под влиянием непредвиденных событий, но не меняли своего существа. Отражая эти настроения, газета «Чикаго трибюн» с нескрываемым ликование писала 6 декабря 1941 го-

да: «После двух лет войны в Европе американская торговля достигла высшей точки за 12 лет; национальный доход приблизился к 95 млрд. долл. — это самый высокий уровень в истории; промышленное производство резко возросло». Умиляясь, этот орган деловых кругов Среднего Запада отмечал, что законодателями мод вместо Парижа стали Нью-Йорк и Чикаго.

Пользуясь зависимым положением Великобритании, американская дипломатия не упускала случая ущемить ее интересы в колониальных владениях. В ходе Атлантической конференции Черчилль, хорошо чувствуя, куда дует ветер, согласился с принципами «свободы торговли» и неограниченного доступа к источникам сырья, только при условии, что провозглашенные принципы будут сообразовываться с «должным уважением к существующим обязательствам» сторон. Не желая ссориться с союзником в трудный для обоих момент, Рузвельт пошел на временный компромисс, хотя отлично понимал, что сделанная оговорка позволяла Великобритании сохранить в неприкосненности режим имперских преференций, который надежно прикрывал английские экономические интересы от американских пополнений. Не случайно глава госдепартамента — ярый сторонник неограниченной торговой и экономической экспансии США — был «несказанно разочарован» уступчивостью президента и не терял надежды наверстать упущенное.

Подходящий момент вскоре представился. В ходе начавшихся англо-американских переговоров о так называемом «основном соглашении» по ленд-лизу англичанам было предложено согласиться с проведением «либеральной торговой политики» после войны в ответ на американскую помощь. Это подразумевало конец системы имперских преференций. Английские консерваторы были вне себя от негодования. На их «собственность» покушался более мощный конкурент. «Потерпев неудачу с оказанием давления (на англичан. — А. Б.) при обсуждении Атлантической хартии, — отмечает английский историк М. Бэлфор, — Хэлл увидел куда большие возможности для осуществления этого в ходе переговоров по ленд-лизу»⁶⁵.

Во время визита Черчилля в Вашингтон госсекретарь попытался обсудить с ним ключевую ст. 7 соглашения по ленд-лизу, предусматривающую пункт о «свободе торговли». Хотя Хэлл намекал, что предстоит обсуждение нового законо-проекта по ленд-лизу в конгрессе, Черчилль наотрез отказался идти на уступки в вопросе о снятии имперских тарифов. Переговоры закончились без результатов. Только энергичное вмешательство Рузвельта заставило британского премьер-министра согласиться с принципом «свободы торговли».

Последствия отказа президенту были слишком очевидны для Лондона, и 23 февраля 1942 г. британский кабинет одобрил соглашение по ленд-лизу в американской редакции, которая гласила, что в обмен на ленд-лиз Англия не будет осложнять торговлю между двумя странами, будет способствовать развитию взаимовыгодных экономических отношений между ними и улучшению международной торговли в целом. Хэлл с гордостью отмечал, что это соглашение устанавливало принципы, за которые он боролся полвека.

Одновременно усилился американский интерес к Индии — «жемчужине британской короны». Приближение Японии к ее границам давало хороший предлог Вашингтону потребовать от англичан признания ее независимости в целях усиления антияпонской борьбы. Внешне все выглядело благопристойно: США выступали в роли лоборника борьбы против колониализма. Но на деле речь шла о том, чтобы в перспективе заполнить образовавшийся «вакuum» в результате «добровольного» ухода англичан. И вновь приливалась кровь к лицу «неистового Уинстона», а во рту начинала яростно дымить сигара, как только американцы заводили разговор об Индии. В своих военных мемуарах Черчилль вспоминал, что президент впервые затронул индийскую тему во время его визита в Вашингтон в декабре 1941 года. «Я реагировал на это столь бурно и столь решительно, что он никогда больше в слух не заикался об этом»⁶⁶, — отмечал Черчилль. Но это было не совсем так. Зная о болезненной реакции своего союзника, американцы тем не менее не упускали случая вернуться к этому вопросу в дальнейшем.

Вот такие отнюдь не ратные заботы одолевали американских руководителей, в то время как на советско-германском фронте разворачивалась кровопролитная борьба. На этом фоне развивались советско-американские отношения, которые, разумеется, не могли не испытывать на себе повороты в политике Вашингтона, обусловленные изменениями в международной обстановке. После начала войны на Тихом океане нависла угроза над американскими поставками в Советский Союз. Военные чины требовали немедленно свернуть их и думать только о собственной армии. В середине января 1942 года американскому представителю по ленд-лизу в Москве генералу Феймонвиллю было заявлено, что вместо 705 обещанных танков СССР получил только 16, а вместо 600 самолетов — 85⁶⁷.

Если в декабре 1941 года из портов США отплыло в Советский Союз 25 судов, то в январе 1942 — 24, а в феврале — 19. 29 января по указанию Рузвельта Гарриман сообщал главе Советского правительства: «Несмотря на разочаровывающие

результаты последних четырех месяцев, я нахожу, что все, кто здесь имеет отношение к делу, прилагают усилия, чтобы отправить обещанное и увеличить количество в кратчайшие сроки. В настоящее время в Соединенных Штатах отмечен усиливающийся рост симпатий к советскому народу и понимания его нужд»⁶⁸.

Слова — словами, а нужны были конкретные действия. Это хорошо понимал Рузвельт. 13 февраля он лично известил главу Советского правительства о принятом решении предоставить СССР второй миллиард долларов в счет поставок по ленд-лизу на тех же условиях, на которых был предоставлен первый, с последующим возможным пересмотром финансовых обязательств. Советское правительство приняло это решение «с искренней благодарностью», но дало понять, что было заинтересовано в изменении финансовых условий при «соответствующем учете крайнего напряжения ресурсов Советского Союза в войне с нашим общим врагом». Речь шла о желательности полного перевода американских поставок на основу закона о ленд-лизе.

В своем послании от 18 февраля 1942 г. глава Советского правительства в достаточно деликатной форме дал почувствовать свое недовольство перебоями с поставками. «Должен подтвердить, — писал он, — что именно в настоящий момент, когда народы Советского Союза и его армия напрягают все усилия, чтобы своим упорным наступлением отбросить дальше гитлеровские войска, выполнение американских поставок, в том числе по танкам и самолетам, имеет важное значение для нашего общего дела, для наших дальнейших успехов»⁶⁹.

Чтобы ускорить дело с поставками в СССР, Рузвельт был вынужден отдать распоряжения ряду правительственныех ведомств, занимающихся вопросами производства и снабжения, отправлять все обещанные грузы в Россию без задержек, «независимо от всех других обстоятельств». Тем не менее дело подвигалось крайне медленно. Суда скапливались в Исландии и Англии, ожидая конвоев для отправки в Мурманск и Архангельск.

27 апреля 1942 г., обеспокоенный намерением Черчилля на время прекратить поставки Советскому Союзу, Рузвельт писал в Лондон: «Я крайне обеспокоен вашей телеграммой Гарри (Гопкинс. — А. Б.), потому что я боюсь не только политических последствий в России, но еще больше того, что наши поставки быстро до них не дойдут. Мы предприняли такие гигантские усилия отправить наши поставки, что блокировать их, за исключением самых чрезвычайных обстоятельств, представляется мне серьезной ошибкой». Президент был решительно против пересмотра принятых обязательств в

отношении объема поставок. «Мне кажется, — заключал он, — что любое известие Сталину в настоящее время о задержке наших поставок по какой-либо причине будет иметь самые неблагоприятные последствия»⁷⁰.

С советской стороны не раз обращалось внимание американского правительства на большие трудности в транспортировке в порты СССР закупленного в США вооружения и материалов. Как отмечал Ф. И. Голиков, в американских портах и на железных дорогах было много случаев саботажа и диверсий. Среди грузчиков на причалах Нью-Джерси преобладали выходцы из Германии, а на бруклинской стороне порта — из Италии. Многие из них были настроены враждебно по отношению к Советскому Союзу. Профсоюзы грузчиков, кроме того, находились под влиянием реакционеров. На подходах к портам возникали транспортные пробки, на судах вспыхивали пожары, выходили из строя подъемные механизмы, происходили аварии во время погрузок, умышленно создавалась путаница в документации, нередко погрузка проводилась неорганизованно и беспорядочно. Все это, естественно, тормозило доставку грузов в СССР.

Советским представителям в США, ведающим вопросами поставок, приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы преодолевать сопротивление американской бюрократии, особенно в среде военных. Дж. Хэзард, занимавший в годы войны высокий пост в ведомстве по ленд-лизу, позднее вспоминал о «советской находчивости» в поиске лиц в администрации, которые были дружественно настроены к Советскому Союзу и могли ускорить решение тех или иных вопросов. «Пусть те, кто имеет дело с советскими представителями, — напутствовал он американских должностных лиц, — никогда не думают, что они не знают, что делается вокруг. Их юридический штат укомплектован способными людьми, которые читают все и которые готовы твердо отстаивать свою точку зрения».

Хэзард рассказывал характерный эпизод, проливающий свет на ту атмосферу, в которой приходилось работать советским представителям. Однажды члену советской закупочной комиссии генералу BBC пришлось в пятый (!) раз обратиться к американским властям с просьбой ускорить решение вопроса о поставках крайне необходимого военного снаряжения. Когда просьба была, наконец, удовлетворена, у американского чиновникахватило духа спросить советского представителя, почему он не выразил благодарности, а сразу же перешел к следующему вопросу. На это последовал исполненный глубокого смысла ответ, что если бы Красная Армия остановилась праздновать освобождение каждой деревни, то было бы упущено время для освобождения следующей⁷¹. Мораль была проста: каждому

из союзников следовало делать свое дело, думая о приближении общей победы над врагом.

Разгром немецко-фашистских полчищ под Москвой ознаменовал наступление нового этапа Великой Отечественной и второй мировой войны в целом. «Блицкриг» Гитлера на Востоке закончился полным провалом. В действие вступали мощные долговременные факторы. Авантуризму агрессора противостояла твердая решимость советского народа победить, крепнущее сотрудничество государств антигитлеровской коалиции. Успех борьбы во многом зависел от активизации военных усилий союзников, которые могли облегчить положение Красной Армии и создать благоприятные условия для продолжения ее наступления. Вступление Соединенных Штатов во вторую мировую войну переносило в практическую плоскость вопрос о создании на Западе фронта борьбы против гитлеровской Германии. В советско-американские отношения постепенно входила новая острыя тема — проблема второго фронта.

Миссия г-на Брауна

10 июня 1942 г. эмигрантская газета «Новое русское слово» поместила небольшую заметку под сенсационным заголовком «Молотов в Вашингтоне?». В ней говорилось о том, что, по слухам, в американской столице находится с визитом народный комиссар иностранных дел СССР, но официального подтверждения этому нет. На следующий день госдепартамент опубликовал коммюнике об итогах советско-американских переговоров в Вашингтоне. К этому времени нарком уже благополучно вернулся в Москву. Переговоры успешно завершились нескользкими днями раньше. Условия военного времени требовали соблюдения особых предосторожностей. Советское правительство считало необходимым осуществить визит В. М. Молотова без какой-либо предварительной огласки в печати. По соображениям безопасности нарком был вынужден фигурировать под вымышленным именем «г-н Браун».

Атмосфера секретности, окружавшая миссию г-на Брауна в Лондоне и Вашингтоне, была вполне понятной. В ходе переговоров обсуждался ключевой вопрос межсоюзнической стратегии — проблема создания второго фронта, от решения которой во многом зависела сила натиска гитлеровцев на Востоке, продолжительность второй мировой войны. Как отмечалось выше, Советское правительство еще в июле 1941 года предложило правительству Черчилля открыть фронт против Гитлера на Западе. Ответ был негативным и не оставлял сомнений в том, что ссылки на военную слабость Англии были всего-навсего отговоркой, преследовавшей неблаговидные

политические цели. Глава Советского правительства указывал 30 августа 1941 г. в телеграмме И. М. Майскому: «По сути дела английское правительство своей пассивно-выжидательной политикой помогает гитлеровцам... То обстоятельство, что Англия нам аплодирует, а немцев ругает последними словами, — никак не меняет дела. Понимают ли это англичане? Я думаю, что понимают. Чего же они хотят? Они хотят, кажется, нашего ослабления»⁷².

Реально оценивая факты, Советское правительство в разгар сражений под Москвой всецело полагалось на свои собственные силы и не пыталось ставить вопрос о втором фронте перед союзниками. Вступление же Соединенных Штатов с их огромным промышленным и военным потенциалом во вторую мировую войну создавало реальные возможности для развертывания военных действий на Западе. Оставалось выяснить, захотят ли американцы реализовать эти возможности на практике или последуют примеру англичан.

Первые шаги, предпринятые совместно США и Великобританией, оказались разочаровывающими. Согласованная на Вашингтонской конференции англо-американская стратегия предусматривала на 1942 год в качестве единственной наступательной операции захват Северной Африки. Что касалось боевых действий на европейском континенте, то они планировались лишь на 1943 год, да и то со множеством оговорок. Причем Рузвельт зарекомендовал себя не меньшим сторонником североафриканской операции, получившей кодовое название «Джимнаст», чем сам Черчилль.

Советское правительство не было информировано о ходе и решениях Вашингтонской конференции, в частности о том, что вопрос о создании второго фронта в Европе в 1942 году на ней даже не поднимался. Советский представитель не был также приглашен участвовать в работе созданного в Вашингтоне Объединенного совета начальников штабов: союзники не видели смысла в координации работы своих штабов с советским Верховным командованием при отсутствии согласованной военной стратегии. Оценивая сложившуюся ситуацию, нарком сообщил советскому послу в Вашингтон 4 февраля 1942 г.: «Мы приветствовали бы создание в Европе второго фронта нашими союзниками. Но... мы... получили отказ на наше предложение о создании второго фронта»⁷³. Тем не менее Советское правительство не отказывалось от мысли вернуться к этому вопросу в подходящий момент.

Такой момент вскоре представился. Ранней весной 1942 года, когда на советско-германском фронте после зимних боев наступило временное затишье, президент Рузвельт вдруг превратился в горячего сторонника второго фронта.

Военно-стратегическая обстановка весной 1942 года, несмотря на поражение вермахта под Москвой, не внушала оптимизма американским руководителям. Германия, лихорадочно мобилизуя все ресурсы покоренной Европы, готовилась к новому наступлению на Востоке. Япония неуклонно расширяла зону агрессии в Азии, не встречая ощутимого сопротивления на своем пути. Вновь, как страшный кошмар, вавингтонских стратегов преследовал вопрос: выстоит ли Советский Союз, не пойдет ли на заключение сепаратного мира с гитлеровской Германией? Донесения англо-американской разведки не давали утешения на этот счет. В одном из них мрачно предсказывалось: «Положение дел, при котором ни одна из сторон не сможет рассчитывать на быструю и полную победу, по всей вероятности, приведет к русско-германскому соглашению в результате переговоров. Такое положение может возникнуть при разных обстоятельствах, начиная от равновесия сил и кончая бесспорным превосходством немцев»⁷⁴.

Первыми забили тревогу американские генералы. Согласившись под давлением англичан и своего собственного главнокомандующего — большого энтузиаста высадки в Северной Африке со стратегией «периферийных», или «непрямых», действий, они вдруг ясно увидели, какие опасности она таит с чисто военной точки зрения. Под угрозу была поставлена судьба всей второй мировой войны. Политическая стратегия вступила в явное противоречие со стратегией военной, что было чревато серьезными последствиями. В итоге к весне 1942 года на свет появился новый стратегический план, разработанный под руководством начальника штаба армии США генерала Маршалла.

25 марта на обеде в Белом доме с участием президента, Гопкинса и высших военных чинов Маршалл изложил основные положения этого плана, предусматривающего концентрацию американских войск на Британских островах (операция «Болеро») и последующую их высадку в максимально сжатые сроки на континенте (операция «Раундап»). Рузвельт поначалу был несговорчив, упрямо цеплялся за различные варианты «периферийной» стратегии, но в конце концов вынужден был отступить перед соображениями военного порядка. Вмешавшийся в разговор Гопкинс предложил немедленно направить кого-нибудь в Лондон для согласования этого плана с англичанами. 1 апреля 1942 г. план был окончательно утвержден президентом. Биограф Гопкинса в связи с этим пишет: «Хотя Рузвельт отдавал предпочтение операции «Джимнаст» — высадке в Северной Африке, он согласился с проведением операции «Болеро-Раундап» под давлением со стороны Стимсона, Маршалла и Гопкинса. Он дал указание двум последним

немедленно лететь в Лондон и вынести идею на обсуждение с Черчиллем и английскими начальниками штабов»⁷⁵.

Здесь следует пояснить, что далеко не одни только военные соображения вызвали поворот в американской стратегии. Президенту приходилось учитывать настроения американской общественности, крайне недовольной бездействием своего правительства. Рузвельт отлично понимал, что с точки зрения внутренней политики нельзя было больше откладывать участие США в боевых действиях. Вопрос заключался только в том, где и когда это сделать. Как отмечал генерал Маршалл, «президент считал очень важным для поднятия боевого духа дать стране почувствовать, что она находится в войне, и оказать обратное воздействие на немцев, направив американские войска куда-либо через Атлантику для активного участия в военных действиях»⁷⁶. Итак, речь шла о том, чтобы отправиться «куда-либо через Атлантику», — совсем не обязательно в Европу.

Наконец, существовала и еще одна, сравнительно малоизвестная сторона дела. Речь идет о том, что в Вашингтоне не расставались с мыслью увязать вопрос о втором фронте с вопросом о признании советской западной границы. На конференции «Аркадия» по свежим следам после визита А. Иденса в Москву Рузвельт и Черчилль договорились между собой, что требования Советского Союза в отношении признания его границ противоречат якобы принципам, провозглашенным в Атлантической хартии, и что эти вопросы следует отложить до мирной конференции на послевоенное время. Однако уже в феврале 1942 года английское правительство стало склоняться к признанию западной границы СССР. Сказывалось как влияние победы советских войск под Москвой, так и боязнь обострить отношения с союзником, не получавшим реальной поддержки со стороны США и Великобритании. В беседе со своим заместителем А. Кадоганом 24 февраля 1942 г. Иден говорил, что настало пора «отбросить к чертам все принципы» и признать советские границы⁷⁷.

Англичане не могли не запросить мнение Вашингтона, причем прямо указывали, что шаги навстречу советским требованиям явились бы «политической компенсацией материальной и военной помощи». 7 марта Черчилль обратился с посланием к Рузвельту, в котором писал: «Усиливающиеся трудности войны убедили меня, что принципы Атлантической хартии не должны быть истолкованы в смысле отказа России в признании границ, которые она занимала перед тем, как Германия напала на нее... Все это указывает на то, что весной предстоит в огромных масштабах возобновление германского наступления на Россию, и в наших силах очень немногое, что мы можем сделать,

чтобы помочь единственной стране, по-настоящему воюющей с немецкими армиями»⁷⁸. Черчилль просил американского согласия на подписание договора с СССР, предусматривающего с оговорками признание советской западной границы.

Ответом Вашингтона было энергичное «нет». Английская аргументация не нашла там поддержки. 12 марта Рузвельт заявил советскому послу, что, «по существу, у него нет никаких расхождений» с Советским правительством по вопросу о границах и что он не предвидит никаких затруднений в связи с желательными Советскому Союзу границами после войны, однако сейчас считает «постановку этого вопроса преждевременной»⁷⁹.

Обещание США открыть второй фронт должно было, по мнению президента, ослабить интерес Советского Союза к решению щекотливого пограничного вопроса. Расчет Рузвельта строился на том, что в тот момент для Советского правительства военные соображения были решающими. Американский нажим вновь привел к ужесточению английской позиции в вопросе о западной границе СССР. Тогда, не желая обострять отношения с союзниками, Советское правительство согласилось не включать в подписанный 26 мая 1942 г. советско-английский Договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны положение о границах и приняло к сведению официальное заявление британского правительства о признании им этих границ. Р. Даллек в связи с этим пишет: «Теперь Рузвельт стремился остановить деморализацию общественности США и Великобритании и помешать заключению англо-советского соглашения о границах путем ускоренного принятия планов вторжения в Европу»⁸⁰.

Президент вынашивал идею встречи с главой Советского правительства. Ему, по мнению М. М. Литвинова, хотелось побеседовать со Сталиным «с глазу на глаз», без Черчилля. В начале февраля 1942 года прибывший в Лондон Гарриман в разговоре с советским послом И. М. Майским напрямик поставил вопрос о проведении встречи Рузвельта со Сталиным. В качестве места возможной встречи он предлагал либо Исландию, либо район Берингова пролива. Из Москвы был получен ответ, что глава Советского правительства считает встречу с Рузвельтом желательной, но ввиду напряженного положения на фронте не может покинуть СССР и предлагает встретиться в Архангельске или в Астрахани⁸¹.

В Белом доме взвешивали все «за» и «против». 18 марта Рузвельт сообщал Черчиллю: «Я лично мог бы столковаться со Сталиным лучше, чем ваш Форин оффис или мой госдепартамент. Сталин терпеть не может высокомерия всех ваших людей наверху. Он думает, что я больше подхожу ему, и я надеюсь,

что он будет так думать и впредь»⁸². Президент свято верил в преимущества личной дипломатии и в свое умение находить общий язык с людьми. Но в тот момент организовать встречу не удалось. Исландия и Архангельск не подходили по военным соображениям, ехать в Астрахань было далеко для Рузвельта, а район Берингова пролива не устраивал Сталина.

Отказавшись временно от идеи встречи в верхах, Рузвельт решил пригласить в США для переговоров наркома иностранных дел СССР. В то время как Гопкинс и Маршалл обсуждали с англичанами в Лондоне план предстоящей операции, президент 11 апреля вручил советнику посольства СССР в США А. А. Громыко личное послание на имя главы Советского правительства. Зачитав текст послания, Рузвельт сказал, что он, «как и Сталин, является реалистом и хочет предпринять конкретные шаги для того, чтобы оттянуть часть сил Гитлера с советского фронта», и что, по его мнению, «это можно сделать летом этого года, не откладывая»⁸³.

Советскому правительству предлагалось «обдумать вопрос о возможности направить в самое ближайшее время в Вашингтон г-на Молотова и доверенного генерала». Подчеркивая важность своего предложения, Рузвельт писал: «...Мне нужен Ваш ответ, прежде чем мы примем окончательное решение о стратегическом направлении нашей совместной военной акции». В заключение в послании говорилось: «Американский народ в восторге от замечательной борьбы Ваших вооруженных сил, и мы хотим Вам оказать помощь в уничтожении гитлеровских армий и материальных сил лучше, чем мы это делали до сих пор»⁸⁴.

Разумеется, в Москве с большим вниманием изучили текст американского послания, но, прежде чем дать на него окончательный ответ, во избежание возможного недопонимания решили запросить дополнительную информацию. Поэтому 13 апреля советскому послу в США было дано указание «обратиться к Рузвельту с соответствующим запросом». На следующий день, посетив Белый дом, посол сообщил в Москву, что «президент со своими советниками пришел к заключению о необходимости оказания помощи СССР путем создания нового фронта против Гитлера». Обсуждался ряд вариантов. «Путем исключения США пришли к варианту высадки во Франции, — писал посол. — С целью подтолкнуть Англию туда посланы Гопкинс и Маршалл с поручением указать англичанам, что второй фронт является абсолютно необходимым». Предполагалось усилить наступление авиации с июля, а к сентябрю подготовить наземные вооруженные силы. В заключение подчеркивалось, что план еще не был окончательно одобрен Англией⁸⁵.

Получив столь обнадеживающую информацию, свидетельствующую о серьезности намерений союзника, Советское правительство решило, не откладывая, действовать. По имеющимся сведениям, гитлеровцы в ближайшее время должны были начать мощное наступление на южном направлении. Отвлечение хотя бы части их сил на Запад могло иметь большое значение для Советского Союза. 20 апреля Советское правительство ответило согласием на предложение провести встречу В. М. Молотова с президентом Рузвельтом «для обмена мнениями по вопросу об организации второго фронта в Европе в ближайшее время». Вместе с тем в этом послании глава Советского правительства подчеркивал: «Я не сомневаюсь, что удастся осуществить личную встречу с Вами, которой я придаю большое значение, особенно ввиду стоящих перед нашими странами больших вопросов по организации победы над гитлеризмом»⁸⁶.

На следующий день президент проинформировал советского посла о возвращении из Лондона Маршалла и Гопкинса, намекнув при этом на неудачу их миссии. «Рузвельт сказал, — сообщал посол 21 апреля, — что англичане в принципе за второй фронт, и при этом расхохотался». По словам президента, «англичане хотят отложить открытие второго фронта на 1943 год», но «американцы настаивают, чтобы создать второй фронт теперь же»⁸⁷.

Согласие Черчилля «в принципе» с американским планом было дано для отвода глаз. Его помыслы, как признавал он сам, целиком занимали «другие альтернативы», в частности десант во Французской Северо-Западной Африке — пресловутая операция «Джимнаст». Конечно, американцы, используя свое влияние, вполне могли оказывать давление на «упрямых» англичан. Ведь удалось же им добиться своего в вопросе о советских границах. Вероятно, могли, но не захотели, потому что сами не были заинтересованы в оказании действенной поддержки Советскому Союзу, а думали скорее всего о том, как поднять «боевой дух» советского союзника в преддверии решающих сражений на Восточном фронте.

20 мая на борту советского бомбардировщика В. М. Молотов и сопровождавший его военный представитель генерал-майор Исаев прибыли в Англию. Начавшиеся советско-английские переговоры быстро выявили негативное отношение Черчилля к идее высадки союзников во Франции в 1942 году. На вопрос наркома, имеются ли различия во взглядах американского и английского правительства на проблему создания второго фронта, премьер-министр ответил отрицательно и заявил, что «как американцы, так и англичане изучают вопрос о создании второго фронта и пока о дате его открытия не

принято никакого решения»⁸⁸. Советским представителям оставалось надеяться, что в Вашингтоне проявят больший интерес к этому вопросу, нежели в Лондоне.

29 мая, совершив утомительный перелет северными широтами над Исландией и Лабрадором, нарком прибыл в американскую столицу. На этот раз его сопровождал только переводчик. Генерал Исаев повредил ногу в автомобильной аварии, а поэтому вынужден был остаться в Лондоне. В переговорах также принял участие посол М. М. Литвинов. Несмотря на внешние теплоту и дружелюбие — наркома разместили в Белом доме недалеко от покоев самого президента, — переговоры протекали трудно. Рузвельт, что редко бывало с ним, чувствовал себя не в своей тарелке, и объяснялось это отнюдь не особенностями дипломатического стиля его собеседника, как нередко утверждают буржуазные авторы. По признанию Гопкинса, «было трудно сломать лед, хотя это, видимо, объяснялось не отсутствием любезности и сердечности со стороны Молотова». Президент вел двойную игру, и это сказывалось на атмосфере переговоров.

Примечательно, что госдепартамент в перечне тем, подлежащих обсуждению с советским гостем, даже не считал нужным упомянуть о втором фронте, что вызвало недоумение Гопкинса. Сам президент, словно не ведая о том, какая напряженная обстановка складывалась на Восточном фронте, где советские войска в мае—июне вынуждены были оставить Керченский полуостров, отступить под Харьковом, вести кровопролитные бои за Севастополь, не прочь был порассуждать о послевоенных проблемах, включая разоружение, безопасность, деколонизацию, международную опеку и т. д., обсуждение которых было явно преждевременным и не имело непосредственного отношения к главной теме переговоров. В таких нелегких условиях советские представители повели решительную борьбу за открытие второго фронта в 1942 году.

В первый же день пребывания в США нарком подробно обрисовал Рузвельту обстановку на советско-германском фронте и указал, что летом здесь предстоят серьезные бои. Он откровенно сообщил президенту, что при численном превосходстве гитлеровской армии приходится считаться с возможностью отступления советских войск. В этих условиях, подчеркнул нарком, «помощь союзников имела бы решающее значение. Если бы США и Великобритания смогли оттянуть с советско-германского фронта 40 германских дивизий, к тому же не первоклассных, то мы уверены в том, что разгром Гитлера был бы завершен в 1942 году или, по крайней мере, судьба его была бы предрешена». В заключение беседы нарком отметил, что «вопрос о втором фронте — это вопрос больше всего полити-

ческий, и он должен быть решен не военными, а государственными деятелями».

Основное совещание по вопросу о втором фронте состоялось на следующий день, 30 мая, с участием высшего американского военного руководства. Интересно, что накануне вечером Молотова посетил Гопкинс, который сказал, что Рузвельт является горячим сторонником открытия второго фронта в 1942 году. Но американские генералы «считают положение Советского Союза в 1942 году прочным и не видят острой необходимости во втором фронте». Это был тревожный сигнал для советских дипломатов, свидетельствовавший о стремлении американцев избежать принятия конкретных обязательств. Открывая совещание, Рузвельт осторожно заметил, что, по его мнению, имеются основания для создания второго фронта в 1942 году. «Возможное вынужденное отступление советских армий приведет к значительному ухудшению общего положения союзников», — подчеркнул он.

Выступивший затем нарком указал, что в создании второго фронта в Европе между 1942 и 1943 годами имеется разница. При отсутствии второго фронта соотношение сил к 1943 году могло измениться в пользу Германии. Обстановка оказалась бы куда более тяжелой, и тогда борьба против Гитлера была бы более трудной, затяжной и кровопролитной. «Поэтому отсрочка второго фронта до 1943 года, — подчеркнул он, — чревата риском для СССР и большей опасностью для США и Англии». Далее нарком сообщил, что в Лондоне он не получил удовлетворительного ответа на волнующий советское руководство вопрос. Понимая, какую роль играют Соединенные Штаты в определении «большой стратегии войны», Советское правительство хотело бы знать, «могут ли США сделать что-либо для облегчения борьбы СССР против Гитлера или они еще не готовы к этому». «В том и в другом случае внесение ясности будет иметь большое значение», — заметил он.

В своем ответе Рузвельт согласился с советской точкой зрения о нежелательности затягивания открытия Западного фронта до 1943 года. Он подчеркнул: «Мы хотим открыть второй фронт в 1942 г. Это наша надежда. Это наше желание». Однако тут же сослался на трудности с транспортировкой войск через Атлантику. Выступивший затем генерал Маршалл заявил, что американские военные «делают все возможное, чтобы открыть второй фронт в 1942 г.». Обращало на себя внимание, что американские деятели старательно обходили ключевой вопрос о месте развертывания боевых действий против гитлеровской Германии. Такая неопределенность была далеко не случайной. В тот же день В. М. Молотов сообщал в Москву о результатах переговоров с американцами: «Руз-

вельт и Маршалл заявили, что они всячески хотят создать второй фронт, но пока дело упирается в недостаток судов для переброски войск во Францию. Ничего конкретного они мне не заявили»⁸⁹.

Неопределенность в принципиальном вопросе не устраивала Советское правительство. Оно добивалось полной ясности от союзников. Такую ясность могло внести только совместное коммюнике. Однако 1 июня, когда переговоры были завершены, государственный секретарь Хэлл предложил проект итогового документа, который носил весьма общий и расплывчатый характер. В нем говорилось о состоявшемся обсуждении «всех важных сторон военного положения и методов военного сотрудничества» между США и СССР, но ничего не было сказано о результатах этого обсуждения. Американская сторона не хотела связывать себя конкретными обязательствами. В Москве сочли такой документ неприемлемым.

2 июня наркому была направлена телеграмма, в которой указывалось, что Советское правительство считает «абсолютно необходимым», чтобы как в советско-американском, так и в советско-английском коммюнике, «помимо всего прочего, был также упомянут вопрос о создании второго фронта в Европе и о том, что по этому вопросу имеется полная договоренность». 3 июня Рузвельт, несмотря на возражения генерала Маршалла и госдепартамента, одобрил советский проект коммюнике. В той ситуации у него не оставалось другого выхода. Речь шла о закреплении в тексте официального документа согласованных итогов переговоров. В коммюнике указывалось, что «в ходе переговоров была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году». 11 июня 1942 г. оно было опубликовано в Вашингтоне, а 12 июня — в Москве. Тем самым американское правительство приняло на себя вполне определенные обязательства. Аналогичное обязательство было включено и в советско-английское коммюнике.

Придавая большое значение скорейшей организации второго фронта, Советское правительство пошло навстречу просьбе президента Рузвельта в целях высвобождения необходимого тоннажа сократить список запрошенных им поставок на 1942/43 договорный год. При обсуждении этого вопроса с президентом нарком указал на нежелательность такого сокращения и подчеркнул, что «второй фронт будет выгоден, если будет крепок первый, то есть советско-германский фронт». Присутствовавший на беседе М. М. Литвинов резонно заметил: «Не получится ли так, что снабжение будет сокращено, а второго фронта не окажется?» Несмотря на эти законные опасения, Советское правительство 7 июня поручило наркому

вести дело к тому, чтобы «второй фронт был организован и приведен в действие в этом году. Это при условии, что СССР заявку на тоннаж сокращает»⁹⁰.

Важным итогом переговоров в Вашингтоне явилось также соглашение между СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии, подписанное М. М. Литвиновым и К. Хэллом 11 июня 1942 г. уже после отъезда наркома из Вашингтона. Стороны обязались продолжать оказывать содействие друг другу в деле укрепления их обороноспособности. Это соглашение, заменившее ранее достигнутые договоренности о порядке американских поставок в СССР по ленд-лизу, предполагало развитие широкого экономического сотрудничества между двумя странами после войны. Аналогичные соглашения, более известные как соглашения по ленд-лизу, были ранее подписаны с Англией и рядом других стран. Заключение советско-английского договора и советско-американского соглашения завершило создание антифашистской коалиции и предполагало продолжение сотрудничества трех великих держав на будущее.

Советское правительство придавало исключительно серьезное значение достигнутой договоренности о втором фронте и расценивало результаты визита В. М. Молотова в США как «вполне удовлетворительные». В докладе наркома в Верховном Совете СССР 18 июня 1942 г. выражалась надежда, что общий враг скоро испытает на себе результаты все возрастающего военного сотрудничества трех великих держав. На следующий день в беседе с новым американским послом Стэндли нарком отмечал, что он и президент Рузвельт «легко нашли общий язык и достигли взаимного понимания по наиболее существенным вопросам».

22 июня в своем отчете об этой беседе Стэндли сообщал президенту о том, что нарком считает договоренность об открытии второго фронта в 1942 году «наиболее важным результатом его поездки» и придает ей «большее значение, чем английскому договору или американскому соглашению». В заключение посол писал: «Ввиду того, как Советское правительство и народ восприняли то, что здесь представляется торжественным обязательством со стороны Соединенных Штатов и Великобритании создать второй фронт в 1942 году, я убежден, что, если такой фронт не будет реализован быстро и в широком масштабе, эти люди будут настолько обмануты в своей вере в искренность наших намерений и желание принять согласованные действия, что делу Объединенных Наций будет нанесен ущерб, не поддающийся оценке»⁹¹.

Итак, в Вашингтоне хорошо знали и о том значении, которое придавало Советское правительство дипломатической

договоренности о втором фронте, и о тех серьезных последствиях, которые мог вызвать отказ от принятых обязательств для межсоюзнических отношений и общего дела борьбы с фашизмом. И тем не менее политические расчеты одержали верх над соображениями военной необходимости и союзнического долга. Но об этом речь пойдет в следующей главе. Тогда же, в начале лета 1942 года, советский народ, воодушевленный перспективой создания второго фронта, не предполагал, что ему предстоит еще долго вести борьбу без реальной поддержки со стороны союзников, оплачивая дорогой ценой каждую победу на фронте.

Так заканчивался первый год Великой Отечественной войны — самый трудный и напряженный для советского народа. Позади были горечь поражений и радость первых побед. Впереди предстоял долгий и многотрудный путь к заветной цели — освобождению Родины и других стран Европы, разгрому ненавистного врага. На советско-германском фронте начиналась историческая Сталинградская битва, возвестившая коренной перелом в ходе всей второй мировой войны. Война подошла к решающему рубежу.

ГЛАВА III

ФРОНТ ПЕРВЫЙ И ФРОНТ ВТОРОЙ

Все лето и осень 1942 года на советско-германском фронте шли ожесточенные бои. Враг рвался к Волге и кавказским нефтепромыслам. Пружины сопротивления советского народа гитлеровской агрессии сжималась все туже. В результате начавшегося 19 ноября контраиступления советских армий под Сталинградом была разгромлена вся южная группировка немецко-фашистских войск и их союзников. Вермахт потерпел сокрушительное поражение, от которого он уже не мог оправиться всю оставшуюся часть войны, несмотря на объявленную в Берлине тотальную мобилизацию.

Коренным перелом в войне в пользу антигитлеровской коалиции был закреплен летом 1943 года в ходе Орловско-Курского сражения, завершившегося новой славной победой советского оружия. Стратегическая инициатива прочно и бесповоротно перешла к Красной Армии. Как отмечал американский автор Дж. Джюкс, «после Курска гитлеровские армии были обращены в непрерывное бегство, которое началось за 11 месяцев до высадки союзников во Франции и закончилось в мае 1945 г. среди развалин Берлина». По его признанию, Курская битва окончательно предопределила «исход второй мировой войны»¹.

Ударами гигантского молота отдавались события на советско-германском фронте по всему свету. Здесь в ожесточенных сражениях железом и кровью творилась героическая летопись Великой Отечественной войны, создавались предпосылки для развертывания союзниками наступления на других театрах военных действий. Восточный фронт был главным и решающим фронтом всей второй мировой войны, великой кузницей победы над фашизмом. Разворачивавшиеся здесь сражения определяли судьбы народов и государств, оказывали непосредственное воздействие на дипломатическую историю второй мировой войны.

Под влиянием поражений гитлеровской Германии на Востоке начался развал блока агрессоров. Первой из войны

вышла Италия. Одновременно крепло единство народов и государств, объединенных решимостью искоренить фашизм и заложить основы прочного послевоенного мира. Продолжительность войны и приближение долгожданной победы в немалой степени зависели от того, когда союзники выполнят взятые на себя обязательства в отношении второго фронта. Со вступлением войны в решающую фазу эта тема стала ведущей в советско-американских отношениях.

Стратегия «легкой войны»

Летом 1942 года, когда на южном крыле советско-германского фронта началось «сражение века», между Вашингтоном и Лондоном царила повышенная дипломатическая активность. На самых различных уровнях, от генералитета до руководителей государств, обсуждался вопрос о том, как уклониться от выполнения принятых обязательств в отношении создания второго фронта в Европе в 1942 году. Доводы сменялись контрдоказами, аргументы — контраргументами, пока, наконец, в конце июля стороны окончательно не договорились о проведении операции «Факел», как теперь стала называться высадка в Северной Африке.

Так, в одностороннем порядке было пересмотрено решение, принятое союзниками полугода месяцами раньше, и Советскому Союзу вновь приходилось рассчитывать только на собственные силы в борьбе с врагом. В это время на советско-германском фронте находилось 80% всех сухопутных войск Германии, или 178 дивизий и 8 бригад, а также 39 дивизий и 12 бригад ее сателлитов. Командование вермахта к июню перебросило на Восточный фронт дополнительно около 25 дивизий, в том числе 12 — из Западной Европы. В Берлине преобладала уверенность, что второй фронт в ближайшее время не будет открыт.

Внешне дело выглядело таким образом, будто тон задавали «коварные» англичане, и прежде всего сам премьер-министр, а президент Рузвельт якобы не мог устоять перед его «сокрушительной логикой». Такой взгляд прочно укоренился в американской историографии. Но он столь же наивен, сколь и поверхностен. Президент Рузвельт был достаточно сильной политической фигурой, чтобы принимать самостоятельные решения, хотя и предпочитал оставаться в тени в делах сомнительного свойства, сознательно выдвигая на передний план своего более прямолинейного «боевого друга». Несмотря на мнение военных, настроенных против операции в Северной Африке, Рузвельт склонился в ее пользу, то есть вернулся к полюбившемуся ему по политическим мотивам первоначальному варианту. По словам генерала Эйзенхауэра, решение о

проводении операции «Факел» явилось «самым черным днем в истории».

Отход американских руководителей и их английских коллег от принятых решений не ускользнул от внимания Советского правительства. 22 июля состоялась беседа Рузвельта с советским послом М. М. Литвиновым, в ходе которой президент по собственному почину затронул вопрос о втором фронте. Придав своему голосу самые доверительные интонации, которые так обезоруживали собеседников, президент клялся, что он «всегда стоял за высадку во Франции, но Черчилль — против этого». Он добавил, что предлагает, кроме того, «ограниченную операцию в форме высадки в Северной Африке для нападения на Роммеля с тыла», что могло бы, по его мнению, «отвлечь с советского фронта германские силы», и поинтересовался мнением на этот счет Советского правительства.

Анализируя беседу, посол сообщал в НКИД: «Американцы и англичане считают идеальным такое положение, когда немцы будут нас бить и оттеснять, лишь бы существовал где бы то ни было, хотя бы в Западной Сибири, какой-то фронт, приковывающий германские силы, до тех пор, пока они через год или два, добившись значительного превосходства в силах, не смогут начать наступательные операции. Советский Союз должен быть, по их расчетам, ослаблен настолько, чтобы он не мог говорить слишком громко при заключении мира»².

К этому времени в Москве было уже известно, что английский кабинет решил перенести создание второго фронта на 1943 год. 23 июля глава Советского правительства направил Черчиллю резкое послание, в котором говорилось, что вопрос об организации второго фронта в Европе «начинает принимать несерьезный характер» и что с этим в Москве не могут примириться³. В тот же день копия послания была послана «для сведения и ориентировки» советскому послу в Вашингтоне. «В духе этого ответа вы должны говорить с Рузвельтом,— подчеркивалось в телеграмме наркома иностранных дел.

В ходе состоявшейся через несколько дней беседы с президентом посол, следуя полученным инструкциям, сообщил ему об отрицательном отношении Советского правительства к высадке англо-американских войск в Северной Африке, подчеркнув, что «Гитлер не станет перебрасывать туда войска из СССР» и не откажется от выполнения своих стратегических планов на Востоке. «По мнению Советского правительства,— отметил он,— отвлечь германские силы с Востока можно только прямой угрозой германской границе, то есть высадкой во Франции, Бельгии и Голландии». Рузвельт выслушал это заявление «молча, не возражая». Впрочем, возражать — зна-

чило вступать в спор с хорошо известными фактами. Поэтому президент поспешил завершить беседу на оптимистической ноте, отметив, что, поскольку Красная Армия успешно «уничтожает немцев», все «обстоит хорошо». Он добавил, что второй фронт будет создан, но уклонился от ответа — когда:

Итак, поскольку Красная Армия успешно «уничтожала немцев», о чем откровенно говорил президент, а до Берлина ей было пока еще далеко, о чем, естественно, он предпочел умолчать, то можно было не спешить с высадкой во Франции, усиленно рекламируя намеченную на осень операцию в Северной Африке. Правда, надлежало соблюдать дипломатические приличия и постараться смягчить реакцию Советского правительства на действия США и Великобритании. Эту неприятную миссию, напомнившую ему «путешествие в Каноссу», взял на себя премьер-министр Черчилль, отправившийся в Москву для объяснений с главой Советского правительства. Рузвельт и здесь предпочел остаться в тени, поручив находившемуся в Лондоне Гарриману сопровождать премьер-министра в качестве своего личного представителя.

Задержавшись на несколько дней в Египте для инспектирования английских войск, Черчилль и Гарриман в сопровождении ряда специалистов прибыли 12 августа в Москву, и в тот же вечер в Кремле их принял глава Советского правительства. Stalin ознакомил прибывших с военным положением на фронтах и отметил, что «пока дела на фронте идут нехорошо». «Противник стремится прорваться к Баку и выйти на Сталинград, — продолжал он. — Было трудно предполагать, что немцы соберут так много войск и танков отовсюду из Европы. Нам не удалось остановить наступление». Из этих слов ясно следовало, что одну из причин создавшегося тяжелого положения на советско-германском фронте Советское правительство видело в бездействии своих западных союзников.

В ответ Черчилль заметил, что американцы и англичане после тщательного изучения вопроса убедились в невозможности осуществления операции во Франции с целью отвлечения дивизий противника с русского фронта и договорились перенести ее на 1943 год. Он ссылался на нехватку десантных судов и войск и на трудности, сопряженные с преодолением пролива. На вопрос главы Советского правительства, правильно ли он понял, что второго фронта в 1942 году не будет, Черчилль ответил утвердительно. Явно желая подкрепить свою точку зрения авторитетом США, премьер-министр попросил Гарримана высказать свое мнение. Американец с готовностью заявил, что присоединяется к соображениям своего английского коллеги и не имеет к ним добавлений.

Атмосфера беседы ощущимо накалялась. Stalin откровен-

но заметил, что он несколько иначе смотрит на войну. «Тот, кто не хочет рисковать, никогда не выиграет войны, — сказал он. — Для того, чтобы сделать войска настоящими, их надо сунуть в огонь и обстрелять. Пока войска не проверены на войне, никто не может сказать, чего они стоят». Далее Сталин заявил, что, «если англичане не могут высадиться», он не настаивает и не требует этого. Однако он «не может согласиться с аргументами, высказанными Черчиллем».

Уязвленный премьер-министр принялся оправдываться, пытаясь выдать за второй фронт готовящуюся операцию «Факел» с целью захвата Северного побережья Французской Африки. По его словам, предполагалось высадить войска в нескольких пунктах от Касабланки до Бизерты, что дало бы возможность очистить Средиземное море, получить базы для бомбардировки Италии, а также открыло бы дополнительные пути для вторжения на европейский континент в 1943 году. Высказав ряд критических замечаний по существу операции, глава Советского правительства продолжать беседу не стал⁴.

По дороге из Кремля в отведенную им резиденцию Черчилль и Гарриман чувствовали облегчение. Им казалось, как вспоминал потом посланец президента, что гроза миновала и самое худшее уже позади. Переговоры закончились лучше, чем можно было ожидать. Stalin в конечном счете даже проявил вежливый интерес к готовящейся высадке в Северной Африке и расспрашивал о деталях операции. Откинувшись на сиденье автомобиля с видом человека, уставшего от проделанной работы, Черчилль говорил Гарриману, что первая встреча со Stalinым была самой важной конференцией в его жизни. Он был весьма доволен поведением Гарримана и благодарил его за поддержку. «Ни один премьер-министр, — хитро говорил Черчилль, — не получал большей помощи от представителя другой страны»⁵.

Советское правительство справедливо расценило приезд в Москву британского премьер-министра в сопровождении американского представителя как свидетельство общей позиции Лондона и Вашингтона по обсуждавшемуся вопросу. Когда на следующий день Черчилль отправился один на новую беседу в Кремль, а Гарриман в это время устроил коктейль для американских корреспондентов, его неожиданно пригласили к телефону. Недоумевающим голосом Черчилль сообщил, что глава Советского правительства приглашает его принять участие и во второй встрече. Было уже за полночь, когда Гарриман прибыл в Кремль. Его вызвали не напрасно. И. В. Stalin вручил премьер-министру и американскому представителю меморандум, в котором, в частности, говорилось, что советское командование строило план летних и

осенних операций советских войск в расчете на создание второго фронта в Европе в 1942 году, о чем ранее была достигнута договоренность с союзниками. «Легко понять, — подчеркивалось в меморандуме, — что отказ Правительства Великобритании от создания второго фронта в 1942 г. в Европе наносит моральный удар всей советской общественности, рассчитывающей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского Командования». В заключение в меморандуме указывалось, что «г. Гарриман, представитель Президента США на переговорах в Москве, целиком поддержал господина Премьер-Министра»⁶.

Быстро ознакомившись с врученным документом, гости поняли, что испытанное ими накануне чувство облегчения было преждевременным. Советское правительство не собиралось делать вид, что произошло «досадное недоразумение», и называло вещи своими именами. Черчилль был явно растерян и пообещал дать письменный ответ на советский меморандум. И вновь Гарриман пришел ему на помощь. Прервав затянувшуюся паузу, он заявил, что совместное решение американцев и англичан было принято с согласия президента США. «Президент готов, — утверждал Гарриман, — принести любые жертвы, если имеются какие-либо достаточные шансы на успех. Anglo-американские предложения нельзя рассматривать как отсутствие помощи в этот критический момент в боях, которые ведут советские армии».

Отвечая своим собеседникам, И. В. Stalin заявил, что расхождения между Советским Союзом и его западными союзниками состоят в различии оценок советско-германского фронта. Англичане и американцы «оценивают русский фронт как второстепенный», поэтому союзники посыпают свои дивизии в другие места, в то время как Советское правительство считает советско-германский фронт «единственным фронтом, где в больших размерах заняты силы противника». Что касается намечаемой операции в Северной Африке, то было сказано, что ее обсуждение не имело смысла, так как она прямо не затрагивала Советский Союз⁷.

Из Кремля англичанин и американец на этот раз ехали молча, погруженные в невеселые мысли. Разногласия с Советским Союзом не удалось сгладить, и они грозили стать достоянием гласности. Что скажет общественность двух стран, требующая открытия второго фронта, по поводу двуличия официального Лондона и Вашингтона? Удрученный Черчилль, как вспоминал Гарриман, продержал его до полчетвертого утра, размышляя вслух о «загадочном» поведении Stalinina.

Советское руководство осудило вероломное поведение

союзников, но оно не стремилось усугублять разногласия, когда война подошла к решающему рубежу и требовалась мобилизация всех сил и средств для борьбы с фашизмом. Оставляя вопрос о втором фронте открытым, в Москве хорошо понимали, что средствами дипломатии трудно что-либо сделать до тех пор, пока свое веское слово не скажет Красная Армия. Было ясно, что речь шла о сознательной политической тактике западных союзников, изменить которую могли лишь успехи советского оружия на фронте, подкрепленные неустанными дипломатическими усилиями.

Поэтому в Москве стремились закончить переговоры на позитивной ноте, чтобы не дать повода вражеской пропаганде для шума о «раздорах» в лагере союзников. В ходе заключительной встречи 15 августа глава Советского правительства заявил, что, хотя операция по высадке в Северной Африке «не связана прямо с Россией», она имеет определенное значение, потому что успех операции — это удар по «оси». В то же время советская сторона не согласилась с проектом «приукрашенного» коммюнике об итогах переговоров, предложенным Черчиллем с целью «вызвать величайшее раздражение у противника». Глава Советского правительства указал, что хотел бы «сказать в коммюнике то, что можно выполнить, не давать невыполнимых обещаний и не повторять прежней ошибки». Опубликованное 18 августа коммюнике носило чисто формальный характер⁸.

Президент Рузвельт с напряженным вниманием следил за ходом переговоров в Москве по сообщениям своего представителя. Получив известие от Гарримана, что «буря благополучно улеглась», в Белом доме вздохнули с облегчением. Президент немедленно решил отправить послание главе Советского правительства. Избыток теплых слов и новых обещаний он явно хотел компенсировать недостаток практических действий. 19 августа он писал в Москву: «Соединенные Штаты хорошо понимают тот факт, что Советский Союз несет основную тяжесть борьбы и самые большие потери на протяжении 1942 года, и я могу сообщить, что мы весьма восхищены великолепным сопротивлением, которое продемонстрировала Ваша страна. Мы приедем вам на помощь по возможности скорее и по возможности большими силами, как только сможем это сделать, и я надеюсь, что Вы верите мне, когда я сообщаю Вам об этом»⁹. Последняя фраза явно выдавала опасения президента, что в Москве перестали верить обещаниям союзников.

Если в Вашингтоне и в Лондоне как огня боялись того, что правда о втором фронте, выйди она на поверхность, неминуемо вызовет недовольство общественности, то Советское прави-

тельство, напротив, считало необходимым обращаться к широкой гласности, не драматизируя излишне создавшееся положение. Не случайно выступления советской печати с критикой затягивания союзниками второго фронта вызывали постоянное недовольство со стороны госдепартамента и Форин оффис.

3 октября 1942 г. в советской печати были опубликованы ответы И. В. Сталина на вопросы корреспондента американского агентства Ассошиэйтед Пресс Кэссиди с изложением позиции Советского правительства в отношении второго фронта. В заявлении откровенно подчеркивалось, что в сравнении с той помощью, которую оказывает союзникам Советский Союз, оттягивая на себя главные силы немецко-фашистских войск, помочь союзникам СССР пока еще малоэффективна. Для расширения и улучшения этой помощи требуется лишь одно: полное и своевременное выполнение союзниками их обязательств.

Ответы главы Советского правительства вызвали переполох в США и Великобритании. Маски были сорваны. Общественность заволновалась. В правительственные кругах испытывали нескрываемое раздражение шагом, предпринятым в Москве. Трудно было и дальше делать вид, что все обстояло гладко в отношениях с Советским Союзом, и продолжать проводить в жизнь прежнюю тактику. 13 октября посольство СССР в США сообщало в НКИД о недовольстве американских правящих кругов кампанией в печати и среди общественности за открытие второго фронта в Европе. «Движение за второй фронт в печати и на собраниях приняло такие размеры, что скрытые антисоветские и «изоляционистские» элементы не выдержали и разоткровеничились».

Как сообщал М. М. Литвинов, позиция Рузвельта в отношении второго фронта стала «более твердой». Если раньше «президент в разговорах на эту тему давал понять, что он лично признает необходимость высадки на европейском континенте, но что этому противятся англичане и его собственные военные советники», то в последних беседах с советским послом Рузвельт «старался придать себе вид человека, абсолютно убежденного в неосуществимости в настоящее время высадки». По мнению посла, «объясняется это тем, что он вовлечен уже в осуществление планов операций в Африке, которые в данное время абсолютно исключают какие-либо операции на западноевропейском побережье»¹⁰.

Недовольство американской общественности политикой правительства в вопросах ведения войны сказалось на результатах выборов в конгресс и в местные органы власти в ноябре 1942 года. Демократическая партия потерпела сокрушительное

поражение на всех уровнях. Республиканцам не хватило всего лишь семи мест, чтобы стать партией большинства в палате представителей. Они провели своих людей на губернаторские посты в таких крупных штатах, как Нью-Йорк и Калифорния, добившись в целом самого крупного результата с 1920 года. За все время пребывания Рузвельта на посту президента престиж возглавляемой им партии никогда еще не падал так низко.

Но выбор был уже сделан. Войска союзников, используя благоприятную стратегическую обстановку в результате сражений на Восточном фронте, 8 ноября 1942 г. начали высадку в Северной Африке. Для президента это были дни, полные тревоги и волнений. Его неотступно преследовала кошмарная мысль, что операция может закончиться провалом. Последствия этого трудно было даже предвидеть. Когда, наконец, раздался долгожданный звонок из военного ведомства, телефонная трубка в руке президента заметно дрожала. Выслушав первое сообщение об успешном начале операции, Рузвельт воскликнул: «Слава богу, слава богу. Мы высадились в Северной Африке. Потери ниже ожидаемых». Волнение было вполне естественным, хотя и напрасным. Оказать серьезное сопротивление англо-американским войскам на африканском побережье было некому. Внимание Гитлера целиком было приковано к Восточному фронту, где назревали переломные события.

Движимое чувством союзнической солидарности, интересами борьбы против общего врага, Советское правительство дало высокую оценку результатам операции «Факел» и разгрому итало-немецких войск в пустыне под Эль-Аламейном. В беседе с Кессиди 13 ноября И. В. Сталин выразил надежду, что кампания в Африке создаст предпосылки для организации второго фронта в Европе, поближе к жизненным центрам Германии, что будет иметь решающее значение в деле организации победы над гитлеровской тиранией. Американские авторы пишут: «Смысл сказанного Сталиным был прост: Северная Африка показала, что западные союзники вполне могли развернуть подобное наступление на побережье Нормандии или Британии. Им не хватало лишь желания нанести удар на Западе»¹².

Надеждам советского народа на облегчение своего положения и скорейшее завершение войны еще долго не суждено было сбыться. Чем шире разворачивались боевые действия на африканском континенте и в районе Средиземноморья, тем меньший интерес проявлял президент Рузвельт к высадке во Франции. Начавшаяся операция имела свою инерцию, она требовала все больше сил и средств. К концу 1942 года в Англии осталась всего лишь одна американская дивизия,

остальные были переброшены в Африку. Рузвельт уже тогда сознавал, что и в 1943 году наступление на европейском континенте не состоится. Его всецело занимали планы ближайших операций в направлении Италии и Балкан.

Об этом в Москве могли, разумеется, только догадываться, тем более что со стороны союзников не было недостатка в новых туманных заверениях открыть второй фронт в Европе в 1943 году. Наученное недавним опытом, Советское правительство требовало недвусмысленных обязательств на этот счет. Ввиду их отсутствия оно холодно встретило выдвинутую президентом Рузвельтом вскоре после начала контрнаступления советских войск под Сталинградом идею «секретной встречи» глав правительств СССР, США и Великобритании «в каком-нибудь безопасном месте» в Африке между 15 и 20 января 1943 г. «Моим самым настоятельным доводом является сильное желание побеседовать с Вами»,¹² — писал президент И. В. Сталину. Возникали законные сомнения: насколько продуктивной могла быть такая неподготовленная встреча.

Поэтому глава Советского правительства, в принципе выразив согласие с идеей встречи на высшем уровне, отказался пока принять в ней участие ввиду своей занятости делами на фронте, о чем и сообщил в Белый дом 6 декабря 1942 г. Кроме того, в письме Черчиллю, отправленном в тот же день, откровенно говорилось, что Советское правительство ждет ответа на свое предыдущее послание «в части, касающейся открытия второго фронта в Западной Европе весной 1943 г.»¹³. Акценты были расставлены четко и определенно: встреча глав правительств трех держав, которой особенно настойчиво добивался президент Рузвельт, могла состояться только в случае положительного решения вопроса о втором фронте. Советское правительство не хотело «переговоров ради переговоров» и не спешило переходить к обсуждению других вопросов, пока не будет решена ключевая проблема всех межсоюзнических отношений.

А пока приходилось считаться с тем, что союзники остаются на прежних позициях. Резюмируя итоги беседы, состоявшейся при вручении Черчиллю послания главы Советского правительства, посол И. М. Майский сообщал в НКИД: «Американцы и англичане перекидываются вторым фронтом в Западной Европе как мячом: когда Рузвельт настаивал на втором фронте в 1942 году, то возражал Черчилль, а теперь, когда Черчилль выскаживается за второй фронт в 1943 году, возражает Рузвельт. По существу же у обоих доминирует одна и та же идея «легкой войны» для себя». В одной из своих информаций посольство СССР в Англии поясняло: «Конкретно это означает, что разбить Германию на сушу в основном должен

СССР... Под этим углом зрения выгодно, чтобы СССР пришел к финишу возможно более ослабленным и истощенным»¹⁴.

14 декабря И. В. Сталин отклонил новое предложение президента Рузвельта провести трехстороннюю встречу около 1 марта в Северной Африке вновь многозначительно сославшись на чрезвычайную занятость делами на фронте. Сталинградская битва была в самом разгаре и требовала его постоянного внимания. Президент был разочарован этим ответом. Он надеялся обсудить не только военно-стратегические вопросы, но и в предварительном порядке затронуть другие проблемы, которые, как он туманно выразился, следовало заранее разработать «на случай чрезвычайных обстоятельств». Речь шла о согласовании действий в случае неожиданного краха Германии, а также о дальневосточных проблемах, весьма волнующих американское руководство.

В своем ответе глава Советского правительства резонно указывал на то, что ему неизвестно, какие вопросы предполагалось рассмотреть на совместном совещании. Поэтому он предлагал обсудить эти вопросы в порядке переписки между главами трех правительств, пока нет возможности провести между ними личную встречу. «Разрешите также выразить уверенность, — подчеркивалось в послании, — что время не проходит зря, и обещания насчет открытия второго фронта в Европе, которые были даны Вами, г. Президент, и г. Черчиллем в отношении 1942 года и уж, во всяком случае, в отношении весны 1943 года, будут выполнены, и второй фронт в Европе действительно будет открыт общими силами Великобритании и США весной будущего года»¹⁵. Однако ответа на это послание Советское правительство не получило.

Тактический расчет советских руководителей был точен, Сталинградская битва, завершившаяся к началу февраля 1943 года капитуляцией 6-й немецкой армии, коренным образом изменила всю военно-стратегическую обстановку в мире. Наиболее дальновидные политические деятели на Западе понимали, что поражение гитлеровской Германии становилось лишь вопросом времени. Вчерашний пессимизм и неверие в победу над фашизмом сменялись смелыми планами на будущее. Тот, кто не желал преуспеть на ратном поле, надеялся «не упустить свое» за столом мирной конференции. Р. Шервуд отмечал, что после Сталинградского сражения Рузвельт понял, что должен теперь взглянуть в более далекое будущее, чем военная кампания 1943 года, и заняться рассмотрением вопросов послевоенного мира. Незадолго до Нового года, смирившись с отказом И. В. Сталина принять участие в трехсторонней встрече, он сообщил о своем желании написать ему «относительно некоторых послевоенных мероприятий». Эти

«мероприятия», как их скромно именовал президент, волновали его все больше и больше. Война еще не прошла своей наивысшей точки, еще далеко было до победы, а в межсоюзнические отношения параллельно с военными вопросами уже незаметно входили новые сложные проблемы — послевоенные.

Уроки Версала

Войны, как известно, с давних пор велись на земле ради достижения конкретных целей. Вторая мировая война, в которой принимали участие государства с различным социальным строем, более чем какая-либо другая, была тому примером. Политические интересы воюющих сторон определяли их военную стратегию и послевоенные цели. В январе 1943 года журнал «Большевик» поместил статью «Ленин о сущности войны», в которой говорилось: «Политика и война — взаимодействующие, но неравнозначные факторы; первенство все время остается за политикой»¹⁶.

Еще в самом начале Великой Отечественной войны Советский Союз провозгласил своей главной задачей разгром фашизма и освобождение порабощенных народов. Советский народ хорошо понимал, во имя чего идет навязанная ему кровопролитная война, и сознательно шел на величайшие жертвы в интересах победы. Даже в самое трудное время при всей занятости делами на фронте и в тылу Советское правительство не упускало из поля зрения политических вопросов, которые неизбежно должны были встать с изменением хода войны и подвергнуться обсуждению на переговорах с союзниками. Наступление коренного перелома в войне сделало актуальной задачу разработки и провозглашения советской программы послевоенного устройства мира.

Эта программа, подготовленная под руководством ЦК ВКП(б) и изложенная в докладе И. В. Сталина по случаю 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, исходила из следующих задач: освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств; предоставить освобожденным народам полное право и свободу самим решать вопрос о государственном устройстве; принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники — виновники войны понесли сугубое наказание за совершенные ими злодеяния; установить такой порядок, который бы полностью исключил возможность новой агрессии со стороны Германии; установить длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество народов, основанное на взаимном доверии и взаимной помощи в целях восстановления разрушенного

оккупантами хозяйства и культуры. Это была широкая демократическая программа, проникнутая духом подлинного уважения к суверенным правам народов и преисполненная заботой о создании прочного фундамента послевоенного мира на основе продолжения тесного сотрудничества государств антигитлеровской коалиции.

Иначе обстояло дело с послевоенными планами США и Великобритании. Правящие круги этих стран предпочитали держать их в глубокой тайне от своих народов. Проведенный в сентябре 1942 года службой Гэллапа опрос общественного мнения в США обнаружил, что 40% американцев вообще не представляли себе, «к чему была вся эта война». Туманные политические банальности, содержащиеся в Атлантической хартии, о борьбе сил свободы и демократии с силами зла и тирании не проясняли существа дела и лишь вызывали раздражение общественности. Характерно, что только 23% опрошенных американцев знали о существовании Атлантической хартии, и лишь 1/3 из них могла изложить содержание одного из ее параграфов. Опрос общественного мнения, проведенный в октябре того же года, показал, что 60% американцев хотели, чтобы президент чаще информировал народ о войне, а многие высказались в пользу открытого обсуждения того, «во имя чего мы воюем»¹⁷.

Но президент сам избегал публично высказываться на этот счет и не рекомендовал делать это другим членам своей администрации. На это у него имелись серьезные основания. Вторая мировая война со вступлением в нее Советского Союза приняла широкий освободительный, антифашистский характер. Как ни одна война в прошлом, всколыхнула она народные массы, подняла их на бой с фашизмом — злейшим врагом всего человечества, заставила задуматься о грядущем. Миллионам простых людей в странах антигитлеровской коалиции были близки и понятны лозунги мира, демократии и социального прогресса. Они жаждали скорейшего завершения войны и прочного послевоенного демократического мира.

Эти настроения, безусловно, сковывали сторонников империалистической политики, заставляли их прятать свои подлинные намерения и цели от глаз общественности. Им приходилось считаться с тем, что международная действительность середины XX столетия, когда крепло влияние первого социалистического государства — оплота мира и демократии, усиливались прогрессивные настроения во всем мире, в корне отличалась от обстановки времен первой мировой войны, закончившейся империалистическим Версальским миром. Уроки Версала, проложившего дорогу новой мировой войне, были оплачены слишком дорогой ценой, чтобы о них могли забыть народные

massы. По-своему учитывали эти уроки и империалистические круги.

Империализм не был бы империализмом, если бы он не стремился завершить вторую мировую войну переделом мира за счет побежденных и ослабленных войной государств. В роли главных претендентов на мировое господство выступали империалистические круги Соединенных Штатов, которые считали, что наступил подходящий момент для реализации давно вынашиваемых ими замыслов, и надеялись, что послевоенный мир будет миром «на американских условиях». В этих кругах нескрываемое раздражение вызвало выступление 8 мая 1942 г. вице-президента США Г. Уоллеса с докладом «Цена победы свободного мира», выдержаным в популистском духе и вызвавшим энтузиазм среди демократической общественности. В своем выступлении лидер либерального крыла демократической партии провозгласил наступление «века простого человека» и призвал осуществить идеалы «народного мира». В беседе с гостем из Великобритании в октябре 1942 г. помощник госсекретаря А. Берл, отъявленный реакционер даже по меркам госдепартамента, явственно заметил: «Мир, который описал Уоллес, потребует богов, чтобы управлять им. Я не знаю, как с этим обстоит дело у вас, но здесь, в Вашингтоне, ощущается явная нехватка архангелов»¹⁸.

Если с «архангелами» дела в Вашингтоне, действительно, обстояли неважно, то не было недостатка в тех, кто мечтал об утверждении американского превосходства в мире. Исключения не составлял и сам глава Белого дома, близко к сердцу принимавший заботы своего класса и глубоко веривший в «особое предназначение» Америки и ее «ответственность» за судьбы мира. Как-то, беседуя с сыном в поздний час в середине 1943 года, президент разоткровенничался. «Беда в том, — сказал он, — что в действительности мы вовсе не идем к единой цели, если говорить не о показной стороне... Война — дело сугубо политическое. Если страна не находится в слишком уж отчаянном положении, она старается вести войну таким образом, чтобы в конечном счете извлечь из нее наибольшие политические выгоды, а не так, чтобы окончить ее возможно скорее». Погрузившись в свои мысли, Рузвельт рассеянно выводил в этот момент на бумаге большую четверку, которая должна была символизировать четыре великие державы — США, Англию, Китай и СССР. «Соединенные Штаты должны будут взять на себя руководство... Мы сумеем играть такую роль, — продолжал он, — потому что мы велики и сильны, потому что у нас есть все, что нам нужно... Америка — единственная из великих держав, которая может закрепить мир во всем мире»¹⁹.

Экспансионистская программа правящих кругов США отличалась большой амбициозностью и глобальными масштабами. В этой программе делалась ставка на возросшую экономическую и военную мощь США и ослабление в ходе войны остального мира. Она предполагала скрытое перераспределение «мирового имущества» за счет старых колониальных держав, подавление освободительных, революционных движений и утверждение американской «гегемонии» в ущерб остальным народам. Как и в любой другой программе такого рода, ей было свойственно преувеличение собственных возможностей и недостаток реализма в оценке противодействующих сил. Английский историк В. Ротвелл отмечал, что среди американских бизнесменов «существовали вполне определенные идеи в отношении создания полуофициальной имперской системы, с помощью которой США намеревались контролировать экономические ресурсы без осуществления формальной аннексии»²⁰.

Охваченные жаждой передела мира, американские руководители раньше других участников войны приступили к разработке послевоенных планов, или к созданию «новой системы», как предпочитали уклончиво говорить в госдепартаменте. 18 мая 1941 г., выступая по радио, Хэлл заявил: «Ничуть не рано заложить по крайней мере некоторые принципы, которые будут руководить политикой по завершении войны, выдвинуть широкую программу мирового экономического восстановления и рассмотреть предварительные планы осуществления этой политики». Речь шла о «создании основ обновленного международного порядка».

В конце 1941 года в США был создан на широкой межведомственной основе с привлечением «выдающихся» частных граждан Консультативный комитет по послевоенной внешней политике, проект которого получил энергичное одобрение президента. «Я горячо поддерживаю», — пометил Рузвельт на полях документа. Существование комитета было долгое время окутано покровом секретности, чтобы, как отмечал Хэлл, «сведения о наших послевоенных исследованиях не подорвали понимание общественностью того, что для достижения победы потребуется долгая и упорная борьба»²¹.

Президент Рузвельт умел чувствовать приближение момента. К концу 1942 года, когда война подошла к переломному рубежу, он заключил, что от «исследований» пора двигаться дальше. Обет молчания был нарушен. Началось активное и всестороннее обсуждение послевоенных проблем с союзниками, изучение их позиций. В ноябре президент сообщил премьер-министру Южной Африки Смэтсу, с которым находился в дружеских отношениях, о своем желании поговорить с ним

«по поводу подготовки планов в отношении победоносного мира, который, безусловно, придёт»²². В декабре он в течение нескольких часов беседовал на эту тему с премьер-министром Канады М. Кингом. В ежегодном послании конгрессу 7 января 1943 г. Рузвельт впервые остановился на вопросах послевоенной безопасности. «Победа в этой войне, — говорил он, — наша первая и величайшая задача. Другая задача — победа в организации мира»²³. Президент, разумеется, не стал уточнять, какой смысл он вкладывал в эти слова.

В памяти Рузвельта были еще свежи воспоминания о злополучном Версальском мире, разстроившем планы американской буржуазии, о неудаче президента Вильсона с Лигой наций, обернувшейся его личной трагедией, и он не хотел откладывать мирное урегулирование до конца войны и повторять ошибки прошлого. Ковать железо следовало, пока горячо. Уроки Версаля были достаточно суровы и поучительны, чтобы ими пренебрегать. Генерал Эйзенхаэр, чья полководческая звезда уверенно всходила после англо-американской высадки в Северной Африке, вспоминал о своей беседе с Рузвельтом на конференции в Касабланке в январе 1943 года: «Хотя он признавал серьезность военных проблем, стоявших перед союзниками, большинство его замечаний касалось отдаленного будущего, задач послевоенного времени, включая положение колоний и зависимых территорий»²⁴.

Прежде чем начать обсуждение послевоенных проблем с Советским Союзом, Рузвельт считал необходимым договориться с англичанами. В годы войны постепенно сложились «особые» англо-американские отношения, в которых общие классовые интересы уживались с межимпериалистическими противоречиями. Англия, хотя и не без борьбы, постепенно сдавала свои позиции Соединенным Штатам, довольствуясь ролью «младшего партнера». Когда Черчилль в шутку называл себя «верным лейтенантом президента», в этом была известная доля истины. Но Великобритания была великой державой, полноправным участником коалиции, и Рузвельт хотел заручиться ее поддержкой в преддверии ответственных переговоров с Советским Союзом. В марте 1943 года в Вашингтон прибыл с визитом глава английского Форин оффис А. Иден для обсуждения послевоенных вопросов с американскими руководителями.

Не принимая участия в этих переговорах, Советское правительство сочло необходимым довести до сведения союзников свою точку зрения в связи с некоторыми вопросами, затрагивавшими интересы СССР. В частности, была выражена надежда, что участники переговоров не свяжут себя никакими определенными обязательствами в отношении деталей после-

военного урегулирования. Подчеркивалось, что советская западная граница, как она сложилась к 1941 году, является окончательной. Указывалось на желание Советского Союза иметь в лице соседей дружественные государства, в частности Польшу, Финляндию, Румынию. Были подвергнуты критике английские планы создания «европейских федераций», справедливо расцененные в Москве как попытки возрождения антисоветского «санитарного кордона». Советское правительство вместе с тем сочло преждевременным раскрывать свою позицию в отношении дальневосточных проблем, очень интересовавших американцев.

Переговоры в Вашингтоне начались с обсуждения европейских проблем, связанных с требованием СССР безоговорочно признать законные советские права и интересы. Рузвельт предлагал настаивать на непризнании вступления Прибалтийских республик в состав СССР без проведения нового плебисцита, тем самым подвергая сомнению результаты выборов 1940 года. Когда англичанин, более реально оценивающий ситуацию, заметил, что «Сталин не пойдет на это», президент сказал, что он это понимает, но считает, что если США и Англия и согласятся с требованием Советского Союза, то они должны использовать свое согласие в качестве козыря, для того «чтобы заставить Россию пойти на уступки».

Много внимания было уделено вопросу о будущем Германии. Рузвельт хорошо помнил, какими социальными потрясениями закончилась первая мировая война, и не хотел, чтобы они повторились в еще более широких масштабах. «Я сказал, — записал Гопкинс, — что, если только мы не будем действовать быстро и наверняка, может произойти одно из двух: либо Германия станет коммунистической, либо там наступит полная анархия; что фактически то же самое может произойти в любом европейском государстве, а также в Италии»²⁵. Президент немедленно согласился с тем, что дело будет обстоять куда проще, если в момент краха Германии «серьезные силы английских и американских войск» будут находиться в Европе. Стороны были едины и в отношении необходимости расчленения Германии на ряд государств. Расчененная и ослабленная Германия казалась им куда менее опасной революционной силой, чем единое освобожденное от фашизма немецкое государство.

Если обсуждение европейских проблем прошло сравнительно гладко и безболезненно — сказывалось стремление участников переговоров разработать общую позицию перед лицом Советского Союза, — то такого единодушия не было по другим вопросам, прежде всего по колониальному. Американские правящие круги связывали большие надежды на передел в

свою пользу колониальных империй с выдвинутым ими принципом опеки над зависимыми территориями²⁶. Незадолго до приезда Идена в Вашингтон президент одобрил проект документа, подготовленного в стенах госдепартамента, о «международном контроле» над зависимыми народами. Его экземпляр был вручен в ходе переговоров Идену, хотя в Вашингтоне хорошо знали о негативном отношении англичан к американской затее.

Особый интерес представляло обсуждение в ходе переговоров проблемы Китая. Со времен «доктрины Хэя» (1899 г.) США вынашивали далеко идущие экспансионистские планы в отношении Китая и надеялись занять там место других империалистических держав, прежде всего Японии. В этих целях США активно поддерживали гоминьдановский режим и, чтобы отмежеваться от «старых колонизаторов», 11 января 1943 г. подписали с ним договор об отказе от экстерриториальных прав, навязанных Китаю в прошлом веке. Рузвельт убеждал скептически настроенного Идена, что Китай будет играть на Дальнем Востоке «полезную роль» и что он хочет его всемерно укрепить. «Президент говорил о необходимости объединить Китай с другими державами при решении мировых проблем, — сообщал Иден премьер-министру. — Я не проявил энтузиазма, но президент считает Китай по меньшей мере потенциальной мировой державой. Он полагает, что анархия в Китае была бы серьезным бедствием, что Чан Кайши следует оказать всемерную поддержку»²⁷.

Параллельно с американской стороны звучала и другая тема, несомненно, навеянная планами создания нового «баланса сил» на Дальнем Востоке взамен разрушенноговойной. Китаю предназначалась в нем видная роль. Не случайно президент убеждал Идена, что Китай при любом серьезном столкновении с Россией будет «на нашей стороне». Вернувшись в Лондон, Иден доложил военному кабинету, что Соединенные Штаты, «вероятно, рассматривают Китай в качестве возможного противовеса России на Дальнем Востоке»²⁸.

Американские авторы П. Муни и К. Боун отмечают: «Китай являлся центральным звеном азиатской политики США... Накануне и во время войны США поддерживали силы гоминьдана и Чан Кайши против коммунистов Мао Цзэдуна в качестве противовеса Советскому Союзу и Японии. Рузвельт выдвинул Китай Чан Кайши на позиции одной из четырех великих мировых держав (позднее одной из пяти, с Францией) — позиций, которых Китай не заслуживал ни с точки зрения военной, ни экономической. В течение второй мировой войны Чан Кайши получил значительные поставки по ленд-лизу...»²⁹.

В ходе англо-американских переговоров затрагивался также вопрос о создании международной организации. Это была едва ли не самая любимая идея Рузвельта, с осуществлением которой он связывал честолюбивые планы на будущее. Организация должна была стать как бы центральным звеном всей послевоенной стратегии США, средоточием американского влияния в мире. С ее деятельностью связывалось решение многих экономических и политических мировых проблем в интересах американского империализма. Прикрываясь ее международным характером, США рассчитывали диктовать свою волю другим народам, подчинять их своему влиянию. Вот почему на переговорах с Иденом Рузвельт в противовес английскому предложению о создании ряда региональных органов отстаивал идею мировой организации и в конце концов убедил англичан принять американскую точку зрения.

На пресс-конференции, состоявшейся 30 марта, после отъезда Идена, Рузвельт в общей форме сообщил о закончившихся переговорах, делая упор на том, что они носили чисто «исследовательский» характер и что он надеется в скором времени провести такие же переговоры с русскими. Эти переговоры представлялись ему куда более сложными и ответственными, чем только что закончившийся обмен мнениями с англичанами, и к ним надо было основательно подготовиться. В конце концов планы оставались планами до тех пор, пока их не удастся перевести на язык конкретных договоренностей. Речь шла о договоренностях с государством, принадлежавшим к иной социальной системе и волею событий оказавшимся вместе с США и Великобританией в одной коалиции. Более того, вопреки всем прогнозам и ожиданиям влияние этого государства стремительно росло, заставляя задуматься буржуазных политиков о последствиях.

Не будет преувеличением сказать, что коренной перелом в войне, осуществленный Советским Союзом, застал врасплох американских руководителей. Переход от неверия в силы Советского государства к трезвой оценке значения одержанных им побед происходил крайне мучительно и противоречиво. Американская дипломатия, вращаясь в кругу привычных классовых схем и представлений, до конца не понимала исторического смысла разворачивающихся событий, их последствий для судьбы человечества и международных отношений. От сомнений в отношении будущего не был избавлен и сам глава Белого дома.

Иден вспоминал о переговорах в Вашингтоне: «Главный вопрос, который не выходил из головы Рузвельта, касался того, было ли возможно сработать с Россией сейчас и после войны. Он хотел знать, что я думаю по поводу мнения,

согласно которому целью Сталина являлся захват и подчинение коммунизму (европейского. — А.Б.) континента»³⁰.

В госдепартаменте всерьез гадали, заключит ли Советский Союз сепаратный мир с Гитлером или будет продолжать войну «до победного конца», остановится ли он на своей государственной границе или примется за освобождение народов порабощенной Европы, вступит ли он в войну с Японией, примет ли участие в «международном сотрудничестве», согласно американским планам, или уйдет в «глухую изоляцию». Многие там продолжали относиться к Советскому Союзу как к «временному союзнику», с которым США не по пути в дальнейшем. От главы русской секции европейского отдела госдепартамента Л. Гендерсона и ниже, отмечал известный американский дипломат Ч. Болен, «специалисты разделяли мнение, что, хотя Советский Союз был теперь союзником, с ним следовало держать ухо востро, потому что его конечные цели сталкивались с целями Соединенных Штатов»³¹. Не случайно в годы войны Белый дом практически отстранил госдепартамент от вопросов «большой политики», и прежде всего от отношений с Советским Союзом. Большинство американских дипломатов были убежденными реакционерами, которых Голкинс презрительно называл «тупицами, паркетными шаркунами и, как правило, изоляционистами до мозга костей».

Действительными реалистами во время войны зарекомендовали себя некоторые американские военные стратеги. События на Восточном фронте заставили их по достоинству оценить силу и мощь Советского государства и сделать надлежащие политические выводы. Примером этого служит докладная записка, подготовленная 1 декабря 1942 г. для Белого дома генералом Бэрсом. «Россия нужна нам не только как могущественный военный союзник для разгрома Германии, — говорилось в документе. — В конечном счете она понадобится нам в аналогичной роли и для разгрома Японии. И, наконец, она нужна будет нам как подлинный друг и деловой клиент в послевоенном мире».

Что касается конкретных рекомендаций, то отмечалась желательность организации встречи президента с главой Советского правительства, важность укрепления «товарищества по оружию» с русскими, оказания им своевременного материального содействия, назначения в СССР посла с широким политическим кругозором. Особо подчеркивалась необходимость установить для всех американских ведомств и учреждений общую политику, в силу которой Советский Союз должен рассматриваться «как подлинный друг» и встречать соответствующее отношение. В заключение говорилось о

целесообразности предоставления СССР «весьма значительных кредитов на благоприятных условиях» для финансирования послевоенного восстановления и развития, а также удовлетворения его законных чаяний в ходе мирного урегулирования³².

Легко заметить, что оценки и выводы этого документа разительно отличались от подхода американских руководителей к Советскому Союзу годом раньше. Что и говорить, 1943 год — не 1941-й, когда в Вашингтоне сомневались, «выстоит ли Россия». Теперь приходилось перестраиваться на ходу. Записка генерала Бэрнса как по своему духу, так и по содержанию во многом перекликалась с настроениями в Белом доме. Как отмечал Р. Шервуд, она отразила взгляды самого Гопкинса на отношения с Советским Союзом. А от Гопкинса до президента, как известно, был всего лишь один шаг. Теперь в основу всех военных и послевоенных планов Рузвельта легла идея сотрудничества с Советским Союзом. Сложнее было ответить на вопрос, как навести мосты этого сотрудничества через бездну классовых противоречий.

Рузвельт был оптимист в политике. Он твердо верил, что при желании всегда можно договориться со здравомыслящим партнером — стоит только проявить необходимую гибкость и выдержку. Однажды в беседе с Гарриманом он честно признался: «Видите ли, Аверелл, я по своей натуре люблю компромиссы». Это была политическая философия президента, верившего в преимущества буржуазного реформизма будь то в вопросах внутренней или внешней политики. Советский Союз на глазах превращался в фактор мирового значения, и с этим не мог не считаться такой дальновидный политик, каким был Франклин Рузвельт. Вскоре после визита В. М. Молотова в Вашингтон Гопкинс писал американскому послу в Лондоне Дж. Вайнанту: «Мы попросту не можем организовать мир вдвоем с англичанами, не привлекая русских в качестве равноправных партнеров»³³. Нет сомнения, что это были мысли самого президента.

Другое дело, как представлял себе Рузвельт этот «исторический компромисс» с Советским Союзом, на какой практической основе. В этом вопросе полной ясности у него не было, хотя будущее и рисовалось в достаточно радужных тонах. «Прежде всего он надеялся, — пишет Гарриман, — что близость между нами, порожденная войной, могла и должна была стать основой послевоенного сотрудничества. Он полагал, что ужасные разрушения огромных районов России потребуют больших усилий по восстановлению, и был готов предоставить щедрую американскую помощь. Он видел, что Россия была осаждена и изолирована западными державами перед

войной как в Лиге наций, так и вне ее. Рузвельт считал, что это не должно повторяться. Он был преисполнен решимости путем установления тесных личных отношений со Сталиным в годы войны вселить уверенность в кремлевских лидеров, что Россия — ныне признанная крупнейшая держава могла доверять Западу»³⁴.

Судя по многим косвенным признакам, Рузвельт полагал, что Соединенные Штаты по своим интересам являлись глобальной державой, а Советский Союз, озабоченный прежде всего безопасностью своих границ и проблемой послевоенного восстановления, — в большей степени континентальной. Это давало Соединенным Штатам, как верил президент, широкое поле для дипломатического маневра, прояви они достаточное понимание советских интересов — территориальных, политических и экономических — и пойди ему навстречу в жизненно важных для него вопросах. После посещения Белого дома в сентябре 1943 года кардинал Спеллман записал: «Он надеется, что вслед за вынужденной дружбой (с Советским Союзом. — А. Б.) вполне может скоро последовать настоящая и прочная дружба»³⁵.

Мир достаточно велик, как бы рассуждал президент, чтобы США и СССР могли найти в нем приложение своим силам, не сталкиваясь между собой. На словах убежденный противник раздела мира на сферы влияния, президент, по существу, был недалек от планов создания некоего фантастического американо-советского кондоминиума за счет интересов других стран, где США принадлежала бы ведущая роль. Американская буржуазия мыслила привычными для нее категориями «раздела мира» между сильными за счет слабых. Эти планы, разумеется, не могли встретить «понимание» со стороны Советского Союза — последовательного борца за утверждение принципа равноправия в международных отношениях, против всех форм империалистического угнетения.

Такова была в общих чертах американская схема послевоенного устройства, в которой присутствовали как реалистическое, так и реакционное начала. Трезвая оценка возросшего могущества Советского Союза, понимание необходимости сотрудничества с ним уживались с типично буржуазными иллюзиями в отношении характера советской внешней политики, ее целей и принципов. Жизнь вносила существенные коррективы в теоретические схемы и построения, с которыми не мог не считаться президент. Политик-реалист, он привык соизмерять поставленные цели с имеющимися возможностями, с конкретным соотношением сил. Последнее слово оставалось за внешнеполитической практикой.

Будни дипломатии

Рассказ о советско-американских отношениях в годы Великой Отечественной войны был бы неполным, если свести его только к вопросам «большой политики». Конечно, в практике дипломатии отношения на высшем уровне играют ведущую роль — они определяют главные направления сотрудничества между государствами, но многое зависит и от того, как претворяются в жизнь достигнутые договоренности в ходе будничной дипломатической работы.

Казалось, что война с ее суровыми законами сведет к минимуму все связи и контакты между СССР и США, выходящие за рамки чисто военных нужд. Но на практике получилось иначе. Установившиеся отношения доверия и взаимопонимания между руководителями двух стран на основе общности интересов в борьбе с фашизмом, наличие благоприятного политического климата открыли двери для налаживания широкого взаимовыгодного сотрудничества между Советским Союзом и Соединенными Штатами в самых различных областях, о чем не приходилось и мечтать в довоенные годы.

Возросший с началом войны объем связей СССР с США потребовал установления регулярного авиационного сообщения между ними. Следовало найти оптимальный авиамаршрут, сообразуясь с требованиями военного времени. Этот вопрос был затронут во время переговоров В. М. Молотова в Вашингтоне в мае 1942 года. Госдепартамент в подготовленном для президента меморандуме предложил тогда три варианта авиасообщения: создание авиатрассы через Аляску и Сибирь для переброски самолетов, открытие гражданской авиационной линии между США и Владивостоком или каким-либо другим пунктом в Сибири через Аляску и установление гражданской авиалинии с Советским Союзом через Африку и Средний Восток (Иран).

Особенно упорно госдепартамент добивался возможности осуществления американскими летчиками полетов через Сибирь. Цели при этом ставились самые неблаговидные. Вот что пишет по этому поводу Р. Шервуд: «Гопкинс получил предложение о том, что ввиду «ряда стратегических соображений, в силу которых район Восточной Сибири приобретает первостепенное значение», правительство Соединенных Штатов может счесть желательным направить в Сибирь под маской представителей по вопросам ленд-лиза «лиц, способности и благородные которых проверены (то есть секретных агентов)».

Гопкинс, видимо, не на шутку встревожился, когда ознакомился с этой опасной затеей. Он не ожидал от нее ничего

хорошего и поэтому ответил: «Я не вижу, каким образом можно было бы разрешить сибирский вопрос, направив в этот район представителя по ленд-лизу. Вопрос воздушных путей в Россию тщательно изучался и изучается, и ввиду моих отношений с русскими я не решаюсь здесь действовать иначе, как прямым путем»³⁶.

Это был, разумеется, самый верный и самый короткий путь к цели. Но в Вашингтоне не сразу сумели оценить его бесспорные достоинства. Видимо, рассчитывая на то, что в разгар тяжелых боев под Сталинградом Советский Союз проявит сговорчивость, Рузвельт настойчиво добивался от главы Советского правительства разрешения американским экипажам перегонять самолеты до озера Байкал. Он настаивал также на осуществлении американским самолетом рекогносцировочного полета из Аляски через Сибирь. Президенту по-прежнему не давала покоя мысль о том, что СССР оставался в стороне от войны на Дальнем Востоке, и он не прочь был «пощекотать нервы» японцам американской активностью на советской территории.

Проявив понятную осмотрительность в этом вопросе, Советское правительство 1 июня 1942 г. одобрило план переброски самолетов из США через Аляску и Сибирь, но сочло целесообразным поручить его осуществление советским летчикам, которые к этому времени хорошо освоили транссибирский маршрут. Что касается рекогносцировочного полета, то его проведение было поручено советскому экипажу, получившему указание взять на борт в Номе нескольких американских участников этого перелета. Окончательные детали соглашения о переброске самолетов из США через Сибирь были согласованы к осени 1942 года во время визита в Советский Союз американского генерала Ф. Брэдли. 19 октября американские власти согласились облегчить таможенные формальности при въезде на Аляску советских летчиков и технического персонала, занятых доставкой самолетов. От них не требовалось оформления въездных виз и паспортов, и они подчинялись правилам, установленным военными властями США для района Аляски.

Что касается поставленного американской стороной вопроса об организации гражданской авиатрассы через Сибирь, то Советское правительство отклонило это предложение. Малейшая уступчивость в отношении «американского присутствия» на Дальнем Востоке грозила серьезно обострить и без того натянутые отношения с Японией, что в свою очередь могло обернуться опасными последствиями для исхода боев на советско-германском фронте, не говоря уже о том, что сибирская авиатрасса была плохо освоена и обслуживала в то время только специальные рейсы.

США не только не отказались от своих попыток вовлечь СССР в войну с Японией, но со второй половины 1942 года явно их активизировали. Из Вашингтона не переставали исходить панические предупреждения о том, что война между СССР и Японией «неизбежна», что агрессор готовится нанести предательский удар в спину и что этот удар следует встретить с американской помощью. В ряде своих посланий главе Советского правительства, отправленных на рубеже 1943 года, президент ставил вопрос о размещении в Приморском крае американской бомбардировочной авиации и с этой целью добивался осуществления предварительного инспектирования группой генерала Брэдли советских военных объектов. Легко было представить себе последствия этих действий для советско-японских отношений.

Поэтому Советское правительство решительно отклонило американские домогательства. В письме от 5 января 1943 г. И. В. Сталин разъяснил президенту, что «в данное время нам нужна помощь самолетами не на Дальнем Востоке, где СССР не ведет войны, а на фронте жесточайшей войны с немцами, то есть на советско-германском фронте». 13 января ему вновь пришлось вернуться к этим вопросам, поскольку американская настойчивость не ослабевала. «Ваше предложение о том, чтобы генерал Брэдли инспектировал русские военные объекты на Дальнем Востоке и в других частях СССР, вызывает недоумение, — говорилось в послании. — Вполне понятно, что русские военные объекты могут быть инспектируемы только русской инспекцией, так же как американские военные объекты могут быть инспектируемы только американской инспекцией. В этой области не могут быть допущены никакие неясности»³⁷.

Тем не менее в отдельных вопросах Советское правительство проявляло понимание интересов своего союзника в войне на Тихом океане и там, где позволяли обстоятельства, стремилось оказать США посильную поддержку и содействие. 11 августа 1942 г. НКИД, например, в ответ на просьбу американских властей дал согласие регулярно снабжать представителя посольства США в Москве материалами перехватов японских радиопередач. Примером лояльного отношения к союзнику также служат до сих пор малоизвестные факты о роли Советского Союза в облегчении участия американских военнопленных, захваченных японцами в ходе сражений в Азии.

Руководство США и широкие круги американской общественности были крайне обеспокоены судьбой своих сограждан. В беседе с В. М. Молотовым во время его визита в Вашингтон президент Рузвельт жаловался: «Военнопленным выдают японский армейский паек, что для белого человека равносильно голодному пайку». Хэлл отмечал, что в отношении Японии

главным в деятельности госдепартамента были «неустанные усилия добиться человеческого обращения с военнопленными и гражданскими интернированными лицами, находившимися у японцев, и ускорить депатриацию этих граждан»³⁸.

Американская дипломатия поставила этот вопрос перед правительством СССР в официальном порядке. 5 февраля 1943 г. Стэндли передал в НКИД памятную записку, в которой от имени своего правительства обращался с просьбой о посредничестве Советского Союза в снабжении американских военнопленных (в общей сложности около 100 тыс. человек) дополнительным питанием и медикаментами ввиду возросшей среди них смертности. Речь шла о перевозке грузов в количестве 1,2 тыс. т в месяц на кораблях, следящих из портов Западного побережья США во Владивосток, с последующей их доставкой японцами в места пребывания американских военнопленных³⁹.

Несмотря на крайне щекотливый характер возлагаемой миссии, Советское правительство, руководствуясь чувством гуманности и желанием помочь своему союзнику, ответило согласием на американскую просьбу при условии достижения соответствующей договоренности между правительствами США и Японии и со своей стороны сделало все возможное, чтобы ускорить решение этого вопроса. До получения ответа японского правительства СССР согласился разместить доставленные американские грузы во Владивостоке и обеспечить их надежное хранение.

В результате длительных и сложных американо-японских переговоров при посредничестве Швейцарии этот вопрос был, наконец, решен. В начале ноября 1944 года после отправки первой партии грузов на борту японского судна «Хакусан-Мару» из советского порта Находка посольство США в Москве выразило Советскому правительству «горячую благодарность» от имени правительства Соединенных Штатов «за его цennую помощь и сотрудничество» в деле доставки почты и продуктов для американских военнопленных и интернированных лиц. В ноте также говорилось: «Общественность Соединенных Штатов полностью осведомлена о той роли, которую Советское правительство сыграло в осуществлении доставки в Японию ныне отправленного туда снабжения, и Советское правительство может быть уверено в сердечной благодарности американского народа за это дружественное сотрудничество»⁴⁰.

В свою очередь американские власти откликнулись на просьбу Советского правительства оказать содействие в розыске советских граждан, интернированных правительством «Виши» и отправленных в марте 1942 года вместе с гражданами других национальностей в Северную Африку на строительство

транссахарской железной дороги. Вскоре после успешной высадки союзников в Северной Африке НКИД обратился в американское посольство с просьбой сообщить о местонахождении и состоянии советских людей и оказать содействие их репатриации в СССР⁴¹.

29 декабря 1942 г. посольство США ответило, что в Алжире находятся 123 интернированных советских гражданина и что местная французская администрация неофициально сообщила о своей готовности их освободить. Ввиду невозможности их репатриации прямым путем в Советский Союз предлагалось отправить их первоначально в Англию с конвойными судами, возвращающимися из Северной Африки, а оттуда уже в Советский Союз.

Американское предложение было принято. В конце января 1943 года НКИД сообщил посольству о своем желании направить в Северную Африку двух советских консульских работников для оказания интернированным советским гражданам практической помощи в деле репатриации, рассчитывая при этом на содействие американских властей в Алжире. И этот вопрос был решен положительно. Спустя месяц советские представители благополучно прибыли в Алжир и развернули там большую работу по розыску и репатриации своих соотечественников. Операция по репатриации интернированных советских граждан была успешно завершена летом 1943 года⁴².

Установление союзнических отношений между СССР и США способствовало расширению сотрудничества между ними не только в военной, политической и экономической областях, но и в сфере науки, культуры, медицины, обмена информацией и т. д. Здесь, разумеется, можно рассказать лишь о некоторых наиболее характерных примерах, раскрывающих глубину и масштабы советско-американских отношений в годы Великой Отечественной войны.

В результате японских захватов в Юго-Восточной Азии — основного поставщика натурального каучука в США сложилось крайне напряженное положение с этим важнейшим стратегическим материалом. «Отрезанное от традиционного источника каучука в Юго-Восточной Азии, — отмечает Т. Бауэр, — американское правительство, к своему ужасу, обнаружило, что химическая промышленность США не обладала техническими знаниями для производства искусственного каучука... В результате этого возник острый дефицит каучука»⁴³. Начались поиски различных заменителей, как естественных, так и искусственных. Белый дом осаждали откровенные шарлатаны с проектами получения каучука даже из кормовой свеклы. Выдвигались и практически осуществимые идеи. Американские

ученые знали, что в советской Средней Азии некоторые кустарниковые растения относятся к семейству каучуконосов. Было решено обратиться за помощью к Советскому Союзу.

В ответ на эту просьбу в августе 1942 года США было предоставлено 46 кг семян каучуконосных растений, а в январе 1943 года — 52 кг. Через некоторое время американцы сообщили, что в ходе эксперимента некоторые семена принесли урожай в 6—7% каучука. Параллельно с этими экспериментами в конце ноября 1942 года между СССР и США была достигнута договоренность о создании технических комиссий для сотрудничества в области производства синтетического каучука.

Успешно осуществлялся обмен научной и технической информацией. Так, в январе 1943 года НКИД обратился в посольство США за сведениями по ряду вопросов железнодорожного хозяйства: технической информацией о паровозовагонном строительстве, железнодорожном обслуживании и т. д. В ноябре американские специалисты передали СССР обширный материал, включающий брошюры, каталоги, журналы, фотографии и другие материалы.

Ширились и крепли советско-американские связи в области медицины. В апреле 1943 года американское посольство известило НКИД о желании заинтересованных ведомств США обмениваться с медицинскими учреждениями СССР информацией в области хирургии, санитарной обороны и эпидемиологии. Вскоре американские специалисты подготовили и направили своим коллегам в СССР 10 докладов по наиболее важным вопросам эпидемических заболеваний. 16 октября НКИД от имени советских врачей выразил благодарность Комитету медицинских исследований при Бюро научных исследований и развития США за подготовку этих докладов.

В свою очередь американские хирурги с большой пользой для себя перенимали опыт своих советских коллег. В январе 1944 года на имя проф. С. С. Юдина из института им. Склифосовского было получено письмо от главного консультанта по хирургии американской армии в Европе полковника Э. Катлера, в котором говорилось: «На нашу хирургическую миссию в Москве произвели глубокое впечатление, во-первых, высокая подготовка Вас и Ваших коллег как хирургов и, во-вторых, стойкость Ваших граждан, являющаяся изумительным примером для народов всего мира. Народы Западного полушария могли бы извлечь из нее великий пример того, как нация должна сражаться со своим врагом»⁴⁴.

Соединенные Штаты проявили значительный интерес к обмену опытом с Советским Союзом в области сельского хозяйства. В конце декабря 1942 года американское посольство сообщило в НКИД о желании министерства земледелия США

направить в СССР научного работника в ранге атташе с целью составления библиографии, базирующейся на доступном материале советских библиотек и научных институтов, и сбора информации о различных технических достижениях в советском сельском хозяйстве. В январе 1943 года Наркомат земледелия СССР сообщил, что готов предоставить требуемые библиографические данные, выразив желание получить аналогичный библиографический материал о технических достижениях сельского хозяйства США. В марте между НКИД и госдепартаментом был согласован вопрос об обмене атташе по сельскому хозяйству.

Американским представителем в Советском Союзе был назначен д-р Л. Майл — энергичный и деятельный человек. В июне посольство направило в НКИД меморандум, в котором сообщалось о желании нового атташе установить контакты со специалистами Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина и Наркомата земледелия в целях ознакомления с конкретными вопросами: каучуконосными растениями, улучшенными видами хлебных семян, масличными культурами, работой МТС и возможностями их дальнейшего развития и т. д. Д-р Майл хотел посетить некоторые из наиболее важных совхозов и колхозов, работающих в условиях военного времени. Дотошного американца интересовала даже проблема «использования коров в рабочих целях». В свою очередь США были готовы оказать содействие в снабжении советских селекционеров семенами сахарной свекловицы, различных овощей, сахарного сорго, индийской пшеницы, кукурузы и т. д.⁴⁵

Несмотря на трудности военного времени, советские власти постарались оказать содействие американскому специалисту. Спустя год посольство США, подводя некоторые итоги его деятельности, сообщало в НКИД: «Он получил информацию из первых рук, касающуюся научной работы в области сельского хозяйства в Советском Союзе. Результаты этих исследований оказались в высшей степени ценными для специалистов по сельскому хозяйству в Соединенных Штатах, и посольство выражает признательность советским властям, благодаря которым это стало возможно». Деятельность д-ра Майкла в Советском Союзе продолжалась до конца 1945 года.

В год коренного перелома в войне еще больше возросли и упрочились культурные связи между двумя странами. В основе их лежало стремление народов СССР и США лучше узнать друг друга.

Как отмечает Ф. Никонович, посвятивший специальное исследование культурным связям США во время войны,

«атмосфера единства военного времени способствовала налаживанию подлинного культурного сотрудничества» между СССР и США и делала его перспективы обнадеживающими⁴⁶. Американцы жадно удовлетворяли свой интерес к Советскому Союзу, пробужденный героической борьбой советских людей с фашизмом. Сценаристы из Голливуда Б. Шумерот и Д. Маринов готовились снимать фильм «Песнь свободы» по мотивам произведений Л. Н. Толстого по заказу фирмы «Сэмюэл Голдинг». Раскрывая свой замысел, они писали в августе 1942 года: «Сегодня миллионы русских борются и умирают за свою и за нашу свободу, а мы знаем так мало об этой стране и ее народе».

На сценах американских театров шли произведения известных советских писателей и драматургов. 14 декабря 1942 г. на сцене Национального театра в Вашингтоне в постановке театра «Гильд» состоялась премьера пьесы К. Симонова «Русские люди». Зал стоя аплодировал актерам и режиссеру, пресса поместила восторженные отзывы. В приветственной телеграмме по случаю премьеры К. Симонов выразил надежду, что его пьеса «даст американскому зрителю представление о тех великих сражениях, которые ведет советский народ».

С большим интересом встречала американская общественность выставки советских плакатов и карикатур. Во время войны их помещали на своих страницах многие американские журналы и газеты. В одном из отчетов посольства указывалось: «Отдел плакатов офиса военной информации, которому подведомственно производство плакатов в США, проявляет к нашим плакатам исключительный интерес и с нетерпением ждет каждой новой партии... Полученная нами выставка антифашистских карикатур вызвала восторженные отзывы художников, и в этом сезоне мы ее покажем во всех крупнейших центрах США... Нет никакого сомнения в том, что эти карикатуры будут широко воспроизведены в американской печати... Наши плакаты вызывают исключительно большой интерес и получают высокую оценку»⁴⁷.

Советско-американские культурные связи в годы войны могли бы стать еще шире и многостороннее, если бы их развитию не мешали определенные круги в США, страшившиеся роста популярности социалистического государства. Американские власти продолжали чинить препятствия распространению в США советской литературы, которая именовалась «подрывной пропагандой». Наркомат связи СССР получал регулярные уведомления от почтового ведомства США об уничтожении советских изданий. В их число попадали даже номера «Литературной газеты», журналов «Архитектура народов СССР», «Вестник древней истории», «Советская музыка», «Советская педагогика» и другие издания.

Американские власти, кичащиеся своим демократизмом и свободомыслием, оставляли за собой право определять, что следовало читать американцам, а что — нет. Советское посольство в своем заявлении госдепартаменту от 3 марта 1943 г. квалифицировало эти действия как дискриминационные в отношении СССР, которые создают препятствия для поддержания культурных связей и несовместимы с существующим состоянием отношений между двумя странами.

Отказывая Советскому Союзу по идеологическим соображениям в элементарных вопросах, американские власти не ограничивали себя в своих просьбах к Советскому правительству. Речь в данном случае идет о настойчивых попытках американской дипломатии организовать легальными средствами сбор информации разведывательного характера о Советском Союзе. Об этом сегодня стоит вспомнить, чтобы добавить еще один штрих к той сложной картине, которую представляли собой советско-американские отношения в годы войны.

Повышенный интерес в США к вопросам, затрагивающим безопасность Советского Союза, несомненно, объяснялся начавшимся коренным переломом в войне, растущим могуществом Советского государства, что вызывало беспокойство американских руководителей. Хорошо известно, что многие из них уже тогда усматривали в лице Советского Союза потенциального противника, о котором надлежало иметь всю полноту информации. В этих целях американское посольство и направляло в НКИД многочисленные запросы, касающиеся главным образом экономического потенциала СССР, степени ущерба, нанесенного ему войной, перспектив восстановления народного хозяйства и других государственных секретов. Посольство Соединенных Штатов часто действовало по прямым указаниям Управления стратегических служб — созданной в годы войны американской разведки и даже не считало нужным это скрывать от советских властей. Приведем несколько характерных примеров.

14 декабря 1942 г. посольство США сообщило, что Управление по делам ленд-лиза собирается направить в Индию, а оттуда в Советский Союз некоего Гордона Баулса для исследования состояния автомобильных дорог, ведущих в Китай, с целью организации его снабжения через территорию советской Средней Азии и Афганистана. Баулс намеревался в январе 1943 года пересечь советско-афганскую границу и в сопровождении американского механика на двух автомобилях проследовать через всю советскую Среднюю Азию по дороге в Китай. В пути, как не считало нужным утаивать посольство, он собирался фотографировать дорогу и дорожные сооружения

«с целью расширения сведений о пропускной способности мостов и общих условий пути»⁴⁸.

Разумеется, советские руководители поправили потерявших чувство реальности американских дипломатов или тех, кто стоял за их спиной. В советском ответе напоминалось, что подобная практика относилась целиком и полностью к компетенции соответствующих советских органов, которые в случае надобности будут в состоянии сами собрать необходимые сведения. Как будто все было ясно, но поток американских запросов подобного рода не уменьшался.

18 декабря 1942 г. американское посольство запросило у НКИД по поручению Бюро экономической войны США сведения в отношении ежегодной добычи, потребления и запасов нефти в Советском Союзе, мотивируя это тем, что указанные сведения якобы были необходимы в связи с определением будущих общих потребностей Объединенных Наций в нефти. В частности, были поставлены такие вопросы: сколько сырой нефти ежегодно добывалось в Грозном и Баку; каковы общие запасы нефти, помимо Кавказа; каково годовое потребление нефти отдельно для военных и невоенных нужд; сколько ежегодно производилось всех заменителей нефти и какое предполагаемое количество нефти они заменяли и др.⁴⁹

13 июля 1943 г. госдепартамент, действуя по указанию Управления стратегических служб, запросил в НКИД информацию «относительно размеров советских государственных запасов зерна в момент нападения фашистской Германии на Советский Союз, количества и расположения этих запасов на территории, временно оккупированной противником, а также размеров советских запасов зерна, имеющихся в настоящее время».

На следующий день посольство запросило, на этот раз по поручению Бюро монетного двора американского казначейства, сведения о денежном обращении в СССР. Фигурировали такие вопросы: какое количество золота и серебра было использовано в промышленности в течение 1942 года; какое количество золота и серебра было добыто в рудниках страны в 1942 году; какое приблизительно количество золота и серебра, а также бумажных денег имелось в распоряжении для использования в денежном обращении страны и т. д.

6 и 28 сентября последовали повторные запросы в отношении советских запасов зерна. 30 сентября посольство интересовалось по поручению Бюро экономической войны количеством советских гражданских лиц, а также военнопленных, вывезенных гитлеровцами в Германию. В тот же день посольство повторно проявило интерес к численности населения в районах Советского Союза, недавно освобожденных от немцев, а также

к числу людей, эвакуированных из этих районов до прихода немцев. Запрашивалась подробная информация о состоянии советских железных дорог. Так, 30 ноября 1943 г. посольство по поручению Управления экономической деятельности за границей интересовалось тем ущербом, который был нанесен советской железнодорожной сети в период временной оккупации гитлеровцами западных областей СССР.

Трудно сказать, чем руководствовались в Вашингтоне, проявляя столь неумное любопытство к советским внутренним делам. Может быть, там рассчитывали на то, что союзнические отношения давали США какие-то особые права и привилегии в отношении Советского Союза? Если так, то эти расчеты оказались совершенно беспочвенными. Советские руководители, проявляя понятную бдительность, как правило, оставляли подобные запросы с американской стороны без ответа, что ясно говорило об их неуместности.

В то же время в Москве охотно шли навстречу союзнику, когда его интерес объяснялся военной необходимостью или просто желанием побольше узнать о жизни советского народа. Так, например, 8 июня 1943 г. посольство США обратилось в НКИД по поручению Управления экономической войны с просьбой предоставить образцы горючего, применяемого механизированными частями вермахта на советско-германском фронте. В американской ноте подчеркивалась исключительная срочность этого дела. Речь шла о получении информации, необходимой для успеха готовящейся высадки в Нормандии, поэтому она была немедленно предоставлена.

К концу 1943 года в Вашингтоне как будто начали понимать, что следует проявлять необходимую деликатность в отношениях с союзником. Напутствуя отправлявшегося в Москву в качестве главы военной миссии США генерала Дина, начальник штаба армии США генерал Маршалл дал ему указание не заниматься сбором разведывательной информации в Советском Союзе.

Таковы были дипломатические будни советско-американских отношений в самый разгар великой битвы народов с фашизмом, когда главной проблемой межсоюзнических отношений по-прежнему оставалась проблема второго фронта.

Будет ли второй фронт?

8 марта 1943 г. в Москве произошло событие, которое оставило неприятный осадок в советско-американских отношениях. Посол Соединенных Штатов Стэндли допустил провокационное высказывание в адрес Советского Союза. Выступая на пресс-конференции перед американскими журналистами,

он заявил: «Русские власти, похоже, хотят скрыть тот факт, что они получают помощь извне. По всей вероятности, они хотят, чтобы их люди верили, что Красная Армия воюет в одиночку»⁵⁰.

Корреспонденты американских газет, знающие цену подобным «откровениям», недоумевали: советская пресса изо дня в день правдиво информировала общественность об американских поставках. Зачем, спрашивается, понадобилось тогда послу поднимать этот большой вопрос и лишний раз напоминать всем о том, что советский народ, не жалея сил, ведет кровопролитную борьбу с общим врагом, а американцы и англичане не спешат открыть второй фронт и отделяются скромными поставками по ленд-лизу и боевыми действиями «на периферии», в Северной Африке?

Между тем дело объяснялось просто. Стэндли с бесхитростностью флотского старшины выболтал то, что было на уме у американских руководителей, пытавшихся прикрыть свой отказ пересечь Ла-Манш и тем самым оказать реальную поддержку Советскому Союзу ссылками на поставки СССР по ленд-лизу и другие второстепенные действия. А. Гарриман, которому суждено было вскоре стать преемником Стэндли, сообщал из Лондона: «Многие из моих здешних друзей, как англичане, так и американцы, как старшие, так и младшие по служебному положению, втайне довольны заявлением Стэндли в Москве, даже если оно и было неосторожным. Здесь все больше растет уверенность, что мы создадим для себя трудности в будущем, если позволим russkим придиrаться к нам»⁵¹.

Заявление Стэндли явилось преднамеренной политической провокацией с его стороны, так как он был хорошо осведомлен об истинном положении дел. 5 февраля 1943 г. посол вручил заместителю наркома иностранных дел А. Я. Вышинскому памятную записку. В ней говорилось о желании Бюро военной информации США получить материалы, включая фотографии, раскрывающие роль, которую играло на советских полях сражений военное снаряжение, полученное в счет ленд-лиза, помошь, которую поставки по ленд-лизу оказывали советскому гражданскому населению, а также значение ленд-лиза для улучшения советско-американских отношений.

Всего неделя потребовалась Совинформбюро, чтобы подготовить по указанию НКИД обширный материал для американского посольства, который включал фотографии американского вооружения на фронтах Великой Отечественной войны, различного рода очерки и интервью об американских поставках в СССР, помещенные в советской прессе, и т. д.

Как видим, посол получил исчерпывающую информацию.

Советское правительство было заинтересовано в том, чтобы советский народ чувствовал, что он не одинок в борьбе с фашизмом, что на его стороне поддержка других миролюбивых народов. Это придавало дополнительную уверенность в борьбе и в конечной победе. Американский автор Дж. Херринг основательно изучивший вопрос о поставках по архивам госдепартамента, признавал: «Советская пресса уделяла значительное внимание помоши союзников. Газеты «Правда», «Известия», «Красная Звезда» с удовлетворением приводили цифры, характеризующие американское производство, публиковали фотографии американского и английского оружия на пути к фронту и правдиво сообщали о заключении протоколов о поставках между тремя странами»⁵².

Как известно, в период войны глава Советского правительства неоднократно выражал благодарность президенту США за оказанное содействие, по достоинству оценивая его истинное значение в военных усилиях СССР. Искренняя признательность на самых различных уровнях высказывалась американским трудящимся за их поддержку советского народа в войне, в частности за организацию сбора средств, являющуюся ярким примером солидарности и взаимоподдержки народов двух стран.

Исключительно высоко оценивало, например, Советское правительство опасный труд американских военных и торговых моряков, занятых доставкой грузов из США в Архангельск и Мурманск. В октябре 1942 года советские руководители предложили премировать экипажи американских судов. Наиболее отличившиеся офицеры и моряки американского флота по согласованию с военным ведомством США были представлены в декабре 1943 года к советским орденам и медалям.

Так в огне борьбы с фашизмом выковывалось боевое сотрудничество народов двух стран, или, как его тогда называли, товарищество по оружию, осложнить которое пытались реакционные силы США, обеспокоенные ростом престижа Советского Союза. Заявление посла Стэндли вызвало бурю возмущения со стороны американской общественности, обнаружив глубокую рознь в понимании союзнического долга народными массами, требующими открытия второго фронта, и правящими кругами страны, преследующими своекорыстные цели.

Выражая это возмущение, председатель американского Комитета помоши России в войне Э. Картер направил 11 марта 1943 г. телеграмму заместителю государственного секретаря США С. Уэллесу с просьбой передать ее затем послу СССР в Вашингтоне М. М. Литвинову. В ней говорилось: «Зная, что готовность, с которой американцы отнеслись к помоши России

во время войны, проистекает из их глубокого восхищения исторической борьбой России и из глубокого чувства долга к русскому народу и правительству, мы надеемся, что вы не позволите сложиться в Советском Союзе впечатлению, что участники оказания этой помоши требуют благодарностей за нее»⁵³.

В посольство СССР в Вашингтоне хлынул поток негодующих телеграмм, в которых американцы решительно осуждали заявление посла и требовали его отзыва. В телеграмме от рабочих Западного побережья США, известных своими революционными традициями, говорилось: «Уверяем вас, что посол Стэндли не говорит от имени Америки. Мы требуем немедленного отзыва Стэндли в интересах хороших отношений между США и ее славным союзником»⁵⁴.

Америка негодовала по поводу провокационной выходки Стэндли, и мимо этого не могли пройти в Вашингтоне. Выступление посла вызвало раздражение в Белом доме. Оно прозвучало грубым диссонансом политики администрации и расценивалось как дипломатически бес tactное и политически вредное. Трудно было выбрать для него более неподходящий момент: отношения с Советским Союзом и так были обострены из-за проблемы второго фронта. Объективно посол подливал масла в огонь. Кроме того, в конгрессе как раз в это время обсуждался очередной законопроект о ленд-лизе. С. Уэллес предложил президенту немедленно отзвать Стэндли, но Рузвельт, согласившись с ним в принципе, не хотел лишнего шума, а поэтому решил сделать это позднее, когда буря утихнет.

Что касается Советского правительства, то вместе с советской общественностью оно было возмущено заявлением Стэндли. К этому времени в Москве уже хорошо знали американского посла как человека заносчивого и недалекого, настроенного враждебно к Советскому Союзу. 10 марта Стэндли был приглашен в НКИД, и ему пришлось давать объяснения по поводу своего клеветнического выпада. Тем не менее Советское правительство не стало предавать этот инцидент широкой огласке, ограничившись публикацией материалов в советской печати, опровергающих заявление посла по существу. В Москве хорошо понимали всю подноготную этой истории и ее связь с вопросом о втором фронте.

Выступление Стэндли не случайно получило такую скандальную известность в Соединенных Штатах. В год коренного перелома в ходе войны престиж Советского Союза среди американского народа был как никогда высок.

Опросы общественного мнения убедительно свидетельствовали об ослаблении антикоммунистических настроений в США,

о вере американцев в существование общих целей с Советским Союзом не только во время войны, но и в будущем, об оптимизме, с которым они смотрели на перспективы развития советско-американских отношений.

Характерным для настроений многих американцев было письмо от капитана Т. Джибсона, владельца газеты «Кларксдейл дейли ньюс» в штате Миссисипи, полученное посольством в начале марта 1943 года. В письме говорилось: «Простые люди в США знают, что, если бы не Россия, нацисты убивали бы нас прямо сейчас. Вашему народу принадлежит вся слава, завоеванная союзниками до сих пор. Вы должны иметь в виду, что все думающие люди в США поддерживают вас на 100% и считают, что на мирной конференции ваш голос должен быть решающим, так как вы вынесли основную тяжесть войны. И помните, что мы, безусловно, оцениваем то, что сделано Россией для мира. Мы чтим и уважаем ее за то, что она совершила, искренне соболезнуем вам в ваших жертвах»⁵⁵.

По всей стране ширилась кампания по сбору средств для Советского Союза. Она приобрела поистине национальный характер. В ней принимали участие миллионы американских граждан, представлявших все слои населения. 26 июля 1943 г. в Нью-Йорке состоялось заседание директоров Комитета помощи России в войне. На заседании отмечалось, что, если за весь 1942 год было закуплено и отправлено в СССР товаров на 9,3 млн. долл., то уже за первое полугодие 1943 года — на сумму 6,3 млн. Выросла сеть комитетов по всей стране, включая даже такие южные расистские штаты, как Алабама и Джорджия, где их раньше не было совсем. Всего на середину 1943 года в США действовало 385 местных комитетов и около 100 вспомогательных добровольческих групп. В американской прессе за полгода было помещено около 50 тыс. статей о работе комитета и о Советском Союзе, сделано 6 тыс. выступлений по радио, организовано 456 митингов, на которых выступило 514 лекторов, и т. д.⁵⁶

Интересно отметить, что опрос общественного мнения, проведенный Бюро военной информации в августе 1943 года, показал, что подавляющее большинство американцев считало, что СССР внес достаточный вклад в войну и его следовало освободить от расчетов с США за поставки по ленд-лизу, в то время как с англичан, по мнению опрошенных, следовало все получить сполна.

Такова была внутриполитическая обстановка в США, в которой решался вопрос, когда быть второму фронту. Планам Белого дома по затягиванию решения этого вопроса противостояло мощное движение американской общественности, требовавшей более активного участия США в мировой войне

и оказания действенной помощи Советскому Союзу путем развертывания боевых действий в Европе. Президент Рузвельт, последовательно придерживавшийся тактики «выжидания», вынужден был маневрировать и, как говорили в его окружении, держать «круговую оборону».

Как, наверное, помнит читатель, в вопросе о втором фронте 1942 год закончился тем, с чего и начался: западные союзники, нарушив свои обязательства, не планировали открыть его в ближайшем будущем. Состоявшаяся в январе 1943 года встреча Рузвельта с Черчиллем в Касабланке, в которой отказалась принять участие советская сторона, явилась классическим примером создания видимости движения при состоянии общего покоя. Как заметил Гопкинс Черчиллю, результаты конференции представлялись ему «довольно слабыми усилиями». О необходимости организации серьезного наступления на Германию в 1943 году участники не проронили ни слова. Центральное место в их планах занимала операция по захвату Сицилии. В этом вопросе между Рузвельтом и Черчиллем царило трогательное единодушие. Оба деятеля были готовы отважно сражаться «до последнего русского солдата».

Конечно, президент хорошо понимал, что скучные итоги конференции, как бы ее ни рекламировала печать, не встретят поддержки в Советском Союзе и одобрения американской общественности. Надо было найти нечто такое, что могло зажечь всеобщее воображение и оставить свой след в истории. Такой «находкой» явилась провозглашенная Рузвельтом идея «безоговорочной» капитуляции Германии, Италии и Японии. В политическом контексте того времени она явно была рассчитана на то, чтобы создать у Советского Союза уверенность в твердой приверженности США ведению войны «до победного конца». Сделать большее для Советского Союза, кроме этой широковещательной декларации, президенту представлялось тогда невозможным. «Уверенность, что отказ открыть второй фронт в 1943 году усилит советские подозрения в отношении намерений союзников, — отмечал Р. Даллек, — придавала выдвижению доктрины безоговорочной капитуляции особую привлекательность»⁵⁷.

Теперь оставалось сообщить главе Советского правительства об итогах работы конференции. Начались усиленные поиски наиболее обтекаемого варианта телеграммы в Москву. Наконец, нужные слова с помощью признанных стилистов — Гопкинса и Гарримана — были найдены. Врученное И. В. Сталину в ночь с 26 на 27 января 1943 г. послание Рузвельта и Черчилля состояло из общих фраз и не содержало указаний в отношении конкретных операций и сроков их проведения.

30 января советский ответ был направлен западным адреса-

там. Его отличали краткость и желание прояснить дело. Глава Советского правительства писал: «Понимая принятые Вами решения в отношении Германии как задачу ее разгрома путем открытия второго фронта в Европе в 1943 году, я был бы Вам признателен за сообщение о конкретно намеченных операциях в этой области и намечаемых сроках их осуществления»⁵⁸. Со своей стороны Советский Союз был готов сделать все от него зависящее для продолжения наступления против Германии и ее союзников на советско-германском фронте.

Начиналось то, чего больше всего боялся Рузвельт: Москва требовала ясности. Президенту на это нечего было ответить. Поэтому, обменявшись предварительно мнениями с Черчиллем, он предпочел, как и летом 1942 года, остаться в тени, предоставив премьер-министру продолжать объясняться с русскими. Президент дорожил своим честным именем и не хотел брать на себя обязательств, которым, как он отлично понимал, все равно суждено было остаться на бумаге. Менее щепетильный Черчилль 9 февраля без долгих колебаний известил Советское правительство об англо-американских планах «форсирования канала» в августе — сентябре 1943 года.

Поверили ли в Москве обещанию Черчилля? Скажем так: их приняли с изрядной долей сомнения. Не осталось незамеченным, что президент США — человек осторожный и осмотрительный предпочел устраниться, стоило завести речь о конкретных обязательствах. Он явно не хотел связывать себе руки раньше времени. Бросалось в глаза и другое: в беседах с советскими дипломатами американцы стали усиленно винить англичан в затяжке с открытием второго фронта, тем самым как бы заранее готовя себе алиби. Заметим, кстати, что эта версия позднее перекочевала в работы американских историков. Во время беседы с советским послом в феврале 1943 года начальник штаба президента адмирал Леги заверял его, что он всегда стоял и стоит горой за высадку во Франции, но делу якобы мешали англичане. Посол сообщал в НКИД, что это заявление противоречило ранее полученным им сведениям о позиции адмирала. Уж не выполнял ли Леги указание президента ввести в заблуждение союзника?

Советское правительство не собиралось выяснять, кто нес большую ответственность за затягивание вопроса о втором фронте, и исходило из согласованности позиций США и Великобритании. Поэтому ответ на послание Черчилля был направлен также и Рузвельту. В нем содержалось требование о максимальном сокращении сроков высадки во Франции и выражалось законное недовольство в связи с тем, что развитие боевых действий в Северной Африке приостановилось. Это давало возможность гитлеровцам перебрасывать свежие диви-

зии на Восточный фронт. Все попытки президента объяснить случившееся «неожиданными сильными дождями» успеха не имели, а его туманная фраза, что после победы в Северной Африке наступит черед распространить американские военные усилия на Европу, вызвала и прямое недоверие в Москве.

Межсоюзнические отношения ощутимо накалялись. 16 марта глава Советского правительства вновь обратился к президенту с посланием, в котором считал своим долгом заявить, что главной задачей являлось «ускорение открытия второго фронта во Франции». В послании говорилось о развернутой Гитлером лихорадочной подготовке к весенне-летней кампании на советско-германском фронте и подчеркивалась важность того, чтобы удар с Запада больше не откладывался и был нанесен весной или в начале лета. И. В. Сталин предупреждал о серьезной опасности дальнейшего промедления с открытием второго фронта во Франции «с точки зрения интересов нашего общего дела» и не скрывал своей тревоги в связи с неопределенностью ответов, полученных от союзников⁵⁹.

Учитывая, что все аргументы были исчерпаны и дальнейшая полемика могла лишь усугубить положение, Рузвельт решил не отвечать на это послание. Его мысли были заняты поиском ответа на вопрос, как предотвратить назревающий кризис в отношениях с Советским Союзом. Новая размолвка с Москвой грозила серьезными последствиями для решения послевоенных проблем. Советское правительство показало, что намерено твердо отстаивать свои интересы, разорвав дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством в апреле 1943 года из-за поддержанной им гитлеровской провокации в связи с так называемым «катынским делом» (попыткой переложить на советские власти ответственность за массовые казни польских офицеров близ Смоленска), и отказалось следовать «советам» Лондона и Вашингтона не предпринимать этот шаг. В Белом доме восприняли это как сигнал и решили, не откладывая, действовать.

Уверенный в преимуществах «личной дипломатии», президент вернулся к идеи двусторонних переговоров со Сталиным. Весной 1943 года он неоднократно говорил об этом с У. Буллитом. Встреча в верхах казалась ему ключом к решению как военных, так и политических проблем. Для организации этой, как он говорил, «встречи умов» Рузвельт 5 мая направил в Москву Дж. Дэвиса — бывшего посла в Советском Союзе, пользовавшегося доверием у советского руководства. И. В. Сталин говорил о нем как о человеке, который «знает Советский Союз и может объективно судить о вещах».

В послании, доставленном Дэвисом в Москву, президент предлагал главе Советского правительства неофициально

встретиться «с глазу на глаз» предстоящим летом в районе Берингова пролива с целью обсуждения последствий возможного «краха Германии» в результате наступления советских войск. Рузвельт также был готов обсудить «военное положение как на суше, так и на море», хотя предварительно и не брал на себя никаких обязательств.

В Москве, конечно, почувствовали тревожный настрой президента. В ответном послании Рузвельту от 26 мая глава Советского правительства уклонился от обсуждения «завтрашних» дел и ограничился исключительно текущими вопросами. Войну еще предстояло выиграть, и это было главное. Обрисовав ситуацию на советско-германском фронте в преддверии летнего наступления вермахта, И. В. Сталин многозначительно подчеркнул: «Многое будет зависеть также от того, насколько быстрыми и активными будут англо-американские военные действия в Европе». Как ясно следовало из послания, от решения этого вопроса зависела и судьба предложенной встречи, которая могла состояться, по мнению советской стороны, в июле или в августе⁶⁰. Остальное Дэвис досказал на словах, когда благополучно вернулся в Вашингтон в начале июня.

В частности, он сообщил президенту, что Советское правительство отказалось рассматривать закончившуюся победой союзников кампанию в Северной Африке или воздушные бомбардировки Германии в качестве альтернативы второму фронту. Дэвису дали понять, что отказ союзников от высадки во Франции летом 1943 года будет иметь далеко идущие последствия для советской позиции как в вопросах ведения войны, так и строительства послевоенного мира. И все же, получив вести из Москвы, президент чувствовал себя окрыленным. Ему казалось, что главное сделано: вопрос о встрече с советским руководителем был согласован. Об остальном можно было договориться на месте в ходе личной беседы. Но оптимизм был преждевременным. Встреча, которую так жаждал провести президент, вновь была отложена.

Окончание военных действий в Северной Африке к середине мая 1943 года поставило перед западными союзниками задачу согласования дальнейшей военной стратегии. Следовало дать ответ на вопрос, куда двигаться дальше. Теоретически существовало два пути: один — придерживаться пресловутой «средиземноморской стратегии», горячим сторонником которой был Черчилль, и наступать в сторону Южной Европы; другой — осуществить вторжение в Северной Франции с целью выхода к границам Германии. К этому времени былому единодушию англичан и американцев в вопросах «большой стратегии» пришел конец. Все сильнее заявляли о себе

разногласия между ними, порожденные особенностями их империалистических интересов и личными качествами руководителей двух стран.

В пользу высадки в Северной Франции активно выступали военные круги США. Американский историк Д. Альварес в связи с этим отмечает: «Военный министр Генри Стимсон и начальник штаба армии Джордж Маршалл были самыми близкими советниками президента и исходили из того, что США не имели важных интересов в Восточном Средиземноморье. Они рассматривали балканские планы как опасное отвлечение от основной задачи — победы в Западной Европе. Американское вступление в регион затормозило бы европейскую кампанию, служило бы только британским интересам и затронуло бы советские интересы, уменьшая тем самым перспективу сотрудничества с русскими»⁶¹.

Президент Рузвельт, все чаще обращаясь к карте Восточного фронта, взвешивал темпы советского наступления и думал о том, как бы «не опоздать в Берлин». Черчилль, более склонный к авантюризму, рассчитывал «убить двух зайцев сразу»: опередить Красную Армию в Южной Европе — сфере традиционных интересов английского империализма и «не упустить» Германию, воспользовавшись возможностью правобуржуазного переворота против нацистского режима («группа Герделера»), за подготовкой которого внимательно следила английская разведка. Эти разногласия в выборе места, времени и масштабов приложения дальнейших военных усилий, пока еще сравнительно умеренные, обнаружились в ходе Вашингтонской конференции, проходившей с 12 по 25 мая 1943 г., то есть как раз в то время, когда Дж. Дэвис находился в Советском Союзе.

Американская делегация предложила начать подготовку к форсированию Ла-Манша и осуществить эту операцию... весной 1944 года. Президент поставил под сомнение целесообразность оккупации Италии и заявил, что лучшим средством заставить Германию воевать явится проведение операции через пролив. 25 мая участники конференции согласились «начать операцию 1 мая 1944 г. с целью захвата плацдарма на континенте, с которого можно было бы вести дальнейшие наступательные действия»⁶². Итак, срок открытия второго фронта был перенесен в третий раз!

Ответ из Москвы не заставил себя долго ждать. На советско-германском фронте со дня на день должно было начаться крупное наступление вермахта в районе Курска, и бездействие союзников объективно играло на руку врагу, с которым Советский Союз вновь оставался один на один. В послании на имя президента от 11 июня 1943 г. глава Советского правительства указывал на новое нарушение

союзниками своих обязательств в отношении открытия второго фронта в Западной Европе. Далее в послании говорилось: «Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет Красную Армию сражавшуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом.

Нужно ли говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе — в народе и в армии — произведет это новое откладывание второго фронта и оставление нашей армии, принесшей столько жертв, без ожидавшей серьезной поддержки со стороны англо-американских армий»⁶³. Советское правительство заявляло, что оно не может согласиться с таким решением, принятым к тому же без его участия и без попытки совместного обсуждения этого важнейшего вопроса, чреватого тяжелыми последствиями для дальнейшего хода войны.

Чувствуя, что барометр показывает политическую бурю, президент попытался несколько разрядить обстановку, направив в Москву по своей инициативе ряд сообщений с дополнительных поставках материалов по ленд-лизу, в которых, как он хорошо знал, испытывал потребность Советский Союз. Делались и туманные намеки на будущее, призванные отвлечь внимание от вопроса о втором фронте. Но все попытки ослабить остроту положения ни к чему не привели. Второй фронт был слишком важен для Советского Союза и общего дела борьбы с фашизмом, чтобы подменять вопрос о его открытии второстепенными вопросами. Кризис в межсоюзнических отношениях продолжал разрастаться. Советское правительство отозвало своих послов из союзных столиц. «Вашингтон охватило в это время сильное смятение, — отмечал У. Стэндли, — некоторые чиновники рассматривали отзывы Литвинова и Майского как явный намек на ухудшение отношений с Советским Союзом. А некоторые даже... предрекали, что русские пойдут на заключение сепаратного мира»⁶⁴.

Когда 16 июля Рузвельт напомнил главе Советского правительства о достигнутой между ними договоренности в отношении проведения личной встречи, думая, видимо, что острый момент уже позади, ответом ему было длительное молчание. Лишь 8 августа, после посещения фронта, И. В. Сталин сообщил в Вашингтон, что не может выполнить своего обещания, переданного через Дж. Дэвиса. «Я очень сожалею об этом, — писал он, — но обстоятельства, как знаете, сильнее людей, и приходится им подчиняться»⁶⁵.

Это был прямой намек на «объективные трудности», которыми прикрывали западные союзники свой отказ пересечь Ла-Манш. В то же время в Москве не снимали с повестки дня вопроса о встрече «ответственных представителей обоих государств», хотя и не считали нужным проводить ее на двусторонней основе, как настаивал президент, а высказывались за участие в этой встрече англичан. Рузвельту было над чем задуматься, чтобы избежать грозящего тупика в отношениях с Советским Союзом.

Спустя годы некоторые буржуазные историки, не ставящие политические интересы выше истины, смогли объективно оценить перипетии дипломатической борьбы вокруг второго фронта. Один из них — Р. Бейтцель отмечал: «Русские были обмануты в отношении вторжения через канал... Раз за разом Сталину говорили, что его союзники нанесут удар осенью 1942 г. (в августе или в сентябре), весной 1943 г., в августе или в сентябре 1943 г. и, наконец, весной 1944 г.». По мнению Р. Бейтцеля, «негодование Сталина было оправданным»⁶⁶.

Биограф Рузвельта Дж. Бэрнс, на наш взгляд, совершивший оправданно считает, что одного двуличия руководителей США и Великобритании в жизненно важном для Советского Союза вопросе о втором фронте было вполне достаточно, чтобы оттолкнуть советских руководителей от послевоенного сотрудничества с Западом. Другие американские авторы обоснованно указывают на авантюризм политики затягивания войны проводимой западными союзниками, так как это давало возможность гитлеровской Германии завершить работу по созданию ядерного оружия с тем, чтобы пустить его в ход в качестве «последнего шанса» на спасение.

Летом 1943 года советско-американские отношения переживали сложный период, и президент Рузвельт решил больше не откладывать назначения нового американского посла в Советский Союз. После обсуждения ряда кандидатур в конце концов остановились на А. Гарримане. Этот выбор был далеко не случаен. Семейству Гарриманов принадлежала значительная собственность в Восточной Европе, и новый посол был кровно заинтересован в сохранении в этих странах буржуазных порядков накануне их освобождения Красной Армией. В биографической работе о нем отмечается: «Как банкир-финансист Аверелл Гарриман был глубоко заинтересован в европейских делах... Среди европейских инвестиций, которыми владела его фирма на Уолл-стрите, имелась большая собственность в Польше в цинковой и угледобывающей промышленности»⁶⁷.

Ну, а адмирал Стэнли? В сентябре 1943 года он навсегда покинул Советский Союз, так и не сумев понять нашу страну и ее великий народ. Советское правительство проявило великое

душие, предоставив ему перед отъездом редкую возможность в условиях военного времени совершить ознакомительную поездку на Урал — кузницу страны. Посол посетил знаменитый Уралмаш, Челябинский тракторный и металлургический гиганты, дома Магнитогорска и собственными глазами смог увидеть, как выковывалась несокрушимая боевая мощь Красной Армии, могучее оружие победы, которое решило исход войны.

Радуга над Тегераном

В то время, о котором идет речь, американский журнал «Тайм» поместил карикатуру, пользовавшуюся большой популярностью в США и Великобритании. Ее сюжет был прост и выразителен. Заспанный Черчилль в четыре часа утра снимает телефонную трубку и слышит знакомый голос: «Уинстон? Это я, Джо (Сталин). Я у Кале. Теперь вы можете переходить Ла-Манш. Теперь безопасно».

Смех — смехом, но кое-кому на Западе становилось не по себе, стоило лишь представить, как Красная Армия без чьей-либо помощи освобождает от нацистского порабощения народы Европы и водружаает алое Знамя Победы над поверженным Берлином. После Орловско-Курского сражения, закрепившего коренной перелом в ходе войны, эта перспектива была вполне реальной.

Казалось, что в этих условиях Советский Союз вполне мог потерять интерес к открытию второго фронта. Помощь союзников была теперь куда менее необходима, чем, скажем, год или два назад. Но речь шла о сокращении сроков войны, вызволении из нацистской неволи миллионов советских людей и народов других государств, приближении долгожданного мира. И это было главное, чем руководствовалось Советское правительство и чего не хотели понять наши западные союзники.

В разгар летней кампании на советско-германском фронте Рузвельт и Черчилль провели новую встречу, проходившую с 14 по 24 августа 1943 г. в Квебеке. Под сильным нажимом американцев англичане были вынуждены согласиться с операцией «Оверлорд» в качестве главного американо-английского наступления на суше и в воздухе против держав «оси» в Европе. Начало операции было намечено на 1 мая 1944 г. В совместной телеграмме, отправленной Рузвельтом и Черчиллем в Москву, лаконично сообщалось об осуществляющей в широких масштабах концентрации американских вооруженных сил на Британских островах с целью последующей высадки их вместе с английскими войсками на континенте. Дата начала

операции была предусмотрительно опущена. Поскольку полученная информация не содержала в себе ничего нового и конкретного, она была оставлена главой Советского правительства без ответа. Свообразным ответом союзникам служила ширившаяся кампания в советской печати, отражавшая негодование советской общественности в связи с отсутствием второго фронта на Западе. Приводившиеся на страницах газет и журналов факты убедительно разоблачали различные лжеаргументы противников оказания своевременной помощи Советскому Союзу.

Советско-американские отношения переживали критический момент не только в связи с нерешенностью военных проблем, но и в результате усилившимся расхождений по политическим вопросам. Дело в том, что, приступив к освобождению Италии летом 1943 года, союзники попытались отстранить СССР от участия в переговорах с правительством Бадольо, пришедшим на смену свергнутому фашистскому режиму Муссолини. В Лондоне и Вашингтоне как огня боялись «большевизации» Италии, или, как там предпочитали более уклончиво говорить, «канархии и хаоса», и стремились не допустить широких демократических преобразований в стране. Американский историк С. Амброзе отмечает: «Капитуляция Италии была подготовлена задолго до высадки союзников на ее территорию на условиях, которые устраивали англо-американцев и существующую итальянскую политическую систему, но полностью отвергали интересы итальянских социалистов и коммунистов, не говоря уж об интересах Советского Союза»⁶⁸.

Вопрос этот представлялся принципиально важным Советскому правительству, чтобы оставлять его без внимания. Италия была первой европейской страной — союзницей Германии, вышедшей из войны, и от того, каким путем пойдет политическое урегулирование с ней, во многом зависел процесс демократизации послевоенной жизни в Европе в целом. Вот почему Советское правительство так резко отреагировало на попытки оставить его в неведении в отношении начавшихся переговоров с итальянцами. В послании Рузвельту и Черчиллю от 22 августа глава Советского правительства подчеркнул, что настало время создать военно-политическую комиссию из представителей США, Великобритании и СССР для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии. «До сих пор дело обстояло так, — подчеркивалось в послании, — что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдающего. Должен Вам сказать, что терпеть дальше такое положение невозможно»⁶⁹.

Своевременное вмешательство Советского правительства заставило союзников согласовать с ним условия капитуляции Италии, как «краткие», так и «исчерпывающие», подписанные соответственно 3 и 29 сентября 1943 г. Положительно был решен вопрос и о создании военно-политической комиссии с местом работы временно в Алжире, в которую советским представителем был назначен А. Я. Вышинский. Дело европейского политического урегулирования с самого начала было поставлено на прочную демократическую основу благодаря бдительности и настойчивости Советского Союза.

Уступчивость западных союзников была продиктована трезвой оценкой международной обстановки. Отношения с Советским Союзом уверенно выходили на передний план американской внешней политики. «Во второй половине 1943 г., — признавал Хэлл, — наше внимание сконцентрировалось на более важных проблемах, касающихся великой нации и полноправного союзника — Союза Советских Социалистических Республик»⁷⁰. В американской истории, пожалуй, не было момента, когда США в военном и в политическом отношении столь сильно зависели от другой державы и нуждались в ее расположении и поддержке. Отсюда и реализм правящих кругов США в оценке как текущего момента, так и ближайших перспектив.

На Квебекской конференции американская делегация имела с собой примечательный документ под названием «Позиция России», подготовленный Объединенным комитетом начальников штабов, в котором говорилось: «Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь, и надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиться ее дружбы». Среди объективных факторов, с которыми следовало считаться, указывалось также на заинтересованность США в участии СССР в войне на Тихом океане в целях завоевания победы над Японией и облегчения бремени людских и материальных потерь. Выводы этого документа оказали сильное влияние на американское руководство в моменты принятия им ответственных решений⁷¹.

Особое значение для Вашингтона в это время приобретали прямые контакты на самом высоком уровне с советскими руководителями. Они должны были рассеять сомнения в отношении советских намерений и заложить основы для прочного сотрудничества между двумя странами. Очередная неудача с организацией встречи с главой Советского правительства не обескуражила Рузвельта. 19 августа он вместе с Черчиллем вновь настаивает в послании к И. В. Сталину на проведении совещания «всех нас троих», а в случае невозможности его созыва — встречи министров иностранных дел трех

держав, которая, как говорилось в послании, должна была носить «исследовательский характер».

Советское правительство по-прежнему считало, что без принятия союзниками твердых обязательств в отношении открытия второго фронта встреча в верхах будет преждевременной. Квебекская конференция, как известно, к таким обязательствам не привела. Поэтому 24 августа глава Советского правительства высказался в пользу проведения совещания на уровне руководителей внешнеполитических ведомств, которому, по его мнению, следовало бы придать не узко исследовательский, а практический, подготовительный характер, с тем чтобы потом правительства СССР, США и Великобритании могли принять решения по неотложным вопросам⁷². Так было решено провести совещание министров иностранных дел трех союзных держав в Москве в октябре 1943 года. Параллельно продолжалось обсуждение вопроса о месте и времени встречи в верхах.

В преддверии Московского совещания американские руководители старались подчеркнуть то значение, которое они придавали отношениям с Советским Союзом. Тон задавал сам президент. 4 октября 1943 г. он принимал в Белом доме верительные грамоты нового советского посла — А. А. Громыко. По мнению присутствующих, церемония отличалась особой теплотой и сердечностью. Внимательно выслушав молодого советского посла, Рузвельт выступил с ответным словом. В частности, он заявил: «Наши страны объединились во имя высокой цели, и я полностью разделяю Вашу уверенность в том, что единство целей, которое связывало наши страны и народы в ведении войны, перерастет в тесное и длительное сотрудничество вместе с другими сочувствующими странами в деле установления прочного и справедливого мира»⁷³.

С американской стороны дело не ограничивалось теплыми словами. 9 октября 1943 г. в Москву по личному указанию Рузвельта прибыл с визитом глава Управления военного производства США Д. Нельсон. За несколько дней до начала конференции он был принят в Кремле, по его словам, «самым дружественным образом» главой Советского правительства. В ходе состоявшейся беседы с американской стороны был поднят вопрос об экономическом сотрудничестве США с СССР после войны. Гость указывал, что в Советском Союзе имеются значительные запасы сырья, которые потребуются после войны Соединенным Штатам и другим странам в обмен на которые СССР мог бы получить американские товары. «Мы можем найти пути развития деловых отношений», — с уверенностью подчеркнул он. Это нашло понимание с советской стороны. Состоялся предварительный обмен мнениями по

конкретным вопросам, в ходе которого выяснилось, что Советский Союз заинтересован в поставках из США различного оборудования и промышленных товаров. Выслушав советские пожелания, американский бизнесмен с готовностью откликнулся: «Мы производим все это и были бы рады установить торговлю такого масштаба с Россией». При этом американская сторона исходила из того, что закупки Советским Союзом товаров в США в крупных масштабах могли бы облегчить болезненный процесс перевода американской экономики на мирные рельсы, в частности уменьшить уровень безработицы и ослабить влияние послевоенной депрессии.

Московскую конференцию министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, проходившую с 19 по 30 октября 1943 г., современники справедливо расценивали как большой успех сотрудничества стран — участниц антигитлеровской коалиции. Спустя десятилетия, располагая всей полнотой фактов, можно добавить, что это был успех, достигнутый в ходе длительных и сложных дипломатических переговоров. Советским дипломатам пришлось выдержать трудную борьбу, проявить исключительную гибкость и настойчивость, чтобы конференция могла завершиться плодотворными результатами.

Трудности начались еще в ходе согласования повестки дня конференции. В представленных 20 сентября предложениях правительства США, а днем раньше — Великобритании вопрос о втором фронте, в первую очередь волновавший Советский Союз, отсутствовал. Американская дипломатия была всецело поглощена заботой о послевоенном мире и на передний план выдвигала свой проект декларации четырех держав по вопросам всеобщей безопасности.

29 сентября Советское правительство внесло необходимую ясность, предложив на предстоящем совещании прежде всего «рассмотреть мероприятия по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе», не отказываясь в то же время от обсуждения вопросов, поставленных американской стороной.

4 октября Рузвельт поспешил сообщить в Москву, что он не имеет возражений против самого широкого обмена мнениями относительно организации второго фронта, хотя и не считает, что предстоящая конференция должна планировать или рекомендовать военную стратегию. Назначенный главой американской делегации К. Хэлл отмечал в своих мемуарах: «Я предвидел осложнения, которые возникнут в связи с решимостью Сталина обсуждать на конференции вопросы военной стратегии. Ясно было, что для того, чтобы склонить Сталина к соглашению с нами о политических решениях, нам

нужно сначала дать ему полное заверение в вопросе о военной стратегии»⁷⁴. Это были здравые суждения.

И все же в Москву американская делегация отправлялась с изрядной долей сомнения в исходе предстоящих переговоров. Слишком многое хотелось получить от Советского Союза и мало что можно было предложить ему взамен. Разрешив своим посланцам обсуждать военную стратегию с советскими представителями, президент строжайше запретил им принимать конкретные решения, приберегая это для себя в качестве едва ли не единственного «косяря» на предстоящей встрече в верхах. Не было недостатка и в мрачных прогнозах и предостережениях. В роли новоявленного «эксперта» по советским делам выступал вернувшийся в Вашингтон адмирал Стэндли. Накануне отъезда американской делегации в Москву он убеждал Хэлла в «непримиримости» интересов США и СССР. Государственный секретарь — многоопытный политик не спорил и не соглашался. 7 октября, прощаясь с бывшим послом в аэропорту, он только иронически заметил: «Ну, Билл, будут еще советы для Алисы в советской стране чудес?» Бравый моряк, не уловив насмешки, снова пустился в рассуждения о «коварстве» русских. «Они никогда ничего не уступают, г-н госсекретарь, даже в ответ на что-либо», — твердил этот несостоявшийся дипломат.

Действительность, разумеется, оказалась совершенно иной. Советскому Союзу было не занимать стремления к сотрудничеству и взаимопониманию с союзниками. В интересах дела он был готов идти на значительные уступки своим партнерам по переговорам. Это сразу же выяснилось, когда 19 октября в 4 часа дня в особняке НКИД на Спиридоньевской улице (ныне ул. А. Толстого) открылась Московская конференция министров иностранных дел трех держав.

Советская делегация на первом же заседании поставила вопрос об осуществлении правительствами США и Великобритании еще в 1943 году мероприятий, которые обеспечат высадку англо-американских армий в Северной Франции. К. Хэлл и А. Иден встретили это предложение более чем сдержанно. Перед началом заседания они встретились в резиденции американского посла в Москве и договорились предоставить советской стороне информацию об англо-американских планах, но не вести переговоры по военным вопросам. Особенно уклончиво вел себя осторожный Хэлл, ссылаясь каждый раз на необходимость запросить мнение президента.

Итогом состоявшегося обсуждения явился «особо секретный протокол», подписанный 1 ноября 1943 г., в котором США и Великобритания подтвердили свои намерения осуществить наступление в Северной Франции весной 1944 года, но внесли

оговорку, что это будет зависеть от определенных условий к моменту начала операции. Хотя Советское правительство приняло к сведению это заявление и выразило надежду, что операция «Оверлорд» будет проведена в срок, это не означало, что оно было удовлетворено достигнутым решением. Опасность новой отсрочки второго фронта оставалась.

Казалось, чего можно ожидать от партнера, интересами которого столь длительное время пренебрегали, о каком сотрудничестве можно вести речь. Но Советское правительство не стало заострять разногласия и проявило готовность обсудить другие вопросы, непосредственно не связанные с ведением войны. Советская делегация положительно отнеслась к принципам, изложенным в американском проекте декларации о всеобщей безопасности, предусматривавшем создание будущей Организации Объединенных Наций. Она пошла на серьезную уступку делегации США, согласившись вопреки своему первоначальному мнению с участием в подписании декларации представителя Китая, хотя в тот момент это могло осложнить советско-японские отношения.

Американская дипломатия использовала конференцию для выдвижения широкой программы международного экономического сотрудничества, в которой видное место отводилось Советскому Союзу. Множество из сказанного тогда звучало заманчиво и многообещающе и в полной мере раскрылось лишь в последующее время. Американская программа была представлена в ряде документов, объединенных общей рубрикой в повестке дня «Экономические вопросы реконструкции». Формально в них шла речь об участии США в «восстановлении» опустошенных войной стран, оказании им «помощи» в послевоенном развитии продовольствием, промышленными товарами, оборудованием. Ключевой документ — «Основы нашей (т. е. американской. — А. Б.) программы по вопросам международного экономического сотрудничества» подразумевал принятие империалистических принципов «открытых дверей», «свободы торговли», «равных возможностей», которые должны были проложить дорогу американской экспансии в обескровленном войной мире. Особое место отводилось созданию «международного стабилизационного валютного фонда», призванного закрепить господствующее положение доллара в мировой финансовой системе.

На конференции была предпринята энергичная попытка привлечь к осуществлению американских планов Советский Союз обещаниями послевоенного сотрудничества с ним. В американском предложении по пункту 15 (а) повестки дня «Сотрудничество в возмещении нанесенного СССР военного ущерба» говорилось: «После того как обременительные требо-

вания войны к производственным мощностям Соединенных Штатов прекратятся, наша производственная мощность будет достаточно велика, чтобы позволить нам играть существенную роль в вопросах восстановления и реконструкции в СССР»⁷⁵.

Советская делегация согласилась начать предварительные переговоры по этому вопросу между НКИД и посольством США в Москве. Одновременно было указано на узость американских предложений и заявлено о необходимости включить в вопрос о возмещении ущерба, причиненного войной Советскому Союзу, reparations со стороны Германии и ее союзников. Так было положено начало обсуждению reparационной проблемы.

Надо отдать должное американской делегации: охваченная глобальными замыслами, она вела себя на конференции достаточно осторожно в вопросах, затрагивающих интересы безопасности СССР. Этого нельзя было сказать об англичанах. Советская делегация дала решительный бой английским планам воссоздания былого «санитарного кордона» под видом «восточноевропейских федераций», отвергла домогательства Л. Идена «повременить» с заключением советско-чехословацкого договора, отказалась пойти «на мировую» с эмигрантским польским правительством, добивалась демократизации политической жизни в Италии, настаивала на поддержке союзниками национально-освободительного движения в Югославии во главе с И. Броз Тито и прекращении ими отношений с реакционным генералом Михайловичем и т. д.

Избегая крайностей английской позиции и проявляя временами реалистический подход, американская дипломатия в то же время не собиралась «уходить» от европейских дел и в полной мере признать законные интересы Советского Союза. Она по-прежнему откладывала решение вопроса о признании советской западной границы до «всеобщего урегулирования», хотя хорошо знала о том, какое значение придавало этому Советское правительство. Ее не оставляли безразличной перспективы развития европейских государств, их будущее политическое устройство. Рассуждая о важности установления демократических режимов в освобожденных странах, Хэлл в то же время понимал под этим возвращение некоторых эмигрантских правительств и даже допускал применение силы в их поддержку. Все это говорило о том, что во главу угла американская дипломатия ставила свои классовые интересы и не собиралась слишком далеко от них отступать.

Главное заключалось не в существовании классовых противоречий, неизбежных даже в условиях совместной борьбы с фашизмом, а в умении находить невзирая на них пути к взаимопониманию и сотрудничеству друг с другом. Об этом шла речь

в беседе Хэлла с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым, состоявшейся 23 октября перед началом очередного заседания конференции. Государственный секретарь заметил, что одна из причин его приезда в Москву заключалась в том, чтобы установить, по каким вопросам имеются расхождения между Советским Союзом и Соединенными Штатами, и обсудить, каким образом эти расхождения могли быть устранены. В ответ на это с советской стороны было указано на важность умения находить «равнодействующую различных точек зрения». Нарком прямо подчеркнул: «Не так страшно то, что имеются различные мнения. Тут важно основное направление руководящих кругов»⁷⁸.

Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании завершила свою работу принятием важных решений, способствовавших дальнейшему сплочению антигитлеровской коалиции. Среди подписанных в ходе ее документов значилась Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности, декларации об Италии и Австрии, об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. Было принято важное решение о создании Европейской консультативной комиссии, призванной рассматривать вопросы, связанные с окончанием военных действий в Европе. Эти и другие решения, а также состоявшийся полезный обмен мнениями оказали значительное воздействие как на дальнейший ход войны, так и на создание основ послевоенного мира. Участники конференции подчеркнули важность «продолжить теперешнее тесное сотрудничество, установленное для ведения войны, на период, который последует за окончанием военных действий»⁷⁹.

Советское правительство высоко оценило итоги Московской конференции. Ее решения вызвали прилив энтузиазма и в США. Вернувшись в Вашингтон, Хэлл заявил на совместном заседании обеих палат конгресса, что состоявшаяся конференция явилась «важным шагом как к сокращению сроков войны, так и к устройству будущего». Он отметил, что ему никогда не приходилось «участвовать в международной конференции, все участники которой проявили бы большую решимость идти вперед в духе взаимного понимания и доверия»⁷⁸. Убеленный сединами государственный секретарь считал Московскую конференцию достойным венцом своей долголетней дипломатической карьеры.

Московская конференция проложила дорогу давно обсуждавшейся встрече глав правительств трех союзных держав. С точки зрения военно-политической обстановки время для ее проведения окончательно назрело. Оставалось лишь договориться в отношении места встречи. Неожиданно этот, казалось

бы, второстепенный вопрос вызвал значительные трения. Советская сторона, связанная каждодневными делами на фронте, предложила остановиться на Тегеране, откуда легко было поддерживать устойчивый контакт с Москвой и где имелись представительства всех трех государств. В свою очередь Рузвельт настойчиво предлагал различные пункты в Северной Африке и на Ближнем и Среднем Востоке. Самолюбие не позволяло президенту принять советское предложение и проделать к месту встречи значительно большую часть пути, хотя он ссылался при этом на свои «конституционные обязанности». 21 октября он сообщил, что не сможет отправиться в Тегеран.

Сравнительно простой вопрос вновь грозил отложить совещание. Речь шла уже не столько о выборе места встречи, сколько о выяснении вклада каждого из союзников в войну, о признании неоспоримых заслуг Советского Союза в борьбе с фашизмом. 5 ноября глава Советского правительства, принимая во внимание мнение президента, предложил в качестве компромисса направить на переговоры В. М. Молотова. В этом случае, как сообщал он, могли бы отпасть затруднения, связанные с выбором места встречи. Это окончательно решило исход дела. Рузвельт, возлагавший особые надежды на личную встречу со Сталиным, счел необходимым отбросить соображения престижного характера и согласился прибыть в Тегеран к концу ноября.

Советское правительство придавало большое значение предстоящей конференции — первой из встреч в верхах представителей СССР, США и Великобритании в годы войны, вошедших в историю как совещания «большой тройки». СССР был полон решимости добиться от союзников окончательного решения вопроса о втором фронте. Генерал С. М. Штеменко — член советской делегации на Тегеранской конференции вспоминал: «По разговорам, которых мне довелось слышать еще в поезде, я понял, что наша сторона намерена решительно поставить перед союзниками вопрос о втором фронте, с открытием которого последние явно тянули»⁷⁹.

Отправляясь в Тегеран, Рузвельт хорошо знал о бескомпромиссном настроении в Москве в отношении второго фронта. Поэтому все попытки Черчилля его поколебать на англо-американской встрече в Каире и пробудить былой интерес к операции на Балканах успеха не имели. Во время совещания 19 ноября с американскими начальниками штабов на борту линкора «Айова» по пути в Каир президент говорил, что советские войска находятся всего лишь в 60 милях от польской границы и в 40 милях от Бессарабии и в случае форсирования реки Буг в течение ближайших двух недель могут оказаться на пороге Румынии. Главнокомандующий указал на необходимость

употребить все усилия, чтобы вместе с Англией оккупировать большую часть Европы и первыми вступить в Берлин.

Медлить было нельзя. Выбор окончательно сузился и не оставлял времени для экспериментов. Упрямство англичан, рассчитывающих «поспеть» и в Германии, и на Балканах, вызывало нескрываемое раздражение у членов американской делегации. Личный врач Черчилля Ч. Вильсон, позднее известный как лорд Моран, оставил примечательную запись в своем дневнике о переговорах в Каире: «Наткнулся на Гарри Гопкинса, извергающего град насмешек. Он только что вышел с заседания Объединенного совета начальников штабов, где составлялся план кампании, который будет предложен Сталину в Тегеране. Из слов Гарри следовало, что Уинстон без умолку говорил, и большинство сказанного им касалось «его проклятой итальянской войны». ...Гарри ясно дал понять, что, если премьер будет проводить эту линию в Тегеране и попробует вновь отложить «Оверлорд», американцы поддержат русских»⁸⁰. Остается только добавить к этой красочной зарисовке, что Гопкинс в ответственных случаях обычно повторял мысли президента.

В Тегеране Рузвельт по приглашению Сталина остановился в одном из особняков на территории советского посольства, расположенного поблизости от посольства Великобритании. Так было безопаснее: американское посольство находилось в другом конце иранской столицы, а в городе перед встречей «большой тройки» подняла голову гитлеровская агентура, имелись сведения о готовящихся диверсиях и провокациях. Англичанам, усиленно предлагавшим свои услуги, пришлось молча проглотить пилюлю. Позднее Рузвельт рассказывал в близком кругу, что этим шагом он хотел продемонстрировать свое «абсолютное доверие» к русским и стремление с первой же встречи установить с ними дружеские отношения.

На Тегеранской конференции, проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 г., развернулась острые дипломатическая борьба вокруг второго фронта, тон в которой попытался задать Черчилль. Все свое ораторское мастерство и парламентскую изворотливость он пустил в ход, чтобы навязать участникам конференции пресловутый «балканский вариант», выгодный британскому империализму. К немалому удивлению Гопкинса и других членов американской делегации, позиция Рузвельта была поначалу колеблющейся, а кое в чем и сочувствующей планам Черчилля. Между тем ларчик открывался просто: верный традициям американской дипломатии «увязывать» воедино различные проблемы, президент хотел «подороже продать» операцию «Оверлорд» и вел сложную дипломатическую игру.

Глава советской делегации решительно отверг все попытки подменить операцию «Оверлорд» действиями на Балканах. Он настойчиво добивался согласования точной даты высадки англо-американских войск во Францию и назначения главнокомандующего, призванного нести персональную ответственность за успех операции. Это была ясная политическая линия, не отягощенная какими-либо скрытыми расчетами. Нежелание союзников согласиться с ней чуть было не завело переговоры в тупик и серьезно накалило обстановку на конференции. «Мы, русские, ограничены сроком пребывания в Тегеране. Мы могли бы пробыть здесь в течение 1 декабря, но 2-го мы должны уехать»⁸¹, — вынужден был заявить И. В. Сталин в конце второго заседания конференции вечером 29 ноября.

На следующий день, судя по официальным протоколам заседаний, буря неожиданно улеглась. Черчилль скрепя сердце снял свои возражения в отношении операции «Оверлорд», сообщив Сталину, что он «принял предложение Рузвельта». Чувствовалось, что за минувшие часы произошли какие-то события, о которых советская делегация тогда не знала. Недостающее звено помогли восстановить спустя тридцать лет мемуары Болена. Вот его свидетельство: «После ужина у русских, как я слышал позднее, Гопкинс встретился с Черчиллем в английском посольстве и сказал ему, что он вел бесполезную борьбу, стараясь отложить высадку во Франции. Мнение Соединенных Штатов относительно важности наступления через канал оставалось твердым вот уже многие месяцы, говорил Гопкинс, и советская точка зрения была столь же категоричной. Гопкинс подчеркнул, что, по существу, Черчилль мало что мог сделать, и посоветовал премьер-министру почетно капитулировать. Остается лишь неясным, действовал ли Гопкинс по указанию Рузвельта, отправившись к Черчиллю»⁸². Думается, что сомнения американского дипломата безосновательны. Гопкинс не мог действовать в столь ответственном деле без ведома президента, который, точно расчитав момент, понял, что настала пора вмешаться.

Так закончилась длительная дипломатическая борьба вокруг второго фронта. Благодаря твердости и настойчивости Советского Союза, его возросшему авторитету этот сложный вопрос был, наконец, успешно решен главными участниками антигитлеровской коалиции. В секретных военных решениях Тегеранской конференции было записано, что операция «Оверлорд» будет предпринята в течение мая 1944 года вместе с операцией против Южной Франции и что советские войска начнут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с Восточного на Западный фронт⁸³. И сразу же по достижении договоренности атмосфера

на конференции очистилась, был восстановлен дух сотрудничества и взаимопонимания между ее участниками.

Тегеранская конференция вошла в историю не только принятыми военными решениями, но и тем, что ее участники обмениались взглядами по ряду важных послевоенных проблем. Чувствовалось, что «вопрос о будущем устройстве мира», как говорил Рузельт, занимал все его мысли. Ему большей частью и принадлежала инициатива в их постановке. Глава советской делегации, проявляя известную сдержанность на том этапе — война была еще в полном разгаре, — тем не менее не отказывался обсуждать эти вопросы в предварительном порядке. Советская делегация в Тегеране получила достаточно полное представление о позиции Соединенных Штатов на ближайшее будущее.

Вырисовывалась значительная область советско-американского согласия. По ряду ключевых политических проблем позиции СССР и США были близки или совпадали. Это касалось вопросов создания международной организации, учреждения механизма опеки или попечительства, разоружения побежденных государств, коллективной безопасности, предотвращения новой агрессии и др. В то же время стороны разошлись в отношении будущего Германии. Советская сторона не поддержала американских планов ее расчленения, выдвигавшихся Хэллом еще на Московской конференции министров иностранных дел, считая, что этот вопрос нуждается в более глубоком изучении.

Обозначились также реальные контуры развития делового сотрудничества между СССР и США в послевоенное время на взаимовыгодной основе. Американская сторона придавала этому вопросу исключительно большое значение. Перед отъездом в Тегеран Рузельт подробно беседовал с Д. Нельсоном об итогах его поездки в Москву. Он рассматривал торгово-экономические связи в качестве «прочной основы русско-американской дружбы». Об участии США в восстановлении советской экономики шла речь между президентом, Гопкинсом и Гарриманом во время почти семичасового перелета из Каира в Тегеран. Рузельт привлек внимание посла к важности этого вопроса и поручил не упускать его из виду.

Примечательно, что свою первую беседу с главой Советского правительства в Тегеране 28 ноября президент начал именно с обсуждения этих перспективных вопросов, предложив передать Советскому Союзу после войны часть американского торгового флота. Его собеседник ответил, что «Россия будет представлять собою после войны большой рынок для Соединенных Штатов». Рузельт на это заявил, что американцам потребуется большое количество сырья, поэтому он думает,

что между двумя странами будут существовать тесные торговые связи. И. В. Сталин заметил, что «если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы им сможем поставлять сырье»⁸⁴.

Сложнее обстояло дело с вопросами, затрагивающими интересы безопасности СССР. Американская позиция при обсуждении их в Тегеране оставалась двусмысленной, если не сказать враждебной Советскому Союзу. Президент хорошо понимал, что США в конце концов будут вынуждены уступить, но, будучи буржуазным политиком до мозга костей, рассчитывал как следует поторговаться напоследок. Похоже, что, выложив на стол конференции «козырь» второго фронта, он спешил обзавестись новым. Отсюда и попытки Рузельта в беседе с главой советской делегации поставить под сомнение законность вступления Прибалтийских республик в состав СССР, оттянуть признание советско-польской границы, взять под защиту польское эмигрантское правительство и т. д., получившие решительный отпор с советской стороны.

Несмотря на жаркие дипломатические споры, Тегеранская конференция закончилась на высокой оптимистической ноте. Ее участники выразили решимость своих стран работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время. Это была большая победа в деле борьбы с фашизмом, крупный успех антигитлеровской коалиции, заставивший соединиться столицы вражеских государств, а их главарей почувствовать свою обреченность и приближение неминуемой расплаты за содеянное.

30 ноября в Тегеране отмечали день рождения Черчилля. Ему исполнилось 69 лет, и по возрасту он был старше своих коллег. На банкете, устроенном в его честь, президент Рузельт произнес тост. Он говорил о многообразии политических оттенков, представленных собравшимися за банкетным столом, которые ему напоминали цвета радуги — доброго символа надежды и благополучия у американцев. «У нас различные обычаи, философии и образ жизни, — продолжал президент. — Каждый из нас поступает так, как того требуют стремления и чаяния его народа. Но мы доказали здесь, в Тегеране, что различные идеалы наших народов можно свести воедино в гармоничное целое, двигаясь вместе к общему благу для нас самих и всего мира. И вот, покидая эту историческую встречу, мы видим в небе первый раз традиционный символ надежды — радугу»⁸⁵.

Память очевидцев сохранила, что глава советской делегации с большим вниманием выслушал тост президента, к которому он испытывал большое уважение, отдавая должное его дальновидности и реализму, умению пойти, когда требова-

лось, на разумный компромисс. Мысль, высказанная Рузвельтом в его тосте, во многом была созвучна настроениям советских руководителей. Объективные противоречия между государствами с различным общественным строем не должны были мешать им находить дорогу к согласию, мирно сосуществовать и сотрудничать на одной планете. В этом заключался главный урок Тегерана.

Под залпы победных салютов в Москве заканчивался год коренного перелома в войне — год колосального напряжения всех духовных и физических сил советского народа, пик великой битвы народов с фашизмом. В свои права вступала новая военно-политическая реальность, созданная победами Красной Армии под Сталинградом и на Курской дуге, успехами союзников на других театрах военных действий. Достижения советской дипломатии явились непосредственным результатом растущего престижа Советского государства, его мощи и влияния. Как мало напоминало все это 1941 год, когда не только враги, но и союзники не принимали в расчет социалистическое государство и оставляли ему в лучшем случае подчиненное место в своих планах на будущее.

Поворот в войне в пользу антигитлеровской коалиции был осуществлен прежде всего в результате сражений на советско-германском фронте, отличавшихся наибольшим размахом и напряженностью. С ноября 1942 по конец 1943 года советские войска разгромили 218 дивизий Германии и ее союзников и прошли с боями путь от 500 до 1300 км. В результате была освобождена почти половина оккупированной советской территории. Если к зиме 1942 года немецкие армии подошли к Волге и предгорьям Кавказа, то через год они были отброшены далеко на Запад и оборонялись на Правобережной Украине, в верховьях Днепра и Западной Двины. Враг был надломлен, но еще далеко не разбит. Впереди Красную Армию — армию-освободительницу ожидали новые сражения и новые победы.

ГЛАВА IV

ДОРОГА К СОГЛАСИЮ

Наступил 1944 год — год решающих побед Красной Армии, громившей врага на всем протяжении огромного фронта от Балтики до Черного моря. Прочно захватив инициативу, она завершила изгнание захватчиков с родной земли и приступила к выполнению своей великой интернациональной миссии — освобождению народов Европы от фашистского порабощения.

Под влиянием поражений на фронте ускорился развал блока агрессоров. Вслед за Италией из войны вышли Румыния, Болгария, Финляндия, Венгрия. На Дальнем Востоке резко ухудшилось положение Японии, правящие круги которой стали всерьез подумывать о компромиссном мире в той или иной комбинации.

Гитлеровская Германия неудержимо шла к катастрофе. Ей не могли помочь уже никакие «чрезвычайные меры», предпринимаемые главарями «третьего рейха». Вынужденные с середины 1944 года вести войну на два фронта, они делали отчаянные попытки, чтобы внести разлад в отношения держав антигитлеровской коалиции. Вновь, как это было в довоенные годы, нацисты упивались тем, что классовые противоречия, страх перед коммунизмом оттолкнут США и Великобританию от Советского Союза и дадут им последний шанс на спасение.

Надо сказать, что эти расчеты были не столь уж беспочвенны. В правящих кругах США и Великобритании имелись влиятельные силы, готовые пойти на сговор с гитлеровцами ради того, чтобы «не пустить русских в Европу». По словам американского автора Дж. Стюарта, «антисоветский дух Мюнхена держался и после того, как Германия напала на Советский Союз в июне 1941 г.»¹ Но возврата к мюнхенской политике после всех бедствий войны, перенесенных народными массами, быть не могло. Воля народов навсегда покончила с фашизмом была непреклонна. На страже их интересов будильно стоял Советский Союз.

Как показала Тегеранская конференция, единство действий

союзников, несмотря на имеющие место разногласия, продолжало крепнуть. И это очень скоро почувствовали на себе агрессоры.

От Нормандии до Тихого океана

После встречи «большой тройки» в Тегеране военное сотрудничество союзников поднялось на новую ступень. Речь шла о тесной координации боевых действий, разработке планов взаимодействия войск и совместном решении других важных вопросов ведения войны. Как свидетельствовал один из руководителей советского Генерального штаба генерал С. М. Штеменко, задания, исходившие из Ставки в Генеральный штаб, были явно рассчитаны на то, чтобы принятые СССР союзнические обязательства в связи с перспективой открытия второго фронта выполнялись в полном объеме. «Основное место в этих заданиях, — отмечал С. М. Штеменко, — естественно, занимал разгром гитлеровской военной машины и более скромное — подготовка к войне с Японией»².

В обстановке строжайшей секретности развернулась подготовка к высадке англо-американских войск в Нормандии. Непрекращающееся наступление Красной Армии создавало для этого благоприятные условия. Не случайно, планируя операцию «Оверлорд», генерал Эйзенхауэр, назначенный главнокомандующим англо-американских войск в Европе, учитывал, что «советские войска уже вступили в Польшу и основная масса германских сил будет скована обороной против русского наступления на восточном фронте»³. В марте 1944 года Гитлеру пришлось отменить ранее отданный приказ и начать переброску наиболее боеспособных дивизий, в первую очередь танковых, с Запада на Восток.

Для успеха предстоящей операции важно было направить противника по ложному следу. Когда И. В. Сталин в Тегеране поделился опытом Красной Армии в области дезинформации противника, Черчилль философски заметил, что «правду приходится защищать телохранителям лжи». План прикрытия высадки во Франции получил кодовое название «Телохранитель». При невозможности скрыть от противника концентрацию на английской стороне Ла-Манша огромной массы людей и техники планировалось ввести его в заблуждение относительно действительного начала наступления и места высадки войск союзников. В начале мая план был окончательно утвержден.

В соответствии с этим планом советская разведка подбросила гитлеровцам дезинформацию о том, что Красная Армия не сможет наступать до июля, а союзники в свою очередь создавали видимость, что развернут наступление в конце весны

в Норвегии. Как признавал генерал Дин, «русские ответили полным взаимодействием в подготовке и осуществлении нашего плана прикрытия операции». «Телохранитель» блестяще справился с поставленной задачей. Вплоть до начала июня гитлеровцы оставались в полном неведении в отношении сроков и места вторжения.

Гром грянул неожиданно. Во втором часу ночи 6 июня союзники начали высадку воздушного десанта силами двух американских и одной английской дивизий на позиции 7-й немецкой армии в Нормандии — там, где гитлеровцы этого меньше всего ожидали. Через несколько часов союзные войска уже захватили плацдарм глубиной от 3 до 10 км. Операция «Оверлорд» успешно началась. Гитлеровская Германия оказалась в тисках войны на два фронта. «Кошмар коалиций», преследовавший германских политиков, начиная с Бисмарка и Мольтке-старшего, становился неотвратимой язвой. В тот же день, получив известие от союзников, советское командование информировало их, что, согласно тегеранской договоренности, Красная Армия начнет летнее наступление в середине июня на одном из важных участков фронта.

…Утром 6 июня прохожие в Москве с интересом оглядывались на молодого подтянутого американского генерала, который в полной форме и со всеми регалиями шел по Арбату. Московское радио уже сообщило о событиях во Франции. Генерал Дин (это был он) — глава американской военной миссии в Советском Союзе решил пройтись пешком, чтобы собственными глазами увидеть восторг на лицах москвичей. Однако его ждало разочарование. Особых восторгов он не заметил. 1944-й был не 1941-й или 1942 год, когда помочь союзникам Красной Армии была крайне необходима. Теперь до победы было совсем близко. Ночное небо Москвы озаряли не всполохи зенитных орудий, а праздничные салюты в честь освобождения советских городов. Открытие второго фронта было встречено советскими людьми одобрительно, но спокойно, как нечто само собой разумеющееся. Его слишком долго ждали...

13 июня в ответе корреспонденту газеты «Правда» глава Советского правительства заявил по поводу высадки англо-американских войск: «Это — несомненно блестящий успех наших союзников... История отметит это дело как достижение высшего порядка»⁴. Советский народ отдавал должное своим товарищам по оружью.

А гитлеровцев уже поджидали новые сюрпризы — результат боевого сотрудничества союзников. Американские «летающие крепости», поднимавшиеся в воздух с аэродромов в Италии и в Англии для бомбардировок объектов на территории Германии и ее союзников, отбомбившись, не поворачивали

назад, как это было раньше, а продолжали следовать на Восток, в сторону Советского Союза. Через некоторое время они появлялись снова и, сбросив смертоносный груз, уходили на Запад, на свои аэродромы. Так началась операция «Фрэнтик», больше известная как «челночные бомбардировки» Германии.

В соответствии с решениями Московской конференции Советское правительство согласилось принимать американские самолеты на своей территории. Речь шла о крупной совместной боевой акции, подразумевавшей пребывание на советской земле до полутора тысяч американских солдат и офицеров, строительство аэродромов, способных принимать и обслуживать многотонные бомбардировщики дальнего радиуса действия и решение других сложных вопросов военного взаимодействия. 2 февраля 1944 г. все эти проблемы обсуждались Гарриманом и Дином с главой Советского правительства. Внимательно выслушав американцев и задав несколько вопросов по существу, Сталин заявил: «Мы принимаем ваше предложение, и я поручу командованию наших BBC выработать детали с генералом Дином»⁵.

В результате переговоров генерала Дина с командованием советских BBC было решено начать подготовку аэроузла, состоявшего из аэродромов в районе Полтавы, Миргорода, Пирятине и 169-й авиационной базы особого назначения. Работа спорилась. Русские и американцы бок о бок трудились, делили пищу, объяснялись между собой, мешая русские и английские слова. Полторакилометровые взлетно-посадочные полосы прямо на глазах покрывались мощными стальными плитами, способными выдержать вес многотонных машин.

15 апреля 1944 г. в Полтаву прибыл для руководства операцией с американской стороны генерал Кесслер и его штаб. Им было разрешено установить прямую связь с американскими BBC в Англии и Италии и посольством США в Москве. Было также дано разрешение американским транспортным самолетам совершать регулярные рейсы между Полтавой и Тегераном, а двум самолетам фоторазведки, следующим из Англии и Италии, приземляться на аэродромах в Котли и Великих Луках. Совместно осуществлялся выбор целей для нанесения бомбовых ударов. Вскоре все было готово в Полтаве для приема первой группы бомбардировщиков. Прибывший туда Гарриман отмечал, что «руssкие превзошли самих себя» в деле подготовки аэродромов.

2 июня украинское небо наполнилось гулом мощных самолетов. С интервалом в одну минуту они касались своими шасси металла взлетной полосы. Всего приземлилось 128 бомбардировщиков и 64 истребителя. Из первой «летающей крепости» на землю спустился американский генерал Эккер и

прямо на летном поле под проливным дождем вручил почетную награду советскому командующему аэроузлом, выразив «глубокую благодарность» за подготовку аэродромов. Первый рейс был вполне успешным: немецкий аэродром в Дебрецене, в Венгрии, перестал существовать.

Американское правительство в ряде нот, направленных в НКИД, высоко оценило «выдающиеся заслуги советских военнослужащих в организации и обслуживании воздушных баз в Советском Союзе», особенно проявленный ими героизм во время воздушного налета врага на Полтаву в ночь с 21 на 22 июня. Многие из них были представлены к американским наградам, врученным на торжественной церемонии 5 октября 1944 г. — в день отбытия в США первой группы американских военнослужащих.

Как подчеркивается в «Истории второй мировой войны», всего за период со 2 июня по 19 сентября 1944 года на советских аэродромах было обслужено более 1 тыс. американских самолетов, которые совершили 2,2 тыс. боевых вылетов, израсходовав для удара по 13 объектам противника 2 тыс. т бомб. «Челночные операции» вошли славной страницей в летопись боевого советско-американского сотрудничества в годы второй мировой войны.

Особое место в советско-американских отношениях занимали вопросы координации действий на Дальнем Востоке. Для Советского Союза по вполне понятным причинам это была исключительно деликатная область сотрудничества с США, где следовало проявлять максимум осторожности и не опережать события. На Тегеранской конференции глава Советского правительства откровенно заявил: «Мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживались и одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей, потому что наши силы заняты на Западе и у нас не хватит сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда — общим фронтом против Японии»⁶.

Само по себе это заявление в разгар войны с Германией было важным шагом со стороны Советского Союза навстречу Соединенным Штатам, руководители которых с каждым днем все отчетливее понимали, что одержать победу над Японией без советского участия будет исключительно сложным и дорогостоящим делом. Поэтому американские представители в Москве с начала 1944 года стали явно торопить события. «Моей и

Аверелла (Гарримана. — А.Б.) главной задачей, — признавал Дин, — было добиться вступления Советского Союза в войну с Японией⁷. Наряду с военными соображениями в Вашингтоне руководствовались и более далекими расчетами. Там исходили из того, что отвлечение значительной части сил Советского Союза на Дальний Восток позволит ослабить «натиск русских» в Европе на заключительном этапе войны и создаст благоприятные условия для продвижения англо-американских войск.

Советское командование считало, что с военной точки зрения любая поспешность в этом вопросе была бы вредной и могла привести не к сокращению, а к затягиванию сроков войны. Гитлеровская Германия оставалась грозным противником. Ее сопротивление с каждым днем становилось все более яростным и ожесточенным по мере того, как приближалась развязка. Поэтому, когда в конце июня 1944 года, после высадки союзников в Нормандии, генерал Дин от имени начальника штаба армии США обратился к начальнику советского Генерального штаба маршалу А. М. Василевскому с настойчивой просьбой о всемерном ускорении вступления СССР в войну на Дальнем Востоке, ему было твердо заявлено, что до окончательного разгрома фашистской Германии об этом не может идти и речи.

Только на исходе сентября 1944 года, после очередного доклада руководителей Генштаба в Ставке, от Верховного Главнокомандующего было получено задание подготовить расчеты по сосредоточению и обеспечению войск на Дальнем Востоке. «Скоро, видимо, потребуется», — заключил Сталин этот короткий и как бы мимолетный разговор. Подготовленные расчеты легли в основу советской позиции на переговорах И. В. Сталина с Гарриманом и Дином во время пребывания в Москве Черчилля и Идена в середине октября. С советской стороны в переговорах также принимали участие первый заместитель начальника Генштаба генерал армии А. И. Антонов и начальник штаба Дальневосточного фронта генерал-лейтенант Ф. И. Шевченко⁸.

В ходе состоявшихся переговоров советская сторона подтвердила свое обязательство начать войну против Японии и уточнила, что это произойдет примерно через три месяца после капитуляции гитлеровской Германии. Время было необходимо для передислокации советских войск из Европы на Дальний Восток. Такой срок являлся реальным при условии помощи со стороны США в создании на будущем театре военных действий двух-трехмесячных запасов горючего, продовольствия и транспортных средств. Доставка этого снабжения в тихоокеанские порты Советского Союза значительно облегчила бы перегруппировку войск, сократила бы время и объем перевозок из центра

страны по транссибирской железной дороге, имеющей ограниченную пропускную способность. Американцы согласились с советскими доводами и приняли на себя часть поставок.

Как отмечал Гарриман, в ходе этих встреч Stalin подробно познакомил американцев с планами советского командования на Дальнем Востоке и показал на карте основные направления предполагаемого наступления в Маньчжурии с целью окружения и разгрома квантунской армии. 10 октября посол сообщал президенту Рузвельту: «Мы получили полное согласие Сталина не только принять участие в войне на Тихом океане, но и вступить в войну всеми силами... Он горячо говорил о своей решимости оказать содействие и завершить войну как можно скорее⁹. Американских представителей поразила также скромность советской заявки об оказании материального содействия в связи с подготовкой к боевым действиям на Дальнем Востоке.

В ходе переговоров, пока еще в предварительном порядке, были затронуты по инициативе американской стороны политические условия вступления СССР в войну с Японией. Этот вопрос очень волновал президента Рузвельта, который готовил себя к худшему. Поэтому он с большим облегчением встретил сообщение Гарримана из Москвы. Американский автор Л. Роуз пишет, что, узнав «об азиатских требованиях Сталина», Рузвельт «был поражен их скромностью, так как они касались лишь восстановления территориальных прав, отобранных у России Японией во время войны 1904—1905 гг.»¹⁰.

Что касается создания в советском Приморском крае баз для размещения американских бомбардировщиков, на чем настаивали на переговорах в Москве американские представители, то спустя некоторое время этот проект был отвергнут самими американцами. Чтобы взвесить все «за» и «против», в резиденции посла на Арбате была проведена «имитационная игра». Одни ее участники «воевали» за японцев, другие — за союзников. Обнаружилось, что эффект от использования баз был крайне невелик и не мог оправдать требуемых затрат. Вывод, к которому пришли Гарриман и Дин, был однозначен: «К тому времени, когда Советский Союз оказался бы в войне с Японией, американская авиация в Сибири принесла бы мало пользы». Только разгром квантунской армии Советским Союзом мог поставить Японию на колени. Это было с самого начала ясно советскому командованию, но в целях укрепления сотрудничества с США было решено тщательно рассмотреть американские предложения и по возможности пойти им навстречу.

Заметим, что это был не единственный случай, когда американская сторона, проявив инициативу, потом шла на

попятный в силу тех или иных причин. Характерным примером служит история о несостоявшемся обмене между СССР и США представительствами разведорганов. 16 декабря 1943 г. американское посольство в Москве запросило НКИД о выдаче виз главе Управления стратегических служб США генералу У. Доновзну и его помощнику полковнику Дж. Хаскеллу для въезда в СССР через Тегеран. Договоренность с советскими руководителями о визите шефа американской разведки в Советский Союз была достигнута ранее. 19 декабря Доновэн и Хаскелл из Тегерана, где их уже ждали визы, без задержки проследовали в Москву.

О подлинных целях визита Доновэна можно лишь догадываться. О них предпочитает умалчивать американская сторона даже спустя многие годы. Во всяком случае в свете той информации, которую по указанию его ведомства запрашивало американское посольство, было очевидно, что генерала интересовало не только настоящее, но и будущее. Встретившись в Москве с руководителями НКИД и НКВД, Доновэн официально предложил им наладить сотрудничество разведорганов двух стран в борьбе с фашизмом и с этой целью организовать на взаимных началах представительство Управления стратегических служб в Москве и НКВД — в Вашингтоне. Американское предложение было принято.

Однако 15 марта 1944 г. Гарриман получил телеграмму от президента, в которой говорилось: «Пожалуйста, сообщите маршалу (Сталину. — А.Б.) при первой возможности, что по внутриполитическим соображениям, которые он поймет, обмен миссиями сейчас представляется несвоевременным». Удивленный Гарриман обратился в Вашингтон с просьбой пересмотреть принятное решение. Ко всему прочему, было задето и его личное самолюбие. Как-никак объясняться с советскими руководителями предстояло ему.

В ответной телеграмме он убеждал президента: «Так как мы просим сейчас, чтобы более 1 тыс. человек было разрешено въехать в Советский Союз в связи с нашими воздушными операциями, я не знаю, как я смогу удовлетворительно объяснить Молотову или Сталину, почему несколько советских официальных лиц не могут получить разрешение приехать в Соединенные Штаты». Но президент был неумолим. 29 марта он сообщил послу, что обмен разведывательными миссиями был отложен потому, что его убедили, что официальное присутствие в Вашингтоне представителей НКВД может обернуться «политическими неприятностями»¹¹.

Оказывается, человеком, который сумел переубедить самого президента, был могущественный шеф ФБР Э. Гувер. Глава американской охранки был категорически против появления

«агентов Кремля» в Вашингтоне, и его мнение перевесило все другие соображения.

Об этом сегодня можно было бы не вспоминать, тем более что общий итог боевого сотрудничества между СССР и США был, несомненно, положительным, если бы не одно существенное обстоятельство. Дело в том, что в американской историографии сложился устойчивый стереотип, согласно которому Советский Союз изображается «подозрительным партнером», не склонным к сотрудничеству с Соединенными Штатами. Но факты говорят о другом: Советский Союз никогда не отказывался пройти свою часть пути, когда это отвечало пользе дела, интересам укрепления отношений с США.

Задача находить общий язык

Война — тяжкое бедствие, обрушившееся на человечество, испытывала на прочность армии и государства, социальные системы и идеологии, убеждения и стойкость людей. Она выносила суровый приговор агрессорам и авантюристам, славила тех, кто встал на защиту своей Родины, мировой цивилизации от фашистского порабощения.

Советский Союз находился в центре внимания всего мира. Победы его доблестных вооруженных сил высоко подняли авторитет Советского государства, продемонстрировали неисчерпаемые возможности, заложенные в социализме. Героическая борьба советского народа играла решающую роль в освободительной борьбе народов всего мира. Из-за океана в СССР нескончаемым потоком шли письма и приветствия советскому народу с признаниями его заслуг и пожеланиями успехов на будущее.

В приветственном послании жителям Сталинграда, направленном 28 апреля 1944 г. Торговой палатой города Питтсбурга, говорилось: «Предприниматели Питтсбурга — американского города стали шлют приветствие Сталинграду — русскому городу стали. Оборона Вашего города доказала миру, что может совершить стойкий и храбрый народ. Его великий подвиг повернул назад поток фашистской агрессии и коренным образом изменил историю войны»¹².

Те из американцев, кто близко соприкасался с советской действительностью в годы войны и при этом сохранял способность без предубеждения судить о ней, отмечали не только героизм советского народа в борьбе с врагом, но и его уверенность в будущем, неиссякаемый оптимизм, решимость восстановить разрушенное и двинуться вперед.

Летом 1944 года СССР посетил по приглашению Совет-

ского правительства вице-президент США Г. Уоллес — убежденный сторонник сотрудничества с нашей страной. Ему была предоставлена возможность побывать в Сибири и Средней Азии. 4 июня, посетив Иркутск, Уоллес сделал такую запись в своем дневнике: «Нам есть чему поучиться у русских. Их взгляд на мир шире и в некотором отношении более научен, чем наш»¹³. Вернувшись в Вашингтон, Уоллес подробно рассказал о своих впечатлениях президенту. 14 июля в письме в НКИД он сообщал об этом: «Мне было приятно рассказать президенту Рузвельту о том огромном уважении, которое русские питают к науке. Президент спросил меня, не показался ли мне русский народ грустным. На что я ему ответил, что у меня создалось совсем иное впечатление. И тут я рассказал о концертах, о красноармейских хорах, об оперных постановках и т. д., на которых я присутствовал»¹⁴.

В обстановке решающих побед Красной Армии на фронте значительно повысилась активность советской внешней политики, возрос размах деятельности советской дипломатии. Добившись решения вопроса о втором фронте, советские руководители сконцентрировали основное внимание на послевоенных проблемах. После Тегеранской конференции эти проблемы вышли на передний план межсоюзнических отношений и стали предметом активного обсуждения с целью подготовки практических решений.

Новые проблемы означали как новые трудности в межсоюзнических отношениях, так и настойчивые поиски рациональных путей их преодоления и достижения взаимоприемлемых решений. В этом заключалась внутренняя логика взаимоотношений государств с различным общественным строем, свойственные им объективные противоречия и столь же объективная потребность их разрешения. Чем ближе был конец войны, тем острее должны были заявить о себе классовые расхождения между основными участниками антигитлеровской коалиции. Это было вполне закономерно, так как стороны по-разному подходили к послевоенному урегулированию, ставили перед собой различные цели и задачи, отстаивали принципиально различные программы. Английский историк Л. Вудворт отмечал: «Существовала общая политическая цель — нанести поражение врагу в ходе войны, но «победа» ни в коем случае не была однозначным понятием. Она имела один смысл для Соединенных Штатов, другой для Англии и ... третий для России»¹⁵. Важно было не давать разногласиям разрастаться, вовремя их улаживать. Советские дипломаты подавали пример такого конструктивного подхода, проявляли гибкость на переговорах с западными союзниками.

Конечно, существовали вопросы, в которых компромиссы

были труднодостижимы, а то и невозможны. Это прежде всего касалось уважения суверенных прав народов на самоопределение, на выбор ими пути социального развития. Именно в этой области кипели наибольшие страсти, сталкивались между собой полярные мнения, возникали острые ситуации. Верный принципу интернациональной солидарности с борьбой народов за свое национальное и социальное освобождение, Советский Союз не мог примириться с попытками империалистического вмешательства в дела европейских государств, освобожденных Красной Армией от фашизма, планами насаждения в них до-военных порядков. Это противоречило классовой природе социалистического государства, ленинским принципам его внешней политики, интересам его безопасности.

Исключительно важное место в советских планах на будущее занимала идея продолжения сотрудничества государств, объединившихся между собой в борьбе с фашизмом. Это отвечало миролюбивой природе Советского государства, задачам восстановления страны, интересам укрепления мира и безопасности народов. Важное место в этих планах отводилось отношениям СССР с США. Опыт показывал, что советско-американские отношения могли успешно развиваться только при строгом соблюдении проверенных в годы войны принципов равенства, взаимной выгоды, невмешательства в дела друг друга и т. д. По убеждению Советского правительства, политическое сотрудничество между СССР и США следовало подкрепить развитием широких экономических и других связей, тем более что американские руководители проявляли интерес к планам восстановления советской экономики и заявляли о своем стремлении принять в них участие.

Конечно, в Москве ни на один миг не забывали, что речь идет об отношениях с крупнейшей империалистической державой, политика которой отражала интересы монополистического капитала США. Можно было ожидать, что США постараются реализовать за счет интересов других народов те преимущества, которые они получили в силу своего выгодного географического положения, дипломатического маневрирования, удаленности от основных театров военных действий. Не было иллюзий и в отношении агрессивной природы американского империализма, его экспансионистских устремлений, растущего страха в отношении революционных перемен.

И все-таки имелись веские основания смотреть в будущее с оптимизмом. По мере приближения поражения фашизма в мире складывалось новое соотношение сил. Война вызвала мощный демократический, революционный подъем во всем мире. Советский Союз — великая социалистическая держава выходил из войны политически окрепшим и еще более влия-

тельным. Его миролюбивая внешняя политика обладала огромной притягательной силой. Народы, в том числе и американский, испившие горькую чашу войны, жаждали прочного мира. Они верили в возможность и необходимость мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Наконец, на позициях политического реализма стояла влиятельная часть правящего класса США, которая исходила из необходимости продолжения сотрудничества с Советским Союзом. Выразителем взглядов этих кругов являлся президент Рузвельт.

Взгляды Рузвельта в отношении Советского Союза в годы войны претерпели значительную эволюцию. В них все больше укреплялись реалистические элементы, росло понимание того, что американские возможности были не безграничны и что следовало уважать интересы Советского Союза. Разумеется, этот процесс ни в коем случае нельзя было считать простым и однозначным. Он был достаточно противоречив и непоследователен, как и сама внешняя политика империалистического государства, но главная тенденция прослеживается достаточно четко и определенно.

Рузвельт был воодушевлен результатами Тегеранской конференции и состоявшимися переговорами с главой Советского правительства. На него произвели неизгладимое впечатление личность советского руководителя, проявленные им качества крупного государственного деятеля с широким политическим кругозором. В рождественской беседе «у камелька», транслировавшейся по радио, он сообщил американцам, что не предвидит неразрешимых проблем в отношениях с Советским Союзом. «Я хорошо поладил с маршалом Сталиным... Я думаю, что он является подлинным выразителем дум и чаяний России, и я убежден, что мы сумеем очень хорошо поладить с ним и с русским народом и впредь»¹⁶, — говорил президент.

Разумеется, в тесном кругу имели место и другие оценки состоявшихся переговоров. Так, Рузвельт в Тегеране нашел главу Советского правительства более жестким партнером, чем он предполагал. Встреча излечила его от некоторой самоуверенности в отношении собственных дипломатических способностей и заставила по достоинству оценить искусство советской дипломатии. Адмирал Леги писал об И. В. Сталине как о дипломате: «Мы сразу почувствовали, что имеем дело с исключительно умным человеком, который убедительно говорил и был преисполнен решимости добиться того, что он хотел для России. Подход маршала к нашим общим проблемам был прямым, доброжелательным и учитывающим точки зрения его двух коллег до тех пор, пока один из них не выдвигал какую-

либо идею, которую Stalin считал неприемлемой с точки зрения советских интересов. В таких случаях он мог говорить правду в глаза вплоть до колкостей»¹⁷.

Личные впечатления от общения с советскими руководителями подкреплялись трезвой оценкой соотношения сил, растущего влияния Советского Союза. В мае 1944 года в Вашингтоне «для глаз руководства» был подготовлен очередной документ, в котором шла речь о «феноменальном росте скрытой до сих пор русской военной и экономической мощи». Этот фактор расценивался как «эпохальный» с точки зрения его дальнейшего воздействия на международные отношения, и его предлагалось учитывать при планировании внешнеполитических мероприятий США¹⁸.

В целом американское руководство достаточно реалистично подходило к оценке перспектив советско-американских отношений. К. Хэлл отмечал: «Президент Рузвельт и я одинаково смотрели на Россию. Мы оба понимали, что дорога наших взаимоотношений не будет усыпана розами, но мы также считали, что сможем сработать с Россией. Насколько я помню, между нами не было разногласий по поводу главного вопроса — что мы можем и должны ладить с Советским правительством»¹⁹.

С начала 1944 года советско-американские отношения вступили в полосу новых испытаний, не менее сложных, чем те, через которые им пришлось пройти при решении военных вопросов. Когда Красная Армия приступила к выполнению своей освободительной миссии, в Вашингтоне усилилась тревога за будущее буржуазных порядков в странах Восточной Европы. Крах фашизма и глубокий кризис основ старой власти, как хорошо понимали там, не могли пройти бесследно в жизни народов этих стран. В одном из документов госдепартамента той поры признавалось, что, «судя по имеющимся признакам, общее настроение народов Европы склоняется влево в пользу далеко идущих экономических и социальных реформ»²⁰.

В Белом доме и госдепартаменте не собирались отказываться от дипломатической борьбы за реставрацию капитализма в освобожденных государствах, хотя при этом и рассуждали о необходимости существования «дружественных режимов» на границах с Советским Союзом. Действия американцев и англичан в Италии в этой связи были достаточно поучительны. Иначе обстояло дело в странах Восточной Европы, где на пути империалистического вмешательства твердо стоял Советский Союз. Вот почему так часто у президента вырывались в это время горестные признания, что он «бессилен» что-либо сделать в Восточной Европе. Рузвельт считал чистейшим

безумием для США оказаться вовлеченными после кровопролитной войны в конфликт с СССР.

Перед отъездом на Тегеранскую конференцию его посетил гость из Великобритании, который отметил растущее чувство тревоги в польских эмигрантских кругах в связи с приближением Красной Армии к границам Польши. «Я знаю об этом, — раздраженно говорил Рузвельт. — У меня болит голова от этих людей. Польский посол был у меня недавно по этому вопросу. Я сказал ему, не думает ли он, что они (руssкие. — А. Б.) просто остановятся, чтобы угодить вам или нам? Не хочет ли он, чтобы мы и Великобритания объявили войну Иосифу Сталину, если они пересекут их бывшую границу? Даже если бы мы захотели сделать это, Россия сможет выставить армию в два раза больше нашей общей численности, и мы тогда совсем не имели бы голоса в этом деле. Более того... я не уверен, что справедливый плебисцит, если таковой вообще существует в природе, не покажет, что эти восточные провинции не предпочтут вернуться к России. Да, я действительно думаю, что эта граница 1941 г. столь же справедлива, как и любая другая»²¹.

Таков был рузвельтовский реализм, в котором классовые интересы не заслоняли объективной действительности. Президент хорошо понимал, что усиление американского натиска в Восточной Европе не только не принесло бы успеха США, но и поставило бы под угрозу отношения с Советским Союзом. Нельзя было развивать сотрудничество с СССР, отказывая ему в праве на безопасность при существовании дружественных соседних государств. Из переписки и бесед с И. В. Сталиным Рузвельт знал, что позиция Советского правительства в этом вопросе непоколебима. Поэтому он был не прочь предоставить англичанам взять на себя роль главной антисоветской силы, тем более что Черчилль и сам рвался в бой за спасение капиталистических порядков в странах Восточной Европы.

Далеко не все в Вашингтоне разделяли подход президента, гибкость его политической линии. Не все, как он, умели принимать неизбежное как должное и находить другие пути проведения в жизнь американских интересов, тем более когда разум туманила возросшая экономическая и военная мощь США и предвзятая оценка советских действий. К концу войны в американских правящих кругах заметно усилилась борьба по вопросам отношений с СССР. Активизировались те, кто временно смирился с военной необходимостью. В роли главного поставщика антисоветских идей традиционно выступала профессиональная американская дипломатия.

Госдепартаментом, посольством и военной миссией США в Москве, с одной стороны, предпринимались настойчивые попытки очернить миролюбивую советскую внешнюю политику,

представить СССР «враждебной силой», а с другой — изыскивались его «слабые места» и разрабатывались соответствующие рекомендации по части оказания на него давления. В феврале 1944 года в восточноевропейском отделе госдепартамента был подготовлен меморандум «Некоторые аспекты нынешней советской политики», автор которого Э. Дерброу утверждал, что Советский Союз стремится к господству над европейскими странами. Он призывал американское руководство предупредить русских, что «им придется отказаться от своей внешней политики в духе Коминтерна, если они хотят получить нашу помощь и сотрудничество после войны»²².

Эти взгляды нашли полное понимание посла Гарримана, прибывшего летом 1944 года в Москву советника-посланника Дж. Кеннана, а также генерала Дина. С середины 1944 года они начинают усиленно обрабатывать Вашингтон в антисоветском духе, призывая его к «твердости» с русскими, «жесткой взаимности» и использованию экономических рычагов давления на Советский Союз, в частности ленд-лиза и помощи на послевоенное восстановление. В письме к Хэллу 20 сентября 1944 г. Гарриман писал, что русские «должны быстро почувствовать конкретные последствия нашего нерасположения» и что в этом случае «Сталин в конце концов пойдет на уступки».

Но Белый дом был далек от того, чтобы следовать этим авантюристическим рекомендациям — предвестникам многих будущих неприятностей в советско-американских отношениях. Разрушить здание, как известно, куда проще, чем его построить. Поэтому Гарриману и Дину было запрещено превращать вопрос о ленд-лизе в «орудие торга» с русскими для получения от них политических уступок. Президент неоднократно рекомендовал своему послу «не горячиться» и проявлять осмотрительность в своих действиях. Ставки в игре были слишком высоки, считал он, чтобы ради извлечения сомнительных выгод жертвовать добрыми отношениями с Советским Союзом.

Президент Рузвельт во многом расходился с профессиональной американской дипломатией в оценке послевоенных намерений СССР, и это не могло не сказываться на политике США. Явно в противовес настроениям в госдепартаменте в этот период он не без раздражения отмечал в доверительной беседе: «Они (руssкие. — А. Б.) не собираются поглотить всю оставшуюся часть Европы или мира... Они дружественный народ... У них нет никаких безумных идей о господстве и так далее... У них слишком много дел у себя дома, в России, на много лет вперед, чтобы стремиться приобрести новые головные боли»²³.

Тем не менее американская дипломатия в пределах имеющихся возможностей пыталась оказать воздействие на ход

событий в восточноевропейских странах, и направить их в контрреволюционное русло. В секретной директиве госдепартамента от 25 октября 1944 г., подготовленной под руководством помощника государственного секретаря А. Берла, выдвигалось требование «равных возможностей» в странах Восточной Европы и говорилось о том, что деятельность американских компаний после войны должна осуществляться на основе принципов свободного предпринимательства. Перед американской дипломатией ставилась задача «содействия законным американским экономическим интересам, существующим или потенциальным»²⁴.

Пристальное внимание американской дипломатии привлекали Балканские страны. 16 февраля 1944 г. американское посольство известило НКИД, что США намерены вместе с правительством Великобритании учредить в Каире «центр снабжения Балкан», функции которого, как следовало из полученной ноты, якобы заключались в «сборе информации» по вопросам снабжения. Учитывая, что на Балканах вот-вот должна была начать действовать ЮНРРА, советская сторона, естественно, запросила дополнительную информацию о целях создаваемой организации. 25 ноября посольство вынуждено было признать в ноте в НКИД, что «никакая полезная цель не будет достигнута в результате действия такого центра», и официально снять вопрос о его создании с повестки дня.

Исключительно враждебно американская дипломатия относилась к национально-освободительному движению в Югославии во главе с И. Броз Тито. США продолжали делать ставку на эмигрантское правительство короля Петра в Лондоне и оказывали поддержку скомпрометированному связями с нацистами генералу Михайловичу. Бывший посол США в Югославии Д. Ларсон пишет: «После Тегеранской конференции Великобритания и США постепенно прекратили помогать Михайловичу и стали поддерживать Тито»²⁵. Факты, однако, говорят о другом. 11 сентября 1944 г. советское посольство в Вашингтоне направило в госдепартамент памятную записку, в которой сообщало, что «союзное командование в Италии продолжает поддерживать тесные контакты с Дразе Михайловичем». Имеется достоверная информация, отмечалось далее, что самолеты союзников, базирующиеся в Италии, используются для доставки Михайловичу различных военных материалов и снаряжения, а также для переброски офицеров и солдат из числа его четников. Советское правительство заявило, что эти действия находятся в противоречии с заявлениями союзников о прекращении помощи Михайловичу, и потребовало положить им конец.

Острая дипломатическая борьба разгорелась вокруг будущего Польши. Учитывая, что этот вопрос занимал значительное место в советско-американских отношениях, на нем следует остановиться особо.

Борьба за возрождение Польши

В середине октября 1944 года в английском посольстве в Москве был дан обед в честь приезда в Советский Союз премьер-министра У. Черчилля.

Присутствовавший на обеде Гарриман выглядел скучным и подавленным. Заметив это, заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов в шутку спросил своего соседа по столу генерала Дина, правдой ли было сообщение американского журнала «Лук» о том, что состояние Гарримана оценивалось в 100 млн. долл. Дин замялся, не желая, видимо, вдаваться в столь щекотливый вопрос. Тогда советский дипломат, рассмеявшись, заметил: «Как же человек, имеющий 100 млн. долл., может быть таким грустным?» Тем не менее посол-миллионер имел достаточно оснований для скверного настроения. Главная причина заключалась в том, что дела в Польше складывались для Соединенных Штатов из рук вон плохо и грозили затронуть финансовые интересы семейства Гарриманов.

1944 год занимал особое место в истории польского народа. Кончалась долгая ночь фашистской оккупации, стоявшая жизни миллионам поляков. Началась трудная борьба за возрождение Польши. Польские трудящиеся были полны решимости взять власть в свои руки, покончить с довоенной «санационной политикой», обернувшейся для Польши национальной катастрофой, и установить добрососедские отношения с СССР, принесшим освобождение полякам. Деятели из числа эмигрантского лондонского правительства, вставшие на путь провокаций в отношении Советского Союза и предательства интересов своего народа, постепенно теряли всякое влияние в Польше.

Советское правительство неоднократно заявляло, что оно стоит за воссоздание сильной и независимой Польши и за ее дружбу с Советским Союзом. С Польшей были связаны и важнейшие интересы безопасности Советского государства, что также не могло оставлять его безучастным к судьбе польского народа. В Москве вместе с тем не стремились к «большевизации» Польши, как клеветнически утверждали реакционно настроенные эмигрантские деятели, а целиком полагались на волю польского народа, его демократические устремления. В заявлении НКИД от 26 июля 1944 г. подчеркивалось: «Совет-

ские войска вступили в пределы Польши, преисполненные одной решимостью — разгромить вражеские германские армии и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой, сильной и демократической Польши»²⁶.

Чтобы положить конец всяким спекуляциям в связи с катынской провокацией гитлеровцев, поддержанной польскими реакционерами при попустительстве со стороны правительства США и Великобритании, Советское правительство в январе 1944 года устроило поездку в Смоленск для группы западных корреспондентов, которые стали свидетелями вскрытия мест захоронений. Многие из них обратили внимание на характерную деталь: все казненные гитлеровцами летом 1941 года польские военнослужащие были убиты одним и тем же способом — выстрелом в затылок, излюбленным приемом гестаповцев. Имелись и другие веские доказательства виновности гитлеровцев в содеянном преступлении. Находившаяся среди корреспондентов дочь Гарримана — Кэтлин, представлявшая в Москве журнал «Ньюсик», отмечала, что, по ее мнению, «поляки были убиты немцами», и сопровождавший ее сотрудник посольства США в Москве Дж. Мелби признавал, что «доказательства, представленные русскими, были убедительны».

Все это не было большим открытием для американских руководителей, которые хорошо знали об истинной подоплеке «катынского дела». Еще 14 апреля 1943 г., то есть за 10 дней до разрыва отношений между Советским Союзом и эмигрантским правительством, польское посольство в Вашингтоне довело до сведения госдепартамента, что, хотя случившееся вполне могло быть фальшивкой, сфабрикованной нацистами, правительство Сикорского считало необходимым воспользоваться ложными обвинениями в адрес Советского Союза на фоне общего состояния советско-польских отношений.

Госдепартамент не возражал против этой провокационной затеи, наносившей вред единству союзников и дающей повод гитлеровской пропаганде кричать о раздорах между ними, и не помешал правительству Сикорского обратиться к Международному Кресту с просьбой о расследовании. Рузельт попытался даже оказать давление на СССР с целью не допустить разрыва отношений с правительством Сикорского, но безуспешно. Хэлл несколько раз весной и летом 1943 года встречался с М. М. Литвиновым и А. А. Громыко, а американский посол в Москве Стэнли — с наркомом иностранных дел СССР, убеждая Советское правительство «прийти к полюбовному соглашению» с правительством Сикорского. «Будущее Польши, естественно, представляло большой интерес для нас»²⁷, — признавал Хэлл.

В Белом доме и госдепартаменте был разработан «всесообщаемлющий план» советско-польского примирения, который 11 августа 1943 г. был передан советским руководителям. В нем затрагивались вопросы, не имевшие ничего общего с истинными причинами обострения советско-польских отношений, и, по существу, оправдывалась антисоветская политика польских реакционеров. Учитывая это, Советское правительство 27 сентября отклонило американские предложения, указав, что разрыв дипломатических отношений не был прямо связан с поднятыми вопросами, а явился результатом антисоветской враждебной политики эмигрантского правительства.

Перед отъездом Хэлла в Москву его навестил польский посол Чичановский, который оставил длинный меморандум, излагающий польскую точку зрения. Этот документ с головой выдавал его авторов как законченных политических авантюристов. Достаточно сказать, что они призывали не допустить «оккупации» польской территории Красной Армией, то есть считали вполне допустимым оставить польский народ под пятой нацистов до прихода западных союзников. В нем также говорилось, что польское правительство «не могло быть безучастным» к вступлению советских войск в Румынию, Венгрию и Словакию, так как это-де означало «окружение» Польши, в документе осуждалась подготовка советско-чехословацкого договора.

Так в угоду своим политическим амбициям польские реакционеры были готовы принести в жертву национальные интересы своего народа и дело освобождения Европы от фашизма. Извилистая дорога национального предательства была пройдена ими до логического конца. Впереди были тупик и политическое банкротство. Но этого не хотела понять американская дипломатия, возлагавшая еще немалые надежды на оголтелых авантюристов. Не случайно Хэлл весьма сочувственно пунктом прошелся вместе с польским послом по тексту меморандума, указав, что ему будет уделено «самое что ни на есть пристальное внимание со стороны США»²⁸.

В начале 1944 года встревоженные вступлением Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию и подталкиваемые польскими реакционерами США удвоили свои усилия по «урегулированию» советско-польских разногласий и предложили Советскому правительству свои посреднические услуги. В американской ноте от 19 января 1944 г. говорилось о приверженности правительства США мирному урегулированию споров и о том, что оно, «не вникая в суть вопроса», надеялось, что СССР благожелательно отнесется к предложению польского правительства обсудить спорные моменты с целью возобновления дипломатических отношений.

Итак, в Вашингтоне, не считая нужным «вникнуть в суть вопроса», затрагивающего жизненные интересы союзника, вновь брали под защиту своих ставленников. Это заранее обрекало всякое посредничество на неудачу. Поэтому Советское правительство 24 января, выразив признательность США за посреднические услуги, заявило, что условия для них еще не созрели. При этом было подчеркнуто, что польское правительство отказалось признать так называемую «линию Керзона» в качестве советско-польской границы и не оценило уступки, сделанные с советской стороны в этом вопросе, что оно не только не отмежевалось от клеветнической кампании по поводу «убийств в Катыни», но еще и разжигало конфликт и втягивало в него союзников. В заключение говорилось, что благоприятную основу для восстановления советско-польских отношений и решения пограничного вопроса могло бы создать изменение состава польского правительства путем вывода из него профашистских элементов и включения представителей демократических сил.

Характерно, что, опекая эмигрантских деятелей, Вашингтон хорошо знал им цену. В одном из документов, подготовленном совместно американской разведкой и Бюро военной информации и получившем поддержку ближайших советников Рузвельта, говорилось, что лондонское правительство являлось «кликой реакционеров и неисправимых русофобов, преследующих цель поднять Польнию (американцев польского происхождения. — А. Б.) против русской политики Рузвельта»²⁹.

Неудавшееся посредничество госдепартамента окончательно убедило Рузвельта в необходимости смены тактики. Важно было не усугублять разногласий с Советским Союзом. Приходилось задумываться над тем, что события в Польше по мере освобождения ее советскими войсками могут пойти своим чередом без участия эмигрантских кругов. Поэтому в послании главе Советского правительства от 11 февраля 1944 г. Рузвельт, подчеркнув, что он не намерен давать какие-либо советы, так как хорошо понимает, «что будущая безопасность Вашей страны, и это совершенно справедливо, в первую очередь касается Вас», осторожно дал понять, что он поддержал бы изменения в составе польского правительства, но предпринятые самим премьером Миколайчиком. С советской стороны вновь было указано на необходимость коренного преобразования польского правительства³⁰.

С этой целью Советский Союз предпринял важную инициативу, обратившись в начале марта к американским властям с просьбой разрешить посетить СССР двум американцам польского происхождения, видным общественным деятелям, дружественно настроенным к Советскому Союзу, — профес-

сору Ланге и священнику Орлеманьскому. Несмотря на возражения госдепартамента, который считал их «слишком прорусски настроенными», и неистовство реакционной эмиграции, Рузвельт отдал распоряжение выдать им паспорта для поездки в СССР, одновременно подчеркнув ее сугубо частный характер. Примечательно, что на это в адрес президента последовало одно из самых теплых посланий из Москвы с благодарностью за оказанное содействие. Советское правительство искренне надеялось, что вопрос о реорганизации польского правительства может быть успешно решен. Но одних его усилий оказалось недостаточно.

Тем временем события в Польше подошли к решающему рубежу. В конце июля Красная Армия освободила Люблин — один из крупнейших польских городов. Перед советским командованием встало задача организации управления на освобожденной территории. Единственной силой, способной взять власть в свои руки, был Польский комитет национального освобождения, созданный в конце 1943 года из демократических партий и групп. В дальнейшем он мог послужить ядром для образования временного польского правительства. Комитет не претендовал на единовластие. Еще в конце мая 1944 года посол А. А. Громыко сообщал в госдепартамент о его желании наладить сотрудничество с эмигрантским правительством по военным вопросам и установить отношения с руководителями СССР, США и Великобритании. Но это предложение не встретило поддержки Рузвельта и Хэлла, которые побоялись появления «второго» польского правительства. Теперь ситуация коренным образом изменилась. Речь шла уже не о реорганизации эмигрантского правительства, а о способности тех или иных его деятелей сотрудничать с Польским комитетом национального освобождения — реальной властью в стране.

Имея в виду эту цель, СССР согласился на приезд в Москву в августе Миколайчика и его коллег. На переговорах с представителями Польского комитета национального освобождения они обсуждали вопрос о скорейшем объединении всех демократических сил Польши на освобожденной польской территории, в том числе и конкретные пути формирования нового правительства, где Миколайчику был предложен пост премьера. Хотя договоренности достичь не удалось (Миколайчик требовал $\frac{3}{4}$ всех мест в правительстве для своих сторонников), было положено хорошее начало. Однако эмигрантское правительство, желая, видимо, укрепить позиции Миколайчика на переговорах в Москве, при поддержке США и Великобритании решило предпринять отчаянную попытку захвата власти в Варшаве до вступления в нее советских войск.

Это была преступная авантюра обанкротившихся политических деятелей. Не согласовав своих действий с планами советского командования и поступив вопреки им, они заранее обрекли тысячи восставших варшавян на поражение и гибель. Советские войска, с тяжелыми боями прошедшие более 500 км и исчерпавшие к этому времени свой наступательный порыв, не смогли с ходу форсировать Влтаву. Этим воспользовались гитлеровцы, которые подтянули к Варшаве свежие войска. Началась неравная борьба³¹.

Вот свидетельство на этот счет Гарримана, внимательно следившего за событиями на Влтаве из Москвы: «Я думаю, что Сталин форсировал бы Влтаву, не задумываясь над тем, как это скажется на лондонских поляках, если бы чувствовал достаточную силу, чтобы взломать германскую оборону. Военные соображения были у него решающими. Но немцы перебросили еще три дивизии для укрепления гарнизонных войск, находившихся в самой Варшаве или вокруг нее. Красная Армия продвинулась так далеко и так быстро, что оказалась намного впереди линий снабжения. У русских не были подготовлены ни лодки, ни мосты. Все было сплошной импровизацией. Они обнаружили, что форсирование Влтавы шириной в 500—600 м у Варшавы потребовало бы куда большей подготовки, чем та, которая имелась»³².

Вместо того чтобы решительно осудить действия авантюристов, попытавшихся еще и возложить ответственность за провал восстания на Советское правительство, Рузвельт и Черчилль обратились к нему 20 августа с совместной просьбой сбросить с советских самолетов необходимое снаряжение и оружие «полякам — патриотам Варшавы» или разрешить это сделать американской авиации с аэродромов в Полтаве. Советский ответ был резким и разоблачал действия кучки преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру. В то же время в нем говорилось, что Красная Армия делает все возможное, чтобы сломить сопротивление гитлеровцев и перейти к новому широкому наступлению под Варшавой, что будет лучшей поддержкой восставшим.

Черчилль рвал и метал, требуя новых обращений к Москве. Но Рузвельт был против этого. Когда Черчилль 4 сентября в очередной раз обратился к нему с предложением послать американские самолеты с грузом оружия для повстанцев без согласия Москвы, но с посадкой их на советских аэродромах, Рузвельт отклонил его, подчеркнув, что это «нанесло бы ущерб нашим долговременным военным интересам». Не помогли и настойчивые призывы Гарримана из Москвы.

Президента трудно было переубедить, когда он был уверен в своей правоте. По его указанию Гопкинс 11 сентября

отклонил просьбу Гарримана о немедленном вызове в Вашингтон «для личного доклада» и предложил ему подождать, чтобы не создавать своим поспешным отъездом превратного впечатления в Москве в ответственный момент. Дело в том, что варшавское восстание, обострившее отношения между союзниками, совпало по времени с началом работы конференции в Думбартон-Оксе по созданию международной организации безопасности. Вопросы были явно несопоставимые по шкале внешнеполитических приоритетов. Рузвельт умел отделять главное от второстепенного и не терял из виду перспективы событий.

Не скрывая своих чувств по поводу двуличия союзников, СССР тем не менее пошел навстречу их просьбам. 13 сентября американским руководителям была передана «для сведения» нота, направленная правительству Великобритании, в которой ответственность за «варшавскую авантюру» целиком возлагалась на деятелей польских эмигрантских кругов. «Никто не сможет упрекнуть Советское правительство, — говорилось в ноте, — что оно оказывает будто бы недостаточную помощь польскому народу, и в том числе Варшаве. Наиболее действенной формой помощи являются активные действия советских войск против немецких оккупантов в Польше, давшие возможность освободить более четвертой части Польши. Все это дело рук советских войск и только советских, проливших кровь за освобождение Польши. Мы несколько раз сбрасывали и вооружение и продовольствие варшавским инсургентам, однако каждый раз получали сведения, что сброшенное попало к немцам. Если вы, однако, так сильно верите в эффективность такой формы помощи, что настаиваете на том, чтобы советское командование организовало совместно с англичанами и американцами подачу такой помощи, Советское правительство может согласиться на это»³³.

В подтверждение этих слов 18 сентября советские войска начали наступление под Варшавой, а с более чем ста советских и американских самолетов на парашютах были сброшены грузы повстанцам. Но все было тщетно. Военные усилия были не способны изменить к лучшему положение, сложившееся в результате злого политического умысла. 4 октября восстание было окончательно подавлено в крови тысяч погибших поляков, оставшись навсегда несмыываемым пятном на тех, кто его затеял.

И все-таки даже после того, как варшавские события разверзли бездну между польским народом и политикой лондонских эмигрантов, Советское правительство не прекращало своих попыток найти почву для объединения всех поляков, заинтересованных в подлинном возрождении своей

родины. В октябре в Москву вновь была приглашена группа членов эмигрантского польского правительства во главе с Миколайчиком для переговоров с представителями Польского комитета национального освобождения. Но переговоры оказались безуспешными ввиду непримиримой позиции Миколайчика и его коллег, вновь отказавшихся признать «линию Керзона» и потребовавших для себя 75% (!) всех мест в формируемом правительстве, что вызвало приступ раздражения даже со стороны Черчилля.

Советскому правительству окончательно стало ясно, что перед ним — политические покойники. Понимали это и в Вашингтоне, особенно после того, как в ноябре главой эмигрантского правительства стал отъявленный реакционер Арчишевский. Понимать-то понимали, но были против того, чтобы помочь встать на ноги Польскому комитету национального освобождения. 28 октября 1944 г. Советское правительство, например, сообщило в Вашингтон о своей поддержке просьбы комитета направить делегацию на Конференцию по организации внутриевропейской транспортной системы. Спустя почти месяц, 22 ноября, когда конференция уже полным ходом шла в Лондоне, госдепартамент дал отрицательный ответ, в котором, ссылаясь на чисто технический характер обсуждаемых проблем, был против привнесения в ее работу «далеко идущих политических вопросов», поднятых комитетом, а также многозначительно напоминал, что «переговоры, начатые в Москве премьером Миколайчиком, еще не были завершены»³⁴.

Действия США препятствовали возрождению независимой Польши и как бы говорили полякам, что они могут подождать до «лучших времен». Не удивительно, что в конце 1944 года Советское правительство приняло решение о признании Польского комитета национального освобождения в качестве Временного польского правительства и установило с ним официальные отношения, отклонив настойчивые обращения Рузельта отложить решение этого вопроса.

Тупик в польском вопросе грозил серьезно осложнить отношения США с Советским Союзом. Следовало искать выход из создавшегося положения на пути приемлемого компромисса. Было бы досадно, видимо, рассуждал Рузельт, если бы сравнительно частная проблема стала камнем преткновения между Москвой и Вашингтоном. В таком настроении нашел его Гарриман, вызванный в США на время президентских выборов «для консультаций».

Раздосадованный неудачами американской дипломатии в Польше, он несколько раз порывался привлечь внимание президента к восточноевропейским проблемам, но его пылкие

речи не производили должного впечатления на президента. Рузельт устало говорил, что он чувствует себя «беспомощным предпринять что-либо конструктивное» по польскому вопросу, и пускался в длинные рассуждения о непостижимости для него европейских проблем. Когда надо, он мастерски умел уходить от обсуждения острых вопросов с людьми, которые его не понимали. По логике американского посла в Советском Союзе, что было хорошо для семейства Гарриманов, то было хорошо и для Соединенных Штатов, но у Рузельта имелись собственные идеи на этот счет. Их он собирался обсудить при новой встрече с главой Советского правительства.

«Германия будет иметь будущее»

Война хотя и близилась к концу, становилась все ожесточеннее. Гитлеровцы пустили в ход широко рекламированное «оружие возмездия», которое должно было навести ужас на западных союзников и склонить их к переговорам с Берлином. На Лондон обрушились мощные удары немецких самолетов-снарядов «ФАУ-1». Приближаясь к цели, «летающая бомба» издавала протяжный рев, который внезапно замолкал и сменялся оглушительным взрывом.

Под этот зловещий аккомпанемент, напоминавший союзникам о том, что расслабляться еще не время, в английской столице в январе 1944 года начала свою работу Европейская консультативная комиссия (ЕКК), созданная на Московской конференции из представителей трех держав — СССР, США и Великобритании для обсуждения послевоенных проблем, и в первую очередь главной из них — германской. Естественно, в то время мало кто знал, что в небольшом старинном дворце Ланкастер-хауз, принадлежавшем во времена колониального расцвета Британской империи основателю Ост-Индской компании, обсуждались вопросы, жизненно важные для будущего европейских народов и всего человечества.

Необходимо было еще до окончания военных действий выработать совместную политику в отношении Германии после ее капитуляции. Речь шла о том, чтобы навсегда исключить повторение германской агрессии, создать прочные гарантии мира в Европе. ЕКК предстояло разработать рекомендации правительствам трех держав в отношении условий капитуляции Германии, зон ее оккупации союзными войсками, создания контрольного механизма управления страной в послевоенный период.

Советский народ, больше других пострадавший в результате

фашистского нашествия, не руководствовался чувством мести к Германии в преддверии ее поражения. Верное классовой политике, Советское правительство на протяжении всей войны проводило четкую грань между преступлениями нацистской клики и интересами немецкого народа и верило в то, что «Германия будет иметь будущее», как было заявлено на Ялтинской конференции. Речь шла о миролюбивом и демократическом германском государстве, в котором был бы уничтожен фашизм и милитаризм, ликвидировано всевластие монополий, вскормивших нацистов, и осуществлена воля трудящихся. На это были направлены усилия советской дипломатии, отвергшей различные нежизнеспособные, а то и прямо реакционные проекты решения германской проблемы, выдвигаемые Лондоном и Вашингтоном.

Судьба Германии — крупнейшей державы, дважды на протяжении четверти века бросавшей вызов другим капиталистическим государствам в борьбе за мировое господство, естественно, беспокоила руководителей США и Великобритании. Вопросы, что и говорить, были не из легких. С одной стороны, Германия была опасным конкурентом, сильным противником, посягавшим на их «жизненные интересы». С другой стороны, наряду с межимпериалистическими противоречиями, в большей мере разрешенными к концу войны, усиливались противоречия классовые, связанные с боязнью революционных потрясений как в самой Германии, так и в Европе в целом, с усилением Советского Союза. Дело осложнялось еще и тем, что между Лондоном и Вашингтоном не было единогласия в этом вопросе. Каждая сторона стремилась прежде всего урвать побольше для себя за счет интересов партнера.

Все это накладывало серьезный отпечаток на подход президента Рузвельта к германской проблеме, заставляло его откладывать дело до тех пор, пока все не прояснится. В результате американская дипломатия оказалась слабо подготовленной к переговорам в ЕКК, если не считать широковещательного лозунга «безоговорочной капитуляции» и мертворожденной идеи «расчленения» Германии. Что касается практических проблем, вставших с первого дня перед участниками переговоров, то американскому представителю в ЕКК Дж. Вайнанту и его помощникам приходилось приспособливаться к ним «на ходу» и в основном уступать инициативу партнерам, в первую очередь Советскому Союзу.

Первым в ЕКК обсуждался вопрос об условиях капитуляции Германии. Вслед за англичанами американцы внесли несколько проектов, дополняющих друг друга, которые отличали достаточно жесткий тон и стремление охватить не только военные,

но и экономические вопросы. В них выдвигались требования неограниченной оккупации Германии и предоставления всех ее ресурсов и средств в распоряжение союзников. Особенно их авторов волновала проблема «внутреннего порядка и социальной устойчивости» в стране после краха фашизма, как отмечалось в меморандуме представителя США от 25 января 1944 г. Западных дипломатов преследовал кошмар повторения революционных событий в Германии, как это случилось после первой мировой войны. Недаром в английском меморандуме от 15 января 1944 г. говорилось: «После настоящей войны перспективы возникновения волнений и беспорядков в Германии будут более значительными, чем в 1918 г., и с достаточным основанием можно предполагать, что аналогичные проблемы возникнут опять, но в более острой форме»³⁵.

Советская сторона исходила из того, что условием капитуляции должно быть прежде всего решение военных вопросов. В кратком и хорошо продуманном советском меморандуме от 15 февраля 1944 г. говорилось о необходимости прекращения Германией военных действий, немедленного и полного разоружения противника, освобождения военнопленных и интернированных граждан Объединенных Наций и т. д. Этот документ и был положен в основу обсуждения вопроса о капитуляции Германии. 25 июля работа в ЕКК была успешно завершена, а ее итоги представлены на одобрение правительствам трех держав. Проект, как и предлагала советская сторона, содержал в основном положения военного характера, оставляя пока другие вопросы открытыми. Советский представитель отказался обсуждать пресловутую идею «расчленения» Германии.

Сложнее оказалось достичь соглашения в вопросе о зонах оккупации Германии. Договоренность об этом позволила бы избежать столкновений между союзными войсками в ходе боевых действий на территории «третьего рейха», на что рассчитывали гитлеровцы. И здесь американская дипломатия оказалась не на высоте положения. Англичане проявили себя большими реалистами, чем их американские партнеры, и явно спешили решить этот вопрос побыстрее. Они считали, что если в результате неблагоприятного стечения обстоятельств союзникам «не удалось бы продвинуться, скажем, дальше Рейна, то имелись бы все законные основания отодвинуть русских с запада на восток Германии». Неясным для них оставался лишь один вопрос, как следовало из меморандума Форин оффис, «будут ли русские, имея огромную армию, во много раз превосходящую англо-американские войска в Европе, довольствоваться оккупацией одной трети Германии»³⁶. Испытывая эти сомнения, английский представитель У. Стрэнт предложил

включить в восточную (советскую) зону оккупации 40% территории, 36% населения и 33% промышленного производства довоенной Германии. 18 февраля, к его немалому удивлению, с советской стороны последовало согласие. Указанное предложение устраивало Советское правительство.

Теперь слово было за американцами. Но Дж. Вайнант еще не получил инструкций из Вашингтона. Когда же, наконец, 8 марта они пришли, то, по словам его заместителя Дж. Кеннана, это был «любопытнейший документ». Советская зона оккупации отодвигалась в нем далеко на восток по сравнению с согласованным советско-английским проектом, а США претендовали на северную зону, которая включала 51% территории и 46% населения Германии, что в свою очередь в штыки было встречено англичанами, имевшими на нее собственные виды. «Было ясно, — вспоминал Кеннан, — что потребуются очень сильные и хорошо обоснованные доводы, возможно, подкрепленные некоторыми ощутимыми средствами давления, с тем чтобы убедить русских, которые уже согласовали с англичанами линию дальше, на западе, принять куда менее выигрышную для них границу. Но мы не обладали какими-либо доводами, не говоря уже о средствах давления»³⁷.

Кеннану пришлось отправиться в Вашингтон для разъяснения реального положения дел. Внимательно выслушав его, Рузельт решил все обратить в шутку. Небрежно бросив на стол инструкции, подготовленные по его указанию военным и дипломатическим ведомствами, президент добродушно расмялся. «Да ведь это то, что я однажды нацарапал на оборотной стороне конверта на заседании кабинета», — сказал он и обещал все исправить. Президент считал вопреки мнению военных, что с определением советской зоны оккупации следовало спешить, тем более что советские предложения были умеренными. Как отмечал другой американский советник в ЕКК Ф. Мосли, «согласие Советского Союза, не торгаясь, принять зону, немногим превышающую треть Германии, явилось показателем его сдержанного и примирительного подхода к проблеме послевоенной Германии»³⁸. 12 июня представитель США в ЕКК присоединился к советско-английской договоренности.

Но ставить точку было еще рано. Западные союзники никак не могли поделить между собой оккупационные зоны. Мешали межимпериалистические противоречия. Каждая сторона стремилась прибрать к рукам наиболее развитую в экономическом отношении северо-западную часть Германии с сердцем промышленного производства — Руром. В одном из документов Форин оффис подчеркивалось: «Американский контроль над большей частью индустриально развитого района рейха при-

ведет к тому, что американцы будут оказывать определяющее влияние на будущее Германии. Они станут отстаивать такие проекты развития немецкой промышленности, которые будут отвечать интересам крупных американских концернов»³⁹.

Такая перспектива, естественно, не прельщала Лондон. Поэтому подписанный 12 сентября 1944 г. в ЕКК протокол о зонах оккупации Германии и об управлении Большим Берлином, закрепивший границы восточной зоны, оставлял вопрос открытым в отношении того, чьи войска — американские или английские — займут соблазнительную северо-западную часть Германии. Лишь 14 ноября, после переговоров между Рузельтом и Черчиллем в Квебеке, вопрос, наконец, был решен в пользу англичан.

Советские предложения от 25 августа 1944 г. легли в основу Соглашения о контрольном механизме для Германии, то есть принципах управления ею в оккупационный период. По словам У. Стрэнга, советский проект «был прост и хорошо продуман». В нем были четко сформулированы основные цели и задачи оккупации: контроль над разоружением Германии, ликвидация фашистского режима и подготовка условий для образования центральных и местных органов власти в стране на демократических началах. Для осуществления этих задач было предложено создать Контрольный совет из главнокомандующих вооруженными силами трех держав, все решения в котором следовало принимать на основе единогласия.

Переговоры в ЕКК свидетельствовали о крепнущем единстве союзников, об их способности разрешать не только военные, но и послевоенные проблемы, включая самые сложные из них. Это опрокинуло все расчеты главарей «третьего рейха» на «раздоры» между победителями. В то же время обнаружились и различия в подходе к будущему Германии и ее месту в послевоенном мире, обусловленные классовыми противоречиями между СССР, с одной стороны, и США, а также Великобританией — с другой.

Обращало на себя внимание навязчивое стремление американских деятелей, включая президента Рузельта, отождествлять немецкий народ с гитлеровской кликой и вскоревшими ее силами. В конце мая 1944 года Рузельт направил послание главе Советского правительства, в котором просил одобрить его обращение к народу Германии с предупреждением о тщетности дальнейшего сопротивления. В нем ответственность за затягивание войны возлагалась на немецкий народ в целом и ни слова не говорилось об истинных виновниках продолжающегося кровопролития. С советской стороны это предложение не получило поддержки. В ответном послании было сказано, что предлагаемое обращение «не может дать

положительного эффекта», и указывалось на его неудовлетворительный характер⁴⁰.

Стремление поставить на одну доску немецкий народ и германский империализм проявилось в так называемом «плане Моргентау» — идее превращения Германии в «преимущественно аграрное и сельское государство» путем уничтожения ее промышленного потенциала, что экономически должно было подкрепить ее «расчленение». Этот план, выдвинутый в конце августа 1944 года министром финансов США Г. Моргентау, пришелся по душе Рузвельту. «Мы должны быть твердыми с Германией, и я имею в виду весь немецкий народ, а не только нацистов», — говорил президент своему министру, с которым его связывали давние дружеские отношения.

Что стояло за этими взглядами? Почему те, кого, казалось бы, война затронула меньше всего, были настроены столь непримиримо к немецкому народу и жаждали сведения с ним счетов? Конечно, империализм никогда не отличался великодушием в отношении побежденных. Но одно дело — наказать истинных зачинщиков агрессии, а совсем другое — свалить ответственность за войну на народ в целом, который, по существу, стал сам жертвой империалистической политики. Речь шла не только о желании «проучить» зарвавшегося конкурента. Американские идеи, отличавшиеся внешним максимализмом, носили глубоко антимонархический, контрреволюционный характер.

«Расчленение» подразумевало не просто территориальный раздел целого государства в качестве его «наказания» за войну и сурового урока на будущее, но и разобщение тем самым целого народа, который, как боялись в Вашингтоне, мог подняться на революцию после краха фашизма. Войну затянул германский империализм, а расплачиваться за нее должен был немецкий народ, и прежде всего лишением права на самоопределение. Не случайно «план Моргентау» и идею «расчленения» Германии, по свидетельству Л. Мосли, горячо поддерживал такой реакционный политический деятель, как Джон Фостер Даллес — будущий государственный секретарь США, который до войны, будучи совладельцем юридической фирмы «Салливэн энд Кромвел», поддерживал тесные связи с заправилами германского капитала⁴¹.

Правда, справедливости ради следует сказать, что Рузвельт надеялся путем проявления твердости в отношении Германии решить еще одну крайне важную для него задачу: сравнительно малой ценой укрепить сотрудничество с Советским Союзом, доказав ему, что США не стремились вернуться к довоенной политике использования Германии в качестве «оплота против большевизма».

Как бы то ни было, но «план Моргентау» встретил резко отрицательную реакцию в правящих кругах США, в том числе и со стороны ведущих членов правительства, и был надежно похоронен. Дремавшие до сих пор настроения вмог вырвались наружу. Германия хотя и была злейшим врагом, правда, уже основательно обескровленным, все же оставалась классово родственным государством. Что станется без нее с Западной Европой? Кто будет сдерживать после войны советскую мощь? Эти вопросы уже тогда не давали покоя тем в США, кто думал о создании нового «баланса сил» в Европе, в котором Германия должна была вновь занять видное место. «План Моргентау» стал определенным водоразделом в американском подходе к будущему Германии. Одни еще говорили о проигравшем войну «противнике», другие уже задумывались о «потенциальном союзнике». Остальное должно было досказать время.

Что касается президента, то после злополучной истории с «планом Моргентау», стоявшей ему немалых личных волнений перед выборами, он вновь решил повременить с решением германской проблемы, тем более что наступление англо-американских войск в Европе к концу 1944 года резко замедлилось в результате мощного контрудара гитлеровцев в районе Арденн, вызвавшего отступление союзников. Увлеченный идеей сотрудничества с Советским Союзом, он был далек от того, чтобы разделять крайние взгляды в отношении будущего Германии в духе довоенной антисоветской политики, обернувшейся мировой катастрофой.

Успешный старт в Думбартон-Онсе

Послевоенный мир начинал приобретать реальные очертания. Важное место в нем предназначалось международной организации безопасности — будущей Организации Объединенных Наций, о создании которой была достигнута предварительная договоренность на Московской конференции. Теперь союзникам предстояло согласовать практические вопросы.

С февраля 1944 года между Москвой, Вашингтоном и Лондоном проходил энергичный обмен мнениями по вопросам предстоящих «исследовательских» переговоров. Советское правительство исходило из того, что переговоры следует начать с обсуждения первоочередных вопросов, имеющих непосредственное отношение к целям создаваемой организации. В советском меморандуме от 12 августа 1944 г. подчеркивалось: «Задачей новой Международной организации безопасности должно явиться проведение мер, направленных на предотвращение агрессии и сохранение мира, а также на

подавление агрессии»⁴². Советский проект выгодно отличался от многословных и расплывчатых американских и английских предложений ясностью и лаконичностью своих формулировок, а поэтому с общего согласия был принят за основу обсуждения.

21 августа 1944 г. в 10 часов 30 минут утра на тихой окраине Вашингтона в старинной усадьбе Думбартон-Окс открылась конференция представителей СССР, США и Великобритании, которой суждено было заложить фундамент Организации Объединенных Наций. Советскую делегацию возглавлял посол СССР в США А. А. Громыко. Через день делегатов пригласил в Белый дом «для личного знакомства» Рузвельт. Настроение президента было приподнятым. Его «великий замысел» начинал приобретать реальные очертания.

Стараясь задать нужный тон переговорам, Рузвельт без протокола, «по-семейному», как он любил это делать в подобных случаях, говорил о важности «находить общий язык» друг с другом, о необходимости доброго сотрудничества и единства действий при разработке планов будущего устройства мира, как и в деле ведения войны. Затем, обращаясь к главе советской делегации, он продолжал: «Великая дружба между русским народом и американским народом — это новое. Мы должны сохранить нашу дружбу, и, распространяя этот дух на весь мир, мы добьемся длительного мира для наших внуков».

После этого по-отечески теплого напутствия собравшиеся вернулись в Думбартон-Окс для продолжения переговоров. Перед ними стояли сложные и ответственные задачи, от решения которых зависели судьбы народов. Правда, по многим вопросам деятельности будущей организации позиции сторон совпадали или были близки. Предварительный обмен мнениями по дипломатическим каналам принес положительные результаты. Как отмечал Хэлл, «первые несколько дней дискуссии в Думбартон-Окс обнаружили, что существовали очень большие области согласия между тремя странами по основным затрагиваемым принципам, а также по ряду важных частных вопросов».

Но наряду с этим обнаружились и серьезные разногласия, которые предстояло урегулировать в ходе терпеливой дипломатической работы. Они отражали различное понимание СССР и его партнерами по переговорам роли и характера будущей международной организации. Двигаясь в одном направлении, стороны преследовали далеко не идентичные цели.

Советский Союз, верный идеи коллективной безопасности, выступал за создание максимально действенной и эффективной международной организации, служащей интересам сохранения и упрочения мира, предотвращения агрессии. Опыт Лиги наций, созданной в антисоветских целях и открывшей дорогу

агрессорам, был достаточно поучителен. Важно было не допустить превращения новой организации в орудие империалистической политики. Гарантией этого мог быть только принцип единогласия великих держав, без соблюдения которого была немыслима подлинная организация безопасности в эпоху перехода человечества от капитализма к социализму. Рождавшаяся в результате великой победы над фашизмом, она должна была отразить реальности существования государств с различным общественным строем, способствовать укреплению сотрудничества между ними на основе принципов мирного сосуществования.

Советские предложения в Думбартон-Оксе были направлены на укрепление политического характера создаваемой организации, повышение руководящей роли ее Совета, принятие решений в нем простым большинством голосов при условии единогласия постоянных членов, выделение социальных и экономических вопросов в особую категорию. Важное значение имели выдвинутые советской делегацией положения об определении агрессии, создании специального военно-воздушного корпуса в качестве средства обеспечения мира с правом использования военных баз, предоставляемых членами организации, о необходимости в отдельных случаях исключения из нее государств, нарушивших ее Устав, и недопущения принятия в нее стран фашистского или полуфашистского типа, а также проводящих политику расового неравенства и агрессии. Об отношении Советского Союза к задачам создаваемой организации ясно говорило и выдвинутое им предложение о разоружении в качестве одной из основ ее грядущей деятельности.

Иные цели ставила перед собой в Думбартон-Оксе американская дипломатия. Ее интересовал прежде всего вопрос о том, насколько будущая организация сможет обеспечить «руководящую роль» США в послевоенном мире и создать выгодные позиции для развертывания американской экспансии. Ради этого она была готова с самого начала ослабить организацию в качестве средства сохранения мира и ограничить влияние в ней Советского Союза, который, как понимали в Вашингтоне, мог явиться препятствием на пути осуществления американских планов. Сотрудничество — сотрудничеством, словно рассуждали там, но при этом не следует забывать о собственных выгодах. Не удивительно, что после первых безоблачных дней на конференции развернулась острые дипломатическая дискуссия.

В центре ее оказался ключевой вопрос — о порядке голосования, или принятии решений, в Совете организации, вовравший в себя основные противоречия между участниками переговоров. Советская делегация с удивлением обнаружила, что американские представители отошли от принципа еди-

ногласия и поддержали позицию англичан, согласно которой сторона, участвующая в споре, должна была воздержаться при голосовании. Последствия этого легко можно было предвидеть. Советские дипломаты в тот момент не знали, что за два дня до начала конференции в госдепартаменте состоялось важное совещание, в ходе которого с одобрения президента была пересмотрена американская позиция в этом вопросе. Американская дипломатия решила рискнуть долговременными интересами США ради корыстных целей тех кругов, которые делали ставку на использование «механического большинства» в создаваемой организации и хотели отстранить Советский Союз от участия в принятии решений.

С этим, естественно, не могла согласиться советская делегация. Вместо средства укрепления мира народы получили бы орган, в котором царствовал бы империалистический произвол и вершилась воля монополий США. В директивах для советской делегации, утвержденных 10 августа 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б), говорилось: «Наибольшее значение мы придаем предложениям, касающимся компетенции руководящего органа (Совета)». В директивах подчеркивалась необходимость того, чтобы по вопросам, относящимся к предупреждению или подавлению агрессии, решения Совета принимались большинством голосов при условии согласия всех постоянных его членов⁴³.

В беседе с главой американской делегации Э. Стеттиниусом 29 августа 1944 г. А. А. Громыко указал на серьезное значение, которое придает Советский Союз вопросу о голосовании, и твердо заявил о необходимости строгого соблюдения принципа единогласия постоянных членов Совета. Он подчеркнул, что отказ американцев от своей первоначальной позиции «делает реальную перспективу, что мы и по этому вопросу можем не договориться».

Тогда советская делегация подверглась сильному дипломатическому нападку. 8 сентября ее глава был приглашен в Белый дом. Видимо, желая подчеркнуть свое недовольство советской позицией, Рузвельт назначил время встречи на раннее утро, и не успел гость войти, как президент сразу же перешел к существу дела. Рузвельт был решительно против того, чтобы наделять великие державы особыми правами при рассмотрении Советом конфликтных дел. В шутку президент заметил, что по американским законам в число присяжных нельзя включать мужа, давшего показания против жены, и наоборот. Этим он хотел «подкрепить» свою мысль, что замешанная в споре сторона должна воздержаться при голосовании. Но вопрос был слишком серьезен, чтобы свести его к шутке. Советский представитель твердо следовал полученным инструкциям.

Тогда Рузвельт решил прибегнуть к последнему средству. На следующий день в Москву полетела срочная депеша, в которой он просил главу Советского правительства «воздействовать» на свою делегацию в Думбартон-Оксе. В ответном советском послании подчеркивалось важное значение принципа согласованности и единогласия ведущих держав по всем вопросам, включая и непосредственно затрагивающие одну из этих держав. В противном случае было бы сведено на нет достигнутое на конференции в Тегеране соглашение о единстве действий в борьбе с агрессией в будущем. В заключение говорилось: «Что касается Советского Союза, то он не может также игнорировать наличие некоторых нелепых предрассудков, которые часто мешают действительно объективному отношению к СССР. Да и другие страны должны взвесить последствия, к которым может привести отсутствие единства у ведущих держав»⁴⁴.

Надо сказать, что концовка послания была далеко не случайной. Как раз в это время в американском журнале «Лайф» появилась статья ярого антисоветчика, бывшего американского посла в Москве У. Буллита, в которой тот утверждал, что никакие соглашения невозможны с «вероломным, атеистическим» Советским Союзом, и открыто подстрекал к развязыванию против него войны. И хотя к этому времени Буллиту был уже закрыт доступ в Белый дом самим президентом, советнику американской делегации в Думбартон-Оксе Болену пришлось давать объяснение по поводу этой статьи А. А. Громыко. Это был далеко не единственный пример антисоветских выпадов. Реакционная печать США, газеты Херста и Маккорника открыто заявляли, что «лучше жить в мире, полном тревог и противоречий, чем быть членом такой организации, в которой будет участвовать Россия».

Президенту было над чем поразмыслить. Над его «великим замыслом» сгущались тучи. Он не мог не видеть, что позиция Советского Союза была продиктована не стремлением «настоять на своем», а трезвыми соображениями. Кто знает, не попытался ли он в этот ответственный момент еще раз взвесить советскую аргументацию и заглянуть в будущее с точки зрения долговременных интересов США. Как раз в это время на американских киноэкранах, словно глас прошлого, появился художественный фильм «Вильсон», повествующий о поучительной судьбе президента, оказавшегося неспособным отстоять в споре с конгрессом Лигу наций и потерпевшим политическое банкротство. Пойдет ли на этот раз конгресс навстречу президенту, вздумавшему отказаться от спасительного права вето?

В самой американской делегации на этот счет имелись

серьезные разногласия. Одни считали, что «русская позиция была по существу здравой» и с ней следовало согласиться, другие предлагали «побороться еще». Это не замедлило сказаться на переговорах. 14 сентября А. А. Громыко сообщал в НКИД: «Убедившись, что мы не идем ни на какие уступки по вопросу голосования в Совете, американцы и англичане стали частично сдавать свои позиции». Уже тогда, в конце переговоров в Думбартон-Оксе, начал вырисовываться тот компромисс, который спустя несколько месяцев был принят за основу при создании ООН и обеспечил ее жизнедеятельный характер.

В результате сопротивления американской дипломатии на том этапе не был решен вопрос о включении советских республик в число первоначальных участников создаваемой организации, которому придавала большое значение советская делегация. Все попытки Рузвельта убедить Москву под угрозой срыва переговоров отказаться от внесенного предложения успеха не имели. С советской стороны было указано на «исключительно важное значение» этого вопроса для интересов СССР и заявлено о намерении вернуться к его обсуждению в дальнейшем.

И все-таки, несмотря на отдельные разногласия, переговоры в Думбартон-Оксе оказались исключительно плодотворными. Их участники выработали «Предложения относительно создания всеобщей международной организации безопасности». Тем самым было положено начало созданию ООН. Дальнейшее продолжение переговоров не имело смысла и могло только привести к обратным результатам. 27 сентября советская делегация получила указание из Москвы согласиться с текстом основного документа и пойти навстречу своим партнерам в ряде вопросов в интересах достижения общей договоренности. На следующий день состоялось официальное закрытие конференции. Конструктивная деятельность советской делегации в Думбартон-Оксе заслужила высокую оценку с американской стороны. Хэлл вспоминал об одной из бесед с А. А. Громыко: «Я закончил беседу выражением большой признательности Громыко за великолепное руководство им своей делегацией. Я высказал эту признательность совершенно искренне, потому что русские в целом проявили заслуживающее восхищения стремление к сотрудничеству с первых дней работы конференции»⁴⁵.

Конечно, не все вопросы в Думбартон-Оксе были разрешены так, как того хотела советская сторона. Переговоры всегда сопряжены со взаимными уступками и компромиссами, без которых было бы трудно достичь согласия в главном. Важно другое: за сравнительно короткий срок — чуть больше

месяца — было достигнуто соглашение, имевшее исключительно важное значение для развития международных отношений на десятилетия вперед. Это был своеобразный рекорд эффективности дипломатических переговоров, ставший возможным в результате проявленной сторонами воли к сотрудничеству и взаимопониманию.

Итоги конференции в Думбартон-Оксе получили высокую оценку в докладе главы Советского правительства по случаю 27-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В нем говорилось: «Характерным для этой конференции является не то, что там вскрылись некоторые разногласия, а то, что девять десятых вопросов безопасности были разрешены на этой конференции в духе полного единодушия».

Иначе обстояло дело, когда американская дипломатия предпочитала руководствоваться корыстными политическими расчетами и изыскивала пути оказания нажима на Советский Союз.

Просчет Гарримана

Вечером 3 января 1945 г. Гарримана пригласил к себе нарком иностранных дел СССР. По дороге в Кремль посол мысленно прикидывал, о чем может зайти беседа. Срочных дел вроде бы не было. Союзники были заняты подготовкой к предстоящей встрече «большой тройки» в Крыму. Что же могло послужить причиной вызова? Посол терялся в догадках. Но через несколько минут все прояснилось: Советское правительство предлагало Соединенным Штатам конкретный план широкого послевоенного экономического сотрудничества.

Как отмечалось в предыдущей главе, этот вопрос был поставлен американской стороной в конце 1943 года. Деловые круги США — среди них такие компании, как «Дюпон», «Вестингауз», «Дженерал электрик» — проявляли значительный интерес к послевоенной торговле с СССР и вели в 1944 году переговоры о ее расширении с «Амторгом». В Вашингтоне было популярно мнение, согласно которому участие в восстановлении СССР ослабит последствия послевоенной депрессии в США и приведет к укреплению советско-американских отношений.

Если одних интересовала торговля ради торговли и взаимовыгодное сотрудничество как таковое, то другие были не прочь использовать торгово-экономические связи для оказания нажима на Советский Союз при решении послевоенных проблем. В феврале 1944 года Гарриман сообщал в Вашингтон: «Если поможи русскому восстановлению суждено занять реальное

место в наших общих отношениях с Советским правительством в качестве награды, которую они могут получить от нас при условии участия в международной игре с нами, согласно нашим правилам, то мы должны хорошенько подготовиться к этому». В телеграмме Хэллу от 13 марта 1944 г. посол прямо указывал: «Экономическая помощь является одним из самых эффективных орудий в нашем распоряжении, чтобы оказывать воздействие на европейские политические события в нужном направлении»⁴⁶.

Как, вероятно, помнит читатель, начало обсуждению проблем послевоенного восстановления было положено Д. Нельсоном в ходе его визита в Москву в октябре 1943 года. Предложение Нельсона создать для обсуждения этих вопросов комитет бизнесменов было встречено в штыки Гарриманом, который считал, что эти вопросы являются сугубо политическими и, следовательно, ими должна заниматься американская дипломатия. Посол явно хотел держать в своих руках все нити переговоров с Советским Союзом и использовать их для достижения других целей.

В госдепартаменте также настойчиво искали средства увязать торговлю с вопросами политического свойства в отношениях с Советским Союзом. В конце мая 1944 года помощник государственного секретаря Д. Ачесон обратился в Управление стратегических служб с просьбой изучить потребности и перспективы послевоенного восстановления Советского Союза. Американская разведка давно занималась этим вопросом, как указывалось выше. В целом разведорганы США были не склонны недооценивать возможности советского народа в послевоенном восстановлении своей страны.

Об этом свидетельствовал сверхсекретный доклад от 9 сентября 1944 г., подготовленный службой генерала Доновэна, «Русское восстановление и развитие послевоенной внешней торговли». По мнению авторов доклада, СССР мог завершить восстановление, не прибегая к иностранным займам и reparаций, за три года после окончания войны. Ежегодные кредиты в 1,5 млрд. долл. могли ускорить восстановление всего лишь на несколько месяцев. Из доклада следовало два важных «политических вывода»: во-первых, экономические кредиты представляли собой орудие торга ограниченного масштаба, так как «успех русского восстановления» зависел только «в очень небольшой степени от иностранных займов»; во-вторых, сокращение советских вооруженных сил ускорило бы восстановление, а поддержание их «на высоком уровне», наоборот, замедлило бы его⁴⁷. Таковы были заключения американской разведки, полученные госдепартаментом. Если авторы документа достаточно скептически расценивали возможности ока-

зания экономического давления на Советский Союз в период восстановления его народного хозяйства, то куда больший интерес у них вызывала перспектива поддержания «на высоком уровне» советских вооруженных сил, что впоследствии стало использоваться в качестве одного из «аргументов» подстегивания гонки вооружений в целях «истощения» советской экономики.

Казалось, все было предельно ясно в отношении перспектив оказания экономического давления на Советский Союз. Но американская дипломатия считала иначе. На это указывал сложный ход советско-американских переговоров, начавшихся в мае 1944 года в Вашингтоне, по вопросу подготовки дополнительного соглашения к основному соглашению по ленд-лизу об условиях продажи Советскому Союзу в кредит американского промышленного оборудования.

Естественно, что чем ближе был конец войны, тем большее значение для СССР имели не чисто военные поставки — ими в избытке обеспечивала армию отечественная промышленность — а различное оборудование, которое могло занять место изношенного в военное время. В третьем протоколе по ленд-лизу советские заявки на него составили 300 млн. долл., а в четвертом — 1 млрд. долл. Вполне логично было ожидать, что США пойдут на удовлетворение нужд союзника, вынесшего основное бремя общих военных усилий.

Но американская сторона отказалась поставить Советскому Союзу промышленное оборудование, на установку которого требовалось более 18 месяцев, на условиях ленд-лиза и предложила закупить его. Из Москвы на это было отвешено согласием, хотя предложение американцев трудно было назвать великодушным. Однако начавшиеся переговоры быстро зашли в тупик из-за неприемлемых для Советского Союза финансовых условий соглашения. Надо было искать выход из создавшегося положения. 30 октября 1944 г. посол СССР в США А. А. Громыко уведомил госдепартамент о намерении Советского правительства представить свои соображения по вопросу о долгосрочном кредите. При этом в полной мере учитывалось, что США к этому времени уже согласились предоставить кредиты на восстановление Великобритании в 6,5 млрд. долл. и Франции в 900 млн. долл., вклад которых в военные усилия союзников был несоизмерим с вкладом Советского Союза.

Так обстояло дело перед тем, как 3 января 1945 г. посол Гарриман был принят в Кремле, где ему был вручен советский меморандум, в котором отмечалось, что СССР считает возможным разместить заказы (в США) на основе долгосрочного кредита на сумму в 6 млрд. долл. Речь шла об

оборудовании и промышленных товарах (трубах для нефтепроводов, рельсах, вагонах, локомотивах и т. д.) Предполагалось также включить в сумму кредита заказы по ленд-лизу, не выполненные США до конца войны. Срок кредита определялся в 30 лет с началом погашения задолженности по кредиту через 10 лет на основе 2,25% годовых.

По реакции Гарримана чувствовалось, что он без всякого энтузиазма встретил советское предложение. Он тут же напомнил, что его правительство имело законодательные полномочия лишь в отношении ленд-лиза, которые истекали с концом войны, и что следовательно, потребуется принятие нового законодательства конгрессом. На это послу было сказано, что важно решить вопрос в принципе и что «будущее развитие советско-американских отношений должно иметь определенные перспективы и покояться на прочном экономическом фундаменте». Было подчеркнуто также, что Советское правительство считало настоящий момент подходящим для постановки вопроса о послевоенных кредитах и что американская промышленность и правительство США, должно быть, также хотели знать советские пожелания в этой связи.

Посол оставался невозмутимым. Он лишь дал понять, что потребуется время для изучения и решения этого вопроса, и не преминул многозначительно подчеркнуть, что речь идет не о взаимовыгодном сотрудничестве, а об оказании услуги Советскому Союзу со стороны США. Позднее он вспоминал, какие мысли его переполняли: «Как банкир я видел много обращений за займами, но предложение Молотова было самым странным». Что же показалось «странным» опытному финансисту с Уолл-стрита в советском предложении? Ему не понравилось то, что Советский Союз не выступал в роли униженного просителя, готового на все ради получения американских кредитов, а предлагал равноправное сотрудничество.

Эти мысли посол изложил в телеграмме, направленной в Вашингтон. «Я целиком и полностью убежден, — писал он, — что вопрос о кредите должен быть увязан с общими дипломатическими отношениями с Советским Союзом и что русским следует дать понять, что наша готовность к тесному сотрудничеству с ними в их огромных восстановительных работах будет зависеть от их поведения в международных делах». Посол явно преувеличивал заинтересованность СССР в американской «помощи» и прямо говорил в своей телеграмме о получении в обмен на кредиты «политических преимуществ» для США⁴⁸.

Было бы неверно считать, что логика Гарримана, свидетельствующая лишь о слабости позиций американской дипломатии и о ее неумении соизмерять поставленные цели с

имеющимися средствами их осуществления, встретила понимание всех без исключения washingtonских политиков. В то время многие из них еще не разучились трезво мыслить. Догадываясь, куда ведут дело «люди госдепартамента», министр финансов Г. Моргентау за два дня до состоявшейся беседы в Москве направил Рузвельту меморандум, в котором выступал за сотрудничество с Советским Союзом. «Речь идет не о ленд-лизе или о какой-либо другой форме помощи, — отмечал он, — а скорее о договоренности, которая будет иметь вполне определенные и долговременные выгоды как для Соединенных Штатов, так и для России».

Ознакомившись с телеграммой Гарримана, министр явно в противовес выраженному в ней мнению направил в Белый дом 10 января новый меморандум, в котором предлагал предоставить СССР кредит в 10 млрд. долл. для закупки товаров в США на срок в 35 лет с оплатой стратегическим сырьем при 2% годовых, то есть на более выгодных условиях, чем предлагало Советское правительство. «Русские имеют более чем достаточные возможности для полной выплаты», — отмечал он, указывая, что США могли бы законсервировать свои природные богатства за счет дефицитного советского сырья. Моргентау обращал внимание президента и на другую сторону дела. «Этот кредит России, — писал он, — был бы крупным шагом в осуществлении вашей программы создания 60 млн. рабочих мест после войны»⁴⁹.

Предложения Моргентау вызвали нескрываемое беспокойство и раздражение в госдепартаменте и во внешнеэкономическом управлении, где с удовлетворением восприняли точку зрения Гарримана. Министр лез не в свое дело и путал торговлю с политикой, считали там. Было решено отклонить его идеи и для начала затянуть решение вопроса. 17 января состоялось межведомственное совещание в кабинете госсекретаря Стеттениуса, сменившего ушедшего в отставку Хэлла. Министр финансов подверг резкой критике линию госдепартамента на переговорах с russkimi по дополнительному соглашению о ленд-лизе, подчеркнув, что госдепартамент «пытался торговаться с советскими представителями и придираться к ним», вместо того чтобы «сделать ясные и весьма благоприятные предложения, которые Советское правительство расценило бы как конкретный жест доброй воли». Он выступил в поддержку предоставления Советскому Союзу долгосрочного кредита, отметив, что «такой жест с американской стороны убедит Советское правительство в решимости США сотрудничать с ним и развеет любые подозрения, которые советская сторона могла иметь в отношении американских будущих действий».

Тем не менее в ходе бурной дискуссии верх одержала профессиональная американская дипломатия, по мнению которой не следовало торопиться с решением этого вопроса. Резюмируя итоги обсуждения, помощник государственного секретаря У. Клейтон отмечал: «По соображениям тактического порядка для нас было бы вредно предлагать такой большой кредит в настоящее время и тем самым потерять то, что представляется единственным действенным рычагом давления в наших руках в связи со многими другими политическими и экономическими проблемами, которые встанут между нашими двумя странами»⁵⁰.

В Москве и Вашингтоне советским представителям было заявлено, что советское предложение «внимательнейшим образом изучается» и что ответ на него будет дан «в кратчайшие сроки». Американская дипломатия рассчитывала, что такая постановка вопроса послужит определенным «стимулом» для изменения советской позиции в международных делах. Как показало время, эти расчеты не только не оправдались, но и повлекли за собой негативные последствия для советско-американских отношений в дальнейшем.

Что же касается Белого дома, то его подход к послевоенному экономическому сотрудничеству с СССР был достаточно противоречив и непоследователен. С одной стороны, президент Рузвельт ясно видел всю ограниченность американских возможностей в отношении оказания «воздействия» на Советский Союз и не хотел рисковать понапрасну. С другой стороны, оставаясь убежденным буржуазным политиком, он не мог не стремиться обзавестись необходимыми «козырями» для продвижения интересов США в отношениях с Советским Союзом, как ранее это было в вопросе о втором фронте или о признании советской западной границы. Многое в его тактике объяснялось слабостью дипломатических позиций США в конце войны. Приходилось рассчитывать на то немногое, что имелось в распоряжении Вашингтона, в частности на экономические средства. Этим, вероятно, объяснялось указание президента, данное Моргентau перед конференцией в Ялте, «не спешить» с обсуждением вопроса о послевоенном кредите Советскому Союзу. «Я думаю, — записал министр его слова, — что нам не следует давать им (русским. — А. Б.) никаких обещаний, пока мы не получим то, что нам нужно».

Из этих слов, однако, совсем не следует, что Рузвельт намеревался «шантажировать» Советский Союз в духе предложений посла Гарримана и госдепартамента, как утверждают некоторые современные американские авторы. Президент был достаточно трезвым политиком и не преувеличивал значения американских кредитов для советского восстановления, так же

как не заблуждался относительно роли ленд-лиза в советских военных усилиях. Во всяком случае при его жизни американская дипломатия не пошла дальше выжидательной позиции в этом вопросе.

«Цена» согласия в Ялте

В феврале 1945 года весь мир облетело слово «Ялта». В Крыму, незадолго до этого освобожденном Красной Армией, состоялось новое совещание глав правительств СССР, США и Великобритании, посвященное важным военным и политическим вопросам.

Наверное, ни с одной международной конференцией не было связано столько споров в послевоенные годы, как с Крымской, или Ялтинской. Для прогрессивных, демократических сил во всем мире она стала символом действенности политики сотрудничества государств с различным общественным строем, ярким примером способности их руководителей преодолевать разногласия, добиваться согласованных решений. Для реакционных империалистических кругов эта историческая конференция явилась синонимом «предательства» интересов Запада, якобы совершенного руководителями США и Великобритании во имя «сотрудничества с русскими», и чуть ли не примером «нового Мюнхена». С решениями Ялтинской конференции на Западе, и прежде всего в США, пытаются связать те потрясения, которые постигли капиталистическую систему после войны.

Одной из работ на эту тему явилась изданная в США в преддверии 80-х годов книга В. Мастного под тенденциозным названием «Дорога России к „холодной войне“». Выдержанная в духе воинствующего антикоммунизма и пренебрежительного отношения к историческим фактам, она изображает Ялтинскую конференцию как «крупную победу» Советского Союза и «сокрушительное поражение» Запада и усматривает в ней истоки «холодной войны»⁵¹.

В действительности Ялтинская конференция, как убедительно было показано в работах советских авторов, явилась ареной острой дипломатической борьбы, в ходе которой ее участникам ценой взаимных уступок и компромиссов удалось сблизить свои позиции и разрешить спорные вопросы. Большое значение для понимания хода и итогов конференции имели обстановка в мире на заключительном этапе войны, конкретное соотношение сил, определяющееся победами Красной Армии на фронте, а также цели и задачи, которые ставили перед собой ее участники.

Как следует из переписки И. В. Сталина с Рузвельтом, американская сторона впервые поставила вопрос о новой встрече в верхах 19 июля 1944 г., предложив провести ее с 10 по 15 сентября. Президента тревожили успехи Красной Армии на фронте, и он хотел оговорить все беспокоящие его вопросы заранее. «Поскольку события развиваются так стремительно и так успешно, я думаю, что в возможно скором времени следовало бы устроить встречу между Вами, Премьер-Министром и мною»⁵², — писал он в Москву.

Через три дня глава Советского правительства ответил согласием на предложение президента, но сообщил, что по причинам, связанным с необходимостью руководства делами на фронте, он не сможет выехать за пределы страны. В это время советские войска развернули широкое наступление с целью освобождения Западной Белоруссии (операция «Багратион»). И вновь, как это было годом раньше, последовала длительная переписка между Москвой и Вашингтоном в отношении выбора места и времени встречи.

В середине октября Гопкинс уведомил советского посла А. А. Громыко о желании Рузвельта прибыть в конце следующего месяца в район Черного моря для встречи с главой Советского правительства. Итак, вопреки принятому в американской историографии мнению инициатором в выборе места встречи в Крыму выступила американская сторона.

В Москве согласились и с этим решением президента. 18 октября И. В. Сталин сообщил ему: «Я весьма приветствовал бы осуществление этого намерения. Из беседы с Премьер-Министром я убедился, что он также разделяет эту мысль. Таким образом, в конце ноября могла бы состояться встреча нас троих, чтобы рассмотреть накопившиеся за время после Тегерана вопросы. Я буду рад получить от Вас сообщение об этом»⁵³.

Казалось, все складывалось как нельзя лучше. Предварительная договоренность была достигнута, и ее оставалось лишь реализовать. Но положение неожиданно осложнилось. Как только в Вашингтоне стало известно о том, что президент по совету «неисправимого» Гопкинса был готов отправиться на другой конец света в какой-то Крым, о котором было известно только то, что он находится где-то в России, поднялась самая настоящая буря. Все скрытые недоброжелатели Советского Союза, которых было предостаточно в окружении президента, поспешили воспользоваться этим поводом для выражения своего недовольства.

И вновь Рузвельт заколебался в отношении места встречи. Так же как перед Тегеранской конференцией он начал предлагать новые варианты — Кипр, Мальту, Афины,

Бари и др. Опытные царедворцы умело разжигали самолюбие президента, отговаривая его ехать «за тридевять земель», в Россию, а по существу, стараясь сорвать конференцию. Глава Советского правительства проявил завидное терпение в этой «войне нервов», чтобы отстоять ранее согласованное решение. В конце концов здравый смысл все-таки восторжествовал.

Получив из Москвы очередное послание, помеченное 23 ноября, в котором содержался намек на возможность перенесения конференции на более позднее время, Рузвельт отбросил все сомнения. 26 ноября 1944 г. он сообщил Черчиллю: «Я чувствую, что мы не сможем убедить дядю Джо выехать за пределы Черного моря, если только немцы не капитулируют к тому времени». Спустя месяц Гарриман информировал Советское правительство о согласии Рузвельта прибыть в Крым к началу февраля. С советской стороны было выражено удовлетворение в связи с этим решением. Так не без трений был в конце концов решен вопрос о проведении новой встречи «большой тройки» в Советском Союзе. Теперь предстояло самое трудное — добиться согласованных решений.

Советские руководители придавали большое значение предстоящей конференции прежде всего с точки зрения дальнейшего укрепления сотрудничества трех держав как в вопросах завершения войны, так и в вопросах упрочения послевоенного мира. Свою главную задачу они видели в том, чтобы надежно гарантировать послевоенную безопасность, не допустить новой агрессии, найти справедливое решение германской проблемы. Наряду с этим было важно закрепить интересы безопасности Советского государства, как территориальные, так и политические, добиться решения reparационной проблемы. Наконец, речь шла и о том, чтобы помочь встать на ноги европейским народам, освобожденным от фашистской оккупации.

Что касается партнеров Советского Союза по переговорам, то их цели определялись сложным переплетением империалистических интересов и достаточно трезвой оценкой собственных возможностей в сложившейся обстановке. На передний план с их стороны выдвигалась задача договориться с Советским Союзом по наиболее важным вопросам. В исследовании американского конгресса отмечается, что у Рузвельта были две крупные цели: во-первых, добиться советских обязательств о вступлении в войну на Дальнем Востоке, во-вторых, получить от СССР окончательное согласие на создание Организации Объединенных Наций. Среди главных задач Черчилля, как подчеркивается в исследовании, было сохранение Британской империи «наряду с обеспечением устойчивого баланса сил на

европейском континенте путем возрождения Франции и Германии в качестве мощного противовеса Советскому Союзу»⁵⁴.

Анализ протоколов конференции в целом подтверждает эту оценку, хотя следует отметить, что американцы и англичане при наличии существенных разногласий между собой нередко координировали свои действия и по многим вопросам выступали единым фронтом против советской делегации. При этом Рузвельт проявлял куда большую гибкость, чем его английский коллега, и в большей мере старался учитывать советские интересы, избегая крайностей, которые могли завести переговоры в тупик. Он твердо верил в успех политики сотрудничества с Советским Союзом, что не мешало ему отстаивать американские интересы. Супруга президента — Элеонора писала о настроениях своего мужа перед Ялтинской конференцией: «У Франклина были большие надежды на то, что на этой конференции он сможет добиться настоящего прогресса в укреплении личных отношений с маршалом Сталиным. Он знал, что переговоры неизбежно предполагали определенные уступки, но он умел хорошо торговаться, был превосходным игроком в покер, и ему нравилась игра переговоров»⁵⁵.

Активное участие в подготовке к предстоящим переговорам в Крыму, в отличие от Тегеранской конференции, принимал госдепартамент. Им были разработаны специальные рекомендации для президента — так называемые «черные книги», в которых излагалась желательная позиция США по различным политическим вопросам и намечались возможные пути ее осуществления. Рекомендациям большей частью недоставало реализма, а поэтому они были скептически встречены президентом. Во время десятидневного путешествия через Атлантику на борту крейсера «Квинси» Рузвельт мельком пролистал представленные документы, больше полагаясь на собственный дипломатический опыт и мнение ближайших помощников. Многие вопросы, как, например, предложение о создании Чрезвычайной верховной комиссии для Европы с целью возвращения эмигрантских правительств, он не считал нужным даже поднимать на переговорах, видимо, предвидя неблагоприятную реакцию с советской стороны. Что и говорить, между желаемым и действительным положением вещей пролегала немалая дистанция.

Стремлением не лишать себя свободы маневра на переговорах объяснялосьдержанное отношение президента к попыткам англичан наметить совместную тактику перед конференцией в ходе встречи на Мальте. Дальше обсуждения военных вопросов между начальниками штабов дело не пошло. Черчиллю, несмотря на все усилия, не удалось втянуть Рузвельта в политическую дискуссию, что вызвало крайнее

неудовольствие с английской стороны. В своем дневнике Иден записал, что на ужине с президентом он не смог даже «приблизиться к делу».

Вполне вероятно, что на встрече в Крыму, как и в Тегеране, Рузвельт был не прочь разыграть роль «арбитра» в спорах между англичанами и русскими. Американский автор Б. Рабин в связи с этим отмечает: «По-прежнему существовало мнение, что любые разногласия между США, Великобританией и Советским Союзом могли быть разрешены Америкой, действующей в качестве рефери»⁵⁶.

В ночь на 3 февраля 1945 г. с аэродрома Лука на Мальте с десятиминутными интервалами поднимались в воздух транспортные самолеты, чтобы доставить в Крым в сопровождении эскорта истребителей около 700 человек — членов американской и английской делегаций, включая президента и премьер-министра. После торжественной встречи на аэродроме Саки под Симферополем высокие гости проследовали в автомобилях в отведенные им резиденции вблизи Ялты. Взору президента, следившего в головной машине вместе со своей дочерью Анной, предстали страшные следы двухлетнего хозяйничанья гитлеровцев в Крыму: сожженные села, исковерканная земля, брошенная врагом при отступлении военная техника. До него начал доходить смысл настойчивости Сталина провести конференцию на советской земле. До этого судивший о преступлениях гитлеровцев лишь понапасышике, Рузвельт теперь смог увидеть все воочию. Не случайно на следующий день при первой встрече с главой Советского правительства он сказал, что стал «более кровожадным по отношению к немцам, чем в Тегеране».

О том, какие острые дипломатические баталии разыгрались под сводами Ливадийского дворца — бывшей царской резиденции, где с 4 по 11 февраля 1945 г. проходила Крымская конференция, сегодня имеется исчерпывающая информация. Военные вопросы заняли мало места в работе конференции и были быстро согласованы уже на первом заседании 4 февраля после докладов начальников штабов трех держав. Речь шла о более тесной координации боевых действий союзников в Европе в преддверии капитуляции Германии. Советскому правительству была выражена «глубокая благодарность» за организацию наступления в связи с прорывом гитлеровцев на Западном фронте. В ответ было подчеркнуто, что «Советское правительство считало это своим долгом, долгом союзника, хотя у него не было формальных обязательств на этот счет». Это был урок верности союзническому долгу, преподанный тем, кто нередко им пренебрегал.

Главное место на конференции заняли политические

проблемы. В ходе беседы в Юсуповском дворце, где разместилась советская делегация, В. М. Молотов сообщил Гарриману накануне открытия совещания, что советская сторона считала целесообразным начать его с обсуждения вопроса о Германии. Это не вызвало возражений американцев. Второе заседание началось с обсуждения германской проблемы. Советские представители после несложного дипломатического зондажа убедились, что американцы и англичане потеряли интерес к идеи «расчленения» Германии, формально не снимая ее с повестки дня. По словам Болена, Рузвельт «просто на словах поддерживал умирающую идею». Налицо была смена тактики западными союзниками в ключевом вопросе. Отныне Германии предназначалась важная роль в качестве «противовеса» Советскому Союзу в послевоенной Европе. Взгляды президента и премьер-министра на этот счет были близки, хотя тон задавал последний.

Это была заявка на будущее, хотя во всеуслышание говорилось совсем другое. Согласование основных принципов оккупации Германии и контроля над ней не вызвало каких-либо затруднений благодаря большой работе, проделанной в ЕКК. Участники конференции заявили: «Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира»⁵⁷. На основе рекомендаций ЕКК был окончательно решен вопрос о зонах оккупации Германии. Франция была выделена зона из британской и американской частей, а также предоставлено право быть членом Контрольного совета по Германии.

Сравнительно легко был решен вопрос об удовлетворении советских территориальных требований. Рузвельт понимал, что дальнейшее сопротивление в этом вопросе грозит серьезно осложнить советско-амERICANские отношения. США пришлось безоговорочно признать советско-польскую границу, как она сложилась к началу Великой Отечественной войны. В решениях Ялтинской конференции было записано: «Восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши»⁵⁸. Это была уступка советской стороны, предпринятая в целях смягчения остроты вопроса.

В связи с решением Советского Союза вступить в войну с Японией «через два-три месяца» после капитуляции Германии и окончания войны в Европе участниками конференции было подписано соглашение с перечнем ряда условий. Оно предусматривало восстановление принадлежащих СССР прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 году, а именно: возвращение Советскому Союзу южной части острова

Сахалин и всех прилегающих к ней островов; передачу ему Курильских островов и решение ряда других важных вопросов.

Американские руководители исключительно высоко оценивали это соглашение и считали его «малой ценой» за советское обязательство начать военные действия на Дальнем Востоке. Имея в виду подписанное соглашение, адмирал Леги говорил Гарриману: «Это делает поездку стоящей того». Все последующие попытки американских авторов обесценить соглашение в целом или поставить под сомнение его отдельные положения не учитывают главного: в окружении Рузвельта господствовало твердое убеждение, что без участия Советского Союза победа в войне с Японией была бы крайне затруднена, а то и невозможна. Кроме того, напуганные ростом советской мощи, там стремились заранее «разграничить» советские и американские интересы на Дальнем Востоке, а поэтому были удивлены скромностью советских требований.

Умеренный характер советских послевоенных целей как в Европе, так и на Дальнем Востоке навел американского историка Р. Леверинга на любопытное заключение. «Если послевоенное влияние, — пишет он, — должно было хотя бы немного соответствовать понесенным жертвам..., то русские, вне всякого сомнения, не были справедливо вознаграждены в мирное время за свои жертвы в войне»⁵⁹.

На Ялтинской конференции был решен ключевой вопрос в деле создания Организации Объединенных Наций — о процедуре голосования в Совете Безопасности. Было также намечено провести учредительную конференцию в конце апреля в Сан-Франциско, определен круг ее участников и урегулированы некоторые другие спорные вопросы, оставшиеся открытыми после переговоров в Думбартон-Оксе. Американская дипломатия вынуждена была отойти от своей позиции в вопросе о голосовании. 15 ноября 1944 г. Рузвельт на совещании с руководителями госдепартамента в Белом доме одобрил компромиссную формулу, в приемлемости которой он надеялся убедить Сталина. Кроме того, он боялся, что отсутствие права вето в определенной ситуации могло обернуться против Соединенных Штатов и вызвать возражения в конгрессе.

На Ялтинской конференции советская делегация пошла навстречу американским предложениям, которые исходили из безусловного единогласия постоянных членов Совета Безопасности по всем важнейшим решениям, относящимся к сохранению мира, включая принятие экономических, политических и военных санкций, и допускали известное отступление от принципа единогласия при мирном урегулировании споров. Это была важная уступка с советской стороны. Советская делегация также сняла свое предложение об участии в ООН всех союзных

республик и ограничилась двумя из них — Украиной и Белоруссией, что было встречено американской стороной с большим облегчением и получило немедленную ее поддержку. «Мы все понимали, — отмечал Гарриман, — что Сталин будет считать себя крепко обойденным с числом голосов, и с удовлетворением узнали, что он уменьшил свое требование с 16 до 2 дополнительных голосов».

Как и следовало ожидать, наибольшие споры в Ливадийском дворце разгорелись по вопросам политического устройства освобожденных европейских государств. При их обсуждении с особой остротой заявили о себе классовые противоречия между участниками переговоров, различное понимание ими принципов демократии, свободы, народовластия. И все-таки в Декларации об освобожденной Европе было зафиксировано принципиальное положение, гласившее: «Установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору»⁶⁰.

Большое место в работе Ялтинской конференции занял польский вопрос. Его затрагивали почти на всех пленарных заседаниях. При его обсуждении, по подсчетам Черчилля, было произнесено в общей сложности 18 тыс. слов (!), порой достаточно резких и нeliцеприятных. Это и понятно, поскольку позиции сторон в начале были диаметрально противоположными. Инициатива в постановке польского вопроса целиком принадлежала западным союзникам, встревоженным демократическими переменами в Польше и ослаблением позиций своих ставленников. Их прежде всего волновал вопрос о власти. «Наиболее существенной частью польского вопроса, — подчеркнул Рузельт на заседании 6 февраля, — является вопрос о создании постоянного правительства в Польше»⁶¹. Вопреки сложившейся позднее легенде об «уступчивости» президента он был настроен по-боевому и, не жалея сил, защищал польских реакционеров.

Вместе с Черчиллем он попытался убедить советскую делегацию согласиться с такой «реорганизацией» Временного польского правительства, которая вернула бы к власти прозападных, антисоветски настроенных деятелей, потерявших всякую связь со своим народом. В этих целях Рузельт предлагал учредить президентский совет и поручить ему создание нового правительства. Он настаивал на осуществлении контроля за выборами в Польше со стороны послов трех держав, считал «мало оправданным» перенесение польской границы на Западную Нейсе и т. д.

Эти попытки вмешательства во внутренние дела Польши встретили решительный протест с советской стороны. Могло показаться, что речь идет не о соседнем Советскому Союзу государстве, а о какой-нибудь центральноамериканской республике, где США привыкли ходяйничать по своему усмотрению. Глава советской делегации высказывался в пользу того, чтобы не мешать полякам самим решать свои дела и не навязывать им чужую волю. Он также настойчиво подчеркивал, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства, интересы его безопасности. «Вот почему, — заявил он, — Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства»⁶².

Твердая позиция, занятая советской делегацией, видимо, произвела впечатление на президента. Думается, он не мог не почувствовать собственную непоследовательность. Высказываясь за создание дружественной Советскому Союзу Польши, он в то же время оказывал поддержку антисоветски настроенным польским эмигрантам, мечтавшим лишь о возрождении старой «санационной» Польши и отказывавшимся признать советско-польскую границу. Обстановка на конференции в связи с польским вопросом заметно накалилась. Перспектива оказаться в тупике не прельзала Рузельта. Он понимал необходимость компромисса. 6 февраля президент направил И. В. Сталину специальное послание по польскому вопросу, слова которого актуально звучат и сегодня. «Я исполнен решимости, — писал он, — не допустить раскола между нами и Советским Союзом. Наверняка имеется способ примирить наши разногласия»⁶³.

В результате длительной и терпеливой дипломатической работы такой «способ» нашелся. Достигнутая договоренность в отношении Польши гласила, что действующее Временное польское правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это решение дало возможность польскому народу самому определить свою дальнейшую судьбу. Советский Союз и в этом жизненно важном для него вопросе проявил максимум конструктивности, стремления достигнуть соглашения с союзниками.

Позднее в США высказывалось немало нареканий в адрес Рузельта в связи с достигнутой договоренностью по польскому вопросу. Ее считали большой уступкой Советскому Союзу. Даже в тот момент не все в американской делегации понимали своего президента. Когда адмирал Леги заикнулся о том, что формула в отношении Польши явилась уж больно «эластич-

ной», Рузвельт раздраженно оборвал его: «Я знаю, Билл, я знаю, но это самое большое, что я могу сделать для Польши в настоящее время»⁸⁴. Речь шла, разумеется, о буржуазной Польше. Реальности оставались реальностями, и с ними приходилось считаться.

Остается сказать несколько слов о том, как была решена репарационная проблема. Советский Союз, перенесший страшные бедствия от фашистской оккупации, хотел компенсировать за счет репараций хотя бы малую толику того, что было разрушено и уничтожено врагом. В это же время СССР, выдвигая свои предложения, стремился подчеркнуть, что агрессия не может пройти безнаказанно. Однако усилиями западных участников переговоров этот вопрос был превращен в предмет недостойного политического торга. Думая о том, как бы не ослабить послевоенную Германию в качестве нового «оплота против большевизма», Черчилль под различными предлогами отказывался зафиксировать в протоколе точную сумму германских репараций, предложенную советской делегацией. Рузвельт вначале поддержал его в этом. Кроме заботы о создании нового «баланса сил» в Европе, у него имелись и другие соображения.

Дело в том, что президент явно преувеличивал значение германских репараций для послевоенного восстановления Советского Союза. США все еще надеялись принять в нем участие и думали лишь о том, как бы сделать это повыгоднее для себя. Примечательно, что на самой конференции американская делегация вопрос о предоставлении кредитов СССР не поднимала, хотя и имела на руках советские предложения от 3 января 1945 г. и, видимо, ожидала каких-то шагов с советской стороны.

Имеется прямое указание на тот счет, что Рузвельт увязывал между собой германские репарации с послевоенным восстановлением СССР. На заседании 5 февраля, когда началось обсуждение репарационной проблемы, он заявил, что «очень надеется, что будет возможно восстановить разрушенное в Советском Союзе», но сомневается в том, что удастся покрыть весь ущерб «за счет репараций». Недосказанной осталась мысль о том, что, чем меньше получит СССР в счет репараций, тем больше будет его заинтересованность в американских кредитах со всеми вытекающими отсюда политическими преимуществами для Соединенных Штатов.

Отсюда понятна первоначальная несговорчивость Рузвельта в репарационных делах, до тех пор пока в дело не вмешался Гопкинс, увидевший, что дело зашло слишком далеко и грозило осложнить отношения с Советским Союзом. 10 февраля он направил президенту свою известную записку, в которой говорилось: «Русские и так уступили слишком много на этой

конференции, и я думаю, что мы не должны их подводить. Пусть англичане не соглашаются и, если они того хотят, продолжают не соглашаться в Москве. Просто скажите, что все это передается в репарационную комиссию вместе с протоколом, в котором зафиксировано несогласие англичан на любое упоминание цифры в 10 млрд. долл.»⁸⁵.

В конечном счете так и было сделано. В подписанным протоколе указывалось, что советская и американская делегации согласились передать вопрос в Московскую комиссию по репарациям, которая в качестве базы для обсуждения будет исходить из советского предложения об общей сумме репараций с Германией в 20 млрд. долл. с правом получения Советским Союзом 50% от этой суммы. Англичане отказались зафиксировать точную цифру репараций. В связи с этим следует отметить одно важное обстоятельство. Проявленная советской делегацией уступчивость при обсуждении репарационной проблемы могла бы навести западных деятелей на мысль о том, что Советский Союз в деле своего восстановления рассчитывал не на германские репарации или заокеанские кредиты, а прежде всего на собственные силы. Такой вывод, если бы он был вовремя сделан, избавил бы их от многих ошибок, допущенных в дальнейшем.

Ялтинская конференция явилась вершиной сотрудничества СССР, США и Великобритании в годы войны. Она открывала реальные перспективы для продолжения этого сотрудничества в мирное время. Последний раздел подписанныго в Крыму коммюнике так и назывался: «Единство в организации мира, как и в ведении войны». Следует со всей определенностью подчеркнуть, что все шаги советских представителей на конференции, в том числе и готовность пойти навстречу союзникам в отдельных вопросах, сверялись с главной задачей, поставленной партией перед советской внешней политикой: добиться развития стабильных отношений в послевоенное время с главными капиталистическими державами — союзниками СССР по антигитлеровской коалиции в духе политики мирного сосуществования.

8 февраля на обеде в Юсуповском дворце, устроенном советской делегацией, ее глава произнес тост. Он говорил о том, что было нетрудно крепить единство во время войны, так как существовала общая решимость нанести поражение врагу. Гораздо труднее сделать это после войны, когда различные интересы начинали разделять союзников. И. В. Сталин выразил надежду, что нынешний союз выдержит и это испытание и что долг руководителей трех держав — позаботиться о том, чтобы отношения между ними в мирное время оставались бы столь же крепкими, как и во время войны.

О стремлении СССР к дальнейшему сотрудничеству с США и Великобританией пишут и некоторые американские авторы. Л. Роуз, например, отмечает: «Сталин вел себя сдержанно и разумно в Ялте. Он мог бы выложить серию ультиматумов на стол переговоров в отношении Восточной Европы, он мог бы отказаться обсуждать планы вступления в войну против Японии, вопрос о репарациях и потребовать все что угодно в качестве трофеев. Достаточно одного взгляда на карту, и позиции, которые занимала Красная Армия в феврале 1945 г., показали бы любому здравомыслящему человеку на Западе, что у Сталина не было необходимости соблюдать обязательства или поддерживать связи со своими союзниками. Но маршал брал на себя обязательства: он хотел, чтобы коалиция существовала и впредь»⁶⁶.

Итоги Крымской конференции были встречены с огромным воодушевлением в странах, объединившихся между собой в борьбе с фашизмом. Советская общественность приветствовала их как историческую демонстрацию тесного боевого сотрудничества союзных держав в период, когда война вступила в свою заключительную фазу. Высоко оценивали результаты проделанной работы в Крыму советские руководители. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков вспоминал: «И. В. Сталин рассказал мне о Ялтинской конференции. Я понял, что он остался доволен ее результатами, он очень хорошо отзывался о Ф. Рузвельте»⁶⁷.

В восторженных тонах о конференции писала американская печать, особенно выделяя ее деловой и конструктивный характер, высокую результативность. Газеты писали, что «прилив англо-советско-американской дружбы достиг новой высокой отметки». Подобные настроения переполняли и членов американской делегации. Что бы ни говорили иные из них в последующее время, большинство искренне верило в тот момент, что с русскими можно будет «ужиться» в послевоенном мире. «Существовала надежда, когда мы покидали Ялту, — отмечал Болен, — на подлинное сотрудничество с Советским Союзом по политическим проблемам после войны»⁶⁸.

Конференция в Крыму обозначила важный рубеж в советско-американских отношениях. Война подходила к концу. Человечество стояло в преддверии послевоенных десятилетий, преисполненных надежд на мирное будущее. Многое зависело от того, как в это бурное переходное время, на рубеже войны и мира станут складываться отношения между СССР и США. С весны 1945 года они вступили в один из самых сложных и ответственных периодов своей истории. Главный вопрос заключался в том, какие тенденции в них возобладают.

ГЛАВА V.

НА РУБЕЖЕ ВОЙНЫ И МИРА

Вторая мировая война явилась самым крупным событием в истории XX столетия после свершения Великой Октябрьской социалистической революции. Великая победа народов над фашизмом, одержанная при решающей роли Советского Союза, вызвала мощный прилив революционного, демократического движения во всем мире, нанесла сокрушительный удар по империализму. Расчеты тех, кто ожидал на пути войны «поправить свои дела», не оправдались.

Советский Союз, несмотря на огромные жертвы и разрушения, выходил из войны не ослабленным, а окрепшим, преисполненным уверенности в собственных силах на будущее. В результате нового революционного подъема в мире наметились реальные перспективы выхода социализма за рамки одной страны и образования системы социалистических государств. Весна 1945 года стала для многих европейских народов весной новой исторической эпохи. Трудящиеся ряда стран взяли власть в свои руки и перешли к строительству социализма.

К концу второй мировой войны в мировой политике изменился характер противоречий. Гитлеровская Германия более не представляла угрозы для США и Великобритании. Милитаристская Япония была обречена на поражение после того, как Советский Союз дал обязательство вступить в войну против нее «всеми необходимыми силами». Межимпериалистические противоречия, разрешенные войной, временно ослабевали. Все громче заявляли о себе классовые противоречия в стане победителей между Советским Союзом, с одной стороны, и США и Великобританией — с другой. Особую остроту им придавали усиливающиеся претензии американских правящих кругов на «руководящую роль» в мире за счет интересов других народов.

Таков был тот сложный общественно-политический фон, на котором развивались советско-американские отношения весной и летом 1945 года, когда народы по обе стороны Атлантики с ликованием встречали победу над фашизмом. Классовые

противоречия между СССР и США, закономерно усилившиеся к концу войны, нельзя было «устранить» средствами дипломатии, как нельзя было изменить классовую природу двух государств, но эти противоречия вполне можно было смягчить, как показывал успешный опыт Ялтинской конференции, в ходе терпеливой дипломатической работы. Следовало только не сбиваться с пути, совместно намеченного в Ялте. Советская дипломатия рассматривала это в качестве своей важнейшей задачи.

Весна победы

К весне 1945 года в европейской войне близилась развязка. Советские войска готовились к решающему штурму Берлина. Западные союзники, оправившись после потрясения в Арденах, планировали в конце марта форсировать Рейн и двинуться в глубь Германии.

Фашизм должен был навсегда исчезнуть с лица земли. История вынесла ему свой приговор, и он был неумолим. Только зловещие обитатели рейхсканцелярии, прятавшиеся от суворой действительности под многометровой толщей бетона, продолжали все еще уповать на «чудо», способное в последний момент «повернуть» ход войны и отвратить неминуемую гибель. Чуда не произошло, несмотря на все попытки нацистской дипломатии вбить клин в отношения между союзниками и соблазнить США и Великобританию выгодами сепаратного мира за спиной Советского Союза.

Итоги Ялтинской конференции нанесли сокрушительный удар по этим расчетам нацистов, хотя и не положили им конец. Все попытки ведомства Риббентропа, действующего по личному указанию фюрера, вступить в переговоры с официальными представителями западных держав, успеха не имели. «Мирный зондаж Риббентропа, — записал в своем дневнике Геббельс, — окончательно рассыпался в прах. Он получил полный отказ как со стороны англичан, так и со стороны американцев»¹. Отчаяние мешало гитлеровцам понять, что на пути сепаратногоговора с ними стояли ненавидевшие фашизм народные массы, мнением которых не могли пренебречь в Лондоне и Вашингтоне.

После Ялты, несмотря на большую усталость и пошатнувшееся здоровье, президент Рузвельт испытывал удовлетворение от проделанной работы. Позади остались сомнения в отношении советских намерений, усиленно насаждаемые кое-кем из его приближенных. Как он мог легко убедиться, успехи на фронте не вскружили голову советским руководителям и не

сделали их менее готовыми идти по пути сотрудничества с США. Это утверждало президента в верности избранного курса. Как справедливо отмечает Д. Ерджин — автор известной книги «Поколебленный мир», «нет никаких сомнений в том, что Рузвельт покинул Крым с оптимизмом и удовлетворением... Он расценивал результаты конференции как обнадеживающий ответ на вопрос о возможности послевоенного сотрудничества с Россией»².

В ходе переговоров Рузвельт сумел по достоинству оценить гибкость советской дипломатии, стремление ее избегать тупиковых ситуаций и находить пути конструктивного решения самых сложных политических проблем. Что еще важнее, президент смог убедиться в том, что война со всеми ее жестокостями не привела к «ужесточению» советского подхода к международным делам. Советское миролюбие не было конъюнктурной политикой, призванной служить, как считали на Западе, спасительным средством в моменты слабости Советского государства, а составляло незыблемую принципиальную основу его международной деятельности. Отсюда проистекал оптимизм президента, его уверенность в том, что «с русскими можно будет делать дела».

Когда самолет президента «Священная корова» поднялся в воздух с аэродрома Саки и взял курс на Египет, Рузвельт счел своим долгом направить благодарственную телеграмму главе Советского правительства. «Покиная гостеприимные берега Советского Союза, — диктовал он, — я желаю еще раз сказать Вам, как глубоко я благодарен за многие любезности, которые Вы оказали мне, когда я был Вашим гостем в Крыму. Я уезжаю весьма ободренным результатами совещания между Вами, Премьер-Министром и мной. Народы мира, я уверен, будут рассматривать достижения этого совещания не только с одобрением, но и как действительную гарантию того, что наши три великие нации могут сотрудничать в мире так же хорошо, как и в войне»³.

Чувство удовлетворения, порожденное итогами переговоров в Крыму, не покидало Рузвельта и в последующие дни, на борту крейсера «Куинси». Снявшись с якоря в Большом горьком озере после завершения президентом трехдневных переговоров с монархами Египта, Саудовской Аравии и Эфиопии, корабль проследовал через Суэцкий канал в Александрию, а затем в Алжир. Впереди был дальний путь через Атлантический океан, и президент хотел воспользоваться им для подготовки своего выступления в сенате, которому он придавал большое значение. Поскольку разболевшийся Гопкинс вынужден был покинуть корабль в Алжире, Рузвельту пришлось проделать основную работу самому, не полагаясь, как обычно,

на своего ближайшего помощника или других «писателей-невидимок». С. Розенман, специально вызванный из Лондона для подготовки текста речи, не смог быть особенно полезен, так как не принимал участия в конференции и, естественно, не знал всех тонкостей переговоров. Поэтому подготовленное выступление явилось плодом собственных размышлений президента и точно отражало ход его мыслей.

Погруженный в свою работу Рузвельт не забыл направить поздравительную телеграмму главе Советского правительства по случаю очередной годовщины Красной Армии, в которой вновь возвращался к состоявшейся конференции.

В ответной телеграмме, полученной из Москвы, выражалась признательность за дружеское приветствие и подчеркивалось, что «далнейшее укрепление сотрудничества между нашими странами, нашедшее свое выражение в решениях Крымской конференции, приведет в скором времени к полному разгрому нашего общего врага и к установлению прочного мира, опирающегося на принцип сотрудничества всех свободолюбивых народов»⁴. Советское правительство целиком и полностью разделяло высокую оценку ялтинских решений и считало, что главное теперь заключалось в том, чтобы их неукоснительно выполнять.

Вернувшись в Вашингтон, Рузвельт не стал откладывать свое выступление в конгрессе. Важно было «не потерять темп», не дать вчерашним «изоляционистам» и всем прочим противникам сотрудничества с Советским Союзом повести общественное мнение за собой, рассуждая о «недостатках» принятых решений и «невыгодности» их для Соединенных Штатов. Это было последнее появление Рузвельта в стенах Капитолия. На этот раз сломленный недугом президент выступал сидя, пояснив, что ему легче, когда он не надевает на ноги «десять фунтов стали».

Речь его, как обычно, была яркой и красочной, мысль работала четко, подкупая слушателей своей глубиной и последовательностью. Президент часто отрывался от подготовленного текста и как бы размышлял вслух. Он заявил, что Ялтинская конференция была «поворотным пунктом» в американской и мировой истории и что в Крыму было положено «хорошее начало» на пути к всеобщему миру. По его словам, «никогда ранее главные союзники не были связаны более тесным единством не только в целях войны, но и в мирных целях»⁵.

Главное заключалось в том, что была заложена прочная основа, на которой можно было выстроить здание послевенного мира. Не случайно редакторы книги «Дневники Форрестола» отмечают, что после Ялтинской конференции

президента и его ближайших помощников окружала атмосфера «уверенного оптимизма». 9 марта министр труда Ф. Перкинс, докладывая на заседании кабинета об итогах международной профсоюзной конференции в Лондоне, говорила, что, по мнению американских делегатов, русские «были исключительно тепло настроены в отношении американцев». 13 марта на совместном заседании руководителей дипломатического и военного ведомств Э. Стеттиниус заявил, что «Ялтинская конференция была исключительно успешной, особенно в том, что касалось русско-американских отношений». Он подчеркнул, что «все указывало на желание русских сотрудничать по всем направлениям с США»⁶.

Дело, впрочем, заключалось не в избытке или недостатке официального оптимизма, а в том, что в практике советско-американских отношений успешно продолжался процесс преодоления трудностей и достижения взаимоприемлемых договоренностей. Как и следовало ожидать, Крымская конференция не привела к «безоблачному согласию» между СССР и США. Да и разве можно было на это рассчитывать? Жизнь выдвигала все новые и новые проблемы и настоятельно требовала их разрешения. Советское правительство твердо шло по пути выполнения ялтинских договоренностей, и в свою очередь настаивало на взаимности со стороны США.

Что касается американской политики, то в ней заметно усилилась борьба противоположных тенденций, возрастало влияние противников сотрудничества с СССР. На Рузвельта, отправившегося на отдых в Уорм-Спрингс, откуда ему уже не суждено было вернуться, сильное давление оказывали антисоветски настроенные круги в правительстве и прежде всего в госдепартаменте. Посольство США в Москве регулярно снабжало его ложной информацией о советской политике, подбрасывало заведомо провокационные предложения, настаивало на проявлении «твердости» в отношении русских.

Это давление не проходило бесследно. Президент нередко принимал поспешные решения, за которые потом приходилось расплачиваться неприятными объяснениями с Москвой. В итоге советско-американские отношения в последние недели его жизни переживали ряд острых моментов, периодически подвергаясь испытаниям на прочность.

Этот факт используется отдельными американскими авторами для переоценки подхода президента Рузвельта к Советскому Союзу. Американский журнал «Форин афферс» в рецензии на книгу Р. Даллека о внешней политике Рузвельта отмечал, что автор «видит Рузвельта менее доверяющим Сталину и в большей степени поддерживающим Черчилля, чем

большинство историков»⁷. Действительно, Р. Даллек, видимо, в угоду политической конъюнктуре в США, утверждает, что «холодная война» началась бы быстрее, останься Рузвельт с его авторитетом и именем еще на какое-то время президентом. Политический подтекст этого достаточно прост: если уж такой либерал, как президент Рузвельт, не смог «поладить» с Советским Союзом, то что же тогда говорить о других.

Некоторые американские авторы, например Дж. Гэддис, утверждают, что к концу жизни Рузвельт будто бы вообще «разочаровался» в политике сотрудничества с Советским Союзом. В доказательство обычно приводят свидетельство (или лжесвидетельство?) сотрудницы президента Анны Розенберг, в присутствии которой 24 марта Рузвельт якобы бросил гневную реплику, получив очередную телеграмму от Гарримана из Москвы: «Аверелл прав. Со Сталиным невозможно работать. Он нарушил все свои обязательства, взятые в Ялте»⁸.

Оставим это единичное свидетельство на совести его автора. В обширной литературе, посвященной президенту, в воспоминаниях современников о нем, в его письмах и других документах читатель не найдет подтверждения на этот счет. А самое главное — оснований для таких заключений не дают практические шаги Рузвельта на закате его жизни. Всякий раз, когда обстановка опасно накалялась и грозила выйти из-под контроля, президент стремился найти разумный выход из создавшегося положения, следя по пути переговоров с советскими руководителями.

Чтобы доказать, что Рузвельт к концу жизни склонялся к «политике твердости» в отношении Советского Союза, буржуазные авторы нередко цитируют послание президента к Черчиллю от 6 апреля 1945 г., которое давало некоторые основания для такого заключения. Но, как удалось обнаружить американскому историку У. Кэмпбеллу, это послание было подготовлено сторонником «твердого курса» — адмиралом Леги, хотя и подписано президентом. Собственно Рузвельт написал, по свидетельству У. Кэмпбелла, послание к Черчиллю от 11 апреля, за день до своей смерти. В нем, как известно, он отмечал, что проблемы во взаимоотношениях с Советским Союзом обычно удавалось урегулировать и что их не следовало преувеличивать. Этого правила Рузвельт старался придерживаться вплоть до своей кончины⁹.

После Крымской конференции успешно развивалось сотрудничество между СССР и США в военной области, что имело особо важное значение в преддверии встречи войск союзников в Германии. Речь шла о тесной координации союзниками боевых действий, согласовании ими оперативных

планов, определении рубежей размежевания войск, разработке системы опознавательных знаков для предотвращения столкновений на земле и в воздухе и решении других практических вопросов. Как отмечал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, «в этот период у Ставки имелся неплохо налаженный контакт с главным командованием экспедиционных союзных войск на Западе»¹⁰.

Благоприятную ситуацию для продвижения американских и английских армий в глубь Германии создавало наступление советских войск в Европе, непрерывно развивавшееся с середины января 1945 года. После неудачи в Арденнах генерал Эйзенхауэр первоначально планировал форсировать Рейн в начале мая, но затем, учитывая выгодную обстановку на фронте, созданную действиями Красной Армии, установил более ранние сроки. 23 марта войска под командованием фельдмаршала Монтгомери начали форсирование Рейна. После длительного наращивания сил, тщательного планирования и сокрушительного артобстрела войска, казалось, совершили прыжок в пустоту. Сопротивление обескровленного противника, перебросившего наиболее боеспособные дивизии на Восточный фронт, было практически равно нулю. Общие потери двух американских дивизий составили 31 человек.

В послании главе Советского правительства Рузвельт отдавал должное советским войскам, наступление которых способствовало успеху операций союзников. «Я также полностью оцениваю ту роль, — писал он в Москву, — которую сыграла Ваша армия, позволив вооруженным силам, находящимся под командованием генерала Эйзенхауэра, форсировать Рейн, а также то влияние, которое окажут впоследствии действия Ваших войск на окончательный крах германского сопротивления нашим общим ударам»¹¹.

Трезво оценивая сложившуюся обстановку, американское командование исходило из того, что Берлин будет взят частями Красной Армии и что дальнейшее наступление следовало развивать к югу от него. 28 марта генерал Эйзенхауэр направил послание в Москву, в котором известил об этом советское командование.

Но это, казалось бы, очевидное решение было встреченено в штыки Черчиллем, который считал, что американский генерал проявил «политическую близорукость», отказавшись от наступления на Берлин, и превысил свои полномочия, вступив в прямой контакт с Москвой. Эйзенхауэр оправдывался, ссылаясь на то, что войска союзников находились в 500 км от Берлина, а Красная Армия к тому времени уже захватила плацдарм на западном берегу Одера в 60 км от столицы Германии. 30 марта в телеграмме генералу Маршаллу он указывал, что продолжает

ет придерживаться изначального плана операций, рассчитанного на то, «чтобы достичь в тесном взаимодействии с русскими разгрома вооруженных сил врага»¹². В Вашингтоне сочли доводы генерала убедительными и поддержали их вопреки мнению англичан. Берлин, что и говорить, был заманчивой целью, но приходилось считаться с реальной обстановкой.

Сложнее складывалось политическое сотрудничество между Москвой и Вашингтоном. Несмотря на подписанное в Крыму соглашение об обмене военнопленными, эта проблема неожиданно обострилась. Американская сторона потребовала для себя особых привилегий, отказываясь в то же время соблюдать принцип взаимности. Посольство и военная миссия США в Москве сознательно нагнетали обстановку, посыпая в Вашингтон панические сигналы о «тяжелой участи» американских военнопленных и о «чежелании» советских властей ускорить их отъезд на родину. Спустя десятилетия эта клеветническая версия нашла отражение в книге американского автора М. Эллиотта под громким названием «Заложники Ялты»¹³.

Как же в действительности обстояло дело? Советская сторона в соответствии с подписанным в Ялте соглашением организовала в Одессе транзитный пункт, куда прибывали освобожденные из немецкого плена, в основном на территории Польши, американские военнослужащие, с тем чтобы оттуда отправиться в США. Несмотря на трудности военного времени, советские власти постарались обеспечить союзников всем необходимым. «Условия, созданные Советской репатриационной комиссией в Одессе, были настолько хорошими, насколько можно было ожидать, — свидетельствовал генерал Дин. — Хотя они создавались на ходу, но неуклонно улучшались на протяжении всего периода пребывания там наших солдат».

Как видим, что касалось советской стороны, то дело продвигалось вполне успешно. Однако Рузвельт, видимо, принял за чистую монету донесения своего посла в Москве, направил 4 марта послание главе Советского правительства, в котором требовал разрешить десяти американским самолетам совершать рейсы в Польшу в целях снабжения военнослужащих армии США. Это требование не было вызвано интересами дела и являлось неприемлемым для советского командования с военной точки зрения.

На следующий день с советской стороны последовал ответ, в котором разъяснялось, что трудности с эвакуацией американцев значительно уменьшились, что в Одессу уже прибыло 1200 бывших военнопленных, что в ближайшее время ожидается прибытие остальных и что, следовательно, нет нужды направлять самолеты в Польшу. Советское правительство как бы призывало президента США не вносить болезненную нервозность в этот вопрос.

Но призыв к благородству не возымел действия. По вине американской стороны дело приняло серьезный оборот. 18 марта Рузвельт направил новое, на этот раз еще более неуравновешенное по тону, послание, в котором, ссылаясь на «достоверные источники», утверждал, что советские власти чуть ли нечилии препятствия репатриации американских граждан.

В ответном советском послании подчеркивалось, что сведения президента были «не точны», и указывалось, что в Польше к 16 марта оставалось всего лишь 17 больных американцев, которых должны были «на днях» самолетом отправить в Одессу. «Я должен вместе с тем сказать, — отмечал в заключение И. В. Сталин, — что освобожденные Красной Армией бывшие американские военнопленные находятся в советских лагерях в хороших условиях, во всяком случае в лучших условиях, чем бывшие советские военнопленные в американских лагерях, где они были частично помещены вместе с немецкими военнопленными и где некоторые из них подвергались несправедливому обращению и незаконным стеснениям вплоть до побоев, о чем уже не раз сообщалось американскому правительству»¹⁴.

Так обстояло дело в действительности. Гарриман мог торжествовать: ему удалось втянуть президента в заведомо проигрышный дипломатический конфликт и создать повод для обострения отношений с СССР. Но Рузвельт предпочел остановиться, когда почувствовал, что дело зашло слишком далеко. В ответ на новые обращения своего посла с требованием «срочных действий» он сообщил ему 26 марта: «Мне представляется нецелесообразным направлять сейчас еще одно послание Сталину». Президент считал необходимым отложить этот вопрос на более позднее время и предложил заниматься судьбой военнопленных посольству¹⁵.

Достаточно сдержанно старался вести себя Рузвельт при возникновении острых вопросов в связи с положением в странах Восточной Европы. В кругах американской дипломатии имелись «горячие головы», которые были склонны рассматривать эти страны в качестве вотчины США и игнорировать интересы Советского Союза.

Когда в Румынии в начале марта 1945 года пало реакционное правительство генерала Радеску и к власти пришли демократические силы во главе с Петру Гроза, получившие поддержку со стороны Советского Союза, это вызвало недовольство в Лондоне и в Вашингтоне, где усмотрели в случившемся новые «коzни Москвы» и нарушение принципов Декларации об освобожденной Европе. Но Рузвельт не считал нужным драматизировать происходящее и не спешил с «ответными действиями», к чему призывал его британский премьер-министр. 11 марта в послании Черчиллю он высказал понимание того, что Советский Союз не

мог оставаться безучастным к событиям в Румынии. «Поскольку Румыния находится в тылу русских войск, это делает довольно трудным делом оспаривать ссылки на военную необходимость и безопасность, к которым они прибегают для объяснения своих действий»¹⁶, — сообщал президент в Лондон.

Есть основания полагать, что Рузвельт стремился избежать прямой конфронтации с Советским Союзом и по польскому вопросу вопреки мнению многих своих советников, а также Черчилля и найти выход из создавшегося положения за столом переговоров. Когда работа трехсторонней комиссии по реорганизации польского правительства, созданной Ялтинской конференцией, зашла в тупик ввиду непримлемых для Советского правительства и демократических сил Польши требований американского и английского послов, Черчилль предложил Рузвельту обратиться с совместным посланием к И. В. Сталину. Но президент не был склонен преувеличивать трудности. «Наше личное вмешательство, как мне представляется, должно быть отложено до тех пор, пока мы не исчерпаем все другие средства воздействия на Советское правительство»¹⁷, — сообщал он 10 марта свое мнение премьер-министру.

Осторожность и осмотрительность, проявленные Рузвельтом, ни в коей мере не означали его отказа от дипломатической борьбы. Разумеется, не без ведома президента посол Гарриман занимал «непримиримую» позицию в московской комиссии, требуя полной реорганизации Временного польского правительства в интересах реакционных деятелей из эмиграции. По согласованию с президентом госдепартамент чинил препятствия участию делегации Польши в работе предстоящей конференции в Сан-Франциско. Классовые интересы американской буржуазии всегда были близки и понятны Рузвельту. Весь вопрос заключался в том, как их осуществлять.

Уступая наажму Черчилля и, видимо, считая, что настало время для более решительных действий, президент все-таки обратился 1 апреля с посланием к главе Советского правительства. В нем он выражал беспокойство в связи с тупиком на переговорах по польскому вопросу, взвывал к ялтинскому опыту преодоления разногласий и давал при этом американскую интерпретацию согласованной в Крыму договоренности о реорганизации польского правительства. Эта интерпретация предусматривала, по существу, отстранение от власти в Польше демократических деятелей и распуск реально существующего правительства. Однако обращало на себя внимание и другое: послание было выдержано в примирительном тоне и давало надежду на достижение взаимоприемлемого компромисса.

Это прежде всего учитывало Советское правительство, когда в ответном послании 7 апреля настаивало на выполнении

крымских решений в полном объеме и выдвигало реалистический план преодоления разногласий в польском вопросе. Центральное место в этом плане занимала идея сохранения Временного польского правительства, пользующегося поддержкой польского народа, в качестве ядра будущего правительства Польши и его пополнения за счет демократически настроенных деятелей, признающих решения Крымской конференции, в частности советско-польскую границу. В дальнейшем на такой основе вопрос и был решен.

Смерть помешала Рузвельту ответить на это послание. Но вполне вероятно, что, проявив понимание советской позиции в Ялте, он и на этот раз был бы вынужден посчитаться с ней, предпочитая дипломатическую гибкость порочному методу нажима и угроз. На такой основе вновь могло произойти сближение позиций сторон и достигнуто столь необходимое соглашение.

Интересно свидетельство на этот счет американского историка С. Амброзе. «Если многое в политике Рузвельта и было покрыто мраком, оставаясь загадкой даже для его ближайших советников, — пишет он, — то одно было совершенно очевидно. Вызывая раздражение у некоторых деятелей из госдепартамента, не говоря уже о после в России Аверелле Гарримане, президент отказывался встать на стезю ярого антисоветизма. Гарриман, Черчилль, а позднее Трумэн считали, что Россия будет неблагоразумной, жадной, провоцирующей, властолюбивой и что с ней можно будет иметь дело только с позиции силы и непреклонной твердости. Рузвельт отвергал подобные взгляды. Более того, он считал вполне естественным беспокойство русских в отношении характера правительства на западной границе России, а поэтому он был склонен принимать во внимание требования Сталина в Восточной Европе»¹⁸.

Характерным примером усилившимся трудностей в советско-американских отношениях в последние недели жизни Рузвельта стал так называемый «берлинский инцидент». История о том, как под конец войны США и Великобритания попытались за спиной своего доблестного союзника нащупать почву для сепаратного сговора с врагом, широко и доподлинно известна. Речь идет о тех секретных переговорах, которые начались в конце февраля 1945 года в Швейцарии между эсэсовским генералом Карлом Вольфом и резидентом американской разведки Алленом Даллесом с целью открытия гитлеровцами фронта в Северной Италии.

16 марта Советское правительство решительно потребовало прекращения сепаратных переговоров и исключения на будущее всякой возможности контактов с врагом без участия представителей Советского Союза. Тогда в дело вмешался президент

Рузвельт. Он взял под защиту действия американских представителей, изобразив их всего лишь предварительным зондажем без каких-либо скрытых целей. 29 марта с советской стороны последовало новое послание, в котором отвергалась версия президента, указывалось на то, что немцы использовали переговоры для переброски дивизий на Восточный фронт, и подчеркивалось, что у союзников «не должно быть друг от друга секретов».

Конфликт разрастался. Тайные переговоры продолжались. Рузвельт упорствовал в занятой позиции и продолжал настаивать на том, что «никаких переговоров о капитуляции не было». Видимо, в поисках выхода из затруднительного положения он решил прибегнуть к последнему средству и встать в позу оскорбленной добродетели, заявив, что будто бы сомнению подвергались его «честность и надежность». В ответном послании от 7 апреля советская сторона обращалась исключительно к фактам. В нем вновь подчеркивалось, что советская точка зрения «исключает всякую возможность взаимных подозрений» и не дает противнику возможности сеять среди союзников недоверие¹⁹. С этим трудно было не согласиться.

Рузвельт нашел в себе силы преодолеть уязвленное самолюбие и насколько можно попытался смягчить впечатление, произведенное неблаговидными действиями США. «Благодарю Вас за Ваше искреннее пояснение советской точки зрения в отношении бернского инцидента, — диктовал он свое последнее послание главе Советского правительства, — который, как сейчас представляется, поблек и отошел в прошлое, не принеся какой-либо пользы».

Во всяком случае не должно быть взаимного недоверия, и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать в будущем. Я уверен, что, когда наши армии установят контакт в Германии и объединятся в полностью координированном наступлении, нацистские армии распадутся²⁰. Это было косвенное признание допущенной ошибки. Но ставить точку было еще рано.

Когда Гарриман получил послание президента для передачи его в Кремль, он обратил внимание на слова «незначительные недоразумения», которые ему не понравились. Действуя на свой страх и риск, он задержал передачу документа и в телеграмме Рузвельту порекомендовал ему исправить текст. «Слово «незначительные» может быть неправильно истолковано здесь, так как, должен признаться, недоразумение показалось мне значительных размеров», — телеграфировал он. Но президент был неумолим. С другого полушария послу было твердо указано немедленно передать послание Сталину без каких-либо изменений в тексте. «Я не хочу вычер-

кивать слово «незначительные», потому что я рассматриваю бернский инцидент как незначительное недоразумение²¹, — сообщал он. Под посланием стояла дата — 12 апреля 1945 г. В Кремле получили его, когда президента уже не было в живых.

Буржуазный политик большого масштаба, президент Рузвельт умел трезво оценивать факты. Всякий раз, когда отношения с СССР подходили к опасной грани, он находил в себе силы проявлять благородство, полагаясь на испытанный метод переговоров. До конца своей жизни Рузвельт оставался верен политике сотрудничества с Советским Союзом. Он хорошо понимал, что от состояния советско-американских отношений во многом зависела безопасность послевоенного мира, благополучие американского народа.

Смена власти в Вашингтоне

Звонили из американского посольства. Говорил сам посол Гарриман. По его взволнованному тону легко было догадаться, что произошло нечто чрезвычайное. Секретарь бросил взгляд на часы: было далеко за полночь. Через несколько минут к трубке подошел нарком. Внимательно выслушав посла, он выразил готовность, несмотря на поздний час, немедленно приехать к нему...

Здесь необходимо сделать одно отступление. Дело в том, что в период «холодной войны» в США стала популярной версия, согласно которой Советское правительство будто бы крайне «недоброжелательно» встретило приход к власти нового президента — Гарри Трумэна, и это, мол, во многом стало причиной ухудшения советско-американских отношений в послевоенные годы. В дневнике Дж. Форрестола сохранилась любопытная запись от 18 сентября 1947 г.: «Обедал сегодня с Джимми Бирнсом (государственный секретарь США в 1945—1947 гг. — А. Б.). Мы говорили о русской и американской политике после 1943 г. Он сказал, что одной из трудностей, по его мнению, после смерти Рузвельта явилось то, что Сталину не понравился Трумэн и он сказал ему (Бирнсу. — А. Б.) об этом. Я заметил, что президент Трумэн был первым человеком, который ответил отказом на требования Сталина, и что у Сталина, конечно, были основания любить Рузвельта, потому что он получил от него Ялтинское соглашение и все, что просил во время войны...»²².

Эта версия от начала до конца шита белыми нитками и преследует цель переложить на Советский Союз ответственность за «холодную войну». Ее авторы явно не в ладу с историческими фактами. Хотя советские руководители с большим уважением относились к президенту Рузвельту и поддерживали

ли с ним тесные отношения, они безо всякого предубеждения встретили его преемника и с первого дня пребывания Трумэна в Белом доме постарались установить с ним доверительные отношения. Правда, определенные основания для беспокойства существовали. Трумэн был известен в Советском Союзе как автор нашумевшего в 1941 году заявления о желательности для США взаимоистребления русских и немцев. Но одно дело — сенатор, другое — президент. Не с воспоминаний во всяком случае собиралось Советское правительство начинать свои отношения с новым президентом, а с конкретных дел.

Но вернемся в резиденцию американского посла, где глубокой ночью 13 апреля состоялся первый после смерти Рузвельта обмен мнениями между официальными представителями СССР и США. Вот как информировал Вашингтон о состоявшейся беседе Гарримана: «Он (Молотов. — А. Б.) был глубоко взволнован и встревожен. Некоторое время он говорил о роли президента Рузвельта в успешном завершении войны и в подготовке планов послевоенного мира, о том уважении, которое к нему питал маршал Сталин и весь русский народ, и о том, как высоко оценил маршал Сталин его визит в Ялту. Я готов был ответить на его вопросы о президенте Трумэне и заверил его, что президент Трумэн будет продолжать политику президента Рузвельта.

Прощаясь, Молотов сказал, что Советское правительство испытывает доверие к президенту Трумэну, потому что он был избран президентом Рузвельтом. Я никогда не слышал, чтобы Молотов говорил столь откровенно. Я попросил его устроить для меня встречу с маршалом Сталиным сегодня. Моя цель заключается в том, чтобы заверить Сталина в преемственности нашей политики и приложить все усилия к тому, чтобы восстановить, насколько это возможно, дух и атмосферу Ялтинской конференции»²³.

На эту просьбу Гарримана было немедленно отвечено согласием. В тот же день в 8 часов вечера американского посла принял глава Советского правительства. Он молча приветствовал Гарримана и, как вспоминал потом посол, долго не выпускал его руки из своей, прежде чем предложил сесть. Сталин выразил надежду, что при президенте Трумэне не произойдет перемен в американской внешней политике. «Президент Рузвельт умер, но его дело должно жить, — подчеркнул он. — Мы окажем поддержку президенту Трумэну, насколько это в наших силах и возможностях». Послу была выражена просьба проинформировать об этом Белый дом.

Свидетельством доброй воли Советского Союза и стремления его к сотрудничеству с США, несмотря на перемены в

американском руководстве, явилось решение Советского правительства пойти навстречу просьбе правительства США, согласившись направить на конференцию Объединенных Наций в Сан-Франциско во главе советской делегации наркома иностранных дел СССР. И словом и делом советское руководство стремилось дать понять новому главе Белого дома, что оно последовательно выступает за продолжение и укрепление советско-американского сотрудничества и взаимопонимания, сложившегося в годы войны.

На следующий день нарком направил на имя Гарримана официальное письмо. В нем говорилось: «По поручению И. В. Сталина прошу Вас довести до сведения президента и государственного секретаря, что Советское правительство решило, несмотря на трудности, связанные с моим отсутствием в Москве ввиду предстоящей Сессии Верховного Совета СССР, принять изложенное в Вашем письме от 14 апреля приглашение. В ближайшие дни я выезжаю в Соединенные Штаты Америки, чтобы встретиться с президентом в Вашингтоне и для участия во главе делегации СССР в работах конференции в Сан-Франциско»²⁴.

15 апреля, в день похорон Рузвельта в Гайд-парке, в американском посольстве в Москве состоялась панихида, на которую собралось более 400 человек, чтобы почтить память покойного президента. Среди присутствовавших были руководители многих советских учреждений и ведомств. Москва отдавала должное крупному государственному деятелю, внесшему большой вклад в разгром фашизма и в сближение народов СССР и США на основе принципов мирного сосуществования и сотрудничества. Службой руководил сержант Томас из американской военной миссии, имевший сан священника. Хор исполнял любимые псалмы президента. Посол завершил церемонию, зачитав написанную собственноручно Рузвельтом молитву, которую президент вознес за успех высадки союзников в Нормандии 6 июня 1944 г.

Так закончились эти три траурных дня в апреле 1945 года. Период в советско-американских отношениях, связанный с именем президента Рузвельта, стал историей. Надвигались новые времена, а вместе с ними и новые проблемы. В Москве делали все, чтобы не допустить охлаждения отношений с США. Но многое зависело от того, какой курс будет взят в Вашингтоне главой новой американской администрации.

Чем же был примечателен человек, неожиданно ставший 33-м президентом США, которому с первых же часов его пребывания у власти протянуло руку Советское правительство? Не будем преувеличивать роль личности в истории. Повороты в большой политике в XX столетии определяет прежде всего

действие объективных факторов, рождающихся глубоко в недрах общественного развития. Но многое, порой очень многое, зависит от государственных деятелей — их политической мудрости, чувства ответственности, заботы об интересах своего народа.

Имя Гарри Трумэна, «маленького человека в коротких брючках», как его порой называли, тесно связано с расколом антигитлеровской коалиции, началом «холодной войны», применением ядерного оружия против беззащитного населения японских городов, политикой «с позиции силы» и атомного шантажа, сколачивания агрессивных блоков. Есть своя закономерность в том, что интерес к его деятельности в США просыпается особенно в периоды обострения международной напряженности. Своим политическим кумиром считал его, например, президент Картер, способствовавший обострению советско-американских отношений на рубеже 80-х годов и попытавшийся повернуть вспять процесс разрядки напряженности. Тень Трумэна, а вместе с ней и тоска по «холодной войне» не дают покоя иным политическим деятелям в США и сегодня.

В американской литературе сложился прочный стереотип личности президента Трумэна. Обычно его изображают эдаким «добрый малым», выходцем из народа, простодушным и грубоватым, но обладающим природной сметкой, проницательностью и человечностью, присущей простому американцу. Особое место здесь принадлежит идеализации отношений Трумэна с Рузвельтом, преследующей цель доказать, что между ними не было особых противоречий и что один стал продолжателем дела другого, только в новых условиях.

Все это не имеет ничего общего с исторической правдой и противоречит фактам. Лишь в начале 70-х годов под влиянием разрядки напряженности стали появляться более объективные оценки личности президента. Так, профессор Йельского университета Г. Смит писал о Трумэне: «Время требовало философа, гуманного скептика. Вместо этого Соединенные Штаты получили одержимого воителя с кругозором командира роты, который никогда не задумывался над тем, что делал»²⁵. Ничего не скажешь, убийственная характеристика, хотя и вполне заслуженная.

В биографии Трумэна было немало моментов, которые он сам не любил вспоминать и приходил в неистовство, когда это делали другие. Среди них — история о том, как сын мелкого земельного спекулянта, неудачливый галантейщик из штата Миссури очутился в сановном Вашингтоне.

Провинциальный политик до мозга костей, волею обстоятельств вознесенный на пост президента Соединенных Штатов, Трумэн был обязан началом своей политической карьеры

одному из закулисных воротил Канзас-сити Тому Пендэргасти, получившему в местных кругах за свой необузданый нрав прозвище «козел». В те далекие времена, занимая скромную должность судьи графства Джексон, Трумэн почтительно называл своего патрона «большим боссом» и с восхищением писал о нем: «Я обязан большому боссу — человеку слова, которое он дает, правда, крайне редко и под хорошее обеспечение. Но зато он не робкого десятка. Хотя в прошлом он был хозяином публичного дома, кабака, игорного заведения и сложился в этой атмосфере, все-таки он настоящий человек. Хотел бы я знать, заслуживает ли кто-нибудь большего уважения в глазах всевышнего»²⁶. Таковы были те мерила «добропорядочности», которыми руководствовался будущий президент США.

Поддержка «большого босса», контролировавшего партийную машину штата Миссури, обеспечила «маленькому» Трумэну выдвижение в сенат в 1934 году, которое он считал венцом своей политической карьеры. Люди, близко знавшие его, говорили тогда, что, «очутившись в сенате, Гарри будет иметь не больше свободы, чем в бытность судьи графства Джексон». Авторы исследования по внешней политике США Г. Муни и К. Баун подчеркивают: «Гарри С. Трумэн вышел из глубин одной из самых зловещих и продажных политических машин в Америке»²⁷.

Одна из наиболее важных сторон деятельности будущего президента в сенате, позволяющая понять многое в политической биографии Трумэна, — установление им с началом второй мировой войны тесных связей с военными концернами США. Здесь, видимо, следует искать корни его стремительного восхождения к вершинам власти. Совершив месячную инспекционную поездку по стране с целью контроля за выполнением оборонной программы, сенатор предложил создать специальный комитет по контролю над военным производством и выдвинул свою кандидатуру на пост его председателя. Имя сенатора Трумэна — «поборника укрепления военной мощи Америки» становилось популярным. Биограф Трумэна Дж. Хедли свидетельствует: «Пока с началом войны не открылась гонка вооружений, Гарри Трумэн был совершенно неизвестен в национальном масштабе... Комитет Трумэна привлек к нему внимание и проложил ему дорогу к посту вице-президента»²⁸.

Что касается отношений сенатора с Белым домом, то они были отмечены большой прохладой, если не сказать враждебностью, с обеих сторон. Рузвельт хорошо знал цену подобным политикам и по возможности старался держать их подальше от себя. Воспользовавшись тем, что имя Трумэна

фигурировало в связи с финансовыми махинациями Пендергаста, оказавшегося за решеткой за неуплату налогов, президент посоветовал его протеже не компрометировать демократическую партию и добровольно отказаться от борьбы за кресло в сенате. В качестве откупного он предложил ему пост члена федеральной комиссии по торговле с окладом, превышающим намного жалованье сенатора. В ответ Трумэн объявил войну Белому дому, выступив против избрания Рузвельта на третий срок.

И тем не менее, к удивлению многих в Вашингтоне, Рузвельт решил баллотироваться на выборах 1944 года вместе с Трумэном, хотя и не скрывал того, что, будь его воля, он отдал бы предпочтение либералу Уоллесу, занимавшему пост вице-президента в течение предшествующего четырехлетия. Это решение было принято под сильным нажимом со стороны руководства демократической партии, которое предупредило Рузвельта, что в противном случае фонд его избирательной кампании лишится крупных денежных пожертвований. Президент долго сопротивлялся, ссылаясь на то, что Трумэн «слишком стар», что он его «совсем не знает», но в конце концов вынужден был уступить. Как подчеркивается в одной американской книге, «Рузвельту было сказано, что от кандидатуры Уоллеса следует отказаться, так как его либеральные взгляды помешают на выборах»²⁹.

Вопреки принятому мнению Трумэн не был «серой лошадкой», будто бы появившейся «на старте» в последний момент. Его имя было хорошо известно в деловых кругах США и пользовалось там солидной репутацией. Ему были готовы доверить бразды правления государством, случись что с президентом, тем более что политика Рузвельта все больше не устраивала влиятельную часть правящего класса США. Время сильных президентов, как поговаривали в Вашингтоне, прошло вместе с потрясениями для Америки. Нужна была более управляемая и послушная фигура. Но Рузвельт был слишком популярен, чтобы просто уйти в отставку. Оставалось рассчитывать на «естественный» ход событий. Вот почему так кипели страсти в 1944 году вокруг выдвижения кандидатуры вице-президента. Крупный капитал со своей рачительностью страховал себя «от всех рисков». Трумэн был выдвинут сальным прицелом. Плоть от плоти американской политической системы, он как нельзя лучше устраивал тех, кто вынашивал планы широкой послевоенной экспансии.

В тот день, 12 апреля, Трумэн, как обычно, председствовал в сенате, пытаясь сочинить под навевающие сон монотонные речи законодателей письмо к матери. Заглянув

после заседания на стаканчик виски к спикеру палаты представителей Сэму Рейборну, он узнал, что его срочно разыскивают по телефону пресс-секретарь Белого дома Стив Эрли. Взволнованным голосом тот попросил вице-президента немедленно прибыть на Пенсильванию авеню, 1600. Через несколько минут Трумэн был у подъезда Белого дома. Его немедленно провели на второй этаж, в апартаменты Элеоноры Рузвельт. «Гарри, — просто сказала она, — президент скончался». Человек действия, Трумэн с ходу начал отдавать первые указания. На 6 часов 15 минут вечера было назначено заседание кабинета, на котором впервые предстояло председствовать ему.

Официально сообщив членам правительства о кончине Рузвельта, Трумэн заверил их, что будет хранить верность его политическому курсу. «Я буду стараться поступать так, как он хотел, чтобы все мы действовали», — заявил он. Человек, занявший пост президента в силу трагических обстоятельств и не обладавший мандатом избирателей, естественно, нес особую ответственность за продолжение политики своего предшественника. В дальнейшем он не раз будет клясться в верности курсу Рузвельта, поступая каждый раз по-своему, до тех пор пока не отпадет надобность и в словесном маскараде.

На следующий день рано утром Трумэн впервые переступил порог Овального кабинета в Белом доме в качестве президента Соединенных Штатов. Все здесь напоминало о человеке, который долгие годы был его хозяином. На массивном дубовом столе стояли модели парусников, стены украшали морские пейзажи. Покойный президент был страстным любителем моря. Окинув взглядом заваленный бумагами стол, Трумэн приказал освободить его от вещей своего предшественника. Через некоторое время стол был готов принять нового хозяина. А вместе с ним в Белый дом пришли и новые веяния.

Американские авторы, как правило, объясняют поправление внешней политики США после смерти Рузвельта личными качествами его преемника и другими субъективными факторами. «Рузвельт оставил послевоенную Америку, — пишет, например, П. Уорд, — под руководством хорошо известного своей неподготовленностью вице-президента, который всего лишь трижды имел беседы с ним в свою бытность вице-президентом, да и то по второстепенным вопросам». С этих идеалистических позиций написана и книга Р. Мессера «Конец союза», увидевшая свет в 1982 году, в которой автор предпринимает попытку разобраться в причинах, вызвавших раскол антигитлеровской коалиции и наступление периода

«холодной войны». Как и в ряде других работ на эту тему, анализ в ней идет по принципу сравнения особенностей дипломатического стиля Трумэна со стилем его предшественника³⁰.

Даже такой маститый историк, как Г. Моргентай, отец школы «политического реализма», отдал дань общему заблуждению. Он отмечал, что когда Рузвельта не стало, то «не нашлось человека или группы людей, способных управлять той сложной и тонкой машиной, с помощью которой традиционная дипломатия обеспечивала мирную защиту и продвижение национальных интересов». Моргентай объяснял этот феномен импровизаторским дипломатическим стилем покойного президента и его почти единоличным контролем над американской внешней политикой на протяжении 12 лет. Трумэн и его сподвижники, по мнению профессора, оказались неспособными продолжить его дело³¹.

Между тем поворот во внешней политике США от сотрудничества к конфронтации с Советским Союзом не был связан в первую очередь с личностью нового президента — человека, вне всякого сомнения, заурядного и прямолинейного и не обладавшего необходимым дипломатическим опытом. Этот поворот был «запrogramмирован» глубоко в недрах американского капитализма, обусловлен потребностями его развития на государственно-монополистической стадии, вызван своекорыстными интересами верхушки финансовой олигархии США, попытавшейся осуществить очередной империалистический передел мира в свою пользу.

Гибкая внешняя политика президента Рузвельта, сочетающая в себе заботу об интересах американского капитализма с достаточно трезвой оценкой международной действительности, задолго до его кончины перестала удовлетворять наиболее реакционную часть правящего класса США. Эти круги выступали активными сторонниками неограниченной империалистической экспансии, осуществляющей всеми доступными США средствами. Интересы других народов в расчет не принимались. «Что хорошо для Америки, то хорошо и для остального мира», — приблизительно так рассуждали заправилы «большого бизнеса».

С точки зрения крайних приверженцев империалистической политики, смерть Рузвельта наступила как нельзя более кстати. Им нужен был новый человек на посту президента, не связанный обязательствами сотрудничества с Советским Союзом и готовый пойти на обострение отношений с ним. Фигура Трумэна, реакционного политического деятеля, как нельзя лучше отвечала этим требованиям. По словам Л. Роуза, правые политические деятели к концу войны смотрели на советско-американские отношения следующим образом: «Мы протянем руку дружбы

Кремлю, если он согласится смотреть на мир с американской точки зрения».

Известно, что с особой благосклонностью начинаящий президент внимал тем советникам, которые настраивали его в пользу большей «твердости» в отношении СССР. К ним принадлежал посол Гарриман. Его телеграммы из Москвы в начале апреля 1945 года, оставленные Рузвельтом без ответа, дышали откровенной враждебностью к Советскому Союзу и содержали различные рекомендации по части оказания на него давления. Посол во что бы то ни стало хотел оказаться в Вашингтоне раньше советского наркома иностранных дел, а поэтому выбрал кратчайший авиамаршрут через Италию и Азорские острова. Новый президент должен был встретить советского представителя «во всеоружии».

20 апреля Гарриман был принят в Белом доме. Он утверждал, что Советский Союз, с одной стороны, стремится к сотрудничеству с США и Англией, а с другой — якобы пытается установить свой контроль над Восточной Европой и тем самым «бросает вызов» Америке. Он добавил, что русские нуждаются в американской помощи для послевоенного восстановления, а поэтому, по его мнению, не захотят пойти на разрыв с Соединенными Штатами, что в свою очередь дает Америке шанс быть «твердой» по важнейшим вопросам, не подвергая себя серьезному риску.

Как же реагировал на эти высказывания Трумэн? Он тут же воинственно воскликнул, что «не боится» русских и собирается быть с ними «твердым», но «справедливым». Во всяком случае, подчеркнул президент, «русские нуждаются в нас больше, чем мы в них». Он одобрительно кивал головой, когда посол рассуждал «о варварском вторжении в Европу», о «нарушении Сталиным своих обязательств», и соглашался с тем, что настала пора отказаться от иллюзий в отношении Советского Союза и добиваться для Соединенных Штатов выгодных решений «если не на 100%, то хотя бы на 85». Гарриман был на седьмом небе: наконец-то его мнение встретило поддержку и понимание в Вашингтоне. В свою очередь и президент был доволен послом. Полученная от него информация подкрепляла его собственные мысли. На прощанье Трумэн совсем по-домашнему сказал Гарриману: «Буду ждать ваших длинных телеграмм».

Итак, спустя всего лишь несколько дней после смерти Рузвельта в Вашингтоне произошла резкая смена курса. Поворот в сторону конфронтации с СССР был обусловлен ложными представлениями новой американской администрации о «превосходстве» Соединенных Штатов над Советским Союзом, нежеланием учитывать его интересы, расчетами на

то, что удастся заставить его подчиниться американским требованиям. Об этом еще не подозревала советская сторона, когда нарком иностранных дел СССР, совершив перелет в американскую столицу через Сибирь и Аляску, встретился с президентом США, рассчитывая в духе традиционного взаимопонимания обсудить с ним спорные вопросы и заложить прочный фундамент отношений на будущее.

Первая встреча, состоявшаяся 22 апреля, была чисто протокольным мероприятием. Президент говорил о своем восхищении советским народом. Он обещал неукоснительно следовать всем соглашениям, заключенным его великим предшественником, и идти по пути, начертанному им. В ответ было высказано глубокое удовлетворение готовностью президента Трумэна продолжать рузельтовскую политику дружбы с СССР. Когда президент выразил надежду вскоре встретиться с главой Советского правительства, то ему было сказано, что это целиком и полностью соответствовало советским намерениям. На этой дружелюбной ноте беседа закончилась.

В ходе начавшихся в тот же день переговоров в госдепартаменте выяснилось, что американская сторона не проявляет ни малейшего желания следовать ялтинской договоренности по вопросу о Польше и продолжает чинить препятствия участию польской делегации в предстоящей конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско, стараясь в то же время изобразить Советский Союз виновником дипломатического тупика. При этом, что называется «с порога», была отвергнута любая возможность компромисса, в частности советское предложение учесть при реорганизации польского правительства успешный опыт соглашения Тито — Шубашича в Югославии, позволившего сформировать югославское правительство на широкой демократической основе. Американская дипломатия попробовала даже запугать Советский Союз перспективой срыва конференции в Сан-Франциско, если «не будет достигнут прогресс в отношении Польши». Разумеется, эти попытки успеха не имели и еще больше осложнили переговоры. Тогда было решено передать вопрос на рассмотрение президенту.

23 апреля Трумэн назначил в Белом доме на 2 часа дня экстренное заседание кабинета. Стеттиниус доложил, что переговоры с советским представителем по вопросу о Польше не дали результатов. Военный министр Стимсон, опытный государственный деятель, выступал за осторожный курс. «Он сказал, — гласит протокольная запись, — что русские всегда добросовестно выполняли свои военные обязательства, и сожалел, что данный инцидент мог вызвать раскол между двумя странами».

В противовес ему выступил Форрестол, который считал,

что случившееся не было изолированным эпизодом, а служило одним из примеров «односторонних действий со стороны России», которым, по его мнению, следовало «дать отпор» немедленно, не откладывая дело в долгий ящик. Форрестол поддержал Гарриман. Напротив, адмирал Леги призывал «не закрывать дверь к последующему урегулированию» с русскими. Еще более осторожную позицию занял генерал Маршалл, который боялся, что поспешные действия со стороны США могут помешать вступлению СССР в войну против Японии. «Во власти русских, — гласит запись его слов, — отложить вступление в дальневосточную войну до того момента, когда мы сделаем всю грязную работу».

Итак, наиболее опытные и дальновидные представители администрации предостерегали президента от политики конфронтации с Советским Союзом. Как же повел себя в этой ситуации Трумэн? Ему пришла явно не по вкусу умеренная точка зрения, возобладавшая на заседании. По словам Р. Доновэна, «Трумэн был скорее настроен на жесткий тон». В призывах кдержанности ему чудился голос его мудрого предшественника, к личности и авторитету которого он продолжал ревниво относиться и после его смерти. Поэтому, подводя черту под обсуждением голосом, в котором слышались металлические нотки, президент сказал, что «соглашения с Советским Союзом до сих пор были улицей с односторонним движением и что так не может дальше продолжаться»⁹².

В таком воинственном настроении Трумэн в тот же вечер принял советского представителя. На этот раз он сразу же перешел к существу дела. Как гласит американская запись беседы, президент был недоволен «отсутствием сдвигов» в решении польского вопроса. США не могли признать польское правительство, в котором не были представлены «все демократические элементы» (т. е. ставленники США и Великобритании), говорил он, и были готовы идти по пути создания новой международной организации, какой бы ни была позиция Советского Союза. Новичок в дипломатии, президент решил идти напролом, не думая о возможных последствиях.

Многозначительно сославшись на американское общественное мнение, якобы встревоженное тупиком в польском вопросе, он сказал, что без его поддержки не сможет провести через конгресс законодательство о выделении средств на послевоенную экономическую помощь Советскому Союзу, и по рекомендовав советскому представителю «помнить об этом». Налицо был откровенный шантаж. Но советская сторона не поддержала обсуждения этого вопроса в данной ситуации. Советский представитель твердо заявил, что единственno приемлемой основой взаимоотношений Советского Союза с

другими государствами является принцип равноправия, отвергающий любые попытки со стороны одной или двух держав навязать свою волю третьей.

Так впервые за годы второй мировой войны американская сторона попыталась осуществить прямой нажим на Советский Союз, прибегнув к методам «силовой дипломатии». Если в Москве в этот ответственный момент продолжали мыслить категориями сотрудничества, то в Вашингтоне решили перейти на язык конфронтации и угроз. Речь шла о том, чтобы установить новый тон в отношениях с Советским Союзом, заставить его принять американские условия. Как наивно полагал Трумэн, отныне слово США должно было стать законом для советских руководителей. Не случайно через несколько дней после «пробы сил» в Белом доме он заносчиво говорил в близком кругу: «Мы должны научить их (русских. — А. Б.), как вести себя»³³.

Это был явный отход от рузельтовской политики сотрудничества с Советским Союзом, с чем не могли согласиться советские руководители. Важно было не допустить разрушения испытанной основы советско-американских отношений. С советской стороны было проявлено необходимое терпение, хотя президент США бросал явный вызов СССР и допускал даже, по мнению американских участников переговоров, непозволительный тон в отношении советского представителя. 24 апреля, получив информацию о переговорах в Белом доме, глава Советского правительства направил послание президенту Трумэну с разъяснением советской позиции. В нем подчеркивалась особая заинтересованность Советского Союза в решении вопроса о составе польского правительства на основе ялтинской договоренности и отвергался новый американский подход как односторонний и не учитывающий интересов СССР. «Я готов выполнить Вашу просьбу, — писал И. В. Сталин, — и сделать все возможное, чтобы достигнуть согласованного решения. Но Вы требуете от меня слишком много. Попросту говоря, Вы требуете, чтобы я отрещился от интересов безопасности Советского Союза, но я не могу пойти против своей страны»³⁴.

Это был ответ, достойный великого социалистического государства, уверенного в собственных силах. В нем был не только дан отпор безосновательным американским притязаниям, но и выдвигалась разумная основа для компромисса. Советское правительство вновь продемонстрировало конструктивный подход к решению спорных вопросов. В Вашингтоне было над чем призадуматься. Психологическая атака на Советский Союз явно не удалась и лишь представила в невыгодном свете ее инициаторов, прежде всего самого президента. Американской стороне пришлось искать выход из создавшегося положения.

В поисках выхода из дипломатического тупика

В то время как в Вашингтоне глава американской администрации безуспешно пытался оказать нажим на советского представителя, в мире разворачивались исторические события, которых с нетерпением ждали народы. 25 апреля советские и американские войска встретились на Эльбе в центре Германии. В тот же день на другом полуширии — в Сан-Франциско начала свою работу конференция Объединенных Наций, созданная с высокой целью «избавить грядущие поколения от бедствий войны». В полночь 8 мая в предместье Берлина — Карлсхорсте был подписан акт о капитуляции Германии. Народные массы по обе стороны Атлантики ликовали, празднуя победу.

Вторая мировая война закончилась сокрушительным поражением фашизма в результате объединенных усилий государств антигитлеровской коалиции. Решающий вклад в победу внес советский народ, его славные вооруженные силы, спасшие человечество от угрозы порабощения. Об этом говорили от имени своих государств делегаты, собравшиеся в Сан-Франциско. Представитель Австралии подчеркнул: «Мы восхищены героическими подвигами Красной Армии, народом Советского Союза, приносящим великие жертвы». Представитель Либерии говорил: «Мы в долгу перед Советской Россией, имея в виду победы ее могучих армий в Европе, и особенно ее героическую борьбу под Сталинградом, которая навсегда останется у нас в памяти». Представитель Норвегии заявил: «Мы глубоко признательны Вооруженным силам Советской России, которые пришли как друзья, чтобы освободить самую северную часть нашей земли. Народ наш высоко ценит их доброту и помощь»³⁵.

Победа над фашизмом не радовала правящие круги Запада. Война завершалась совсем не так, как они предполагали. Советский Союз вышел из войны еще более окрепшим и могущественным, в мире поднималось мощное революционное, демократическое движение, народы видели в социализме надежду на лучшее будущее. Все это вызывало лихорадочную активность в кругах американской дипломатии. Классовые мотивы все сильнее давали о себе знать в политике Вашингтона. Снаружи было одно, а за кулисами творилось совсем другое.

Как следует из многих достоверных источников, в частности из дневника Уоллеса, в эти светлые майские дни 1945 года в дипломатических и военных кругах США многие всерьез рассуждали о будущей войне с СССР и призывали незамедли-

тельно начать к ней готовиться. О «вероятности» этой войны размышлял, например, страдая бессонницей, заместитель государственного секретаря США Дж. Грю. Американский генерал Паттон — один из военачальников США в Европе, известный своими реакционнейшими взглядами, вместе с английским фельдмаршалом Монтгомери заявил 22 мая в частной беседе, что «если существовала опасность войны с Россией, то лучше встретить эту опасность сейчас, не откладывая, так как в настоящее время англичане и американцы имеют превосходство в воздухе и американские силы полностью мобилизованы»³⁶.

Стоит США проявить «твердость» и решительность, как стали полагать в Вашингтоне, и все сложится как нельзя лучше. Эту идею поначалу взяла на вооружение и американская делегация в Сан-Франциско. Она открыто выступила против приглашения польской делегации на конференцию, одновременно добиваясь участия в ее работе Аргентины, которая, как известно, во время войны не разделяла целей Объединенных Наций и оказывала поддержку врагу.

США попробовали отойти от ряда принципиальных положений Устава будущей организации, согласованных тремя державами на конференции в Думбартон-Оксе и в Крыму. Посол А. А. Громыко, возглавивший советскую делегацию после отъезда наркома в Москву 8 мая, вынужден был заявить Стеттиниусу, что «американская делегация по вопросу голосования в Совете Безопасности отступает от крымского решения», и предупредить госсекретаря, что ему «следует отказаться от метода психологического нажима» на советских представителей.

Позиция, занятая американской дипломатией в Сан-Франциско, как и нарастающие по ее вине трудности в отношениях с Советским Союзом в целом, подверглась критике со стороны американской общественности. 1 мая 1945 г. газета «Вашингтон пост» обрушилась на «закулисную дипломатию госдепартамента» и лично его главу — Стеттиниуса. Выражая настроения, широко распространенные в то время в США, газета писала: «В этот критический период мировой истории мы считаем, что нет ничего более ценного, чем поддержание единства интересов, сложившегося между Москвой и Вашингтоном во время войны». Газета обвиняла руководителей госдепартамента в «некомпетентности» и в забвении «азов дипломатической игры».

Выступление столичной газеты пришлось не по вкусу правительственные кругам. Вечером 1 мая, ужиная с владельцем журналов «Тайм» и «Лайф» Генри Люссом — автором звонкой фразы об «американском веке», Дж. Форрестол

жаловался ему на американскую прессу, злоупотреблявшую якобы свободой информации и занимавшую «прорусские» позиции. Министр с обидой говорил, что в тот момент «Стеттиниус выступал в роли капитана нашей команды и имел право скорее на поддержку и аплодисменты, чем на битые кирпичи и пустые бутылки со стороны американской публики»³⁷.

Было решено усилить обработку общественности в антисоветском духе и хорошенко «промыть мозги» либеральным журналистам. В качестве «авторитета» по Советскому Союзу был привлечен посол Гарриман, прибывший в Сан-Франциско в качестве советника главы американской делегации на переговорах и снявший шикарный номер в отеле «Фэрмонт». Посол-миллионер организовал ряд встреч с американскими журналистами в своих апартаментах. Результаты оказались для него неожиданными. Когда во время одного из инструктажей он заявил, что американские цели и цели Кремля «были непримиримы» и что Советский Союз стремился установить «коммунистические режимы» в других странах, послышались возгласы возмущения, а два известных журналиста — Раймонд Сунг и Уолтер Липпман — в знак протesta покинули место встречи. У Липпмана, по свидетельству его биографа, разглашавшегося Гарримана «вызвали чувство отвращения», и он решительно осудил тех, кто собирался «превратить международную организацию в антисоветское орудие». Р. Сунг, выступая по радио, заявил, что дипломатов, которые потеряли веру в средства дипломатии, «следует заменить»³⁸.

Наглядный урок получил не один Гарриман. В Вашингтоне могли сделать вывод, что симпатии американского народа к Советскому Союзу были исключительно сильны. Опрос общественного мнения, проведенный в мае Принстонским университетом, показал, что 58% американцев высоко оценивали советскую внешнюю политику, а 72% верили в возможность послевоенного сотрудничества с СССР. «Американская общественность, — отмечает Д. Альварес, — продолжала относиться к России, как к верному союзнику. Не усматривая какого-либо конфликта между американскими и русскими интересами, люди верили, что сотрудничество будет продолжено после войны. Большинство скорее винило Англию, чем Советский Союз, за подрыв союзнического единства». Американской дипломатии приходилось ломать голову над тем, как найти выход из создавшегося положения. Дело в том, что позиции США на мировой арене были далеко не блестящими. СССР успешно завершил военные действия в Европе, а США все еще воевали с Японией, рассчитывая на помощь Советского Союза. Предстояло урегулирование сложных европейских

проблем, где без взаимопонимания с СССР трудно было рассчитывать на успех. Поэтому в Вашингтоне и было решено временно дать «задний ход» и, насколько возможно, исправить положение. Первая «проба сил» явно не удалась.

9 мая Гарриман и Болен вылетели из Сан-Франциско в Вашингтон. Пока самолет пересекал Соединенные Штаты, дипломаты обсуждали между собой состояние отношений с Советским Союзом. Приходилось констатировать, что тактика нажима оказалась ошибочной и бесплодной. Как показали острые дебаты на конференции в Сан-Франциско, советская сторона не собиралась уступать в принципиальных вопросах и твердо отстаивала занятые позиции. Думая о том, как найти выход из дипломатического тупика, Болен осторожно заметил, что, если бы Рузвельт был жив, он наверняка направил бы в Москву Голкинса для обсуждения положения дел с главой Советского правительства. Гарриман сразу же ухватился за эту мысль. Посол хорошо знал, что Голкинс был персоной грата у советского руководства. «Сталин говорил мне, — заметил он, — о своем уважении к мужеству и решительности Голкинса. На него произвел глубокое впечатление приезд Голкинса в Москву в июле 1941 г., несмотря на слабое здоровье. Сталин также знал, что Голкинс был ближайшим и верным соратником Рузвельта»³⁹.

Перед тем как внести это предложение на рассмотрение президента, необходимо было выяснить, сможет ли тяжело больной Голкинс предпринять столь далекое путешествие. Гарриман нашел его прикованным к постели в небольшом домике в Джорджтауне, на окраине Вашингтона, куда удалился на покой верный «дворцовый страж», как насмешливо окрестила его американская пресса за былую близость к Белому дому. Забыв о своих недугах, он с интересом выслушал Гарримана и, недолго думая, дал свое согласие на поездку. Человек деятельный, он тяжело переживал свое вынужденное затворничество, и, как отмечал Р. Шервуд, «одно лишь упоминание о полете в Москву заставило его вздрогнуть, как старого боевого коня, заслышившего сигнал тревоги». Дело было, конечно, не только в жажде деятельности, присущей бывшему советнику Рузвельта. Он продолжал верить в успех политики сотрудничества с Советским Союзом и горел желанием еще раз послужить этим благородным целям.

Заручившись согласием Голкинса, Гарриман направился в Белый дом. Хотя президент был раздосадован своим неудачным дебютом в отношениях с Советским Союзом и в ближайшем окружении признавал, что «перегнул палку», он все же вначале отклонил предложение о поездке Голкинса в Москву. Трумэн недолюбливал советника покойного президента Руз-

вельта и считал его, как, впрочем, многие в Вашингтоне, «опасным радикалом». Трумэн спросил, почему посол сам не мог «навести мосты» к Кремлю, что входило в его прямые обязанности. Аргументы Гарримана об «особом отношении» к Голкинсу в Москве и о необходимости как можно скорее исправить крен в советско-американских отношениях президента до конца не убедили. Тем не менее он обещал все хорошенько взвесить.

Однако как раз в это время произошли события, которые ускорили решение вопроса о поездке Голкинса в Москву. Утром 12 мая посольству СССР в Вашингтоне стало известно, что американские власти отдали распоряжение прекратить погрузку судов, следующих в Советский Союз в соответствии с соглашением о ленд-лизе. Не в силах поверить, что США могли совершить столь недружественный шаг в отношении союзника спустя всего лишь три дня после победы, временный поверенный в делах СССР в США Н. В. Новиков (посол был на конференции в Сан-Франциско) немедленно обратился по телефону за разъяснением к исполняющему обязанности государственного секретаря Дж. Грю. Тот уклончиво сослался на отправленную госдепартаментом в посольство ноту по этому вопросу. Задним числом в ней сообщалось следующее: «Поставки СССР на основе текущей программы по ленд-лизу будут немедленно пересмотрены, принимая во внимание конец военных действий в Европе»⁴⁰.

Дискриминационные действия американского правительства в отношении союзника, вынесшего на своих плечах основную тяжесть войны с Германией, которые не затронули другие страны — получатели помощи по ленд-лизу, в частности Великобританию, вызвали взрыв возмущения в Москве. Их политический подтекст был ясен. Не случайно в своих мемуарах Трумэн постарался снять с себя ответственность за принятое решение, утверждая, что он подписал «подсунутый» ему правительственными чиновниками документ якобы «не глядя». «Если бы я прочел приказ, — лицемерно сокрушался он, — инцидент не произошел бы».

На самом деле действия правительства США явились преднамеренной политической акцией, подготовка которой началась вскоре после смены власти в Вашингтоне. Они преследовали цель оказать давление на Советский Союз. Участвовавший в предварительном обсуждении этого вопроса в госдепартаменте генерал Линкольн сообщал генералу Маршаллу: «Присутствовавшие на совещании чиновники госдепартамента дали понять, что они рассматривают ленд-лиз в качестве политического оружия в связи с нашими трудностями с русскими в Центральной Европе»⁴¹. Хорошо отдавал себе отчет в

том, что делал, и сам президент, когда на его столе оказался злополучный документ. Его предупреждали, что следует ожидать «резкой реакции» со стороны СССР. Тем не менее рука президента не дрогнула. По мнению Дж. Херринга, эта акция правительства США явилась «серьезной дипломатической ошибкой», которая «обозначила рубеж в переходе от союза военного времени к враждебности „холодной войны“»⁴².

Советскому правительству оставалось только поражаться наивности тех, кто пытался добиться далеко идущих политических целей применением явно негодных средств. Отрезвление в Вашингтоне наступило быстро. В ответной советской ноте от 16 мая говорилось: «Советское Правительство получило ноту заместителя государственного секретаря г-на Грю от 12 мая относительно прекращения поставок Советскому Союзу по ленд-лизу. Указанная нота и прекращение поставок явились для Советского Правительства полной неожиданностью. Однако если Правительство Соединенных Штатов Америки не видит другого выхода, то Советское Правительство готово принять к сведению указанные решения Правительства США»⁴³.

По тону советского ответа в Вашингтоне легко могли понять, что последствия дипломатической опрометчивости могут быть самыми серьезными. Вопрос о поездке Гопкинса в Москву был решен без долгих проволочек. В послании И. В. Сталину от 20 мая Трумэн, ссылаясь на возникающие трудности при обсуждении сложных и важных вопросов на расстоянии, сообщал о своем желании, «пока не представится возможность для нашей встречи», направить 26 мая в Москву «г-на Гарри Гопкинса с послом Гарриманом с тем, чтобы они могли обсудить эти вопросы лично с Вами». В тот же день из Москвы был получен лаконичный ответ, в котором говорилось: «Принимаю с готовностью Ваше предложение о встрече с г-ном Гопкинсом и Послом Гарриманом. Дата 26 мая меня вполне устраивает»⁴⁴. Советское правительство было готово и на этот раз к урегулированию возникших разногласий.

Судя по всему, направляясь в Москву, Гопкинс хорошо представлял себе природу этих разногласий. Новый президент не хотел считаться с интересами безопасности Советского Союза и с правом народов восточноевропейских стран на самоопределение. Ему куда ближе, чем его предшественнику, был авантюристический подход Черчилля к решению европейских проблем. Встретившись перед отъездом с Гарриманом, Боленом и Форрестолом, Гопкинс подверг критике политику Черчилля в отношении СССР и подчеркнул, что «для США было жизненно важно не оказаться в таком положении, когда их привязала бы к себе Великобритания и в рамках единого блока использовала бы против России в целях английской

европейской политики»⁴⁵. Единомышленник Рузельта, он хорошо представлял себе последствия этого для советско-американских отношений.

В Москве Гопкинса ждали радушный прием и ... справедливая критика политики американского руководства. Глава Советского правительства указал, что в отношениях США и Советского Союза наступило «заметное охлаждение», как только Германия потерпела поражение. Он подчеркнул, что правительство США отходит от ялтинских соглашений, и в качестве конкретного примера привлек внимание собеседника к вопросу о прекращении поставок по ленд-лизу. «Если отказом от дальнейших поставок по ленд-лизу имелось в виду оказывать давление на русских с целью сделать их более уступчивыми, то это было большой ошибкой», — заметил он. Сталин добавил, что если говорить с Советским Союзом начистоту, по-дружески, то можно многое сделать, но репрессии, в какой бы форме они ни применялись, приведут к диаметрально противоположному результату.

Посланец Белого дома, как мог, старался сгладить впечатление, произведенное действиями американских руководителей. Он выражал неподдельную тревогу и озабоченность по поводу состояния советско-американских отношений, обращался к успешному опыту преодоления разногласий в прошлом и высказывался за поиск общей основы для сотрудничества в интересах «будущего благополучия сотен миллионов людей». Эти позитивные мысли получили полную поддержку со стороны советского руководства⁴⁶.

В ходе шести встреч с главой Советского правительства, отмеченных, по признанию присутствовавшего на переговорах Гарримана, «исключительным доверием и редкой доброжелательностью», удалось урегулировать многие проблемы. В частности, был, наконец, согласован наболевший вопрос о реорганизации польского правительства на взаимоприемлемой основе. В Вашингтоне и Лондоне сочли, что Гопкинс добился «оптимального решения» в создавшихся условиях. Профессиональная американская дипломатия была посрамлена. После одной из бесед в Кремле Гопкинс обратился к Дж. Кеннану — специалисту по «советским делам» с вопросом, можно ли было найти более подходящий для США вариант решения польской проблемы. Кеннан ответил отрицательно. Тогда Гопкинс спросил, стоило ли принять советские предложения. И вновь получил отрицательный ответ. Гопкинс холодно посмотрел на своего собеседника. «Я уважаю ваше мнение, — сказал он. — Но я не могу согласиться с вами»⁴⁷.

В ходе состоявшихся в Москве переговоров было решено созвать новую встречу руководителей СССР, США и Велико-

британии, советская сторона назначила своего представителя в Контрольный совет по Германии, который вскоре начал свою работу, и уточнила сроки вступления СССР в войну против Японии. Были устраниены некоторые разногласия, препятствовавшие успешному завершению конференции в Сан-Франциско. Путь равноправных переговоров вновь доказал свое превосходство над методами нажима и угроз. Традиции рузельтовской дипломатии, возрожденные Гопкинсом на переговорах в Москве, оказались эффективными и встретили высокую оценку с советской стороны.

Советские руководители всегда с большой симпатией относились к тем политическим деятелям Запада, которые занимали реалистические позиции. Среди них выделяется фигура Гарри Гопкинса. Маршал Г. К. Жуков отмечал: «Г. Гопкинс, по мнению И. В. Сталина, был выдающейся личностью. Он много сделал для укрепления деловых связей США с Советским Союзом». На обратном пути из Москвы Гопкинс остановился в Берлине. Советские военные власти были заранее оповещены о его приезде и оказали ему теплый прием.

На завтраке, устроенном в его честь, обсуждались вопросы предстоящей конференции глав правительств. Гопкинс не скрывал своей радости по поводу того, что Советское правительство согласилось с американским предложением провести конференцию в верхах в середине июля. Он говорил, что предстоит весьма сложные переговоры по вопросу о будущем Германии и других стран Европы и что уже сейчас накопилось много «горючего материала».

С советской стороны была выражена уверенность, что главы правительств смогут и на этот раз найти общий язык, как это удавалось делать во время войны. Как вспоминал Г. К. Жуков, Гопкинс ничего не ответил. «Сделав глоток кофе, он сказал, глубоко вздохнув: „Жаль, не дожил президент Рузельт до этих дней, с ним легче дышалось“»⁴⁸.

При встречах с американскими представителями в Европе Гопкинс пытался убедить их в искренности советских намерений, полагая, что главной опасностью для США являлось возрождение германского милитаризма. В письме американскому послу в Лондоне Дж. Вайнанту он выразил тревогу по поводу того, что немцы могут попытаться все начать сначала. «Я не испытываю никакого доверия к ним, — писал он, — но я преисполнен уверенности в том, что они способны ударить по США через какие-нибудь 25 лет». К этому времени в американских правящих кругах возобладали уже совсем другие настроения.

8 июня, когда Гопкинс отбыл из Москвы в обратный путь,

Гарриман направил Трумэну отчет об итогах его поездки, в котором отмечал, что «Гарри выполнил первоклассную работу». В отчете говорилось: «Я думаю, что визит Гопкинса был куда более успешным, чем можно было предположить. Хотя еще остаются и будут оставаться и впредь нерешенные с Советским правительством проблемы, я уверен, что его визит создал намного более благоприятную атмосферу для Вашей встречи со Сталиным»⁴⁹.

На этом закончилась политическая карьера Гарри Гопкинса — мужественного и дальновидного человека, сподвижника президента Рузельта. Вернувшись в Вашингтон и доложив Трумэну о результатах своей миссии в Советский Союз, он окончательно расстался с правительственной службой. Гопкинс хорошо понимал, что был не ко двору в Белом доме и понадобился лишь в трудный момент. Старая болезнь подтачивала его силы. 29 января 1946 г. он скончался в Нью-Йорке, не намного пережив своего наставника.

Финал в Потсдаме

Выбор места проведения последней конференции союзников в годы войны не вызвал больших осложнений, во всяком случае на официальном уровне. Один из тостов, провозглашенных в Крыму, был за следующую встречу «большой тройки» в Берлине. Естественно было подвести черту европейской войне в столице поверженного «третьего рейха» и договориться о сотрудничестве на будущее. Правда, Трумэн в близком кругу самонадеянно рассуждал о желательности приезда Сталина в Соединенные Штаты для встречи на Аляске вместо Берлина, но вовремя отказался от этой идеи.

Поскольку Берлин был сильно разрушен в результате налетов англо-американской авиации и бессмысленного сопротивления нацистов в последние дни войны, выбор пал на расположенный поблизости от него старинный Потсдам. Пока советские военные власти благоустраивали для предстоящих переговоров хорошо сохранившийся на окраине Потсдама дворец Цецилиенхоф, оставленный семьей наследного принца Вильгельма, в Москве, Вашингтоне и Лондоне развернулась активная подготовка к конференции.

Летом 1945 года в преддверии встречи в Потсдаме отношения между СССР и США заметно улучшились. Сказались результаты переговоров в Москве. Американская общественность вздохнула с облегчением. Разногласия с Советским Союзом казались делом временным и поддающимся урегулированию дипломатическими средствами. Если новый президент

по неопытности и допускал ошибки, считали многие американские обозреватели, то он не собирался настаивать на них и был готов их исправить. Гопкинс купался в лучах славы. Его биограф отмечал: «Вернувшегося в Вашингтон Гопкинса встретили наилучшие отзывы в печати, какие он когда-либо знал. Комментаторы превозносили его достижения в Москве как открывающие новую эру взаимопонимания и сотрудничества с Советским Союзом»⁵⁰. Демократическая американская общественность не допускала и мысли о возможности длительной «размолвки» с русскими.

После переговоров в Москве успешно завершилось формирование Временного польского правительства национального единства, с которым в начале июля 1945 года США и Великобритания установили дипломатические отношения. При поддержке Советского Союза польский народ отстоял право распоряжаться своей судьбой без вмешательства извне.

Между Москвой и Вашингтоном был согласован вопрос об отводе американских войск из Саксонии и Тюрингии, входивших в советскую зону оккупации, который госдепартамент намеревался использовать в качестве «рычага давления» на Советский Союз при решении других вопросов. После изрядных колебаний Трумэн все-таки проявил благородство и не пошел в этом обюдоостром вопросе на поводу у Черчилля. «После своей жесткой беседы с Молотовым, — отмечал Болен, — он стремился успокоить Советы и отверг подход Черчилля в духе силовой дипломатии».

26 июня подписанием Устава Организации Объединенных Наций закончилась конференция в Сан-Франциско. Советская дипломатия отстояла решения, принятые в Думбартон-Оксе и в Крыму, и не допустила ослабления ООН на последнем этапе ее создания. В беседе с Иденом, состоявшейся 16 июля 1945 г. в Потсдаме, нарком иностранных дел СССР отмечал, что, «по его мнению, конференция прошла хорошо». «Конечно, были трудности и задержки, — сказал он, — но было бы невозможно ожидать, что конференция могла бы обойтись без них»⁵¹.

А дипломатический горизонт уже заволакивали новые тучи. США не желали согласиться с демократическими переменами в странах Восточной Европы и переходом власти в руки трудящихся. Американские представители в восточноевропейских странах — Барнс, Берри, Робертсон, Шенфельд, Штайнгардт, Лейн и др. представляли события «на местах» в искаженном свете, поддерживали тесные связи с контрреволюционными силами, включая коллаборационистских деятелей, и настойчиво искали пути для реставрации буржуазных порядков в этих странах. В своих донесениях в Вашингтон они утверждали, что Советский Союз якобы «порвал» с ялтински-

ми соглашениями и встал на путь «односторонних действий». Американский представитель в Болгарии Барнс сообщал 9 июня 1945 г., что, по его мнению, «война в Европе не кончилась, а вступила в новую фазу», в ходе которой «старое противостояние Англии, Соединенных Штатов и России против Германии превратилось в противостояние России против Англии и Соединенных Штатов»⁵².

В Вашингтоне думали о том, как бы побольше ущемить интересы восточноевропейских стран и заставить их отказаться от демократических преобразований и установления добрососедских отношений с Советским Союзом. Особенно сильному нажиму со стороны США подверглись бывшие союзники гитлеровской Германии — Болгария, Румыния и Венгрия. Американская сторона отказалась установить с ними дипломатические отношения, как предлагало Советское правительство, и отложила этот вопрос до конференции. Со стороны США была также предпринята попытка ущемить права Югославии в отношении Гриеста.

Одновременно в Вашингтоне изыскивались новые способы оказания давления на Советский Союз в восточноевропейских дела. На передний план выдвигалась проблема reparаций. Не случайно президент Трумэн отказался передать до предстоящей конференции причитающуюся Советскому Союзу часть германского военного и торгового флота. Из-за обструкционистской позиции американского представителя Э. Поули в созданной в соответствии с ялтинскими решениями reparационной комиссии в Москве проблема reparаций зашла в тупик. 37 заседаний комиссии закончились безрезультатно.

Эти и другие вопросы европейского урегулирования, в центре которых находился германский, и предстояло разрешить на Берлинской (Потсдамской) конференции, проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г. Американские авторы, как правило, изображают эту конференцию «бесплодной международной встречей», возвестившей о начале «холодной войны» и «указавшей» раскол «великой коалиции». Такая мысль, в частности, проводится в книге Ч. Ми «Встреча в Потсдаме», вышедшей в свет в 1975 году. Если верить другим американским авторам, то «холодная война» началась еще раньше — чуть ли не с прихода в Белый дом президента Трумэна. Это в корне неверная мысль, противоречащая историческим фактам и преследующая цель бросить тень на сотрудничество между союзниками в конце второй мировой войны.

Несмотря на возросшие трудности в отношениях с США после смены власти в Вашингтоне, Советскому правительству удавалось урегулировать их и при новом президенте, примером чему могут служить переговоры Гопкинса в Москве, а также

сама Потсдамская конференция, пока реакционные веяния окончательно не вытеснили остатки реализма в американской внешней политике. Конечно, встреча в Потсдаме отличалась от предшествующих встреч «большой тройки» в годы войны. Отличалась прежде всего по своему духу, настроениям ее участников, атмосфере переговоров и т. д. Не осталось того дружелюбия и доверия, которыми были отмечены переговоры в Тегеране и Ялте. Об этом ясно говорят протоколы заседаний конференции, воспоминания ее участников и другие свидетельства. Об атмосфере «одной большой семьи», используя известные слова Рузвельта, сказанные им в Ялте, говорить действительно не приходилось.

Причины этого кроются прежде всего в изменившейся международной обстановке после завершения военных действий на европейском континенте, возобладании правых тенденций в политике США и Великобритании, нарастании классовых противоречий в стане победителей, а также в ряде субъективных факторов. Советскому Союзу пришлось иметь дело с новыми западными деятелями. Рузвельта с его широким политическим подходом, умевшего самостоятельно принимать решения, уже не было в живых. В середине переговоров конференцию покинул Черчилль, потерпевший поражение на выборах. Новый американский президент вел переговоры «по шпаргалке» госдепартамента и больше всего боялся, как бы «не отдать чего лишнего» Советскому Союзу.

В подготовленном для него военным министром Стимсоном 19 июля меморандуме подверглась сомнению возможность сотрудничества с Советским Союзом ввиду «фундаментальных различий» двух общественных систем и высказывалась нелепая мысль о необходимости «перемен» в советском строе в качестве непременного условия успеха такого сотрудничества⁵³.

К тому же советской делегации пришлось столкнуться на конференции с объединенным англо-американским фронтом практически по всем обсуждавшимся вопросам, чего в такой степени не было раньше. В беседе с маршалом Г. К. Жуковым незадолго до начала конференции И. В. Сталин заметил: «Теперь, после смерти президента Рузвельта, Черчилль быстро столкнется с Трумэном». Так и получилось на практике. Советским представителям пришлось вести исключительно сложную борьбу сразу с двумя партнерами по переговорам. Американская делегация, добиваясь для себя максимально выгодных решений, широко осуществляла практику «увязывания» различных вопросов, порой не имеющих между собой ничего общего.

О какой-либо «сердечности» в отношениях между участни-

ками переговоров действительно говорить не приходилось. Но из этого совсем не следует, что конференция проходила в духе «холодной войны». Верно, что каждое решение давалось куда с большим трудом, чем раньше, но оно все-таки достигалось, а это было уже немало. Советской делегации пришлось затратить немало усилий, проявить максимум выдержки и терпения, чтобы довести переговоры до благополучного конца. Глава советской делегации проявлял неизменное хладнокровие, что было отмечено американской стороной. «Он оставался спокоен и доброжелателен на протяжении долгих заседаний», — признавал Д. Альварес. Добавим, что в Потсдаме это, видимо, давалось особенно нелегко, учитывая усилившееся посредничество западных партнеров на советские интересы, которым приходилось давать отпор.

Состоявшаяся в ответственный переходный период от войны к миру Потсдамская конференция не случайно подверглась целенаправленной фальсификации на Западе. Наряду с ложным тодкованием ее общего значения искажались и цели, преследуемые Советским Союзом на переговорах. Американские авторы, как правило, сводят их к частным вопросам. Так, один из них, Де Санти, пишет: «Сталин был прежде всего заинтересован в германских репарациях, которые могли существенно облегчить тяжесть послевоенного советского восстановления и предотвратить возрождение мощного германского государства»⁵⁴. На самом деле, как показывают протоколы заседаний конференции, эта цель не выдвигалась Советским Союзом в разряд первоочередных, и именно по этому вопросу с советской стороны были сделаны наиболее существенные уступки. Напомним, что с решением проблемы репараций Советское правительство прямо не связывало планы восстановления страны или проблему образования миролюбивого германского государства.

Советская делегация в Потсдаме отстаивала широкие политические задачи, связанные как с подведением итогов войны, и прежде всего окончательным решением германской проблемы, так и с продолжением процесса создания прочного фундамента послевоенного мира, начатого в Ялте. «Советская делегация прибыла в Потсдам, — отмечал Г. К. Жуков, — с твердым намерением достичь взаимно согласованной политики по урегулированию послевоенных проблем в интересах мира и безопасности народов и создания условий, при которых исключалось бы возрождение германского милитаризма и повторение его агрессии»⁵⁵.

Советский Союз рассматривал Берлинскую конференцию не как «начало конфронтации» с Западом, а как важный шаг на пути упрочения послевоенного сотрудничества с западными

державами, в первую очередь с США, и укрепления на этой основе международной стабильности. При этом советская сторона имела в виду установить столь же доверительные отношения с новым американским президентом, как и с его предшественником. То, что этого не удалось сделать, не вина советских руководителей.

Примером лояльного, союзнического отношения СССР к Соединенным Штатам служит внимание, проявленное советской стороной, к волнующим американцев проблемам, и прежде всего вопросу вступления СССР в войну с Японией. 16 июля, то есть накануне официального открытия конференции, И. В. Сталин позвонил из Потсдама командующему советскими войсками на Дальнем Востоке маршалу А. М. Василевскому. Его интересовала возможность переноса сроков наступления на десять дней вперед. Василевский, указав на большие организационные трудности, просил не менять первоначально го плана. Смирившись с соображениями военного порядка, Сталин согласился оставить все без изменений. Хотя Верховный Главнокомандующий воздержался от разъяснений мотивов, вызвавших его вопрос, маршал Василевский заключил, что он руководствовался «общими военно-политическими соображениями и сведениями о том, что на конференции американо-английские делегаты вновь будут настаивать на скорейшем вступлении Советского Союза в войну против Японии»⁵⁶.

Советская делегация хотела предпринять новые шаги навстречу Соединенным Штатам в развитие ялтинской договоренности, заботясь о том, чтобы создать благоприятную рабочую атмосферу и необходимый климат доверия на конференции. Что бы ни писали позднее американские авторы, как бы ни пытались они признать роль Советского Союза в разгроме милитаристской Японии, остается фактом, что летом 1945 года, даже после испытаний «большой бомбы», как именовали атомное оружие в Вашингтоне, американские руководители продолжали возлагать большие надежды на вступление СССР в войну на Дальнем Востоке. «Было много причин для моей поездки в Потсдам, — отмечал президент Трумэн, — но наиболее важная, на мой взгляд, заключалась в том, чтобы добиться от Сталина личного подтверждения вступления России в войну против Японии, чему придавали исключительное значение наши военные»⁵⁷. При первой же встрече с главой советской делегации в Потсдаме Трумэн сказал, что «США ожидают помощи от Советского Союза».

Американская дипломатия тщательно готовилась к предстоящей конференции, изучая «слабые места» Советского Союза и запасаясь различными «козырями». Можно сказать, что в Потсдаме США попытались впервые после войны, хотя и без-

успешно, вести переговоры «с позиции силы», открывая тем самым эру «атомной дипломатии», окрасившей в мрачные тона послевоенные международные отношения. Главная ставка с американской стороны была сделана на приуроченное ко дню открытия Потсдамской конференции испытание нового «сверхоружия» — атомного.

Несмотря на рекомендации своих ближайших советников, а также предложение Черчилля провести встречу «большой тройки» как можно скорее, пока американские войска еще занимали в Европе выгодные позиции, президент сознательно тянул с созывом Потсдамской конференции, с нетерпением дождаясь вестей с базы BBC в Аламогордо, штат Нью-Мексико, где готовилось к испытанию первое атомное устройство.

Если «атомная дипломатия» США в Потсдаме достаточно подробно освещена в советской литературе, то куда менее известны те расчеты, которые строили американские руководители в связи со своим обещанием участвовать в деле послевоенного восстановления Советского Союза. Этот «козырь», который США долгое время держали «про запас», теперь предполагалось выложить на стол. Американская экономическая помощь должна была стимулировать политические уступки со стороны Советского Союза. Опыт с прекращением поставок СССР по ленд-лизу ничему не научил вашингтонскую администрацию. То, что расценивалось при Рузельте плохим тоном в политике, было поднято на щит при Трумэне.

После более чем пятимесячного дипломатического выжидания, последовавшего за советскими предложениями от 3 января 1945 г., посол Гарриман заявил в НКИД 9 июня, что, по твердому убеждению его правительства, «долгосрочные кредиты являлись важным элементом в послевоенных отношениях между нашими двумя странами». Правда, он тут же многозначительно добавил, что для подписания соглашения требовалось еще получить санкцию конгресса.

Между собой деятели новой администрации были более откровенны. Новый министр финансов Ф. Винсон в специальном меморандуме для Трумэна отмечал: «Наличие таких кредитов укрепит вашу позицию на предстоящей встрече «большой тройки». Советский Союз отчаянно нуждается во внешней помощи для своего восстановления». В первые дни работы Потсдамской конференции сенат одобрил бюджет Экспортно-Импортного банка, часть которого предназначалась для кредитования торговли с Советским Союзом. Сенатор Тафт цинично заявил, что президент «должен предложить Сталину 1 млрд. долл. в качестве откупного при решении других вопросов».

Вот так США вступали на путь применения экономических

санкций против Советского Союза, который на заре послевоенного времени казался им единственным и эффективным, а на практике обернулся свертыванием торговых отношений между двумя странами. Но тогда это могли предвидеть только наиболее дальновидные американские политики. В окружении Трумэна царила уверенность в том, что русские были «в стечайном положении», а поэтому им ничего не оставалось, кроме как принять американские условия. Однако Потсдамская конференция, несмотря на все подготовительные усилия Белого дома и госдепартамента, пошла не по американскому сценарию. Трумэн пришлось изрядно поубавить свою самоуверенность.

Такой вывод можно было сделать уже после первой встречи главы Советского правительства с президентом США, в день открытия конференции 17 июля. В ходе беседы Трумэн подчеркнул, что «он очень рад встрече с генералиссимусом Сталиным, с которым он хотел бы установить такие же дружественные отношения, какие у генералиссимуса Сталина были с президентом Рузвельтом». На это ему было сказано, что «со стороны Советского правительства имеется полная готовность идти вместе с США». При этом И. В. Сталин реалистически подчеркнул, что «без трудностей не обойтись и что важнее всего желание найти общий язык»⁵⁸.

Проявляя конструктивный подход к рассматриваемым проблемам, советская делегация стремилась найти «общий язык» с партнерами по переговорам. Основная дипломатическая борьба развернулась вокруг будущего европейских народов, в частности заключения мирных договоров с Болгарией, Венгрией, Румынией и нормализации их международного положения, проблемы reparаций, определения западной границы Польши и других вопросов.

Не вдаваясь здесь во все перипетии дипломатических баталий во дворце Цецилиенхоф, справедливости ради следует отметить, что глава американской делегации проявлял более реалистический подход, чем премьер-министр Черчилль, охваченный страхом перед коммунизмом и желанием восстановить разрушенный второй мировой войной «баланс сил» в Европе. К этому времени Черчилль, активный застрелищик «холодной войны», широко пустил в ход вымысел о «железном занавесе», подхваченный им из пропагандистского арсенала нацистов, который якобы опустился над европейскими странами в результате продвижения Красной Армии. На переговорах он вел себя неизменно и воинственно, вступал в полемику по каждому поводу. Маршал Жуков отмечал: «Наиболее агрессивен был У. Черчилль. Однако И. В. Сталину в довольно спокойных тонах удавалось быстро убеждать его в неверном подходе к рассматриваемым вопросам. Г. Трумэн, видимо, в силу своего

тогда еще ограниченного дипломатического опыта реже вступал в острые политические дискуссии, предоставляя приоритет У. Черчиллю»⁵⁹. Зато американская дипломатия, и прежде всего новый государственный секретарь США Дж. Бирнс, развila бурную деятельность в кулуарах конференции и на совещаниях министров иностранных дел, в ходе которых согласовывались основные вопросы для передачи их на рассмотрение главам правительств.

Американская делегация была вынуждена в конце концов отойти от «жесткой» позиции, занятой ранее на переговорах, и принять компромиссные решения по наиболее острым вопросам повестки дня. В свою очередь советская делегация, верная интернациональному долгу, взяла под защиту национальные интересы восточноевропейских стран ценой отдельных уступок западным партнерам в reparационной проблеме и других вопросах, затрагивающих государственные интересы СССР. Г. К. Жуков отмечал, что «И. В. Сталин был крайне щепетилен в отношении малейших попыток делегаций США и Англии решать вопросы в ущерб Польше, Чехословакии, Венгрии и германскому народу»⁶⁰. За этим стояла интернациональная солидарность с революционной борьбой народов Восточной Европы, забота о послевоенной безопасности Советского государства.

Американская дипломатия, строившая свою тактику с учетом «особой заинтересованности» СССР в решении reparационной проблемы, так и не смогла подняться до понимания подлинных задач советской внешней политики. Германским reparациям отводилось более чем скромное место в деле восстановления советской экономики. «Мы потеряли очень много оборудования в этой войне, страшно много, — говорил на заседании 31 июля И. В. Сталин. — Надо хоть одну двадцатую часть возместить»⁶¹. Напрасно ожидала американская делегация и обращений с советской стороны за экономической помощью. В деле экономического восстановления страны, как и в организации отпора агрессору, советский народ полагался прежде всего на собственные силы.

Конференция в Потсдаме завершилась историческими решениями, явившимися наглядным подтверждением жизненной силы политики мирного существования, способности государств с различным общественным строем находить пути урегулирования самых сложных международных проблем не только во время войны, но и в условиях мира. Победа Советского Союза над фашистской Германией была столь убедительной, что правящие круги США и Англии вынуждены были пойти на согласованные решения, которых ждали народы. Это и обеспечило прежде всего успех Потсдамской конференции.

Большое значение для судеб Европы и всего мира имела достигнутая участниками конференции договоренность о том, что «германский милитаризм и нацизм будут искоренены» и что будут приняты и другие меры, направленные на то, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире. Была согласована задача «окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе».

В результате настойчивых усилий советских представителей на конференции были отвергнуты планы империалистического вмешательства в дела восточноевропейских стран, в частности требования Трумэна о «немедленной реорганизации» правительства Болгарии и Румынии, о проведении контроля со стороны западных держав за выборами в этих странах и т. д. Было принято решение о создании Совета министров иностранных дел (СМИД) с целью подготовки мирных договоров с бывшими союзниками гитлеровской Германии, установления в дальнейшем с ними дипломатических отношений и принятия их в ООН. Это способствовало укреплению позиций народной власти в Болгарии, Румынии и Венгрии, упрочению их суверенитета и независимости на международной арене.

Важное значение имело окончательное решение вопроса о западной границе Польши, который империалистические державы пытались использовать для оказания давления на молодое польское правительство. Руководители США и Великобритании были вынуждены заявить о прекращении признания ими «эмигрантского правительства в Лондоне» и подчеркнуть, что оно «больше не существует». Так закончилась длительная дипломатическая борьба вокруг польского вопроса, открывшая историю народной Польши.

На конференции не получили поддержки экспансионистские планы США, проявившиеся в настойчиво выдвигавшейся Трумэном идее «интернационализации» судоходства по Дунаю и Рейну. Советская делегация отказалась рассматривать этот вопрос, а тем более включать его в протокол переговоров.

Выполняя свои союзнические обязательства, Советское военное командование познакомило американских представителей с планами вступления СССР в войну против Японии и дало согласие на размещение в районе Петропавловска и Хабаровска метеорологических станций, укомплектованных американским персоналом.

Конечно, советской делегации не удалось добиться на конференции всех поставленных целей, в частности не было получено согласие партнеров по переговорам на пересмотр режима Черноморских проливов, не устраивающего Советское государство, но общий итог переговоров был, несомненно,

благоприятным. «Конференцию можно, пожалуй, назвать удачной», — заявил при ее закрытии глава советской делегации. Удачной она была прежде всего с точки зрения продвижения вперед дела сотрудничества между великими державами в новых условиях мирного времени.

К сожалению, многие из решений Потсдамской конференции оказались невыполнимыми или не получили развития в дальнейшем по вине западных держав. Американская дипломатия не сделала для себя надлежащих выводов из состоявшихся переговоров. Президент Трумэн, чувствуя свое бессилие решить вопросы «по-американски», пребывал в раздраженном состоянии и среди приближенных клялся «никогда больше не иметь дело с русскими». Наверное, поэтому, когда он в качестве председательствующего объявил конференцию закрытой и лицемерно выразил надежду на следующую скорую встречу между ее участниками, И. В. Сталин сдержанно откликнулся: «Дай бог».

В кругах американской дипломатии, учитывая опыт состоявшейся конференции, напряженно думали о том, как бы все-таки заставить СССР принять американские требования. Рузельтовская идея сотрудничества с Советским Союзом «на равных» была окончательно отброшена. Главные надежды связывались с осуществлением «атомной дипломатии». Поэтому, возвращаясь в США на борту крейсера «Огаста», Трумэн с таким восторгом встретил долгожданную весть об атомных бомбардировках японских городов. Как ему казалось, он, наконец, приобрел «дубинку против этих русских парней».

С атомной бомбой связывали смелые планы на будущее американские дипломаты. Болен вспоминал, как, возвращаясь самолетом домой с Потсдамской конференции, он беседовал с Л. Томпсоном — будущим послом в Советском Союзе, в то время занимавшим скромную должность в американском посольстве в Лондоне. «Мы обсуждали атомную бомбу и то, как мы могли использовать полученные от нее преимущества для установления здоровых отношений с Советским Союзом... Мы размышляли о методах, которые можно было использовать, начиная от объявления открытого ультиматума Советам, чтобы они убрались за свои границы, и кончая различными способами давления»⁶². У американских дипломатов начиналось послевоенное головокружение от монопольного обладания ядерным оружием. Однако скоро этому был положен конец.

Победа над милитаристской Японией, ускоренная вступлением Советского Союза в соответствии со взятыми обязательствами в войну на Дальнем Востоке 9 августа 1945 г., по мнению американских правящих кругов, лишила силы последний важный аргумент в пользу продолжения сотрудничества

с русскими. Время военной необходимости кончилось, полагали в Вашингтоне. Теперь Советский Союз только мешал американским планам.

США не собирались делиться с СССР плодами победы на Дальнем Востоке, хотя он и внес в нее крупный вклад, разгромив квантунскую армию, и были намерены единолично вершить судьбу побежденной Японии. «Как бы сильно ни хотелось нам вступления России в войну против Японии, — признавал Трумэн, — опыт Потсдама придал мне решимость не допустить русских к участию в контроле над Японией»⁶³. Президент США отказался удовлетворить просьбу Советского правительства о включении северной половины острова Хоккайдо в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам. Это ясно говорило о недружественных намерениях США в отношении вопросов, затрагивающих интересы СССР.

2 сентября 1945 г. в Токийском заливе на борту американского линкора «Миссури» состоялось торжественное подписание акта о капитуляции Японии. Вместе с представителями других союзных держав свою подпись под этим историческим документом поставил и советский представитель генерал-лейтенант К. Н. Деревянко. В тот же день глава Советского правительства направил приветственную телеграмму президенту Трумэну, в которой говорилось: «В день подписания Японией акта капитуляции разрешите поздравить Вас, Правительство Соединенных Штатов Америки и американский народ с великой победой над Японией»⁶⁴. Это была дань глубокого уважения советского народа своему боевому союзнику — народу Соединенных Штатов, разделившему с ним тяжесть борьбы с агрессорами.

Вторая мировая война — самая кровопролитная в истории человечества, закончилась. Развязанная империализмом, она принесла народам неслыханные жертвы и страдания. Тем важнее было, учитывая ее суровые уроки, крепить послевоенный мир коллективными усилиями миролюбивых государств. Для этого имелись все необходимые возможности. Ключи к миру находились в руках государств-победителей. Но события суждено было пойти по другому пути. Началась «холодная война», на четверть века отравившая международные отношения.

Еще раз об упущеных возможностях

Завершая наше повествование, вновь приходится говорить об упущеных возможностях, об обманутых надеждах народов на прочный послевоенный мир, о том, что союзники в войне не

стали союзниками в упрочении мира. Вина за это прежде всего ложится на империалистические круги США, охваченные стремлением после второй мировой войны осуществить новый передел мира в свою пользу и утвердить свое превосходство над другими народами. Результатом явилась «холодная война» — период опасной напряженности в международных отношениях, сменивший сотрудничество великих держав — участниц антигитлеровской коалиции.

Буржуазные идеологи, за редким исключением, стараются снять ответственность за раскол антигитлеровской коалиции и наступление «холодной войны» с американского империализма и возложить ее на Советский Союз и его миролюбивую внешнюю политику.

В начале 80-х годов в связи с новым обострением обстановки в мире на Западе явно усилились попытки изобразить Советский Союз главным виновником международной напряженности как в прошлом, так и в настоящем. Известный американский политолог Р. Осгуд, например, утверждает, что после окончания второй мировой войны советские действия «разрушили радужные ожидания нового международного порядка, основанного на сотрудничестве Соединенных Штатов с СССР и Великобританией»⁶⁵.

Как же в действительности обстояло дело в то бурное время, когда человечество, пережив кровопролитную войну, стояло, преисполненное надежд на мирное будущее, в преддверии послевоенных десятилетий? С наступлением мира в мировой политике усилилась борьба двух противоположных курсов — миролюбивого, проводимого в жизнь Советским Союзом и пользовавшегося поддержкой всех прогрессивных, демократических сил, и агрессивного, империалистического, вдохновителем которого выступали Соединенные Штаты. Если американские правящие круги, изрядно нажившиеся на войне, перешли к реализации давно вынашиваемых замыслов установления «американского века» в мировом масштабе, то Советский Союз был всецело поглощен задачей восстановления народного хозяйства, разрушенного войной, и, естественно, был заинтересован в мирных международных условиях и надежных гарантиях своей безопасности.

С окончанием второй мировой войны в советской внешней политике начался новый этап в борьбе за мир и международную безопасность, за сотрудничество между народами, против угрозы новой мировой войны. Мир был жизненно необходим советскому народу, потерявшему в годы Великой Отечественной войны треть своего национального богатства, чтобы восстановить разрушенное хозяйство и двинуться вперед по пути коммунистического строительства. Миролюбие, свойст-

венное новому общественному строю, подкреплялось объективной хозяйственной необходимостью.

19 августа 1945 г. в советской печати было опубликовано сообщение о том, что ЦК ВКП(б) и Советское правительство поручили Госплану СССР составить пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 годы, а также пятилетний план восстановления и развития железнодорожного транспорта. В них предусматривалось полное восстановление народного хозяйства районов СССР, подвергшихся немецкой оккупации, проведение послевоенной перестройки народного хозяйства и дальнейшее развитие всех районов СССР. В результате выполнения этих планов предполагалось значительно превзойти довоенный уровень ³³ развития народного хозяйства. Это была величественная программа мирного созидания, которая ясно говорила о миролюбивых намерениях Советского государства и была проникнута верой в неисчерпаемые возможности социализма, в силы советского народа.

«Вписывалась» ли в эти планы «холодная война»? Разумеется, нет. Она могла затормозить ход мирного строительства, отвлечь необходимые ресурсы в непроизводительную сферу, связанную с укреплением обороноспособности страны и отпором возможной агрессии. На это, впрочем, и рассчитывали вдохновители «холодной войны», думая о том, как обескровить советскую экономику в процессе начинаящейся конфронтации. Дж. Кеннан в книге воспоминаний, появившейся в начале 70-х годов в условиях разрядки напряженности, вынужден был признать, что в силу особых внутренних причин советские руководители «не имели желания в конце второй мировой войны оказаться вовлечеными в еще одну крупную войну за рубежом в обозримом будущем»⁶⁶.

Советское правительство предприняло широкие усилия по разъяснению своих послевоенных планов в области как внутренней, так и внешней политики. Несмотря на большую занятость текущими делами, советские руководители находили время для приема западных государственных деятелей и откровенного обсуждения с ними перспектив развития международных отношений, ближайших намерений Советского Союза. Вот свидетельство на этот счет Дж. Кеннана: «В сентябре (1945 г. — А. Б.), во время одной из отлучек посла, мы приняли группу американских конгрессменов. Они хотели встретиться со Сталиным... Я знал, что на такую просьбу обычно трудно было получить согласие. В данном случае шансов было еще меньше, потому что как раз в это время я должен был обратиться с подобной просьбой для сенатора Клода Пеппера из Флориды — члена комиссии сената по

иностранным делам, чей визит совпал с визитом конгрессменов. К моему крайнему изумлению, на обе просьбы было отвечено согласием. Визиты должны были состояться, если мне не изменяет память, через день один за другим. Я сопровождал обе группы в Кремль и переводил им»⁶⁷.

Поскольку содержание этих бесед Кеннан предусмотрительно не раскрывает, обратимся к советским архивам. 14 сентября вечером глава Советского правительства принял в Кремле сенатора К. Пеппера — реалистически настроенного американского политического деятеля, сторонника президента Рузвельта. В ходе беседы, продолжавшейся более часа, сенатор поставил вопрос о целях Советского Союза в области внутренней и внешней политики с наступлением мира. На это последовал ясный ответ: Советский Союз хочет восстановить разрушенное войной хозяйство, укрепить индустриальную мощь страны и поднять уровень жизни народа. Что касается внешней политики, то было подчеркнуто, что «цель СССР заключается в сотрудничестве с другими странами в поддержании мира». Переходя к советско-американским отношениям, И. В. Сталин отметил: «В настоящее время наши общие враги побеждены нашими совместными усилиями. Ваша страна и моя должны найти новую общую почву для сотрудничества в мирное время». Не преуменьшая трудностей на этом пути, он выразил уверенность в том, что при наличии согласия и добной воли с обеих сторон такая основа вполне может быть найдена.

Итак, Советское правительство продолжало верить в успех мирной политики и считало, что послевоенное сотрудничество с Соединенными Штатами было вполне возможно и осуществимо. Оно исходило из того, что имелась реальная альтернатива развитию международных отношений по пути «холодной войны». Такую альтернативу являла собой политика мирного сосуществования государств с различным социальным строем — единственную разумную основу отношений между ними в эпоху перехода общества от капитализма к социализму.

Вместе с тем Советское правительство не идеализировало послевоенную международную обстановку и ясно видело, что мешало ее развитию в позитивном направлении. Оно призывало народы не ослаблять бдительности в отношении происков возможных новых нарушителей мира и твердо указывало на то, что «претензии на руководящую роль какого-либо одного государства в общих мировых делах несостоятельны в той же мере, как и претензии на мировое господство». Это было серьезное предупреждение тем кругам в США, которые рассчитывали утвердить американскую гегемонию на земном шаре за счет интересов других народов.

Особое беспокойство в Москве вызывали первые шаги

Соединенных Штатов по пути «атомной дипломатии», вносявшие опасную нестабильность в развитие международных отношений. Атомные бомбардировки японских городов, предпринятые с целью демонстрации мощи нового оружия, говорили сами за себя. Было ясно, что американские правящие круги намеревались использовать последние достижения научно-технического прогресса, монопольными обладателями которых они временно оказались, для запугивания других народов и подчинения их своей воле. Это были планы империалистических авантюристов, которые представляли собой новую, невиданную ранее угрозу для человеческой цивилизации.

Советское правительство считало своим долгом избавить заокеанских политиков от преувеличенных надежд на использование атомного оружия в международных отношениях в качестве «кошыря» на переговорах и предлагало договориться о его запрещении немедленно, пока еще ядерная гонка не стала мрачной реальностью. 6 ноября 1945 г. в Москве было заявлено: «В настоящее время не может быть таких технических секретов большого масштаба, которые могли бы остаться достоянием какой-либо одной страны или какой-либо одной узкой группы стран. Поэтому открытие атомной энергии не должно поощрять ни увлечений насчет использования этого открытия во внешнеполитической игре сил, ни беспечности насчет будущего миролюбивых народов»⁶⁸.

Однако в Вашингтоне предпочли не придавать значения этому предупреждению и думали лишь о том, как увековечить свою атомную монополию. Все призывы с советской стороны остановить гонку ядерных вооружений и объявить ядерное оружие вне закона были оставлены без внимания американскими руководителями или использовались в целях затягивания решения вопроса. Советскому Союзу пришлось позаботиться о своей безопасности и не допустить отставания от США в военной области, чреватого серьезными последствиями для всего мира. В брошюре «Откуда исходит угроза миру», изданной в 1982 году, в связи с этим указывается: «Выдвинутые в последующие годы советские предложения о запрещении использования ядерной энергии в военных целях были отвергнуты США. Перед лицом нависшей опасности СССР принял ответные меры, создав свою атомную бомбу»⁶⁹.

Эта угроза Советскому Союзу была вполне реальной. Как стало известно значительно позднее из рассекреченных американских архивных документов, отказ Вашингтона пойти навстречу советским предложениям был далеко не случаен. США планировали использовать ядерное оружие против СССР. До конца 1945 года были утверждены несколько планов, преду-

сматривающих возможность первого ядерного удара. Соответственно 18 сентября и 9 октября Объединенный комитет начальников штабов принял директивы № 1946/2 «Основа формулирования военной политики» и № 1518 «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США». В ноябре Объединенным разведывательным комитетом США был разработан план, который предусматривал отбор 20 важнейших объектов на территории СССР для стратегических атомных бомбардировок. 14 декабря Объединенный комитет военного планирования принял план, намечавший использование всех имевшихся в то время у США 186 атомных бомб для нанесения удара по промышленным центрам СССР⁷⁰. Как отмечала газета «Правда» от 25 ноября 1982 г., «использование ядерного оружия и использование его первыми предусматривалось американскими военными планами, доктринаами, на основе которых велось военное строительство, обучение и подготовка вооруженных сил США начиная с 1945 года».

И еще на одну сторону дела следует обратить внимание читателя: «холодная война», в отличие от войн «горячих», началась не внезапно, не с первого залпа. Ей предшествовал достаточно длительный переходный период от сотрудничества военных лет к послевоенной конфронтации, отмеченный рядом острых международных кризисов, напряженной дипломатической борьбой, спадами и подъемами в отношениях СССР с США и другими западными державами. Империалистические круги могли убедиться, что сотрудничество между народами в борьбе с фашизмом пустило глубокие корни и его не так-то легко было ликвидировать. Все это время Советский Союз проявлял исключительно высокое чувство ответственности за судьбы послевоенного мира и стремился сделать все возможное, чтобы избежать раскола с Соединенными Штатами. Советская дипломатия не поддавалась на провокации, гибко вела себя на переговорах, проявляя терпение и выдержку в отношениях с США, готовность идти на уступки в интересах сотрудничества.

Советскаядержанность резко контрастировала с ужесточившейся внешней политикой США, усилением ее бескомпромиссного и агрессивного характера. В Вашингтоне явно надеялись на то, что СССР не устоит перед американским нажимом и согласится с планами организации послевоенного мира на американских условиях. Остается только поражаться самоуверенности руководителей США, вознамерившихся навязать свою волю великому социалистическому государству, которое только что на их глазах и практически в одиночку выиграло войну почти против всей покоренной Гитлером Европы и было полно решимости дать отпор новым претендентам на мировое господство.

В новой Программе Коммунистической партии США, одобренной ее XXII съездом, в связи с этим указывается: «В отличие от Европы и Азии, США избежали разрушений двух мировых войн в этом веке. Американский капитализм вышел из второй мировой войны как самая мощная империалистическая держава мира в финансовом, экономическом и военном отношениях. Какое-то время он обладал монополией на атомную бомбу. Монополистические правители США стремились господствовать во всем мире и эксплуатировать его. Их цель состояла в установлении «американского века»... Но концепция «американского века» не опиралась на реальности положения в мире, на развитие соотношения мировых сил... После второй мировой войны Советский Союз беспрецедентными темпами восстановил свою разрушенную промышленность. Советская наука ликвидировала американскую монополию на атомную бомбу»⁷¹.

Планам установления «американского века», явившимся ярким примером неспособности империализма США соизмерять поставленные цели с имеющимися возможностями, не суждено было сбыться. Но действия, предпринятые в целях их осуществления, привели к серьезному обострению всей международной обстановки. «Холодная война» была навязана американским империализмом не только Советскому Союзу, но и народам других стран, в том числе и Соединенных Штатов. Это был «крестовый поход» американской реакции за мировое господство под флагом антикоммунизма.

Не выдерживают серьезной критики утверждения деятелей администрации Трумэна, а позднее буржуазных историков, что американские власти «черпали вдохновение» в настроениях общественности США, будто бы «разуверившейся» в идеи сотрудничества с русскими после войны. Эти утверждения являются полнейшим вымыслом и призваны придать курсу на разжигание «холодной войны» видимость национальной политики. На самом деле американский народ не видел никаких препятствий для продолжения сотрудничества с Советским Союзом. Спустя десятилетия влиятельный американский журнал «Форин афферс» признавал: «Сразу же после окончания второй мировой войны большинство американцев верило, что политика Запада будет целиком и полностью позитивной и конструктивной. Существовали надежды, что союз с СССР времен войны удастся продолжить в мирных условиях»⁷².

Американский народ хотел жить в мире с народами других стран. Его помыслы были далеки от империалистических планов развертывания глобальной экспансии. Американцам хватало дел у себя дома. Свидетельством этого явилось стихийное движение общественности в США после окончания войны с

Японией за скорейшую демобилизацию армии и возвращение «американских парней» домой. Дж. Перрет, автор фундаментальной монографии по послевоенной истории США, свидетельствует, что это движение приняло массовый характер, охватило не только гражданское население, но и самих военнослужащих и явилось серьезной проблемой для администрации Трумэна⁷³.

Достаточно сказать, что на американских базах за рубежом прокатилась волна демонстраций под лозунгом «хотим домой!», а в ряде мест дело дошло до солдатских мятежей и других случаев открытого неповиновения командованию. По словам журнала «Тайм», возвращавшиеся домой солдаты «и слышать больше не хотели о загранице». Миролюбивые настроения американского народа вызывали нескрываемое раздражение в официальных кругах. А. Гарриман, например, презрительно говорил, что американцы после войны не хотели ничего, кроме того, чтобы «ходить в кино и пить кока-колу». Трудящиеся Соединенных Штатов ясно давали понять, что им было не по пути с организаторами «американского века».

В существование объективной основы для развития послевоенного сотрудничества с Советским Союзом верили широкие круги американской общественности, включая либеральную буржуазию. Всеми силами они стремились предотвратить раскол между США и СССР. В конце лета 1945 года в посольство СССР в Вашингтоне пришло письмо за подписью исполнительного директора Американо-русской культурной ассоциации (АРКА) З. Фодик — одно из многих обращений такого рода, в котором говорилось: «Сейчас нашей величайшей задачей является укрепление дружбы между Америкой и Советским Союзом на основе расширения сотрудничества в области культуры. Мы прилагаем все усилия для достижения этой цели».

Повернуть общественное мнение в сторону «холодной войны» оказалось куда труднее, чем предполагала американская реакция. Потребовались целенаправленные усилия всего пропагандистского аппарата США и средств массовой информации по «обработке» общественного сознания в духе американского «превосходства», великодержавия и антикоммунизма. Приходилось выкорчевывать глубоко укоренившиеся в американском народе в годы войны симпатии к Советскому Союзу. Даже президент Трумэн признавал, что «в Америке в это время существовало дружественное чувство к России»⁷⁴.

Чтобы покончить с этими настроениями в США была развернута мощная антисоветская кампания, преследовавшая цель извратить миролюбивые цели советской внешней политики и представить вчерашнего союзника враждебной американскому народу силой. В ход были пущены клеветнические

утверждения о стремлении Советского Союза к «экспансии», «подавлении» им «демократии» в странах Восточной Европы, «угрозе коммунизма» и т. д. Усиленно муссировались слухи о «несговорчивости» и «упрямстве» русских, «непримиримости» интересов СССР и США и «невозможности» мирного сосуществования между ними. Утверждалось, что советские руководители будто бы исходят из «неизбежности» войн между социализмом и капитализмом. Советскому Союзу приписывались склонность к «самоизоляции» и нежелание сотрудничать с Западом, стремление обеспечить свою безопасность за счет других народов, недоверие к иностранцам и другие нелепости, призванные ввести в заблуждение американскую и мировую общественность и подготовить ее к «холодной войне».

Извращение послевоенных целей советской внешней политики занимает большое место и в современной американской историографии, о чем свидетельствует выход в свет в США наряду с упоминавшейся выше книгой В. Мастного работ В. Хана и У. Таубмана, специально посвященных этому вопросу⁷⁵. Империалистические круги как в прошлом, так и в настоящем пытаются поставить истину на ноги на голову, чтобы оправдать собственную агрессивную политику.

Переход США к «холодной войне» проходил весьма болезненно и сопровождался зигзагами и колебаниями в американской внешней политике, вспышками острой борьбы в самом правящем классе, в том числе и в кругах администрации. Первостепенной этой борьбы являлось различное отношение основных групп американской буржуазии к внешней экспансии, гонке вооружений и другим коренным вопросам развития капитализма США после второй мировой войны. Отголоски этой борьбы постоянно вырывались на поверхность американской политической жизни в виде получивших широкую огласку скандалов в администрации, ухода в отставку сторонников президента Рузвельта, выступлений должностных лиц, идущих вразрез с официальной линией Белого дома, и т. д.

Уже летом 1945 года началась скрытая чистка государственного аппарата с целью устранения сторонников президента Рузвельта, не сумевших «сработать» с новым президентом. Как свидетельствовала М. Трумэн, ее отец был «крайне низкого мнения о многих членах команды Рузвельта», на что указывал его меморандум о реорганизации правительства, хотя первое время он предпочитал избегать с ними открытых столкновений. Трумэн презрительно именовал сторонников Рузвельта «ультралибералами, витающими в облаках». Посетив заседание Национального комитета памяти Рузвельта, прошедшее в Восточном зале Белого дома, он раздраженно написал на своем календаре: «То же сборище примадонн, которые помогли

уложить в могилу своего босса, теперь забавляются с его призраком»⁷⁶.

И тем не менее еще долгое время обстановка в США отличалась внутренней напряженностью. Америка бурлила, значительная часть общественности сопротивлялась сползанию к «холодной войне». Дж. Кеннан вспоминал, как осенью 1945 года ему довелось встретиться в Берлине, в доме Р. Мерфи — политического советника Эйзенхауэра, с одним высокопоставленным американским генералом, имени которого он предпочел не называть. Генерал упрекал «людей госдепартамента» и лично Кеннана за их «антисоветскую позицию» и неспособность «поладить с русскими»⁷⁷.

Каждая новая акция американского правительства в духе «холодной войны» вызывала критику со стороны общественности и предпринималась с большой оглядкой на нее. Когда американская делегация отправилась на борту «Квин Элизабет» на лондонскую сессию СМИД в сентябре 1945 года, входивший в ее состав видный деятель либерального крыла демократической партии Э. Стивенсон говорил Болену, что действия американской дипломатии могут осложнить положение либералов. По свидетельству Болена, весьма неуверенно чувствовал себя в ходе сессии и сам государственный секретарь Дж. Бирнс. «Он сомневался, примет ли американское общественное мнение то, что он считал необходимым предпринять против Советского Союза». Его волновал вопрос, «были ли американцы столь просоветски настроены, чтобы обвинить его в упущении шансов упрочения всеобщего мира»⁷⁸, — отмечал Болен.

Итак, машина «холодной войны» была запущена на полную мощность. Чтобы привести ее в движение, затрачивались колоссальные средства. Монополии хорошо знали, что они оккупятся с лихвой. «Холодная война» была навязана американскому народу наиболее агрессивной частью монополистического капитала США. Корыстные интересы правящей верхушки выдавались за интересы нации в целом. Расплачиваться за авантюристическую политику предстояло простым американцам. Многие беды сегодняшней Америки уходят своими корнями в то послевоенное время, когда руководителями США был совершен роковой выбор.

Советское правительство не прекращало усилий, направленных на то, чтобы удержать Соединенные Штаты на орбите сотрудничества. В своем последнем послании президенту Трумэну 23 декабря 1945 г. И. В. Сталин писал, что «народы Советского Союза и Соединенных Штатов должны стремиться работать вместе в деле восстановления и поддержания мира и что следует исходить из того, что общие интересы наших обеих

стран выше отдельных расхождений между ними»⁷⁹. Трумэн оставил без ответа это послание и в дальнейшем прекратил переписку с главой Советского правительства.

А впереди были фултонская речь Черчилля, политика «сдерживания коммунизма», «доктрина Трумэна» и другие хорошо известные агрессивные акции империализма, возвестившие наступление «холодной войны». Так по вине правящих кругов США были упущены реальные возможности осуществления надежд народов на прочный послевоенный мир. Так распалась «великая коалиция» и началась многолетняя конфронтация государств с различным социальным строем. В заключение остается сказать лишь несколько слов об исходе этой конфронтации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История второй мировой войны — яркий пример жизненной необходимости сотрудничества государств с различным общественным строем в интересах обуздания агрессоров, сохранения человеческой цивилизации, обеспечения народам права на самостоятельное развитие и социальный прогресс. Опыт военных лет убедительно свидетельствует, что две великие державы — СССР и США, несмотря на разделяющие их классовые противоречия, могут успешно сосуществовать и сотрудничать между собой, находить общую почву для развития взаимовыгодных отношений.

Какие бы неблагоприятные тенденции временами ни одерживали верх в советско-американских отношениях, как бы порой сложно они ни складывались, боевой союз народов, наших стран в борьбе с фашизмом остается верным ориентиром в современных условиях. Эта мысль подчеркивается в выступлениях советских руководителей. На пресс-конференции, состоявшейся 2 апреля 1983 г., А. А. Громыко отмечал: «Нелишне напомнить, что было время, когда мы были союзниками по войне, значит, находили общую основу для сотрудничества, хотя и тогда это были государства с различным общественным строем, с различной идеологией. Но мы считаем, несмотря на эти различия в общественном строе, в идеологии, две наши державы, державы огромного военного потенциала, могут наладить отношения между собой. Уверены, что от этого народы обеих стран — Советского Союза и США только бы вздохнули свободнее».

В свете современности важны и поучительны не только уроки советско-американского сотрудничества в годы второй мировой войны, но и опыт провала войны «холодной». Об этом сегодня полезно напомнить тем, кто хотел бы переписать послевоенную историю заново. Главное заключается в том, что Соединенные Штаты Америки, хотя и сумели навязать чело-

вечеству «холодную войну», не смогли ее «выиграть» и вынуждены были косвенно это признать, вступив на путь разрядки напряженности.

Несмотря на послевоенные трудности, советский народ выстоял в навязанной ему «холодной войне», и это имело колossalные международные последствия, соизмеримые с итогами исторической победы над фашизмом. Страшась неотвратимого возмездия, империализм не рискнул развязать термоядерную войну и осуществить свои ставшие ныне известными планы нанесения первого ядерного удара. Благодаря мощи социализма, человечество было спасено от угрозы нового мирового пожара. Миролюбивые усилия Советского Союза нашли отклик на Западе и подготовили поворот от «холодной войны» к разрядке напряженности.

70-е годы вошли в историю международных отношений как десятилетие разрядки. Конструктивная основа была заложена в советско-американских отношениях. В ходе встреч на высшем уровне стороны признали, что сохранение мира и мирное сосуществование одинаково необходимы и выгодны как СССР, так и США, что в ядерный век мирному сосуществованию нет разумной альтернативы, что различные идеологии не должны препятствовать мирному сотрудничеству. На основе принципов равенства и одинаковой безопасности, уважения взаимных интересов, невмешательства во внутренние дела друг друга был заключен ряд важных договоров и соглашений, в том числе о предотвращении ядерной войны, о мерах в области ограничения стратегических вооружений (ОСВ) и по другим вопросам. Разрядка напряженности явилась историческим завоеванием мира социализма, всех прогрессивных сил и означала признание со стороны Запада реальностей, сложившихся в ходе послевоенного развития и закрепленных, в частности, в Заключительном акте общеевропейского совещания.

Чем же тогда объяснить, что процесс разрядки напряженности вначале стал давать сбои, а потом приостановился и даже оказался повернутым вспять? Причины следует искать прежде всего в политике Соединенных Штатов, в которой на рубеже 80-х годов произошел поворот в сторону новой конфронтации с Советским Союзом. Этот поворот, который на Западе пытаются выдать за начало новой «холодной войны», явился результатом усилившегося нежелания американского империализма смириться с ходом истории, очередной попытки с его стороны утвердить свою «руководящую» роль в мире.

Механизм поворота к конфронтации с Советским Союзом мало изменился в своей основе по сравнению с послевоенным периодом. Это все тот же старый набор средств оказания «давления» на социализм — от методов идеологического воздейст-

вия до экономического бойкота и угрозы использования термоядерного оружия, — доказавших свою полнейшую несостоятельность в прошлом.

События разворачиваются по хорошо знакомому сценарию. Вначале разрядка перестала удовлетворять правящие круги США, и был выдвинут тезис об ее «односторонних преимуществах» для Советского Союза. Затем из-за океана стали раздаваться требования, чтобы СССР «уплатил» за разрядку уступками в принципиальных вопросах своей внутренней и внешней политики, предпринимались попытки «увязать» разрядку с вопросами классовой борьбы в мире. Когда эти бесцеремонные домогательства, как и следовало ожидать, были отвергнуты, США принялись разрушать здание сотрудничества, созданное с таким трудом в советско-американских отношениях в 70-е годы, и вступили на путь открытой конфронтации с Советским Союзом. Этот поворот был начат в период пребывания у власти президента Картера, который какое-то время пытался балансировать между сотрудничеством периода разрядки и «соперничеством» периода «холодной войны», и закреплен с приходом в Белый дом администрации Рейгана.

На щит вновь была поднята идея неприятия Соединенными Штатами реальностей современного мира и необходимости «подправить» их в свою пользу. Американские руководители ставят цель «создать такую международную структуру, которая была бы благоприятной для американских ценностей и идеалов». При этом вновь официально высказывается мысль, что США «должны осуществлять международное руководство, оправдать ответственность, возложенную на их плечи историей». Чуть ли не слово в слово повторяются избитые сентенции времен Гарри Трумэна.

Весьма опасный симптом — усилившиеся попытки руководящих деятелей США поставить под сомнение исторические итоги второй мировой войны. В Вашингтоне стали считать послевоенные реальности, закрепленные, кстати говоря, в Заключительном акте общеевропейского совещания в Хельсинки, под которым стоит подпись и американского представителя, «прискорбным» фактом. Раздаются безответственные призывы «публично отречься от ялтинских соглашений». Реакционные идеологи, формирующие политическую философию администрации Рейгана, окончательно утеряв чувство реальности, угрожают Советскому Союзу ядерной войной, если только он не изменит свою политическую систему «на западный манер».

В этом контексте следует рассматривать и попытки вмешательства со стороны США в польские дела на стороне сил

контрреволюции, продолжающие длинный перечень таких попыток в прошлом. Речь шла не только о том, чтобы заставить народную Польшу свернуть с пути социализма, но и о более широких империалистических замыслах. Как отмечали польские руководители, Польше отводилась роль взрывателя под зданием мира, фундаментом которого являются неотделимые друг от друга соглашения, подписанные в Ялте и Потсдаме. По признанию президента Рейгана, Польше предназначалась стать «началом конца». Осуществлению этих планов помешали решительные действия польских властей, получившие полную поддержку со стороны братских социалистических стран.

Столь же тщеславное, сколь и тщетное, стремление правящих кругов США изменить в свою пользу существующее соотношение сил в мире подкрепляется невиданной в американской истории ставкой на вооруженную силу. Предпринимаются настойчивые попытки со стороны США сломать сложившееся военное равновесие с Советским Союзом путем развертывания новой спирали гонки вооружений и сконструировать «безопасную» для Соединенных Штатов войну. Нельзя расценить иначе, как авантюристические, заявления американских руководителей о том, что ядерная война «допустима», что есть вещи «попажнее мира» и «похуже войны». За ними стоит полное пренебрежение империалистических кругов к судьбам народов, готовность ставить на карту жизненные интересы человечества во имя своих узокорыстных целей.

История, конечно, не стоит на месте и не кончается сегодняшним днем. Ее поступательное движение определяют не амбиции тех или иных государственных деятелей или правящих партий, а объективные факторы, реальная расстановка сил в мире. Советско-американские отношения вполне могли вступить в следующее пятидесятилетие с другим багажом, как показали годы разрядки напряженности. То, что этого, к сожалению, не случилось, — не вина Советского Союза. Настоящее подводит черту прошлому, но вместе с тем открывает двери в будущее. В истории взаимоотношений СССР с США имело место и плохое и хорошее. И то и другое оставило свой неизгладимый след и свои памятные уроки. И то и другое важно учитывать, заглядывая вперед.

Примечателен факт, что известные политические деятели США не склонны недооценивать уроков прошлого. Их мнение звучит сегодня особенно весомо и авторитетно, потому что многие из них являлись непосредственными архитекторами политики «холодной войны» в ее классическом варианте в послевоенные годы. Среди противников сотрудничества с Советским Союзом на заключительном этапе второй мировой

войны читатель встречал имена А. Гарримана и Дж. Кеннана. Каждый из них внес свою лепту в ухудшение советско-американских отношений в те годы. Каждый из них занимал высокий пост в администрации Трумэна, пользуясь репутацией крупного специалиста по советским делам. И разве не показательно, что на склоне жизни, имея за плечами богатый политический опыт, эти деятели вместе со многими другими реалистически мыслящими представителями американского правящего класса активно выступают за продолжение процесса разрядки напряженности, за переговоры с Советским Союзом в области ограничения гонки вооружений, подвергают критике действия нынешней администрации США.

Отметивший свое девяностолетие в конце 1981 года Аврелл Гарриман заявил: «Я много раз бывал в Советском Союзе, хорошо знаю настроения советских людей. Я убежден, что советский народ искренне стремится к миру. К этому же направлены помыслы и чаяния американского народа. Русские и американцы должны дружить, крепить сотрудничество во имя мира»!

Те, кто однажды уже пытался решить исторический спор с социализмом на пути конфронтации, вынуждены были признать бесплодность и опасность этой политики. К их авторитетному мнению полезно прислушаться тем деятелям у руля правления США, которые вновь, как это было во времена Трумэна, стараются компенсировать недостаток политического опыта избытком политической воинственности. Как-никак учиться на чужих ошибках куда полезнее и благоразумнее, чем на своих собственных.

За продолжение активного диалога с Советским Союзом, за поиск взаимоприемлемых договоренностей с ним, прежде всего в области ограничения гонки вооружений, выступают широкие круги американской общественности, встревоженные политикой администрации Рейгана. Разрядка не прошла бесследно в жизни американского народа, несмотря на все усилия буржуазной пропаганды изобразить ее «невыгодной» для США. Со временем агрессии США во Вьетнаме Америка не видела такого массового антивоенного движения. Терпят неудачу попытки официальных властей сплотить американцев под лозунгом «коммунистической угрозы», как это было принято делать в годы «холодной войны».

Все это нарастающие симптомы неизбежной «переоценки ценностей». Реальностями в политике долго пренебрегать никому не дано. Посетивший Москву американский сенатор Р. Доул заявил: «США и Советский Союз были союзниками во время войны. Почему же мы не можем быть союзниками во имя мира?»². Действительно: почему?

То, что правящим кругам США не удалось осуществить в послевоенный период, имеет еще меньше шансов на успех в 80-е годы при сложившемся соотношении сил между социализмом и капитализмом, достигнутом устойчивом военном равновесии между СССР и США, которое не дано поколебать в свою пользу империализму, несмотря на все предпринимаемые им усилия.

Но, с другой стороны, попытки навязать народам новую «холодную войну» более опасны, чем в прошлом, так как предпринимаются на более высоком уровне военного противостояния между социализмом и капитализмом и чреваты неправимыми последствиями для будущего человечества, в том числе и для американского народа.

Возросшую военную опасность в полной мере учитывает Советский Союз. XXVI съезд КПСС глубоко проанализировал обстановку в мире и наметил конкретные пути ее оздоровления. Советские мирные инициативы, развивающие славные традиции ленинской дипломатии, дают ключ к решению самых сложных международных проблем, в том числе и в отношениях с Соединенными Штатами. Испытанное в прошлом правило не давать разногласиям накапливаться и своевременно разрешать их за столом переговоров остается столь же действенным и сегодня.

Советский Союз решительно выступает за возобновление процесса разрядки напряженности в советско-американских отношениях, за восстановление в них духа сотрудничества и доверия. Советские люди твердо верят, что разрядка — это не пройденный этап в истории человечества, не случайный эпизод, что ей принадлежит будущее. Вместе с тем крупную ошибку совершают те западные деятели, которые принимают советское миролюбие за проявление слабости. Великая Отечественная война дала предметный урок любителям империалистических авантюризма, и его не следует забывать. Все попытки говорить с Советским Союзом «с позиции силы» и угроз заранее обречены на провал. Советский Союз сумеет и на этот раз постоять за себя, за своих союзников и друзей.

Отношения между СССР и США могут строиться только на основе полного равенства и одинаковой безопасности. Советские руководители неоднократно подчеркивали, что наша страна не ищет противоборства с США, не покушается на законные интересы Америки. Она хочет мира, сотрудничества, основанных на взаимном доверии отношений между двумя странами. «Советский Союз будет делать все от него зависящее, чтобы обеспечить нынешнему и грядущему поколениям спокойное мирное будущее. Это цель нашей политики, и от нее мы не

отступим»³, — подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов в докладе «Шестьдесят лет СССР».

Советский и американский народы вместе с народами других стран в прошлом сумели общими силами отразить вызов, брошенный фашизмом. Сегодня жизнь выдвигает новые высокие требования. Угроза термоядерной войны — смертельный вызов всему человечеству. Отразить этот вызов, а тем самым сберечь мир — долг всех народов. Сделать это им не должны помешать классовые противоречия между государствами, различия между ними в общественном строе, образе жизни и идеологии. Возможности на этот раз не должны быть упущены.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все цитаты из первоисточников приводятся в переводе с английского языка. В тексте примечаний некоторые слова и выражения оставлены на английском языке, если они не имеют точного русского эквивалента. В тексте примечаний некоторые слова и выражения оставлены на английском языке, если они не имеют точного русского эквивалента.

Введение

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 146.

² Материалы XXVI съезда КПСС, М., 1981, с. 23.

Глава I

- ¹ Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. Ed. by F. Loewenheim, H. Langley, M. Jonas. N. Y., 1975, p. 647.
- ² Документы внешней политики СССР, т. XX. М., 1976, с. 19–23.
- ³ Документы внешней политики СССР, т. XVI. М., 1970, с. 658–659.
- ⁴ Документы внешней политики СССР, т. XVII. М., 1971, с. 179.
- ⁵ Там же, с. 633.
- ⁶ For the President. Personal and Secret: Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt. Ed. by O. Bullit. L., 1973, p. 72–73.
- ⁷ Документы внешней политики СССР, т. XVII, с. 633.
- ⁸ Документы внешней политики СССР, т. XVIII. М., 1973, с. 67.
- ⁹ Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs, vol. II. Cambr. Mass., 1969, p. 437–438.
- ¹⁰ Adams H. Harry Hopkins. N. Y., 1977, p. 86.
- ¹¹ Документы внешней политики СССР, т. XX, с. 732.
- ¹² Там же, с. 338.
- ¹³ Там же, с. 617.
- ¹⁴ Там же, с. 660–661.
- ¹⁵ Там же, с. 632–633.
- ¹⁶ Там же, с. 284.
- ¹⁷ Gaddis J. Russia, the Soviet Union and the United States. An Interpretive History. N. Y., 1978, p. 119.
- ¹⁸ См. Brown A., Macdonald C. On a Field of Red. The Communist International and the Coming of World War II. N. Y., 1981, p. 7.
- ¹⁹ U. S. Congress, House of Representatives. Committee of Foreign Affairs. Soviet Diplomacy and Negotiating Behavior. Emerging New Context for U. S. Diplomacy (далее: Soviet Diplomacy and Negotiating Behavior...) vol. I. Wash., 1979, p. 65.
- ²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 68.
- ²¹ Eggleston G. Roosevelt, Churchill and the World War II Opposition. A Revisionist Autobiography. Old Greenwich, 1979, p. 27.

- ²² Wandycz P. The United States and Poland. L., 1980, p. 176.
- ²³ Bower T. Blind Eye to Murder. Britain, America and Purging of Nazi Germany – A Pledge Betrayed. L., 1981, p. 27.
- ²⁴ Документы внешней политики СССР, т. XXI. М., 1977, с. 709.
- ²⁵ См. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939, т. I. М., 1981, с. 101.
- ²⁶ См. For the President. Personal and Secret: Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt. Ed. by O. Bullit, p. 263.
- ²⁷ Документы внешней политики СССР, т. XXI, с. 530–531.
- ²⁸ Новая и новейшая история. 1982, № 4, с. 116.
- ²⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939, с. 276.
- ³⁰ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939, vol. 1 (далее: FRUS...). Wash., 1956, p. 673.
- ³¹ Navigating the Rapids. 1918–1971. From the Papers of Adolf A. Berle. Ed. by B. Berle, T. Jacobs. N. Y., 1973, p. 199.
- ³² XVIII съезд Всероссийской Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1939, с. 14.
- ³³ FRUS. 1939, vol. I, p. 234–236.
- ³⁴ См. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971, с. 478–479.
- ³⁵ Bailey T., Ryan P. Hitler vs. Roosevelt. The Undeclared Naval War. N. Y. – L., 1979, p. 26–27.
- ³⁶ Чуйков В. И. Миссия в Китай. Записки военного советника. М., 1981, с. 48.
- ³⁷ The War Diary of Breckinridge Long. Selections of Years 1939–1944. Ed. by F. Israel Lincoln, 1966, p. 27.
- ³⁸ См. Gates E. End of the Affair. The Collapse of the Anglo-French Alliance. 1939–1940. Los Angeles, 1981, p. 3–4.
- ³⁹ Kennan G. Memoirs. 1925–1950. Boston, 1967, p. 115–116.
- ⁴⁰ The Ciano Diaries, 1939–1943. N. Y., 1946, p. 212.
- ⁴¹ Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. L., 1960, p. 823.
- ⁴² Цит по: Севостьянов И. П. Перед великим испытанием. Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 г.–июнь 1941 г. М., 1981, с. 172.
- ⁴³ Nelson D. The Arsenal of Democracy. The Story of American War Production. N. Y., 1946, p. 72.
- ⁴⁴ Beschloss M. Kennedy and Roosevelt. The Uneasy Alliance. N. Y., 1980, p. 223.
- ⁴⁵ Berlin I. Personal Impressions. N. Y., 1981, p. 30.
- ⁴⁶ Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. N. Y., 1975, p. 125.
- ⁴⁷ Kimball W. The Most Unsordid Act. Lend-Lease. 1939–1941. Baltimore, 1969, p. 243–246.
- ⁴⁸ История внешней политики СССР. 1917–1980, т. I. 1917–1945. М., 1980, с. 419.
- ⁴⁹ См. Maddux T. Years of Estrangement. American Relations with the Soviet Union. 1933–1941. Tallahassee, 1980, p. 127–128.
- ⁵⁰ Цит. по: Международная жизнь, 1980, № 6, с. 113.

- ⁵¹ Седьмая сессия Верховного Совета СССР. 1 августа — 7 августа 1940 г. Стенографический отчет. М., 1940, с. 30.
- ⁵² Международная жизнь, 1980, № 6, с. 114.
- ⁵³ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 26, п. 37, д. 10, л. 5.
- ⁵⁴ См. Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, vol. II. N. Y., 1948, p. 966-968; Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich, p. 1008.
- ⁵⁵ Maddux T. Op. cit., p. 138.
- ⁵⁶ См. Dawson R. The Decision to Aid Russia. 1941. Foreign Policy and Domestic Politics. Chapel Hill, 1959, p. 26-41.
- ⁵⁷ FRUS. 1941, vol. IV. Wash., 1956, p. 920.
- ⁵⁸ Чуйков В. И. Указ. соч., с. 123.
- ⁵⁹ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 26, п. 37, д. 10, л. 58.
- ⁶⁰ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 26, п. 37, д. 12, д. 63; д. 10, л. 105.
- ⁶¹ Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. 1932-1945. N. Y., 1979, p. 268.
- ⁶² См. FRUS. 1941, vol. I. Wash., 1958, p. 758, 766-767.
- ⁶³ Taubman W. Stalin's American Policy. From Entente to Detente to Cold War. N. Y., 1982, p. 31.
- ⁶⁴ Churchill W. The Second World War, vol. III. The Grand Alliance. N. Y., 1962, p. 312-313.

Глава II

- ¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1. М., 1946, с. 34.
- ² Советский Союз глазами американцев. 1917-1977. Документы и материалы. М., 1979, с. 203.
- ³ Цит. по: Коммунист, 1979, № 2, с. 88.
- ⁴ Donovan R. Conflict and Crisis. The Presidency of Harry S. Truman. 1945-1948. N. Y., 1977, p. 36.
- ⁵ Международная жизнь, 1981, № 8, с. 98.
- ⁶ FRUS. 1941, vol. I, p. 767-768.
- ⁷ Complete Press Conferences of Franklin Delano Roosevelt, vol. XVII. N. Y., 1972, p. 409-410.
- ⁸ Международная жизнь, 1981, № 8, с. 99.
- ⁹ Baily T., Ryan P. Op. cit., p. 152.
- ¹⁰ FRUS. 1941, vol. I, p. 886.
- ¹¹ Международная жизнь, 1981, № 8, с. 99-100; FRUS. 1941, vol. I, p. 788-789.
- ¹² См. Голиков Ф. И. Советская военная миссия в Англии и США в 1941 г. — Новая и новейшая история, 1969, № 3, с. 104-108.
- ¹³ Международная жизнь, 1981, № 8, с. 100.
- ¹⁴ Там же, с. 100.
- ¹⁵ Голиков Ф. И. Советская военная миссия в Англии и США в 1941 г. — Новая и новейшая история, 1969, № 4, с. 104-105.
- ¹⁶ Майский И. М. Воспоминания советского посла. Война 1939-1943. М., 1965, с. 160-162.

- ¹⁷ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. I. М., 1958, с. 518.
- ¹⁸ FRUS. 1941, vol. I, p. 814.
- ¹⁹ Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941-1946. N. Y., 1975, p. 75.
- ²⁰ Wilson T. The First Summit: Roosevelt and Churchill at Placentia Bay. 1941. Boston, 1969, p. 83.
- ²¹ Soviet Diplomacy and Negotiating Behavior. Emerging New Context for U. S. Diplomacy, p. 99.
- ²² Голиков Ф. И. Советская военная миссия в Англии и США в 1941 г. — Новая и новейшая история, 1969, № 4, с. 108.
- ²³ Цит. по: From the Morgenthau Diaries: Years of Urgency. 1938-1941. Ed. by J. Blum. Boston, 1965, p. 263-265.
- ²⁴ См. Архив внешней политики СССР, оп. 26, п. 37, д. 19, л. 153-155.
- ²⁵ Soviet Diplomacy and Negotiating Behavior, p. 102.
- ²⁶ Reynolds D. The Creation of an Anglo-American Alliance. 1937-1941. A Study in Competitive Cooperation. L., 1981, p. 207.
- ²⁷ FRUS. 1941, vol. I, p. 826.
- ²⁸ См. Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941-1946. N. Y., 1975, p. 78-79, 83.
- ²⁹ Harriman A., Abel E. Op. cit., p. 89; Taylor A. J. P. Beaverbrook. N. Y., 1972, p. 482.
- ³⁰ Международная жизнь, 1981, № 8, с. 104.
- ³¹ См. Dawson R. The Decision to Aid Russia. 1941, p. 274-282.
- ³² Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Изд. 2-е (далее: Переписка...). М., 1976, с. 8-10.
- ³³ Martel L. Lend-Lease, Loans and the Coming of the Cold War: A Study of the Implementation of Foreign Policy. Boulder - Colorado, 1979, p. 36.
- ³⁴ См. Архив внешней политики СССР, ф. 192, оп. 8, п. 56, д. 1, л. 37-39.
- ³⁵ Brown A., Macdonald Ch. Op. cit., p. 608.
- ³⁶ Thorne Ch. Allies of a Kind. The United States, Great Britain and the War against Japan. 1941-1945. L., 1978, p. 3.
- ³⁷ Цит. по: Dallek R. Op. cit., p. 311.
- ³⁸ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Ed. by Samuel I. Rosenman (далее: PPA). 1941. N. Y., 1946, p. 514-515.
- ³⁹ Baily T., Ryan P. Op. cit., p. 10.
- ⁴⁰ Wilson D. When Tigers Fight. The Story of Sino-Japanese War. 1939-1945. L., 1982, p. 185.
- ⁴¹ См. Lash J. Roosevelt and Churchill. 1939-1941. N. Y., 1976, p. 464; Churchill W. The Second World War, vol. III. The Grand Alliance. N. Y., 1962, p. 371-373.
- ⁴² Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, vol. II. N. Y., 1948, p. 1062.
- ⁴³ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов (далее: Тегеранская конференция...). М., 1978, с. 116.
- ⁴⁴ Бережков В. М. Рождение коалиции. М., 1975, с. 81-82.
- ⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 330.

- ⁴⁶ Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, vol. II, p. 1111–1113.
- ⁴⁷ Harriman A., Abel E. Op. cit., p. 115.
- ⁴⁸ См. Переписка., т. II, с. 12–13.
- ⁴⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. I, с. 164.
- ⁵⁰ Цит. по: Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, vol. II, p. 1120.
- ⁵¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. I, с. 194.
- ⁵² Майский И. М. Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. М., 1965, с. 208–209.
- ⁵³ См. Переписка., т. II, с. 5, 307.
- ⁵⁴ См. Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, vol. II, p. 978.
- ⁵⁵ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 26, п. 36, д. 1, л. 133–134.
- ⁵⁶ История второй мировой войны. 1939–1945, т. 4. М., 1975, с. 301.
- ⁵⁷ Переписка., т. II, с. 12.
- ⁵⁸ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 27 а, п. 39, д. 1, л. 12.
- ⁵⁹ Архив внешней политики СССР, ф. 192, оп. 9, п. 64, д. 22.
- ⁶⁰ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 27 а, п. 39, д. 1, л. 60.
- ⁶¹ Архив внешней политики СССР, ф. 192, оп. 9, п. 65, д. 41, л. 19–20.
- ⁶² Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 25, п. 35, д. 13, л. 22.
- ⁶³ Архив внешней политики СССР, ф. 192, оп. 9, п. 66, д. 44, л. 43–45.
- ⁶⁴ См. Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947, с. 68–69.
- ⁶⁵ Balfour M. The Adversaries – America, Russia and the Open World. 1941–1962, L., 1981, p. 16.
- ⁶⁶ Churchill W. The Second World War, vol. IV. The Hinge of Fate. N. Y., 1962, p. 181; Hess G. America Encounters India. 1941–1947. Baltimore, 1971, p. 33–34.
- ⁶⁷ См. Herring G. Aid to Russia 1941–1946. Strategy, Diplomacy and the Origins of the Cold War. N. Y., 1973, p. 56.
- ⁶⁸ Harriman A., Abel E. Op. cit., p. 121.
- ⁶⁹ Переписка., т. II, с. 14–15.
- ⁷⁰ Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence, p. 210.
- ⁷¹ См. Negotiating with the Russians. Ed. by R. Dennet, J. Johnson. Boston, 1951, p. 42–44.
- ⁷² Цит. по: Земсков И. Н. Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982, с. 30.
- ⁷³ Международная жизнь, 1970, № 5, с. 35.
- ⁷⁴ Шервуд Р. Рузвельт и Голкинс. Глазами очевидца, т. II, с. 82–83.
- ⁷⁵ Adams H. op. cit., p. 277.
- ⁷⁶ FRUS. The Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. Wash., 1968, p. 69–74, 78, 130.
- ⁷⁷ См. The Diaries of Sir Alexander Cadogan. 1938–1945. Ed. by D. Dilks, N. Y., 1972, p. 437.
- ⁷⁸ Roosevelt and Churchill: Their Secret Wartime Correspondence, p. 186.
- ⁷⁹ Цит. по: История второй мировой войны. 1939–1945, т. 5. М., 1975, с. 68.
- ⁸⁰ Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. 1932–1945, p. 339.
- ⁸¹ См. Майский И. М., Указ соч., с. 242–243.

- ⁸² Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence, p. 196.
- ⁸³ См. Международная жизнь, 1970, № 5, с. 37.
- ⁸⁴ Переписка., т. II, с. 17–18.
- ⁸⁵ См. Международная жизнь, 1970, № 5, с. 38.
- ⁸⁶ Переписка., т. II, с. 18–19.
- ⁸⁷ Международная жизнь, 1970, № 5, с. 38.
- ⁸⁸ Международная жизнь, 1970, № 11, с. 109.
- ⁸⁹ Там же, с. 110–112.
- ⁹⁰ Там же, с. 112–113.
- ⁹¹ FRUS. 1942, vol. III. Wash., 1961, p. 598.

Глава III

- ¹ Jukes G. Kursk: The Clash of Armour. N. Y., 1969, p. 10.
- ² Международная жизнь, 1974, № 4, с. 114.
- ³ Переписка., т. I, с. 69.
- ⁴ См. Международная жизнь, 1974, № 4, с. 114–116.
- ⁵ Harriman A., Abel E. Op. cit., p. 154–155.
- ⁶ См. Переписка., т. I, с. 73–74.
- ⁷ См. Международная жизнь, 1974, № 4, с. 116–117.
- ⁸ См. Там же, с. 118.
- ⁹ Переписка., т. II, с. 29.
- ¹⁰ Международная жизнь, 1974, № 6, с. 119.
- ¹¹ Harriman A., Abel E. Op. cit., p. 175.
- ¹² Переписка., т. II, с. 39.
- ¹³ Переписка., т. I, с. 81.
- ¹⁴ Международная жизнь, 1974, № 6, с. 121.
- ¹⁵ Переписка., т. II, с. 41.
- ¹⁶ Большевик, 1943, № 1, с. 47.
- ¹⁷ См. Divine R. Second Chance. The Triumph of Internationalism in America during World War II. N. Y., 1967, p. 69; The Price of Vision. The Diary of Henry A. Wallace. 1942–1946. Ed. by J. Blum. Boston, 1973, p. 104, 128–129.
- ¹⁸ Цит. по: Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. 1932–1945, p. 359.
- ¹⁹ Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947, с. 137–138.
- ²⁰ Rothwell V. Britain and the Cold War. 1941–1947. L., 1982, p. 10.
- ²¹ См. Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, vol. II, p. 1633–1634.
- ²² См. FDR: His Personal letters. 1928–1945, vol. II. Ed. by E. Roosevelt. N. Y., 1950, p. 1366–1367.
- ²³ PPA. 1943, N. Y., 1948, p. 30–34.
- ²⁴ Eisenhower D. Crusade in Europe. N. Y., 1948, p. 136.
- ²⁵ Шервуд Р. Рузвельт и Голкинс, т. II, с. 385.
- ²⁶ Об американских планах опеки или попечительства см. подробнее Lewis W. Imperialism at Bay: The U. S. and Decolonization of the British Empire. 1941–1945. N. Y., 1978, p. 449–450.
- ²⁷ Eden A. The Memoirs of Anthony Eden. Earl of Avon. The Reckoning. Boston, 1965, p. 435–439.

- ²⁸ Cab. 65. W. M. (43) 53-d Conclusion. Minute 2, 1949, Apr. 13.
- ²⁹ Mooney P., Bown C. Truman to Carter. A Post War History of the United States of America. L., 1979, p. 42.
- ³⁰ Carlton D. Anthony Eden. A. Biography. L., 1981, p. 211.
- ³¹ Bohlen Ch. Witness to History. 1929–1969. N. Y., 1973, p. 121.
- ³² См. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс, т. II, с. 282.
- ³³ Там же, с. 202.
- ³⁴ Harriman A., Abel E. Op. cit., p. 170.
- ³⁵ Balfour M. The Adversaries. America, Russia and the Open World. 1941–62. L., 1981, p. 9.
- ³⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс, т. II, с. 165.
- ³⁷ Переписка., т. II, с. 44–48.
- ³⁸ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс, т. II, с. 172; Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, vol. II, p. 1588.
- ³⁹ См. Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 28, п. 39, д. 3, л. 3.
- ⁴⁰ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 29, п. 43, д. 9, л. 32–33.
- ⁴¹ См. Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 27, п. 38, д. 1, л. 179.
- ⁴² См. Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 28, п. 39, д. 1, д. 116; п. 40, д. 5, л. 59.
- ⁴³ Bower T. Blind Eye to Murder. Britain, America and Purging of Nazi Germany. A Pledge Betrayed. L., 1981, p. 308–309.
- ⁴⁴ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 28, п. 39, д. 3, л. 33–35.
- ⁴⁵ См. Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 29, п. 42, д. 2, л. 98–101.
- ⁴⁶ См. Nikkevich F. The Diplomacy of Ideas. U. S. Foreign Policy and Cultural Relations. 1938–1950. Cambridge, 1981, p. 107.
- ⁴⁷ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 27а, п. 39, д. 2, л. 72–73.
- ⁴⁸ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 27, п. 38, д. 6, л. 224.
- ⁴⁹ См. Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 27, п. 38, д. 6, л. 272.
- ⁵⁰ Standley W., Ageton A. Admiral Ambassador to Russia. Chicago, 1955, p. 343.
- ⁵¹ Harriman A., Abel E. Op. cit., p. 198.
- ⁵² Herring G. Op. cit., p. 89.
- ⁵³ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 28, п. 41, д. 9, л. 95.
- ⁵⁴ См. Архив внешней политики СССР, ф. 192, оп. 10, п. 68, д. 10, л. 18, 20.
- ⁵⁵ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 10, п. 68, д. 10, л. 13.
- ⁵⁶ См. Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 28 а, п. 41, д. 4, л. 16–21; Russian War Relief Inc. Summary Report. Jan. 1, 1943 to June 30, 1943, p. 2.
- ⁵⁷ Dallek R., Franklin D. Roosevelt, p. 373.
- ⁵⁸ Переписка., т. II, с. 51.
- ⁵⁹ См. Переписка., т. II, с. 49–58.
- ⁶⁰ См. Переписка., т. II, с. 62–66.
- ⁶¹ Alvarez D. Bureaucracy and Cold War Diplomacy. The United States and Turkey. 1943–1946. Thessaloniki, 1980, p. 43.
- ⁶² FRUS. The Conferences at Washington and Quebec. 1943. Wash., 1970, p. 30–32, 367–368.
- ⁶³ Переписка., т. II, с. 69–70.
- ⁶⁴ Standley W., Ageton A. Op. cit., p. 472.
- ⁶⁵ Переписка., т. II, с. 77–79.
- ⁶⁶ Beitzel R. The Uneasy Alliance. America, Britain and Russia. 1941–1943. N. Y., 1972, p. 62, 369.
- ⁶⁷ Подробнее о «заинтересованности» А. Гарримана в европейских делах см. Wandycz P. The United States and Poland, Cambr (L.). 1980, p. 202–206.
- ⁶⁸ Ambrose S. Rise to Globalism. American Foreign Policy. 1938–1980, N. Y., 1980, p. 58.
- ⁶⁹ Переписка., т. II, с. 85.
- ⁷⁰ Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, vol. II, p. 1247.
- ⁷¹ См. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс, т. II, с. 431.
- ⁷² См. Переписка., т. II, с. 83–87.
- ⁷³ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 28, п. 41, д. 11, л. 115–117.
- ⁷⁴ Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, vol. II, p. 1264.
- ⁷⁵ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сборник документов (далее: Московская конференция...). М., 1978, с. 360.
- ⁷⁶ Московская конференция..., с. 148–153.
- ⁷⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1, с. 412.
- ⁷⁸ Congressional Record. 79th Cong., 2nd Sess., 1943, Nov. 18, p. 96–97.
- ⁷⁹ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Книга первая. М., 1981, с. 255.
- ⁸⁰ Lord Moran. Churchill. Taken from the Diaries of Lord Moran. Boston, 1966, p. 140–141.
- ⁸¹ Тегеранская конференция..., с. 133.
- ⁸² Bohlen Ch. Op. cit., p. 148.
- ⁸³ См. Тегеранская конференция..., с. 173.
- ⁸⁴ Тегеранская конференция..., с. 90.
- ⁸⁵ Harriman A., Abel E. Op. cit., p. 277–278; Bohlen Ch. Op. cit., p. 150.

Глава IV

- ¹ Succession or Repudiation? Realities of the Truman Presidency. Ed. by J. Stuart. N. Y., 1975, p. 3.
- ² Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Книга вторая, с. 30; Книга первая, с. 259–260.
- ³ Eisenhower D. Op. cit., p. 228.
- ⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. т. II. М., 1946, с. 37.
- ⁵ Deane J. The Strange Alliance. The Story of Our Efforts at Wartime Cooperation With Russia. N. Y., 1947, p. 108.
- ⁶ Тегеранская конференция..., с. 95.
- ⁷ Deane J. Op. cit., p. 25.
- ⁸ См. Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Книга первая, с. 400–402.
- ⁹ FRUS. The Conferences at Malta and Yalta. Wash., 1955, p. 362, 371.

- ¹⁰ Rose L. After Yalta. America and the Origins of the Cold War. N. Y., 1973, p. 25.
- ¹¹ Harriman A., Abel E. Op. cit., p. 294–295.
- ¹² Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 29, п. 42, д. 3, л. 145.
- ¹³ The Price of Vision. The Diary of Henry A. Wallace. 1942–1946. Ed. by J. Blum. Boston, 1973, p. 344.
- ¹⁴ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 29, п. 42, д. 2, л. 65–66.
- ¹⁵ Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. L., 1962, p. XXXIV.
- ¹⁶ См. PPA, 1943, p. 553–558.
- ¹⁷ Leahy W. I was There. L., 1950, p. 243.
- ¹⁸ См. FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, p. 107–108.
- ¹⁹ Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, p. 1467.
- ²⁰ FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, p. 103.
- ²¹ Dulles R. Op. cit., p. 436–437.
- ²² FRUS. 1944, vol. IV. Wash., 1966, p. 816–817.
- ²³ Balfour M. Op. cit., p. 5.
- ²⁴ FRUS. 1945, vol. IV. Wash., 1968, p. 143.
- ²⁵ Larson D. United States Foreign Policy Towards Yugoslavia. 1943–1963. Wash., 1979, p. 6.
- ²⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. II, с. 155.
- ²⁷ См. Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, vol. II, p. 1266–1267.
- ²⁸ Ibid., ф. I271–1272.
- ²⁹ Wandycz P. Op. cit., p. 266.
- ³⁰ См. Переписка., т. II, с. 124–127.
- ³¹ См. Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1972, с. 282.
- ³² Harriman A., Abel E. Op. cit., p. 337.
- ³³ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 30, п. 47, д. 17, л. 162–164.
- ³⁴ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 30, п. 47, д. 17, л. 219–220.
- ³⁵ Международная жизнь, 1968, № 6, с. 153.
- ³⁶ Sharp T. The Wartime Alliance and the Zonal Division of Germany. Oxford, 1975, p. 52–53.
- ³⁷ Kennan G. Memoirs. 1925–1950, p. 68.
- ³⁸ Foreign Affairs, 1950, July, p. 54.
- ³⁹ Sharp T. Op. cit., p. 54.
- ⁴⁰ См. Переписка., т. II, с. 148–151.
- ⁴¹ Mosley L. Dulles: A Biography of Eleanor, Allen and John Foster Dulles and Their Family Network. N. Y., 1978, p. 167–168.
- ⁴² Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа – 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. М., 1978, с. 102.
- ⁴³ См. История КПСС, т. 5, кн. 1. М., 1970, с. 559.
- ⁴⁴ Переписка., т. II, с. 168–169.
- ⁴⁵ Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, vol. II, p. 1681.
- ⁴⁶ FRUS. 1944, vol. IV, p. 951, 1053.
- ⁴⁷ См. Martel L. Lend-Lease, Loans and the Coming of the Cold War, p. 114–116.
- ⁴⁸ См. FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, p. 312–313.
- ⁴⁹ Ibid., p. 315.
- ⁵⁰ Ibid., p. 319–321.
- ⁵¹ См. Mastny V. Russia's Road to the Cold War. Diplomacy, Warfare and the Politics of Communism. 1941–1945. N. Y., 1979, p. 239–253.
- ⁵² Переписка., т. II, с. 158.
- ⁵³ Там же, с. 174.
- ⁵⁴ Soviet Diplomacy and Negotiating Behavior, p. 179.
- ⁵⁵ Roosevelt E. This I Remember. N. Y., 1949, p. 340.
- ⁵⁶ Rubin B. The Great Powers in the Middle East. 1941–1947. The Road to the Cold War. L., 1980, p. 93.
- ⁵⁷ Крымская конференция., с. 266.
- ⁵⁸ Там же, с. 270.
- ⁵⁹ Levering R. American Opinion and the Russian Alliance. Chapel Hill, 1976, p. 96.
- ⁶⁰ Крымская конференция., с. 268..
- ⁶¹ Там же, с. 97.
- ⁶² Там же, с. 100.
- ⁶³ Переписка., т. II, с. 199.
- ⁶⁴ Leahy W. Op. cit., p. 370.
- ⁶⁵ FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, p. 920.
- ⁶⁶ Rose L. Op. cit., p. 25–26.
- ⁶⁷ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. II. М., 1974, с. 316.
- ⁶⁸ Bohlen Ch. Op. cit., p. 200.

Глава V

- ¹ The Goebbels Diaries. The Last Days. L., 1979, p. 158.
- ² Yergin D. Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977, p. 66.
- ³ Переписка., т. II, с. 204.
- ⁴ См. Переписка., II, с. 205–206.
- ⁵ См. Congressional Record, vol. 91, pt. 2, p. 1621–1622.
- ⁶ См. The Forrestal Diaries. Ed. by W. Millis. N. Y., 1951, p. 33.
- ⁷ См. Foreign Affairs, 1979, No 5, p. 1177.
- ⁸ Цит по: America since 1945. Ed. by R. Marcus and D. Burner. N. Y., 1972, p. 5.
- ⁹ См. Paterson T. On Every Front: The Making of the Cold War. L., 1979, p. 97.
- ¹⁰ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. II, с. 286.
- ¹¹ Переписка., т. 2, с. 222.
- ¹² История второй мировой войны. 1939–1945, т. 10. М., 1979, с. 253–255.
- ¹³ Eisenhower D. Op. cit., p. 400.
- ¹⁴ См. Elliot M. Pawns of Yalta: Soviet Refugees and America's Role in their Repatriation. Champaigne, Univ. of Illinois Press, 1982.
- ¹⁵ Переписка., т. II, с. 209.
- ¹⁶ См. Harriman A., Abel E. Op. cit., p. 422.
- ¹⁷ Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence, p. 668.
- ¹⁸ Ibid., p. 669.
- ¹⁹ Ambrose S. Op. cit., p. 67–68.

- ¹⁹ См. Переписка., с. 223.
- ²⁰ Там же, с. 228–229.
- ²¹ Harriman A., Abel E. Op. cit., p. 439–440.
- ²² Forrestall Diaries, p. 318.
- ²³ FRUS. 1945, vol. V. Wash., 1967, p. 826.
- ²⁴ См. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.). Сборник документов (далее: Конференция Объединенных Наций...). М., 1980, с. 93.
- ²⁵ Цит. по : Truman M. Harry S. Truman. N. Y., 1973, p. 252.
- ²⁶ Ibid., p. 82.
- ²⁷ Mooney T., Bowe C. Truman to Carter. A Post War History of the United States of America. L., 1979, p. 4.
- ²⁸ Hedley G. Harry S. Truman. The «Little» Man From Missouri. N. Y., 1979, p. 9.
- ²⁹ Simon J. Independent Journey. The Life of William O. Douglas. N. Y., 1980, p. 262.
- ³⁰ См. Ward P. The Threat of Peace; James F. Byrnes and the Council of Foreign Ministers, 1945–1946. Kent State Univ., 1979, p. 150; Messer R. The End of An Alliance. James F. Byrnes, Roosevelt and the Origins of the Cold War. Chapel Hill, 1982.
- ³¹ См. Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. N. Y., 1960, p. 549–550.
- ³² FRUS, 1945, vol. V, p. 252–255.
- ³³ Gaddis J. The United States and the Origins of the Cold War. N. Y., 1972, p. 230.
- ³⁴ Переписка., т. II, с. 234–236.
- ³⁵ Конференция Объединенных Наций..., с. 138, 224, 249.
- ³⁶ Irving D. The War Between the Generals. L., 1981, p. 408.
- ³⁷ The Forrestall Diaries, p. 53–54.
- ³⁸ Steel R. Walter Lippman and American Century. Boston, 1980, p. 359.
- ³⁹ Harriman A., Abel E. Op. cit., p. 459.
- ⁴⁰ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 30, п. 47, д. 16, л. 333.
- ⁴¹ Martel L. Lend-Lease, Loans and the Coming of the Cold War, p. 134.
- ⁴² См. Herring G. Op. cit., 181, 206.
- ⁴³ Архив внешней политики СССР, ф. 129, оп. 30, п. 47, д. 14, л. 95.
- ⁴⁴ Переписка., т. II, с. 250.
- ⁴⁵ The Forrestall Diaries, p. 58.
- ⁴⁶ О визите Гопкинса в Москву см. FRUS. Conference of Berlin, vol. I. Wash., 1960, p. 21–62; FRUS. 1945, vol. V, p. 299–338.
- ⁴⁷ См. Kennan F. Memoirs. 1925–1950, p. 212–213.
- ⁴⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2, с. 409.
- ⁴⁹ Harriman A., Abel E. Op. cit., p. 474–475.
- ⁵⁰ Adams H. Op. cit., p. 393–394.
- ⁵¹ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сборник документов (далее: Берлинская конференция...). М., 1980, с. 39.
- ⁵² De Santis H. The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, The Soviet Union and the Cold War. 1933–1947. Chicago, 1980, p. 148.
- ⁵³ См. The Truman Presidency. The Origins of the Imperial Presidency and the National Security State. Ed by A. Theoris. N. Y., 1979, p. 123.
- ⁵⁴ De Santis H. Op. cit., p. 155.
- ⁵⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2, с. 412.
- ⁵⁶ Василенский А. М. Дело всей жизни. М., 1978, с. 521–522.
- ⁵⁷ The Memoirs of Harry S. Truman, vol. 1. Year of Decisions. N. Y., 1955, p. 411.
- ⁵⁸ См. Берлинская конференция..., с. 42.
- ⁵⁹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2, с. 416.
- ⁶⁰ Там же, с. 418–419.
- ⁶¹ Берлинская конференция..., с. 251.
- ⁶² Bohlen Ch. Op. cit., p. 235–236.
- ⁶³ The Memoirs of Harry S. Truman, vol. I, p. 412.
- ⁶⁴ Переписка., с. 291.
- ⁶⁵ См. Osgood R. The Revitalization of Containment. – Foreign Affairs, 1982, No 3, p. 466.
- ⁶⁶ Kennan G. Memoirs. 1950–1963. Boston, 1972, p. 325.
- ⁶⁷ Kennan G. Memoirs. 1925–1950, p. 275–276.
- ⁶⁸ Внешняя политика Советского Союза. 1945 год. М., 1949, с. 138.
- ⁶⁹ Откуда исходит уроза миру. М., 1982, с. 5.
- ⁷⁰ Правда, 1981, 9 февраля, 2 ноября; Новое время, 1979, № 34, с. 25–26.
- ⁷¹ США: экономика, политика, идеология, 1983, № 1, с. 119.
- ⁷² Foreign Affairs, 1980, N 1, p. 91.
- ⁷³ См. Perret G. A Dream of Greatness. The American People. 1945–1963. N. Y., 1979, p. 22–23.
- ⁷⁴ The Memoirs of Harry S. Truman, vol. I, p. 229.
- ⁷⁵ См.: Hahn W. Post-War Soviet Politics. The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation. 1946–1953. N. Y., 1982; Taubman W. Stalin's American Policy. From Entente to Detente to Cold War. N. Y., 1982.
- ⁷⁶ Цит. по: Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman. Ed. by Robert H. Ferrel. N. Y., 1980, p. 64.
- ⁷⁷ Kennan G. Memoirs. 1925–1950, p. 257.
- ⁷⁸ Bohlen Ch. Op. cit., p. 87.
- ⁷⁹ Переписка., т. II, с. 303.

Заключение

- ¹ Правда, 1981, 15 нояб.
- ² Правда, 1982, 21 нояб.
- ³ Правда, 1982, 22 дек.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
ГЛАВА I. БУМЕРАНГ ВОЙНЫ	9
Как были упущены возможности	10
Что скрывалось за политикой «изоляционизма»	20
На краю пропасти	32
ГЛАВА II. ПРОТИВ ОБЩЕГО ВРАГА	45
«Русские уверены в себе»	46
Правда о поставках	56
В одной коалиции	66
Провал «блицкрига»	77
Миссия г-на Брауна	88
ГЛАВА III. ФРОНТ ПЕРВЫЙ И ФРОНТ ВТОРОЙ	100
Стратегия «легкой войны»	101
Уроки Версалья	111
Будни дипломатии	122
Будет ли второй фронт?	132
Радуга над Тегераном	144
ГЛАВА IV. ДОРОГА К СОГЛАСИЮ	159
От Нормандии до Тихого океана	160
Задача находить общий язык	167
Борьба за возрождение Польши	175
«Германия будет иметь будущее»	183
Успешный старт в Думбартон-Оксе	189
Просчет Гарримана	195
«Цена» согласия в Ялте	201
ГЛАВА V. НА РУБЕЖЕ ВОЙНЫ И МИРА	213
Весна победы	214
Смена власти в Вашингтоне	225
В поисках выхода из дипломатического тупика	237
Финал в Потсдаме	245
Еще раз об упущеных возможностях	256
Заключение	267
Примечания	274

АЛЕКСАНДР
ЮРЬЕВИЧ
БОРИСОВ

СССР И США:
СОЮЗНИКИ
В ГОДЫ ВОЙНЫ.
1941–1945

Редактор
Е. Ю. ПРОКУДИНА

Младший редактор
И. А. АГАЛЬЕВА

Оформление художника
А. А. ПЧЕЛКИНА

Художественный редактор
В. В. СУРКОВ

Технический редактор
И. Г. МАКАРОВА

Корректор
Л. А. СУРКОВА

ИБ № 772

Сдано в набор 21.02.83. Подписано в печать 02.06.83. А02498. Формат 84 × 108 1/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 17,01. Уч.-изд. л. 17,55. Тираж 20 000 экз. Заказ № 177. Цена 1 р. 30 к. Изд. № 48 — И/82.

Издательство «Междуродные отношения»
107053, Москва, Б-53, Садовая Спасская, 20.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Борисов А. Ю.

**Б 82 СССР и США: союзники в годы войны. 1941—1945.—
М.: Междунар. отношения, 1983.— 288 с.**

Б-17Ви

На основе малозученных и впервые вводимых в научный оборот источников, обширной мемуарной литературы автор раскрывает вопросы сотрудничества СССР и США в годы Великой Отечественной войны, показывает объективную заинтересованность в таком сотрудничестве советского и американского народов и всего прогрессивного человечества.

Для научных и практических работников в области международных отношений, читателей, интересующихся историей международных отношений и внешней политики СССР.

Б — 0505030202-43
003(01)-83

ББК 63.3(0)62